

Джордж Райт

Джессика

Данная история – продукт вымысла. Всякое сходство с реальными лицами, живыми или мертвыми – особенно мертвыми! – является случайным.

А может, и нет.

Малколм набрел на эту скамейку на третьей неделе после начала занятий в университете.

Точнее говоря, до этого он уже несколько раз проходил мимо во время своих вечерних прогулок вокруг озера, но никогда прежде не останавливался именно здесь – хотя, казалось бы, это уединенное место идеально соответствовало его настроению. Скамейка, полускрытая в тени дерева, стояла почти у самой воды на восточном берегу озера, в то время как большая часть города, университет и "цивилизованная" часть парка лежали на западном, и большинство гуляющих обыкновенно паслись именно там. Специально для любителей активного образа жизни озеро опоясывала асфальтированная дорожка (внешняя сторона для велосипедистов, внутренняя для бегунов, как возвещали нарисованные на асфальте знаки), длина которой (как было услужливо обозначено там же) составляла ровно три с половиной мили; соответственно,

чтобы добраться до скамейки от входа в парк, требовалось преодолеть примерно половину этого расстояния. Слишком далеко для мамаш с детьми, собачников и прочей лениво фланирующей публики – но и слишком близко для угрюмо топчущих по асфальту бегунов, чтобы им понадобилось делать здесь привал; эти обыкновенно нарезали целое число кругов, как и велосипедисты, которые, должно быть, вообще едва замечали скамейку под деревьями, проносясь в полусотне футов позади нее по своей внешней дорожке. Непосредственно к скамейке выводила другая дорожка – узкая грунтовая тропинка, тянувшаяся вдоль самой воды и мало подходящая для бегунов и велосипедистов из-за многочисленных выступающих из земли корней.

Но велосипед Малколма остался дома, почти в полутора сотнях миль от его нынешнего места обитания, а бегать он ненавидел. Он любил ходить.

Еще он любил одиночество. Нет, он не страдал никакими фобиями и к мизантропам себя тоже не относил. Скорее его кредо можно было выразить словами: "Пусть людям будет хорошо, но пусть им будет хорошо подальше от меня. Пусть они ко мне не лезут, пока я сам их не позову." Малколм не прочь был пообсуждать серьезные темы с умным собеседником – но терпеть не мог пустых и бессмысленных разговоров, из которых по большей части и состоит обычное каждодневное общение. Вплоть до традиционного "Привет, как дела?", на которое полагается столь же традиционно отвечать "Отлично". Малколм неоднократно из принципа отвечал "Отвратительно!", и почти во всех случаях – особенно если собеседником был посторонний типа кассира в магазине – все равно слышал в ответ "Это хорошо". Не потому, разумеется, что над ним хотели поиздеваться – просто собеседник на автомате отработывал ритуал, не вдумываясь ни в то, что говорит, ни в то, что слышит в ответ. Вот зачем это нужно?! Если ты кассир, твое дело – посчитать деньги и выдать сдачу, а не интересоваться, как мои дела, которые тебя, во-первых, не касаются, и на которые тебе, во-вторых, глубочайшим образом плевать.

Но кассиры были, разумеется, мелочью. Сильнее всего Малколма раздражали сверстники. Шумные, навязчивые, с их примитивными разговорами, тупым жаргоном (вот зачем коверкать свой собственный язык?! Малколму эти уродливые словечки резали уши почти физически), плоскими шутками. В младших классах его пытались травить, но в конце концов отстали – не очень-то интересно дразнить того, кто не бесится в ответ и даже не пытается убежать, а лишь глухо замыкается, как черепаха в панцире. В старшей школе его уже не пытались вывести из себя целенаправленно, зато любимой темой у одноклассников стала всевозможная похабщина. Малколма от нее мутило.

Но занятия в школе заканчивались, и Малколм мог вернуться домой и запереть за собой дверь. Остаться наедине с книгами, компьютером и сборными моделями самолетов, которые он старательно клеил и раскрашивал аэрографом. Это было чудесно.

А потом был выпускной, с которого Малколм постарался свалить сразу же после официальной части. И документы, отосланные в университет. И извещение о зачислении. И торжественное построение на площади перед зданием, похожим на средневековую ратушу, под гремящий из динамиков "Gaudeamus igitur". Малколм чувствовал гордость от того, что он теперь студент университета, и как-то даже не до конца верил, что старинный гимн играют и в честь него.

А потом пришло осознание, что теперь весь первый курс ему придется жить в общежитии. Со сверстником. С посторонним. С *чужим*.

То есть Малколм, конечно, и раньше знал, что таковы университетские правила, но как-то гнал от себя эту мысль. Подсознательно студенческое сообщество представлялось ему чем-то вроде ордена молодых ученых, где называют друг друга "коллега" и ведут интеллектуальные диспуты, а детали женской анатомии если и обсуждают, то только на соответствующей кафедре медицинского факультета. Но в первый же день он понял, что окружающие его первокурсники

ничем принципиально не отличаются от бывших одноклассников. Ну, может, у них повыше средний балл, но и только. Средний балл – это еще не сфера интересов и не система ценностей.

Встречи со своим соседом по комнате Малколм, никогда прежде не живший вне дома, ожидал с тоскливым ужасом. Хотя на самом деле Рик, как он представился, оказался не таким уж плохим парнем. Он не разбрасывал повсюду свои грязные вещи, не трогал без спроса имущество Малколма, не слушал без наушников рэп, не выходил из душа голый и не вваливался посреди ночи с пьяной подружкой, дабы предаться сексуальным упражнениям, не обращая внимания на соседа. Но по складу характера он был едва ли не полной противоположностью Малколму. Из тех ушлых и расторопных парней, которые мигом обустраиваются на любом новом месте, обзаводятся кучей знакомств и связей, а после того, как устроятся сами, кидаются с той же буйной энергией устраивать тех, кто, по их мнению, нуждается в их покровительстве. Не особо интересуясь мнением самих своих протеже, а вежливые отказы интерпретируя как стеснительность и комплексы, которые, разумеется, надо преодолеть "для их же блага". Так что неудивительно, что Рик чуть ли не со второго дня задался целью сделать из провинциального тихони Малколма "настоящего студента" и научить его "радоваться жизни, пока мы молоды", к чему, кстати, тот самый старинный студенческий гимн как раз и призывает.

Но тут, однако, коса нашла на камень. Не повышая голоса и ничем не выказывая своего раздражения (он ненавидел конфликты!), Малколм с неизменной твердостью отклонял все "заманчивые" предложения Рика. Нет, он не хочет вступить в "Фи Дельта Омега", спасибо. Да, он совершенно в этом уверен. (Если верить фильмам, все эти студенческие братства из трех греческих букв состоят главным образом из садистов, чье основное занятие – всячески издеваться над первокурсниками, почему-то готовыми терпеть любые унижения ради перспективы членства. До прибытия в университет Малколм полагал, что фильмы сгущают краски, но теперь он уже не был в этом уверен и уж тем более не хотел проверять. Да и вообще, ему претила сама идея членства в каких-либо братствах, союзах и прочих коллективах.) Нет, он не хочет пойти на вечеринку. Нет, ему не будет там весело. Он не любит громкую музыку и вообще шум, и не пьет алкоголь, даже пиво. Да, он понимает, что никто не заставляет его напиваться, но он не выносит даже запаха, равно как и общества нетрезвых людей. Он лучше посидит со своим ноутбуком, а ты, конечно, иди, развлекайся, Рик ("и не возвращайся как можно дольше", добавлял Малколм мысленно). Нет, он не хочет познакомиться с "классными девчонками" (Малколм прекрасно представлял себе этих вульгарных накрашенных девок, готовых лезть в постель через полчаса после знакомства). Здесь в голосе Малколма прорвалось столь явное отвращение, что Рик, помолчав минуту, с несвойственной ему деликатностью (и определенно без всякой насмешки) осведомился, не гей ли его сосед. "Нет", – спокойно ответил Малколм. "Тогда что? Просто девственник? Ну так это..." "И горжусь этим", – холодно отрезал Малколм, прежде чем Рик успел произнести "...поправимо". "Ммм... ну, дело твое, конечно..." – только и смог пробормотать Рик.

На самом деле нельзя сказать, что девушки Малколма вовсе не интересовали. Но только не так! Он терпеть не мог "откровенные мужские разговоры", но еще больше его раздражало лицемерие, когда самыми возвышенными словами именовали самое низменное действие. Выражение "заниматься любовью", как и его производные типа "этой ночью он любил ее три раза", вызывали у него такое же отвращение, как куча дерьма на тарелке из дорогого сервиза посреди праздничного стола (зрелище определенно еще более мерзкое, чем та же куча дерьма просто на земле). Даже поцелуй был для него отвратительней сцены из фильма ужасов. Чужой слюнявый рот, язык, как сырое щупальце монстра, мерзкие влажные звуки... Почему отношения не могут быть чистыми?! Свободными от всей этой гадости?

Когда-то ему казалось, что он нашел свой идеал. Соседская девчонка, с которой они были знакомы с двенадцати лет. Ей тоже нравились компьютеры и фантастика про космос, а не глупые девчоночьи сериалы. Она не была ослепительной красавицей – ничего похожего ни на главную

секс-бомбу класса Беверли Харт, ни на ее вечную соперницу Линду Портер – но как раз эти две не вызывали у Малколма ничего, кроме раздражения, в то время как милое лицо Кэтрин со вздернутым, чуть присыпанным веснушками носиком и большими серыми глазами, обрамленное волнистыми рыжеватыми волосами, чем дальше, тем больше казалось ему чудесным зрелищем. Но только лицо. Малколм не обращал внимания ни на ее выросшие груди, ни на появившиеся в речи незнакомые прежде интонации, ни на то, что его подруга, кажется, поддерживает их обычные разговоры без прежнего энтузиазма и словно бы ждет от него чего-то еще. Мысль о сексе с ней была для него такой же невозможной дикостью, как идея помочиться в лицо лучшему другу или проделать то же самое с прекрасной картиной.

И вот за три недели до выпускного, на самой середине увлеченного рассказа Малколма о новой модели Zeppelin-Staaken, германского тяжелого бомбардировщика Первой мировой войны, которую он как раз начал собирать, Кэтрин решила взять инициативу в свои руки. В самом буквальном смысле. Не говоря ни слова, она ухватила его за промежность.

Малколм оттолкнул ее с такой силой, что она едва удержалась на ногах. Чувствуя, как его лицо становится пунцовым (чего с ним не случалось никогда прежде – чужие похабные разговоры вызывали у него отвращение, но не стыд, ведь это была чужая грязь, никак не касавшаяся его лично), он выдавил что-то вроде "ты... ты...", повернулся и пошел прочь со всей возможной скоростью. В тот же день он удалил с компьютера (не забыв сразу очистить корзину) все ее фотографии и спустил в унитаз те, что были распечатаны на бумаге. Он хотел бы больше никогда ее не видеть, но это было невозможно, коль скоро они не только жили по соседству, но и учились в одной школе; но, во всяком случае, Малколм старался по возможности не смотреть в ее сторону. На выпускном она была с капитаном футбольной команды (который, по всей видимости, решил таким образом отомстить за что-то Беверли Харт), но вот на это Малколму было уже глубочайшим образом плевать. Уезжая в университет, он радовался не только тому, что стал студентом и начинает взрослую жизнь, но и тому, что больше не придется даже случайно видеть эту грязную тварь.

Зато теперь ему приходилось постоянно видеть Рика, и это вызывало у него почти такой же дискомфорт. Нет, если сравнивать экстремумы функции "отвращение", то Рик был не настолько ему неприятен – особенно когда начал, наконец, понимать бесплодность своих попыток втянуть соседа в "настоящую студенческую жизнь" и заметно поуменил свою навязчивость. Зато если брать интеграл той же функции по времени... От Рика ведь некуда было деваться. Нельзя было прийти домой и запереть дверь, оставив Рика снаружи вместе со всеми прочими чужими, как делал Малколм все свои школьные годы. Рик имел полное право находиться *внутри*, и вот это было хуже всего. Даже если он просто лежал на своей кровати, слушая что-то через наушники и ничем не мешая соседу. Малколм благословлял все тусовки и вечеринки, на которые уходил Рик, но ведь рано или поздно он все равно возвращался. Тем более что тусовки случались все же не каждый день, и даже и Рикуну надо было когда-то готовиться к занятиям.

Единственным хоть каким-то выходом для Малколма было уходить самому. К счастью, темнело пока еще поздно, и погода стояла хорошая, так что Малколм с первых же дней повадился ходить к озеру (у него было какое-то длинное индейское название, но все называли его просто "озеро"). От общаги до главного входа в парк, тянувшийся вдоль берега, нужно было пройти по городским улицам около полутора миль (а потом, разумеется, столько же обратно), так что большинство студентов, желающих отдохнуть на свежем воздухе, предпочитали огромные лужайки на территории самого университета (а любители "активного отдыха" – его же спортивный комплекс). Это Малколма тоже полностью устраивало. Нет, он ни с кем из них не ссорился, в том числе и с Риком. Он просто хотел оказаться от них всех подальше (да и от обычных гуляющих горожан тоже, для чего достаточно было уйти подальше вдоль берега озера). Иногда он уходил налегке, иногда брал с собой книги и тетради, чтобы позаниматься где-нибудь

на скамейке.

Но в этот пятничный вечер, венчавший его третью учебную неделю, он просто гулял. Необходимости заниматься накануне свободного от учебы дня не было. Желания возвращаться в общагу и общаться там с Риком – тем более. Так что Малколм просто неспешно шагал вокруг озера, стараясь при этом держаться подальше от асфальтовой аллеи и обслеждая вместо нее грунтовые тропинки, то выходявшие к самой воде, то, напротив, уходившие в лесные заросли. У него, как обычно, был с собой mp3-плеер с наушниками (нередко он даже не включал музыку, но наушники все равно вставлял в качестве простейшей защиты от желающих заговорить – всегда можно сделать вид, что не слышишь), однако теперь он упрятал все это в карман и шел, слушая пересвистыванье птиц и шорох белок в листве. Если не сильно оглядываться по сторонам (где сквозь деревья виден был просвет аллеи), легко можно было представить, что находишься за сотни миль от людей. Обойдя озеро с восточной стороны, Малколм развернулся, не желая снова выходить в самую людную часть парка (в пятничный вечер – людную даже более обычного), и столь же неспешно побрел назад. А затем – еще раз.

И вот, проходя через самую удаленную от входа часть парка по третьему разу, он, наконец, обратил внимание на скамейку. С одной стороны, у него возникло желание присесть отдохнуть, с другой – солнце уже протянуло через озеро ослепительную дорожку расплавленного золота, и Малколм подумал, что это место идеально подходит, чтобы полюбоваться закатом до самого конца. Потом, конечно, придется возвращаться уже в темноте, но это Малколма не беспокоило. Парк был вполне безопасным местом – как и город в целом, если судить по криминальной статистике в интернете. А уж оказаться в общаге он точно хотел чем позже, тем лучше.

По своей конструкции скамейка была, разумеется, такой же, как и пара дюжин других, расставленных вдоль озера и дорожек парка. Но кое-что ее все же отличало. Во-первых – низко нависший над ней купол ветвей, словно бы ограждавший ее от всего остального мира. Во-вторых – отсюда, пожалуй, и в самом деле открывался лучший вид на закат над озером, во всяком случае, в сентябре, когда солнце садится точно на западе. А в-третьих... когда Малколм подошел к скамейке ближе, на ее спинке в закатных лучах ярко блеснул большой металлический прямоугольник.

Малколм, конечно, сразу понял, что это. Он видел мемориальные скамейки много раз, даже в этом парке их было несколько. Но обычно табличка, установленная родней в память о покойном, была меньше. Эта же занимала почти всю высоту спинки. Подойдя вплотную, Малколм понял, в чем дело. Половину таблички занимала фотография.

Это было фото юной девушки. Очаровательное лицо с острым подбородком, большими смеющимися глазами и чудесной улыбкой. Каштановые волосы двумя волнами ниспадали на плечи, завиваясь на концах над надписью на футболке (Малколм опознал верхнюю часть университетского логотипа). Насколько можно было судить по черно-белому фото – никакой косметики; тонкие губы без всякой сексуальной пухлости, никаких накрашенных век и распутной поволоки во взгляде – словом, ничего того, что Малколм ненавидел в сверстниках. В маленьких ушах даже не было сережек. Девушка на фото казалась воплощением естественности, невинности и чистоты. Слово прекрасный цветок, доверчиво открывшийся навстречу солнечному утру...

"Светлой памяти Джессики Сильвер
10/1/1986 – 9/16/2006¹

Каким бы прекрасным ни был этот закат, ему не сравниться с таким чудесным, заботливым, любящим и отзывчивым человеком, какой была наша Джесс.

Навеки в наших сердцах

¹ Американский формат дат: месяц/день/год

Мама Папа Мел Тед"

Ниже столбиками мелким шрифтом шли еще три дюжины имен. Наверное, студенты с ее курса.

Малколм осторожно провел пальцами по улыбающемуся лицу. "Ну почему?" – подумал он с тоской, едва не заставившей его простонать это вслух. Почему именно она?! Не какая-нибудь Беверли Харт или Линда Портер, не... та тварь, не еще какая-нибудь тупая шлюха – а вот эта милая, чистая, чудесная девушка? Если бы...

"Она была старше меня на два года, – подумал Малколм, – но это как раз ерунда... Но если бы она не умерла, ей было бы уже тридцать! Слишком поздно для меня..."

Тут же он, впрочем, сердито обругал себя. Он хотел бы, чтобы Джессика была жива, вовсе не ради его эгоистичных интересов. Пусть бы ей было тридцать, пусть бы они никогда не встретились, но эта прекрасная улыбка не превратилась бы в могильную гниль! Хотя, конечно, было бы так чудесно встретить ее именно такой, как на этом фото... Но – мечтать об этом так же бессмысленно, как и о ее спасении десять лет назад. Одна невозможность ничуть не реалистичнее другой...

– Джессика, – сказал он, снова нежно проводя пальцами по холодной металлической щеке. – Мне так жаль.

Даже не дожила до двадцати... Что это было? Ему хотелось верить, что несчастный случай, а не болезнь. Что все произошло мгновенно, и она не мучилась. Что даже ничего не успела понять...

Тут вдруг Малколма обожгла новая мысль: 16 сентября – да ведь это же сегодня! То есть, ровно десять лет назад... Ну и где, спрашивается, эти мама, папа, Мел и Тед с их "навечно в наших сердцах"? Почему они не пришли к ней в такой день?

Но он тут же снова устыдил себя. Конечно же, они пришли – на кладбище. Именно там поминают усопших, а не на скамейке в парке. Скамейки, все-таки, в первую очередь предназначены для того, чтобы на них сидели гуляющие. И класть сюда, скажем, цветы было бы глупо.

И все-таки у него было совершенно иррациональное чувство – дважды иррациональное, если вспомнить, что речь о человеке, которого больше нет – что Джессику бросили здесь одну. Сюда, наверное, вообще редко кто приходит, несмотря на идеальный вид на озеро. Много ли в наше время найдется людей, готовых прошагать почти две мили (и потом столько же обратно), чтобы просто полюбоваться закатом? И фотографией умершей девушки...

– Я посижу с тобой, Джессика, если ты не возражаешь, – сказал Малколм. – Здесь очень красиво. Этот закат в твою честь.

Солнце медленно опускалось по безупречно-синему небу навстречу озеру, становясь из ослепительно-золотого огненно-оранжевым, затем сочно-красным, похожим уже больше не на звезду, а на диск какой-то экзотической планеты. Вот нижний край этого диска коснулся черной полоски деревьев на противоположном берегу; где-то там лежал город и университет, но отсюда никаких построек не было видно за деревьями. Зеркальная гладь озера оставалась абсолютно спокойной – даже самый легкий ветерок не морщил рябью водную поверхность. Солнечная дорожка угасла, рассыпавшись отдельными искрами, затем и последний краешек огненного диска догорел на зубчатой кромке деревьев, но озеро все еще отражало всю торжественную феерию небесных красок, плавно менявшихся как в пространстве, так и во времени от оранжево-розового к сине-фиолетовому; вода, словно фильтр "Фотошопа", делала цвета темнее, но в то же время контрастнее и насыщеннее. Наконец небо на западе стало выцветать; потянуло прохладой.

"Каким бы прекрасным ни был этот закат..."

Малколм вдруг почувствовал, что по его лицу текут слезы. Это не особенно его удивило, хотя он и не помнил, когда плакал в последний раз (из-за Кэтрин уж точно нет, тогда им владело

лишь отвращение и сухая злость). Чего бы он ни отдал в эту минуту, чтобы Джессика сидела рядом и смотрела на закат вместе с ним! Но чудес не бывает. Смерть – это навсегда, что бы там ни вращали своей пастве священники... Сам Малколм всегда был атеистом, как и его отец (его мать, формально не принадлежа ни к какой церкви, допускала существование "Высшего Разума", на что отец ехидно отвечал: "Ты только посмотри на этот мир – если им что и управляет, то не Высший Разум, а Высшая Глупость!") Тем не менее, Малколм вновь перевел взгляд на фотографию справа от себя. В сумерках уже трудно было различить черты – видно было лишь бледный овал лица и обрамлявшие его волосы.

– Пока, Джессика, – сказал он и постарался улыбнуться. – Я приду завтра, обещаю.

Он поднялся и пошел назад к асфальтовой аллее, вдоль которой уже горели фонари – впрочем, неяркие и нечастые, способные скорее служить маяками во тьме, чем вовсе разогнать таковую. Малколм шагал по совершенно пустому парку, и жгучая грусть, от которой наворачивались слезы, постепенно превращалась в светлую печаль. "Наверное, глупо переживать из-за умершей девушки, которую я никогда не знал, – все же сказал он себе. – Рик бы, небось, обхохотался, – и тут же Малколм почувствовал, как его зубы сжались от злости, словно он уже услышал эту предполагаемую насмешку. – Но уж наверное не глупее, чем переживать из-за вымышленных персонажей фильмов и книг, как миллионы людей на свете. Джессика, по крайней мере, настоящая..."

Куда более настоящая, чем все эти "классные девчонки", подумал он несколько мгновений спустя. Тупые крашенные куклы, которым нужно только одно... Тут же, впрочем, его кольнула нехорошая мысль – а действительно ли Джессика была такой, как ему представлялось? Все-таки эпитафии – не самый объективный источник информации... Но он тут же отменил это подозрение, вспомнив ее фото. Слова, написанные скорбящими родственниками, могут лгать. Это лицо – нет.

"Мама, папа, Мел, Тед", – вспомнилось ему. Ну Мел – очевидно, сестра, Мелони, скорее всего, а вот кто такой Тед? Брат, тут же уверенно ответил себе Малколм. Если бы это был бойфренд (слово-то какое мерзкое! и лживое! вовсе не друга оно обозначает!), он бы не удостоился такой чести – места в одной строке с ближайшими родственниками. Хотя, если он был официальным женихом... не так уж мало девушек в 20 лет уже выходит замуж...

Нет, решительно оборвал себя Малколм. Не было у Джессики никого... подобного. Она была не такая. Она была чистая. Была и осталась.

Как Малколм ни хотел оказаться в своей комнате как можно позже, на подходе к кампусу он невольно ускорил шаг – на улице было уже холодно и неуютно. Первый признак надвигающейся осени...

Рик валялся на кровати прямо в кроссовках (еще одна манера, чрезвычайно раздражавшая Малколма), и тыкался в экран своего "айфона".

– А, привет, Малк. Есть хочешь?

– Малколм, – тихо, но твердо ответил Малколм. – Я уже говорил, я не люблю, когда сокращают мое имя.

– Ладно-ладно, ваше лордство сэра Малколм. Так как насчет пожрать? Я как чувствовал, что ты сейчас придешь, и заказал большую пиццу нам на двоих.

Малколм почувствовал, что и в самом деле проголодался после долгой пешей прогулки – хотя до этого его мысли совершенно не касались еды.

– С чем? – осторожно уточнил он.

– Четыре сыра. Я помню, что ты не ешь мясо.

"Надо же, хоть что-то он помнит", – подумал Малколм, а вслух спросил: – Ну и сколько стоит?

– Ну, пополам, с тебя восемь баксов.

– В "Dollar Tree"² можно купить пиццу за доллар, – холодно проинформировал его Малколм. – Маленькую, конечно. Но если две, будет как две трети твоей большой.

– Да что там за пицца, так, тонкий сухой лепесток, – пренебрежительно махнул рукой Рик. – К тому же там замороженная, а здесь уже готовая. Тебе чего, восьми баксов жалко?

– У меня нет лишних денег. И я не просил что-то покупать за меня.

– Ой, ну ладно. Забудь про эти восемь баксов, считай, я угощаю. Мне одному все равно столько не съесть.

– Положи в холодильник, завтра разогреешь.

– Уффф, – выдохнул Рик. – Малк...олм, на твоей планете все такие?

– Да, – ответил Малколм без улыбки.

Пицца действительно оказалась вкусной.

На следующее утро Малколм отправился на озеро сразу после завтрака. У Рика были какие-то свои планы на уикэнд, в которые он, к счастью, уже даже не пытался вовлечь соседа.

До скамейки Малколм добрался ближе к полудню. Солнце, пробиваясь сквозь купол ветвей, разбросало по сиденью пеструю россыпь светлых пятен, слегка шевелившихся от ветра, но лицо девушки еще оставалось в тени.

– Привет, Джессика, – сказал Малколм, опускаясь на сиденье и поворачивая голову к ней.

– Я тут, как и обещал. Рад снова тебя видеть.

Пару минут он просидел вполоборота, глядя на фотографию, затем, словно опасаясь смутить Джессику столь пристальным рассматриванием, перевел взгляд на искрящуюся на солнце поверхность озера и вдруг спохватился:

– Ой, я ведь даже вчера не представился. Я Малколм. Малколм Мартинсон. Учусь тут в университете. Собираюсь стать аэрокосмическим инженером. Проектировать новые космические корабли... Ты ведь тоже здесь училась, да? Интересно, на каком факультете... Тоже что-нибудь техническое? Хотя, наверное, скорее какая-нибудь... психология? Или искусства? То есть я совсем не хотел сказать, что техника – это не для девчонок. Просто, ну, интуитивно показалось, извини, если ошибся... Я ведь ничего о тебе не знаю. Мне бы хотелось узнать побольше. Знаешь, мне техника всегда нравилась, с самого детства. А вот люди... как-то не очень. Машины не умеют врать, лицемерить и предавать, ты ведь меня понимаешь? То есть они, конечно, ломаются. И тогда приборы могут показывать неверные данные. Но они никогда не обманывают специально. То, что для машины – поломка, если угодно – болезнь, для человека – штатный режим... Но ты, конечно, не была такой. Я знаю, что не была. Хотя наверняка тоже с этим сталкивалась. Невозможно с этим не столкнуться, где бы ты ни жил... Ты местная? Наверное, да, раз твои родные установили скамейку здесь. А я вырос в совсем маленьком городке. Меньше тысячи жителей. Но я не какой-нибудь там деревенский увалень. Отец – инженер на местной электростанции...

Он сидел и рассказывал о себе, своем доме, своем городе, своем детстве совершенно так же, как рассказывал бы новому другу. Словно Джессика сидела рядом, слушала и даже задавала вопросы, на которые Малколм отвечал. При этом он, конечно, отдавал себе отчет, что беседует с фотографией, точнее, с образом, рожденным таковой в его собственном мозгу. Но, в конце концов, миллионы людей приходят на кладбища и говорят там со своими умершими, вовсе не считая это смешным или безумным. Хотя они, возможно, искренне верят в то, что их близкие слышат их на небесах... Впрочем, Малколму, как обычно, не было дела до других. В детстве у него никогда не было воображаемых друзей (хотя негусто было и с реальными), зато были воображаемые миры, в которые он уходил надолго, представляя себя то исследователем другой планеты, то искателем затерянных городов в джунглях. Где-то на чердаке их дома до сих пор валялись бортжурналы и дневники этих "экспедиций", с подробными картами и описаниями

2 Сеть дешевых магазинов, все товары в которых в описываемый период стоили доллар (или еще меньше)

необыкновенных существ...

Об этом он, кстати, тоже рассказал Джессике.

Время от времени Малколм замолкал, словно давая Джессике выговориться в ответ. В этом воображаемом рассказе Мелони оказалась старшей сестрой, девушкой, в общем, доброй, но во всех отношениях заурядной. К моменту, когда Джессика поступила в университет, Мелони уже работала... ммм... в агентстве по недвижимости... или, скорее, в страховой фирме... в бухгалтерском отделе... в общем, в чем-то, по представлению Малколма, невысказанно скучном. Зато младший братец Тед, упитанный крепыш с круглыми румяными щеками, обладал отменно вредным и хулиганским характером, как и все младшие братья (у Малколма никогда не было ни братьев, ни сестер – что его полностью устраивало – но по фильмам и книгам у него сложилось именно такое представление). Некоторые его шуточки явно выходили за пределы допустимого и пару раз даже доводили Джессику до слез, за что Малколм сразу же почувствовал к сорванцу презрительную неприязнь. "Лично я бы надрал ему задницу!" – произнес юноша и добавил: "Извини, конечно, если тебе неприятны такие слова, но с подобными мелкими негодниками так и следует поступать. Иначе они вырастают в больших негодников."

Он понимал, конечно, что все эти подробности – лишь игра его собственного воображения, и что можно поискать информацию о реальной семье Джессики – и, главное, о ней самой – в интернете. Ее имя и фамилия не самые редкие, но годы жизни, наверное, позволят отсеять всех тезок. Возможно, в сети даже есть информация, как она умерла... Но Малколму не слишком хотелось делать это. Ни сейчас с телефона (мобильным интернетом Малколм вообще не пользовался принципиально, считая, что телефонный экран слишком мал и неудобен для полноценного вебсерфинга), ни "дома", то есть в общаге, с ноутбука. С одной стороны, это казалось ему чем-то вроде подглядывания – ведь Джессика не давала ему разрешения копаться в деталях ее жизни, попавших в сеть, может быть, даже и помимо ее воли. С другой стороны... он, пожалуй, и сам не отдавал себе в этом отчет, но подсознательно он опасался, что правда может разрушить уже сложившийся у него образ. Образ девушки, которая была слишком хороша для этого мира...

Отправляясь утром в парк, Малколм не планировал, сколько именно времени там провести. Может быть, часа три-четыре. И лишь увидев, как над озером вновь разгорается закат, он понял, что просидел на скамейке целый день. В горле першило. Хотелось пить. Да и есть, в общем-то, тоже – у него ведь ни крошки не было во рту с самого завтрака.

Малколму и прежде случалось, увлекшись разговором, потерять ощущение времени. С той же Кэтрин – пока половое созревание не превратило ее в то, во что превратило – они, бывало, увлеченно болтали по много часов. Но никогда прежде Малколм не беседовал вслух, и тем более так подолгу, с воображаемым собеседником.

В воскресенье Малколм явился в парк, уже заранее зная, что просидит там весь день. Рюкзачок, с которым он обычно ходил на занятия, на сей раз был набит съестными припасами – большая бутылка газировки и коробка с бутербродами. Вытащив все это после нескольких часов разговора, он вдруг почувствовал что-то вроде неловкости оттого, что ест сам и не предложит угоститься Джессике. Но – он все-таки не суеверный дикарь, оставляющий еду покойнику. И не ирландец из анекдота, который каждый вечер в баре выпивал две порции бренди – за себя и за оставшегося в Ирландии брата. Однажды он заказал лишь одну порцию, и бармен спросил: "С вашим братом что-то случилось?" "Нет, – ответил ирландец, – с ним все в порядке, это я бросил пить." Малколм тут же рассказал этот анекдот Джессике и подумал, что никто не мешает ему представить, будто она сидит рядом и тоже ест какое-нибудь пирожное или пончик. Да, разумеется, так она и делает...

К большой радости Малколма, Рика в этот вечер в комнате не было. Он вернулся лишь глубоко за полночь, когда Малколм уже спал.

Так прошла целая неделя. Каждый день, едва дождавшись конца занятий, Малколм

спешил в парк, где проводил несколько часов в беседах со своей воображаемой подругой. Эти разговоры совершенно не надоедали ему; всякий раз у него находилось что-нибудь новое, о чем рассказать Джессике. И ощущение, что он говорит не в пустоту, что его внимательно слушают, а время от времени и отвечают, только крепло. Иногда он задавался вопросом, надо ли вообще говорить вслух? Разве нельзя с тем же успехом вести тот же диалог-монолог про себя? Но интуиция подсказывала ему, что в этом случае беседа как раз превратится в монолог, и только слова, произносимые вслух, как при обычном разговоре, делают ее диалогом. Забавно, конечно, что подумает какой-нибудь случайный прохожий, подошедший к скамейке слишком близко... хотя в наше время человек, беседующий с невидимым собеседником, едва ли кого-то удивит. Все решат, что он просто разговаривает по мобильному.

Впрочем, необходимости все время трепаться тоже не было. Малколму доводилось не то читать, не то слышать, что признак по-настоящему близких отношений между людьми – это не когда им комфортно беседовать, а когда им комфортно молчать друг с другом. У Малколма этот тезис вызывал усмешку – по нему выходило, что он состоит в близких (хотя и односторонних) отношениях едва ли не со всем человечеством. Но теперь он понял, что имелось в виду совсем другое. Не его обычное стремление отрешиться от посторонних и относиться к ним, как к совершенно неважным предметам обстановки, которые, конечно, чем больше молчат, тем лучше. А совсем иное чувство, когда ощущение другого человека, напротив, становится настолько полным и органичным, что слова не нужны – как не нужны они в общении между левым и правым полушарием собственного мозга. Когда другой человек перестает восприниматься как собственно *другой*, присутствие которого требует некоего оправдания, ответа на вопрос "зачем?" Нет, конечно, обмена информацией это не заменяет. Это всего лишь чувство. Но такого чувства он прежде не испытывал даже с Кэтрин...

О ней он, кстати, тоже рассказал Джессике. На четвертый или пятый день. Рассказал все, включая последний омерзительный эпизод, о котором прежде не собирался рассказывать никогда и никому. Он извинился перед Джессикой что "вывалил на нее эту грязь", но почувствовал облегчение. До этого всякое воспоминание о Кэтрин вызывало у него злость и наихудшие пожелания в ее адрес. Тварь, оскорбившая его лучшие чувства, предавшая его идеалы чистой и светлой дружбы, его представления о достойном и прекрасном... Теперь же ему стало почти смешно. Она не стоит ненависти. Она слишком ничтожна, чтобы вызывать хоть какие-то эмоции. Она ничего не разрушила. Чистое и светлое существует, просто не имеет никакого отношения к ней.

В общагу Малколм возвращался уже глубоко затемно (Рик смотрел на него с многозначительной ухмылкой, но, к счастью, воздерживался от скабрзных шуток) и за всю неделю лишь пару раз заставил себя заглянуть в учебники и тетради, да и то ненадолго. В школе он обычно был примерным учеником, не оттягивавшим домашние задания до последнего срока, но после вечеров, проведенных в парке, учеба не шла ему на ум, да и времени на нее почти не оставалось. Малколм говорил себе, что семестр только начался, и он еще успеет наверстать – а вот теплая погода скоро кончится, и под унылым осенним дождем в парке уже не посидишь...

Вечером субботы – второй субботы, проведенной Малколмом на скамейке Джессики – закат и в самом деле не был столь безмятежен, как в предыдущие дни. На западе натянуло облака и дымку, и солнце багровело, погружаясь в это море, пробивалось сквозь него воспаленными пятнами, а затем, исчезнув во мрачной мути окончательно, словно выплеснуло веером в небо кровь, как будто что-то раздавило его там, в облачной мгле. Вероятно, это предвещало ухудшение погоды назавтра, и Малколм подумал, что, возможно, в воскресенье ему и не удастся снова прийти "в гости к Джессике". Это соображение навело его на новую мысль: пока еще не стемнело, он снял лицо девушки – только само изображение без траурных слов рядом – на свой телефон (далеко не последнюю модель – Малколм глубоко презирал тех, кто исключительно из тупых понтов каждый год гоняется за самыми новыми версиями смартфонов

– но, во всяком случае, фотографировал его телефон вполне прилично).

В воскресенье погода и в самом деле испортилась. С самого утра зарядил дождь, и прогноз на метеосайте подтверждал, что это безобразие намерено затянуться на целый день. Рик сперва дрых до полудня, а потом, натянув джинсы и футболку, вновь завалился на кровать с наушниками, "айфоном" и большим пакетом попкорна, явно не собираясь в обозримой перспективе избавить Малколма от своего присутствия. Малколм коротал время, гоняя в какую-то бесплатную сетевую стрелялку, хотя вообще не был фанатом подобных игр – но в данном случае она позволяла дать выход раздражению. Но вот Рику кто-то позвонил – точнее, прислал текстовое сообщение – и после непродолжительного тыканья пальцами в экран сосед Малколма, наконец, свалил.

Малколм тут же выключил игру, достал свой собственный телефон и вывел на экран сделанную накануне фотографию. Здравый смысл подсказывал, что если он хочет "пообщаться" с Джессикой, то для этого совершенно не нужно идти в мокрый и холодный парк – воображаемые разговоры можно вести откуда угодно, и телефон с фотографией, пожалуй, даже лучше обеспечит иллюзию реальной беседы, чем пустая скамейка. Но... почему-то на сей раз его воображение отказывалось работать, как надо. В парке он с каждым днем, казалось, все яснее ощущал присутствие Джессики. Если смотреть не на табличку на спинке, а на озеро, было совсем легко поверить, что она сидит рядом. Телефон же в руке оставался просто мертвым куском пластика, никак не связанным с ней, несмотря даже на выведенную на экран картинку (куда менее убедительную в мелком масштабе). Разговаривать с телефоном в отсутствие звонка было глупо.

У Малколма вдруг мелькнула мысль, что сейчас ему придет сообщение от Джессики. Любимый прием авторов современных ужастиков – мертвецы, посылающие электронные сообщения живым... Пожалуй, он бы даже и не испугался – хотя, скорее всего, и не поверил бы, сочтя, что это чей-то гадкий розыгрыш (впрочем, кто бы стал разыгрывать таким образом его, никогда не знавшего Джессику при жизни, спустя десять лет после ее смерти? Разве что кто-то, все же подслушавший его разговоры на скамейке, но это выглядело совсем невероятно...) Но, разумеется, никаких сообщений и звонков так и не последовало. "Она не знает ни мой номер, ни мой e-мэйл", – подумалось Малколму, и он тут же сердито одернул себя. Нет, он прекрасно понимает, где кончается фантазия и начинается суровая реальность материального мира, в которой слова "навсегда" и "никогда" не знают исключений. Показательно, кстати, что все электронные проявления мистики так и остались атрибутом исключительно фантастики – в отличие, скажем, от спиритических сеансов прошлого, никто не пытается всерьез использовать компьютеры или смартфоны для связи с потусторонним миром. Хотя, если бы духи и призраки в самом деле существовали, им наверняка было бы куда проще двигать курсор по экрану, чем деревяшку по спиритической доске...

Но размышление об электронных устройствах навело Малколма на новую мысль. От черно-белого портрета, несмотря даже на солнечное выражение лица девушки, все-таки слишком веяло кладбищем и надгробьем. А что, если поискать в сети цветной оригинал фотографии? Он по-прежнему не собирается вынюхивать в интернете подробности ее жизни, но уж на это Джессика бы наверняка не обиделась...

Малколм перекинул фото на ноутбук и запустил поиск по изображениям. "Гугл" выдал ему набор черно-белых картинок, на большинстве из которых, кажется, была даже и не Джессика – просто похожее лицо в том же ракурсе. Но, промотав страницу вниз, Малколм увидел цветное фото – и поспешно кликнул на него мышью.

"Памяти Джессики Сильвер".

Это был ее мемориальный аккаунт. То есть, конечно, мемориальным он стал после смерти – тогда и добавили слово "памяти". До этого это была обычная страница Джессики Сильвер в соцсети. С той самой солнечной фотографией, так не вязавшейся с самой идеей смерти...

Малколм развернул фото в полный размер и скопировал к себе на диск. Пролистал обычные в таких случаях комментарии – "помним, любим, скорбим", "прости, Джессика...",

гифки с горящими свечами... Затем стал читать записи, сделанные самой девушкой.

В отличие от большинства девчонок, постящих всякую ерунду по несколько раз в день, Джессика писала нечасто и только о том, что действительно казалось ей важным и достойным внимания. Например, "Знали ли вы, что стихотворение Сары Тисдэйл "Будет ласковый дождь" написано вовсе не во времена, когда все ожидали ядерную войну, а в 1920 году? Тогда о возможности войны, которая уничтожит человечество, не подозревали даже физики. Только поэты..." Малколм этого не знал. У него, как и у многих, благодаря рассказу Брэдбери это стихотворение твердо ассоциировалось именно с ядерной войной. Интересно все же, в какой области специализировалась Джессика – литература? В ее постингах нигде напрямую не говорилось об учебе. Но Джессика, несомненно, много читала – среди постингов были понравившиеся ей стихи и впечатлившие ее цитаты из книг. Попадались и фотографии, по большей части природа – белка вниз головой на древесном стволе, поднявшийся на задние лапы упитанный сурок, красная птица-кардинал с вздернутым хохолком на осыпанной каплями недавнего дождя ветке, огненные осенние клены, отраженные в синей воде озера, деревья в сверкающем на солнце снегу... И закаты. Несколько фото закатов над озером, сделанных в разное время года, но все, похоже, с одного места. Того, где теперь стояла скамейка. Наверное, это было ее любимое место в парке...

Были и фотографии самой Джессики – иногда одной, иногда в компании какой-нибудь другой девушки (судя по подписям, одной из них была сестра Мел – она оказалась вовсе не длинной и блеклой, как представлялось Малколму, а миниатюрной круглолицей девушкой с темными волосами; другие, надо полагать, были университетскими подругами). Никаких парней, удовлетворенно отметил Малколм (впрочем, а кто фотографировал? хотя, конечно, это мог быть случайный прохожий, или автоматическая съемка с задержкой....) Было фото, изображавшее Джессику в большой компании – наверное, другие студенты – на пикнике в парке.

Ни о какой болезни нигде не говорилось, и фотографии тоже не давали никаких мрачных намеков. Малколм снова перемотал ленту к последней записи, сделанной за два дня до смерти.

"Люди, совершившие предательство, нередко потом просят прощения, словно они совершили ошибку. Но это лицемерная подмена понятий. Ошибку совершают по неведению, не понимая, что творят, а предаются совершенно сознательно, прекрасно понимая, что делают. Прощать ошибки можно и нужно. Прощать предательство нельзя. Ведь простить – это, по сути, найти оправдание. Простить подлеца значит совершить подлость самому."

Выходило, что это стало ее последними словами – о чем она, очевидно, не могла знать заранее. Последними не в жизни, коль скоро несчастье случилось лишь два дня спустя, а лишь в интернете – но именно интернет сохранил их навсегда... во всяком случае, надолго. И именно под ними громоздились теперь в итоге все эти скорбные комментарии с горящими свечками.

Кто-то посмел предать тебя, Джессика? Или это было лишь теоретическое рассуждение, подобно многим другим твоим записям?

– Все-таки завел себе подружку?

Первым побуждением Малколма было захлопнуть ноутбук, но он осознал, что делать это уже поздно, и лишь с отвращением обернулся к Рикю. Тот вошел в комнату, даже не потрудившись снять кроссовки и оставляя мокрые следы на полу. На его куртке блестели капли дождя.

– Я думал, ты ушел, – неприязненно произнес Малколм.

– Да блин, ключи забыл в куртку переложить, – пояснил Рик, шагая к своему шкафчику. – Хорошо, что ты дома, а то пришлось бы к супервайзору переться...

– И никакая она мне не подружка, – продолжал Малколм. – И вообще, нечего заглядывать в чужие компьютеры.

– Да ты так сидишь со своим ноутбуком, что экран от входа видно, – ответил Рик, роясь в шкафчике. Наконец он отыскал брелок с ключами и сунул его в карман – а затем все-таки

шагнул не к выходу, а к соседу. – Красивая девчонка. Ну, если не подружка, значит, не претендуешь? – Рик подмигнул, приближаясь еще на шаг. – Дай-ка глянуть, какой у нее аккаунт?

– Мемориальный, – отрезал Малколм почти что с удовольствием. – Она умерла много лет назад.

– Да? – заставить Рика растеряться было непросто, но на сей раз у Малколма получилось.

– Жалко... – теперь Рик, очевидно, и сам уже разглядел траурные картинки со свечами. – А от чего?

– Здесь не сказано. И вообще, какое твое дело?

– Да ладно, просто так спросил. Малколм, чего ты на людей кидаешься?

– Я не кидаюсь, – Малколм постарался говорить максимально спокойно. – Я просто не люблю, когда мне заглядывают через плечо и спрашивают "просто так". Мир был бы гораздо лучше, если бы люди говорили только о том, что действительно важно.

– По-твоему, жизнь и смерть – это неважно? – парировал Рик. Малколм ничего не ответил, и его сосед продолжал: – Просто подумал, может, лейкемия...

Малколм не прореагировал и на эту (очевидно ошибочную) гипотезу, и Рик, помолчав с полминуты, добавил: – Если хочешь знать, моя кузина умерла от лейкемии. Ей было всего 13.

– Мне жаль, – произнес Малколм. Вообще-то это была одна из ритуальных фраз, которых он старался избегать, но в данном случае он почувствовал, что ему и в самом деле жаль эту девочку, о которой он слышал впервые в жизни. Не так сильно, как Джессику, но умереть в 13 лет после мучительной болезни – это действительно ужасно. А еще для него стало полной неожиданностью, что нечто подобное имело место в жизни Рика, который до этого казался ему несовместимым ни с какими трагедиями. Как выразились бы в комедии, найдите в словаре слово "беззаботность", и там будет его фотография...

– Ладно, – привычное легкомысленное выражение вновь вернулось на лицо Рика после того, как он торопливо охлопал свои карманы, проверяя, не забыл ли чего на этот раз. – Пойду, теперь уже точно до вечера. Можешь тут хоть... – кажется, он собирался пошло сострить, но сдержался: – Короче, не побеспокою.

Малколм вновь вернулся к записям Джессики. Ему пришло в голову, что он узнает о ней больше, если ознакомится с книгами, которые она читала и которые произвели на нее впечатление. Сам Малколм читал почти исключительно научную фантастику, поэтому о большинстве этих книг он прежде даже не слышал. Но теперь он старательно скинул названия и авторов в отдельный файл, а затем устроил поиск в интернете. Кое-что нашлось в сети в бесплатном доступе, но далеко не все. Интересно, есть ли в университетской библиотеке художественная литература? Почему бы и нет, коль скоро студенты изучают не только точные науки...

Последней книгой, которую читала Джессика – или, во всяком случае, о которой она упомянула – была "Ребекка" Дафны дю Морье. Как раз текст этого романа в интернете нашелся, и Малколм скачал его на ноутбук. Из постингов Джессики было неясно, успела ли она дочитать книгу, и у Малколма мелькнула мысль, что если и нет, он расскажет ей, чем все кончилось. И эта мысль была столь простой и естественной, что на сей раз даже не вызвала рационального ответа "ну да, да, я понимаю, что на самом деле это невозможно..." Чувствуя знакомое щекочущее предвкушение, всегда охватывавшее его перед знакомством с многообещающей книгой – а в том, что Джессика не читала всякую скучную женскую мутотень, Малколм уже не сомневался – он открыл файл и погрузился в чтение.

Повествование быстро увлекло его. Даже несмотря на то, что первые главы и в самом деле напоминали "женскую мутотень" любовного романа, Малколм не почувствовал раздражения – то ли потому, что не сомневался в более интригующем дальнейшем развитии событий, то ли потому, что романтическая история знакомства главных героев коррелировала теперь и с его собственным настроением. Героиня, от лица которой шло повествование – и ни

разу не названная при этом по имени – поневоле ассоциировалась у него с Джессикой, а угрюмый и замкнутый Максимилиан де Винтер – с ним самим, хотя, объективно говоря, при всей своей нелюдимости юный Малколм мало походил на окутанного флером мрачного прошлого британского аристократа. А вот мертвую Ребекку он невзлюбил сразу же, еще до того, как героиня почувствовала исходящую от нее опасность; она ассоциировалась у Малколма вовсе не с покойной Джессикой, а с физически еще живой, но мертвой для него Кэтрин. Такая же, небось, фальшивая, лживая, развратная дрянь, прятанная под очаровательной внешностью свое грязное нутро...

Лишь после полуночи Малколм заставил себя оторваться от чтения, неохотно вспомнив о необходимости все же заняться заданиями, которыми он манкировал всю неделю. В итоге он лег лишь в четвертом часу ночи (давно вернувшийся Рик всю сопел в две дырки, не высказывая, к счастью, претензий по поводу горячей у соседа лампы) и все утро клевал носом, пока не проспал половину лекции по матанализу и не был в итоге с позором разбужен преподавателем, не преминувшим, под довольные смешки аудитории, пошутить насчет бурно проведенной ночи. Малколм надулся и покраснел, чем, очевидно, лишь подтвердил пошлые подозрения. Он попытался было вновь записывать лекцию, но понял, что ничего не понимает, и решил, что лучше потом прочитает соответствующую главу в учебнике. Пока же его мысли витали в областях, далеких от математики, и даже в выражении S_{jk}^i ему мерещилась некая анаграмма.

Наконец тоскливые занятия закончились. Погода, правда, все еще стояла скверная – дождь не лил, как накануне, но было пасмурно и промозгло, налетал порывами холодный ветер, так что парк совсем не выглядел привлекательным местом. Но Малколм туда и не рвался – он жаждал поскорее дочитать "Ребекку". Не желая делать это в обществе Рика, он устроился со своим ноутбуком в читальном зале. Конечно, там были и другие студенты, но их было не так много (начало семестра – не предсессионный аврал), они были незнакомые и уж точно не стали бы лезть ни с какими разговорами, так что в их присутствии Малколму было куда легче почувствовать желанное уединение, чем с Риком за спиной. Заодно он убедился, что отдел беллетристики в библиотеке есть, и выписанные им книги там имеются. Возможно, именно здесь Джессика и читала их десять лет назад...

Он досидел до самого закрытия библиотеки; последние страницы пришлось дочитывать уже в коридоре. Закрыв ноутбук, Малколм еще с четверть часа просидел на подоконнике на фоне темного окна, теперь уже в совершенном одиночестве, чувствуя легкую печаль от необходимости расстаться с миром романа, как это всегда бывает после завершения хорошей книги. Впрочем, сейчас это чувство было, пожалуй, острее, чем когда-либо в прошлом – слишком уж он привык ощущать себя Максимилианом, а героиню Джессикой. Романы Азимова и Кларка, бывшие его любимым чтением прежде, не вызывали у него такого чувства отождествления с персонажами. Это были интересные истории, которые он наблюдал со стороны, и не более чем. Впрочем, и "Ребекка", вероятно, произвела бы на него не большее впечатление, если бы он прочитал ее еще парой недель раньше. До того, как познакомился с Джессикой...

И вновь это слово – "познакомился" – не вызвало чувства протеста у рациональной части его сознания. Теперь ему не терпелось обсудить с Джессикой прочитанное. Он надеялся, что завтра погода улучшится, и он сделает это в парке. Его подспудная уверенность, что разговоры с Джессикой надо вести именно там, на ее скамейке, стала еще тверже, и он даже не задумывался, почему это так – просто принимал как нечто само собой разумеющееся.

Во вторник тучи и в самом деле разошлись, что было очень кстати, учитывая стоявшую в расписании физкультуру. Малколм не сомневался, что тренер-садист выгнал бы их на стадион и под дождь. Уроки физкультуры Малколм ненавидел еще с начальной школы. Совершенно бессмысленное принудительное издевательство, нелепое даже применительно к школьникам, а

уж тем более – к университетским студентам, которые уж точно выбрали карьеру, требующую мозгов, а не мускулов... Малколм давно подозревал, что истинная цель этих занятий – никакая не забота о здоровье или каком-то там "гармоничном развитии" (что это вообще такое и кто сказал, что гармония в XXI веке должна быть такой же, как и в античности?), а психологическая ломка, превращение личности в винтика, в "члена команды", готового покорно и без рассуждений исполнять сколь угодно идиотские приказы... А иначе почему все эти тренеры такие садюги? И почему зарплата у них выше, чем у университетских профессоров – что выглядит совсем уж необъяснимым кретинизмом?!

Все же бегодня по стадиону помогла вновь не выспавшемуся Малколму взбодриться – хотя на самом деле это было лишь временное облегчение. Подходя, наконец, после всех занятий к заветной скамейке, он чувствовал себя так, словно прошагал от кампуса не три, а добрую дюжину миль. Однако это не мешало ему предвкушать приятный вечер. Несмотря на солнце, было ощутимо холоднее, чем на прошлой неделе, но Малколм все учел – в сумке у него за плечами лежал свитер на случай, если позже похолодает еще сильнее, а в придачу к коробке пончиков он взял не холодную воду, а термос с горячим чаем.

Не предусмотрел он только одного. Когда он уже свернул с асфальтовой аллеи (по тропинке, идущей вдоль кромки воды, после дождей можно было пройти разве что в охотничьих сапогах) и направился к скамейке, то заметил сквозь склонившиеся ветви, что там кто-то сидит.

Малколм остановился так резко, словно налетел на стену. Со спины, да еще сквозь ветки, он плохо мог разглядеть этого типа. Похоже, уже не студенческого возраста, но и еще не старик, покатые плечи, длинные, но жидкие волосы, свисающие из-под серой бейсболки. Какого черта ему тут надо?! Ему что – скамеек в этом парке мало?!

Простояв пару секунд, Малколм попятился назад к аллее. Он двигался беззвучно, не желая привлекать внимание неизвестного, но внутри у него все кипело от злости. Он говорил себе, что это публичный парк, и, разумеется, гулять здесь и садиться на скамейки вправе любой желающий, но это рациональное соображение ничуть не успокаивало. Особенно злило то, что народу в восточной части парка, как всегда, практически не было – и вот надо же было этому субъекту припереться именно сюда и именно сейчас!

Малколм, стараясь двигаться помедленнее, прошагал по асфальтовой дорожке около полумили (дважды его обогнали велосипедисты и один раз – долговязый бегун, весь обвешанный гаджетами, так что даже его конечности казались не частями живого тела, а механически движущимися поршнями), а затем столь же неспешно пошел обратно, надеясь, что тот тип, наконец, убрался. Он, правда, так и не попался юноше навстречу, но Малколм утешал себя мыслью, что он, наверное, ушел в другую сторону.

Когда он снова неслышно приблизился сзади к скамейке, чужак по-прежнему сидел там.

Малколм некоторое время сверлил его затылок ненавидящим взглядом, затем побрел прочь в прежнем направлении. На сей раз он одолел примерно треть пути вокруг озера, прежде чем повернуть обратно.

Незнакомец все еще сидел на скамейке.

Малколм снова зашагал прочь, едва не скрипя зубами от гнева. Да что этот гад, издевается? Намерен просидеть здесь до самого заката? А может, это вообще какой-нибудь бомж, собирающийся устроиться на скамейке на ночь? Грязный вонючий бомж уляжется с ногами на скамейку Джессики... для Малколма это звучало почти так же, как если бы этот мерзкий тип полез в ее кровать. В сознании юноши замелькали все более дикие образы – как он решительно подходит к чужаку и велит ему убираться... как вышвыривает его со скамейки силой... как хорошенько колотит (чего Малколм за всю свою жизнь не делал никогда и ни с кем), дабы впредь было неповадно приходить сюда... как... как вообще убивает и сбрасывает тело в озеро! "Извини за беспорядок, Джессика, больше он нам не помешает."

Малколм глубоко вздохнул и вновь заставил себя мыслить здраво. Нет, конечно же, он не

собирается делать ничего подобного, и этот парень ничем не виноват, что пришел и занял скамейку первым. К тому же... можно ведь решить проблему цивилизованно. Просто подойти и вежливо попросить его пересесть на любую другую скамейку. Малколм, правда, ужасно не любил обращаться с просьбами к незнакомым людям – особенно со *странными* просьбами. Что, если этот тип просто ответит: "С какой стати?" Надо придумать какое-то обоснование... ничего более умного, чем "у меня здесь назначена встреча", Малколму в голову не приходило, но сойдет ли такой аргумент? А если чужак упрется из вредности, мол, а мне-то какое дело? Особенно если он сидит там не просто так...

Новая мысль даже заставила Малколма остановиться. А что, если это никакой не бомж и не обычный гуляющий, которому чересчур понравился вид на озеро? Что, если у него была веская причина выбрать именно эту скамейку? Если он пришел именно к Джессике? Кто-то из ее близких... скажем, брат Тед – вполне подходит по возрасту, особенно если на самом деле Тед был старше, чем представлялось Малколму. Вот только, вновь кольнуло Малколма неприятное подозрение, действительно ли Тед ее брат?

Юноша вдруг почувствовал, что не желает больше гадать. Вот прямо сейчас он подойдет к этому типу и спросит: "Тед?" Если тот ответит отрицательно, тогда он скажет, что у него здесь назначена встреча с Тедом, и – "могу ли я попросить вас об одолжении..." А если это все-таки окажется Тед... ну, тогда они поговорят о Джессике, и Малколм узнает о ней еще что-то новое. Говорят, общая потеря объединяет... Хотя Теду, конечно, трудно будет объяснить, почему какой-то парень, которого Джессика никогда не знала и которому было 8 лет в день ее смерти, считает это потерей. Но – может, Тед и не станет задаваться этим вопросом?

Малколм повернулся и решительно зашагал по аллее обратно к скамейке. Но, когда он подошел к ней снова, скамейка была пуста.

Но Малколм не поспешил сразу же занять вожаемое место. Прежде он подозрительно осмотрел и чуть ли не обнюхал скамейку, ища следы незнакомца. Может, это и в самом деле был какой-нибудь вонючий бомж... Но нет, никакого дурного запаха – в том числе алкогольного или табачного – он не обнаружил. Зато обнаружил кое-что другое.

На нижней планке спинки сиденья – почти у самого края, на почтительном расстоянии от таблички – было вырезано небольшое сердечко. С совсем маленькими буквами J+T внутри.

Нет, это не было вырезано только что. Судя по тому, как потемнело дерево, данный акт вандализма состоялся много лет назад – Малколм просто не замечал маленькую картинку прежде, ее и в самом деле непросто было заметить, если не всматриваться. И, конечно, две буквы могли означать вовсе не Джессику и Теда, тем более – не *тех самых* Джессику и Теда. Это же скамейка в городском парке, мало ли народу здесь бывает... Но настроение Малколма, воспрянувшее было при исчезновении чужака, было вновь испорчено. Сердечки. Какая пошлость. Братья таких глупостей точно не вырезают, ни в честь живых сестер, ни в честь покойных...

– Привет, Джессика, – буркнул он, усаживаясь и пристраивая рядом свою сумку. – Извини, что поздно. Но – сама знаешь, тут торчал какой-то тип. Ты знаешь, кто он такой?

Естественно, он не мог получить никакого ответа, хотя ему очень хотелось услышать "в первый раз его вижу". Но как раз поэтому он не мог счесть, что именно так она и сказала. Это не было вольным полетом фантазии, когда легко представить, что реплики Джессики и в самом деле приходят извне, а не рождаются в его голове; в данном случае получалось, что он навязывает ей ответ, а это было... нечестно. Не по правилам.

Поэтому вопрос так и повис в воздухе, и Малколм, помолчав немного, перешел к более приятной теме.

– Знаешь, я тут по твоей наводке прочитал "Ребекку". Классная книга, мне понравилось. Ты успела дочитать ее до конца?

На этот раз ему легко представился отрицательный ответ, и он воодушевленно принялся

пересказывать ей роман, словно заново переживая приключения героев. Когда он закончил, у него пересохло в горле, и он вознаградил себя чаем из термоса и пончиками

Подкрепившись, он почувствовал, как по телу разливается приятное тепло, но вместе с ним возвращается и усталость. Посмотрев на озеро и клонящееся к закату солнце, Малколм прикрыл глаза – всего на минуту, как ему показалось...

– ...на медицинском.

Малколм встрепенулся и повернул голову на приятный голос, который он не раз уже пытался представить, но который впервые слышал отчетливо.

Джессика сидела рядом, и Малколма это почему-то совершенно не удивило. На ней была та же зеленая университетская футболка, что и на фотографии, и заходящее солнце золотило ее волосы, все так же ниспадавшие на плечи. Вот только лицо ее было совсем не таким жизнерадостным, как на том фото.

– Прости, что ты сказала? – переспросил Малколм.

– Я училась на медицинском факультете. Не психология и не искусства. И не точные науки. Хотя, – она улыбнулась, – мне понравилось, как увлеченно ты рассказывал про самолеты. Наверное, это здорово, создавать новые машины... Хотя я бы никогда не смогла. Черчение и я – вещи несовместимые.

– Сейчас уже не чертят вручную, – поведал Малколм, словно теперь это имело какое-то значение. – Есть специальные программы...

– Да, – кивнула Джессика, – но все равно это не мое.

– Значит, ты хотела стать врачом?

– Еще с детства.

– Знаешь, а вот я бы не смог как раз этого, – усмехнулся Малколм. Ему было самую малость досадно, что между ними обнаружилась такая разница в профессиональных пристрастиях, но он не думал, что это может помешать их общению. – Видишь ли, я... – "слишком брезглив, чтобы возиться со всякой... физиологией", мысленно произнес он, но подумал, что ее может задеть такая формулировка, и постарался подобрать более обтекаемую: – ну, я не то чтобы боюсь вида крови, но не думаю, что выдержал бы практику в анатомичке, – он улыбнулся почти виновато.

– Меня, можно сказать, подтолкнул к этому Тед, – сказала Джессика.

– Тед? – слегка нахмурился Малколм. – Это твой...

– Ну да, мой младший брат, – подтвердила она все-таки лучшее из его предположений.

Но уже следующая ее фраза заставила его почувствовать неловкость за свой эгоизм: – Он родился с ДЦП. Ты знаешь, что это такое?

– Детский церебральный паралич.

– Он самый, – невесело кивнула Джессика. – Тед – очень умный и способный мальчик.

Но не мог ходить и почти не мог говорить. То есть понять его могли только те, кто привык к его манере речи. А людям несведущим он мог показаться просто слабоумным. И иногда я даже думала... хотя это, конечно, чудовищная мысль... что лучше бы он и в самом деле был слабоумным. Тогда бы он, по крайней мере, не понимал, что с ним что-то не так. А так... все прекрасно понимать и быть бессильным это изменить... это так ужасно. Ужасно несправедливо. Я не понимаю, как люди могут верить в доброго бога после таких вещей.

– И ты мечтала его вылечить, – кивнул Малколм.

– Не только его. Таких, как он, много... Благополучные люди вообще не представляют, сколько вокруг страданий, пока не столкнутся с ними лично.

"Ну да, – подумал Малколм, – вот и кузина Рика тоже..."

– Джессика, – произнес он вслух, – а как...

Но тут его голос запнулся. Казалось совершенной дикостью спросить у сидящей рядом девушки: "А как это случилось с тобой? Как ты умерла?"

– Что – как? – спросила она, не дождавшись продолжения.

– Как... ты училась? – никакая более умная замена не пришла ему в голову. – На "отлично", наверное?

– Ну, в основном да. Хотя меня тоже, как ты говоришь, поначалу пугала практика в анатомичке. Но на самом деле там нет ничего страшного... Мертвая плоть – это всего лишь мертвая плоть, – Джессика помолчала и, пока Малколм подыскивал новый вопрос, который увел бы беседу подальше от темы смерти, вдруг добавила: – Ей совсем не больно, когда ее режут.

И в этой фразе столь явственно чувствовался личный опыт, что Малколм ощутил, как его пробирает ледяной озноб. Девушка, сидевшая рядом с ним, по-прежнему выглядела совершенно живой (может быть, даже более живой и естественной, чем ее размалеванные косметикой сверстницы) и ничуть не походила на труп или привидение – но именно в этот момент Малколм окончательно осознал: она мертва, знает, что умерла, и помнит, как это было.

– Наверное, это даже хорошо, что я так и не стала врачом, – сказала вдруг Джессика.

– П-почему? – выдавил из себя Малколм, борясь со сковывающим его могильным холодом.

– Потому что врач обязан помогать всякому, кто нуждается в помощи, кем бы он ни был, – ответила она. – А это неправильно. Этого заслуживают не все люди. Отнюдь не все.

Она повернулась и посмотрела в глаза Малколму горьким и в то же время пристальным и требовательным взглядом. И от этого взгляда он вновь почувствовал острую, щемящую жалость, как в тот миг, когда впервые увидел ее фотографию на спинке скамейки. "Кто обидел тебя, Джессика? – хотелось воскликнуть ему. – Скажи мне, и я найду этих тварей!" Но его тело заоченело настолько, что даже губы, казалось, смерзлись, не позволяя открыть рот. Он сделал отчаянное усилие, пытаясь их разлепить – и провалился в темноту.

Точнее, не провалился. Наоборот – вынырнул. Он сидел на скамейке, погруженной во мрак, шея и плечи затекли, и ему действительно было чертовски холодно. Преодолевая боль в шее, он поднял голову и различил во тьме призрачную гладь озера, отражавшую редкие звезды. Никаких иных источников света – ни фонарей парка, ни огней города на другом берегу – видно не было, словно человечество сгинуло в этом мраке, и он остался последним живым человеком на Земле...

Сон. Все это был всего лишь сон. Он заснул на скамейке и продрых тут до... который все-таки час? Негнуцимся от холода пальцами Малколм вытащил мобильник, едва не выронив его на траву, и ткнул первую попавшуюся кнопку. Это надо же, почти полночь...

Стуча зубами, он кое-как натянул через голову свитер, затем попрыгал, разминая конечности и стараясь согреться. Затем, сунув руки в лямки заплечной сумки, быстро пошел в сторону аллеи.

Там было совершенно темно – темнее, чем возле озера. Фонари в этот поздний час уже были погашены – официально парк ночью закрывался, и Малколм с беспокойством подумал, что не хватало сейчас только нарваться на какого-нибудь совершающего обход патрульного. Впрочем, если он услышит мотор, заметит фары машины или свет фонаря, то просто сойдет с дороги и спрячется среди деревьев – вряд ли патрульный его заметит... Эти деревья, еще более темные, чем мрак прямо по курсу, едва угадывались по бокам аллеи – но все же позволяли держаться посередине асфальта и не сбиваться с дороги. Время от времени из зарослей доносился шорох, но Малколм не вздрагивал испуганно, понимая, что это какая-то мелкая ночная живность, а вовсе не прячущиеся в засаде маньяки. Мысль о маньяках, впрочем, заставила Малколма вновь задуматься об обстоятельствах смерти Джессики. "Не все люди заслуживают помощи..." Что, если это был не несчастный случай, а убийство?! Может быть, даже в этом парке, где она, по всей видимости, любила бывать... Малколм почувствовал, как сжимаются его кулаки. Мысль о том, что Джессика не просто погибла, что она могла стать жертвой насилия, была особенно нестерпима.

Это был просто сон, напомнил себе Малколм. Весь разговор с Джессикой – не более чем игра его подсознания, возможно – всего лишь реакция на проникшее сквозь сон чувство холода... Но теперь он может это проверить, не так ли? Не так уж трудно найти списки студентов медицинского факультета за 2006 год – собственно, само название Facebook происходит именно от таких списков. И сведения о том, страдает ли некий Теодор Сильвер церебральным параличом, тоже могут отыскаться в открытом доступе. Скорее всего, у "умного и способного парня" есть свой блог, и он, как и многие инвалиды, не позволившие недугу себя сломать, не делает тайны из своей болезни... Кстати, сидевший на скамейке парень, очевидно, все-таки не Тед. Он явно пришел и ушел на своих ногах.

Если только все это правда, конечно, еще раз напомнил себе Малколм.

Однако к тому времени, когда он добрался, наконец, до своей комнаты, ему было не до поисков в интернете. Было слишком поздно, и Малколму хотелось лишь завалиться в кровать под теплое одеяло – словно он и не проспал перед этим несколько часов в парке (впрочем, сон на холоде в неудобной позе вряд ли можно было назвать полноценным отдыхом). Так что он тихо разделся и лег, стараясь не разбудить Рика.

На следующее утро первую парой вновь был матан; профессор, должно быть, был идейным "жаворонком", раз испросил себе такое расписание – в отличие, разумеется, от большинства студентов. Но как раз Малколм на этот раз хорошо выспался. Тем не менее, ему недолго удалось сосредоточиваться на математическом анализе. До него только сейчас по-настоящему дошел смысл мыслей, которые в темноте и холоде ночного парка казались вполне естественными. Но в том-то и дело, что термин "естественное" был тут, возможно, не вполне уместен. Ведь если сведения, которые сообщила ему во сне Джессика – и которые он не мог узнать никаким материалистическим путем – подтвердятся, то это значит, что...

Малколм никогда не верил в призраков и загробный мир. Но он знал также, что настоящий ученый не имеет права отмахиваться от фактов, какими бы невероятными они ни были.

"Это еще никакие не факты", – возразил он сам себе.

"Но ты можешь их проверить."

"Даже и пробовать не стану. С одной стороны, этого просто не может быть. А с другой – это может оказаться просто случайным совпадением. У нас тут не так уж много факультетов – почему бы Джессике не учиться именно на медицинском? Совершенно естественное предположение, что девушка с такой улыбкой мечтала помогать другим... И даже ДЦП – не настолько невероятно редкое заболевание, чтобы делать из совпадения фундаментальные выводы. А может, все это вообще не подтвердится..."

"Ну так проверь. Или боишься?"

Но дело было не в том, что он боялся. Точнее – он боялся вовсе не того. Не крушения своего материалистического мировоззрения, хотя еще недавно, наверное, он и в самом деле счел бы самым страшным именно это. А как раз наоборот – того, что оно в очередной раз подтвердится. В глубине души он отчаянно хотел, чтобы Джессика оказалась вовсе не воображаемым образом в его мозгу, привыкшем странствовать в вымышленных мирах. Он не поверил бы до конца, что она существует реально... где-то там... после смерти, но он мог бы, по крайней мере, предаваться этой иллюзии – отдавая себе отчет в ее иллюзорности, но в то же время не позволяя экспериментальной проверке ее разрушить...

Но нет. Это не подход Малколма Мартинсона, сына инженера и будущего аэрокосмического конструктора. Он – должен – знать.

И это желание определенности стало таким сильным, что Малколм не мог ждать до конца занятий. Не мог даже ждать до конца лекции. Компьютера у него с собой не было – обычно Малколм не таскал свой довольно крупный ноутбук на занятия – но он сделал то, что избегал делать прежде: полез в интернет со своего мобильного телефона.

Интернет жестоко тормозил по сравнению со скоростью, которую университетская сеть обеспечивала ноутбуку, и, конечно, Малколма ужасно раздражал маленький экранчик (который даже нельзя было поднести близко к глазам, чтобы не привлекать лишнего внимания преподавателя). Тем не менее, на сайте университета он довольно быстро нашел ссылку на списки студентов по годам. Судя по развернувшейся менюшке, университет начал выкладывать эти списки онлайн как раз в 2006. Малколм, тыкая одним пальцем в экран (до чего же все же неудобно! он и на ноутбуке-то всегда использовал мышку, а не тачпад!), выбрал медицинский факультет и ввел в поисковой строке "Джессика Сильвер".

Ничего.

Подумав несколько секунд, он стер имя (вдруг в списке опечатка – скажем, только одно "с"?) и запросил одну фамилию. Сайт, потормозив с полминуты, выдал ему единственную строчку. Именно ту, которую он надеялся – или боялся – получить.

Малколм почувствовал, как быстро забилось его сердце. Он ткнул в ссылку. Появилось место для фото, пока еще не загруженного. Малколм нетерпеливо дважды шевельнул пальцами, увеличивая масштаб, пока картинка медленно скачивалась из интернета.

На Малколма смотрел улыбающийся негр.

Ничего не понимая, он проскроллировал страницу вправо. Ну да. Чертов маленький экранчик, на котором ничего не разберешь без зума. Не Джессика, а Джереми Сильвер!

Ну и хорошо. Устои мироздания остались на своих местах. Мертвые не разговаривают с живыми. Это был просто сон.

Малколм хотел уже убрать телефон в карман, но добросовестность инженера, о которой не раз твердил ему отец, подала ему новую мысль. Надо проверить и другие факультеты. Узнать, где она училась на самом деле.

Всего в списках студентов университета за 2006 год обнаружилось трое Сильверов. Два парня и одна девушка, Мэри Луиза, толстушка в очках и рыжих кудряшках.

Джессики не было.

Стоп, подумал Малколм, этого уже не может быть. Она ведь точно училась здесь... или все-таки нет? Просто носила университетскую футболку? Подаренную... кем-то.

"Прекрати, – сказал себе Малколм. – Не было у нее никаких парней!" Ужасно глупая и смешная ревность. И оскорбительная для Джессики – хорошо, что она его не слышит... Все гораздо проще. Она ведь умерла в начале учебного года. Каталог студентов был, наверное, составлен позже. Или же в него потом внесли исправления. Надо проверить списки за 2005. В интернете их нет, но, наверное, они есть в библиотеке.

Так, ну ладно. А что там у нас насчет Теда? Малколм вызвал поисковик и ввел "Тед Теодор Сильвер ДЦП детский церебральный паралич".

Интернет вновь потормозил и, наконец, на экране медленно выстроился список аккаунтов и записей в соцсетях. Часть из них принадлежала Тедам или Теодорам, часть – Сильверам, в некоторых упоминалась болезнь, но все три компонента сочетались только в двух записях. В одной из них речь шла о ребенке пяти, в другом – восьми лет. Малколм проверил даты – оба мальчика родились уже после смерти Джессики.

Для очистки совести он решил поискать еще Мелони Сильвер. В конце концов, вопросы про Джессику или Теда можно, наверное, задать и ей. И опять – целый список аккаунтов, но ни одно фото не походило на девушку, которую Малколм видел на странице Джессики. Даже с учетом того, что теперь она должна быть на десять лет старше...

Стоп, сообразил Малколм. А почему он так уверен, что Мел – это именно Мелони? С тем же успехом это может быть и Мелисса. Он проверил и эту версию, но снова не нашел ту, кого искал. Ну что ж – даже и в наше время не все имеют аккаунты в соцсетях, а имеющие могут прятаться под никами...

Увлеченный своими поисками, Малколм даже не сразу заметил, что лекция кончилась и

студенты покидают аудиторию. Он очнулся лишь тогда, когда незнакомый парень, которому он загоразивал проход, не очень дружелюбным тоном попросил пропустить его. Малколм поспешно поднялся, пихая почти не использованную тетрадь в сумку, и встретился взглядом с Риком, выходящим из соседнего прохода.

– Общался с кем-то поинтереснее нашего профа? – усмехнулся тот, кивая на мобильник в его руке.

– Так... глянул кое-что... по теме лекции, – неубедительно соврал Малколм. – Что там у нас сейчас – кажется, химия? – они с Риком были записаны на одни и те же курсы.

– Ну да. Готов к тесту?

– К тесту...? – растерянно пробормотал Малколм. – А разве сегодня?

– Ну да. На прошлом же занятии говорили.

Черт. Черт, черт, черт! Этот проклятый тест совсем вылетел у Малколма из головы, в последнее время занятой совсем другими вещами...

Отношения с химией у него были сложными. Малколм ее уважал, как и всякую точную науку, но не любил. Хотя и понимал, что будущему конструктору летательных аппаратов необходимо разбираться в свойствах веществ и их взаимодействии друг с другом. Топливо, смазка, борьба с коррозией, борьба с обледенением, воздух для дыхания в кабине и все такое прочее. Но запоминать все эти громоздкие формулы, особенно органические, и сложные реакции... Нет, конечно, выучить их, в принципе, можно. Но это если учить.

Проклятье. Первый тест в семестре, и он завалит его с треском. Произведет достойное впечатление на преподашу, нечего сказать. Исправлять первое впечатление потом всегда сложнее...

Но делать было нечего. Стоя перед дверью химической аудитории, Малколм, конечно, попытался листать учебник. Но было очевидно, что пять минут лихорадочной подготовки его не спасут.

Студенты расселись за столами. Вошла преподавательница, велела им сложить мобильники и прочие гаджеты в большую кювету на демонстрационном столе и раздала варианты теста. Малколм тоскливо посмотрел на свой листок. Так, первый вопрос он знает... и шестой...кажется... а все остальное – практически чистая угадка. Все равно что выиграть в рулетку десять раз подряд...

Тем не менее, он попробует. Сдавать почти чистый лист ниже его достоинства. Мизерный шанс лучше, чем никакого.

Первый ответ Малколм выбрал уверенно. Дальше у него был выбор – мучительно думать над каждым вопросом в надежде что-то все-таки вспомнить (каковая надежда была весьма слабой) или просто расставить ответы от фонаря. Но странным образом ему не понадобилось ни то, ни другое. Едва он перешел ко второму вопросу, как откуда-то пришла твердая уверенность, какой ответ является верным – столь же твердая, как и когда он отвечал на предыдущий. Интересно, не такую ли иррациональную уверенность ощущают игроки, ставящие на "верную цифру" (и потом, конечно, в большинстве случаев продуваемые)? Но Малколм не стал противиться этому чувству – терять ему было все равно уже нечего. Столь же решительно он ответил и на третий вопрос, и на четвертый...

Заминка вышла только на шестом. Разум по-прежнему говорил ему, что верный вариант – третий, а внезапно проснувшаяся интуиция настаивала, что второй. Малколм уже ткнулся ручкой в третий вариант, но... все-таки он был не совсем уверен... да и при общей угадке один вопрос его все равно не спасет... ладно, пусть будет второй!

На все остальные вопросы он ответил с прежней решительностью и сдал тест первым в группе. Возвращаясь на свое место, он поймал сочувственно-насмешливый взгляд Рика – тот, похоже, был уверен, что Малколм сдает пустой лист.

Перерыв Малколм просидел словно в оцепенении. Он даже не пытался проверить ответы,

которые помнил, по учебнику. Все равно сейчас он все узнает. Тесты проверяют быстро.

Вошла преподавательница со стопкой проверенных работ и двинулась по рядам, раздавая их. На листке, который получил Малколм, не было ни одного исправления. Единственной красной отметкой был высший балл в углу.

Малколм сидел, оторопело уставившись на лист и пытаясь подсчитать в уме вероятность случайного совпадения. Ну да, кто-то же выигрывает джек-пот, имея один шанс на сотню миллионов. Но Малколм был уверен, что везение тут ни при чем. Тут возможны только два объяснения. Либо его подсознание, очутившись в стрессовой ситуации, каким-то образом сумело выдернуть из памяти подзабытые объяснения с прошлых занятий и страницы впопыхах пролистанного перед тестом учебника. Но это, конечно, ерунда, никогда с ним не случалось подобных фокусов (впрочем, прежде не доводилось ему и приходиться на контрольную совершенно неподготовленным). Либо... либо ему подсказали правильные ответы. И он догадывался, кто единственный мог это сделать. Она старше него на два года, тест для первокурсников вряд ли представляет для нее сложность...

Малколм не пошел на следующую пару. Учеба все равно не шла ему на ум. Вместо этого он выскочил из корпуса (небо снова хмурилось, светившее с утра солнце пропало) и по выложенной плитками дорожке устремился в библиотеку. Он должен узнать прямо сейчас!

Да, списки студентов прошлых лет хранились там, и библиотечарша – смешливая, но не особо симпатичная девица не намного старше самого Малколма – сперва попыталась пошутить на тему, зачем ему понадобилось рыться в столь древней истории, но, не встретив понимания, неторопливо убрела куда-то в глубины книгохранилища, откуда минут через восемь – Малколм уже начал терять терпение – принесла ему здоровенный альбом в бордовом бархатном переплете с золотым тиснением "2005" на обложке. Ухватив тяжелый фолиант, Малколм плюхнулся на ближайшее место в полупустом в это время читальном зале и принялся переворачивать страницы. Так, алфавитный указатель... буква "J"... то есть нет, конечно же, надо искать по фамилии... буква "S"... вот и уже знакомый Джеремии...

"Сильвер, Джессика К." Страница 83.

Малколм перечитал строчку еще раз, дабы удостовериться, что на сей раз он точно не путает ее с однофамильцами, и отыскал нужную страницу.

Да, это была она. Не такая улыбчивая, как на *той* фото – видимо, проникшаяся серьезностью момента, хотя в глазах все равно жили веселые искорки. Две строчки биографической справки – дата и место рождения (все же не сам город, а пригород), школа, которую она окончила. Первый курс. Медицинский факультет.

Не сон. Даже не страница в интернете. Основательный вес альбома не оставлял никаких сомнений в его реальности. И в версию о случайном совпадении Малколм мог поверить до результатов химического теста, но не после.

Нет, можно, конечно, придумать и другие гипотезы. Что ему помог бог. Или дьявол. Или сисадмин Матрицы. Но Малколм *знал*, кто это был на самом деле. Теперь уже точно знал.

Почему первый курс, интересно? Ведь Джессика старше на два года... (то есть на самом деле, конечно, на двенадцать, но эта оговорка уже не пришла Малколму в голову). Впрочем, у нее ведь день рожденья в октябре, а не в мае, как у самого Малколма – ее, возможно, отдали в первый класс на год позже. А может, она год после школы где-то работала, зарабатывая себе на учебу. В семье с тремя детьми, один из которых серьезно болен, денег, отложенных родителями, могло и не хватить...

Но так даже лучше. Так их разница в возрасте становится совсем минимальной.

От этих мыслей Малколма отвлек стук капель в окно. Опять чертов дождь...

Юноша остался сидеть в читальном зале, надеясь на улучшение погоды, но, похоже, дождь опять зарядил надолго. Впрочем, Малколм, конечно, не тратил время впустую. Вернув библиотечарше ненужный альбом, он спросил у нее книги из "списка Джессики". Хотя

ноутбука у него с собой не было, оказалось, что он помнит несколько авторов и названий. Библиотекарьша выдала ему три книги. Малколм уселся за стол и разложил их перед собой, решая, с какой начать. Все три были, разумеется, в мягких обложках; ни одного из авторов он не читал прежде, хоть и запомнил их фамилии. Повинуясь внезапному импульсу, Малколм открыл ту, что справа. Джон Шепэрд, "Трещина" – Малколм сомневался, что когда-либо хотя бы мельком слышал о таком писателе, пока не обнаружил это имя на странице Джессики. Впрочем, если Шепэрд не писал фантастики, не так уж это и удивительно... Мельком порадовавшись отсутствию каких-либо посвящений и благодарностей – он терпеть не могу эту вечную манеру писателей платить долг вежливости полудюжине родных и знакомых, до которых читателям нет никакого дела – Малколм прочел первые строки: "За окном барабанил дождь. Осень в тот год тянулась невыносимо долго, словно издеваясь над Диком Морисом, ненавидевшим это время года..."

"Актуально", – усмехнулся про себя Малколм и перевернул книгу, желая взглянуть на аннотацию на задней стороне обложки. "Единственный роман Джона Шепэрда, трагически ушедшего от нас слишком рано и так и не узнавшего, что его книга будет опубликована..." Хм, подумал Малколм. Так вот почему он никогда не слышал это имя. Не похоже, чтобы единственный роман покойного Шепэрда стал бестселлером. Книга была издана крошечным тиражом каким-то мелким издательством, у которого, кажется, даже не было своего веб-сайта – во всяком случае, в выходных данных таковой указан не был. И читатели библиотеки, похоже, брали "Трещину" совсем не часто. Даже удивительно, как она вообще оказалась в университетской библиотеке и откуда о ней узнала Джессика... Но Малколм доверял ее вкусу больше, чем издательской аннотации об "образце тонкой и пронзительной психологической прозы", и стал читать.

Он оторвался от книги лишь несколько часов спустя, чтобы навестить в университетскую столовую. Дождь к этому времени деградировал до мелкой холодной мороси, но погода все равно оставалась малоподходящей для прогулок на открытом воздухе; до заката было еще довольно далеко, но из-за обложивших все небо туч казалось, что уже темнеет. Подкрепившись, Малколм сперва прошелся мимо своего корпуса общаги и, к радости своей не заметив никаких признаков света в окне – даже слабых отсветов от экрана смартфона – поднялся в свою комнату. Рика действительно не было, и Малколм удовлетворенно улегся на кровать с "Трещиной" в руках. Давненько ему не доводилось читать бумажную книгу, за исключением учебников – и Малколм почувствовал, что, несмотря на отсутствие привычных удобств типа контекстного поиска и настроек страницы, этот ретро-способ доставляет ему удовольствие. А еще у него мелькала мысль, что, возможно, этих же страниц касались и пальцы Джессики...и это было, пожалуй, единственным "физическим контактом", которого он бы хотел. Малколму хотелось бы видеть Джессику вживую, любоваться ее чудесным лицом не только на фотографии – но вот прикоснуться к ней, даже просто брать ее за руку, было бы уже излишним. Так же излишним, как трогать прекрасную картину или скульптуру. Не говоря уже о... Малколм подумал с презрительной усмешкой, что Рика и ему подобных наверняка привела бы в ужас идея любить девушку, с которой в принципе невозможно заняться сексом. А вот он, Малколм, был счастлив, что их отношения с Джессикой всегда останутся абсолютно чистыми. Что физиологическая грязь, которой жаждала Кэтрин, исключена тут даже теоретически.

"Любить"? Он действительно произнес про себя это слово? Малколм почувствовал почти испуг, когда осознал это, но не стал лукавить сам с собой, пытаясь подобрать более нейтральный термин. Впрочем, это слово настолько истаскано и загажено неверным употреблением, что само по себе способно дезориентировать – если бы, конечно, он вздумал обсуждать эту тему с кем-то посторонним, а не с самим собой. Его чувство к Джессике, безусловно, не было грязным плотским влечением, которое унизило бы ее – но не было оно и преклонением сродни религиозному, которое унизило бы его (впрочем, второе, как показывает практика, с великой

легкостью переходит в первое). Малколм не считал Джессику выше и лучше себя. Он считал ее равной себе – в некоем высшем смысле, когда преграды теряют смысл и двое могут быть едины, в то же время оставаясь каждый собой. Как... атомы в молекуле, да. Соединенные одновалентной связью.

Малколм чувствовал что-то вроде легкого укора совести из-за того, что не пошел в парк поблагодарить Джессику за помощь с химией. Но с другой стороны то, что он читал как бы порекомендованную ею книгу, служило, в некотором роде, оправданием. И к тому же – так ли обязательно общаться с Джессикой на ее скамейке? Если она сумела подсказать ему ответы на тест, когда он сидел в аудитории, то, наверное, и его благодарность тоже могла почувствовать прямо оттуда? Или эта связь несимметрична? В конце концов, что он может знать о вещах, само существование которых несовместимо с мировоззрением, которого он придерживался всегда...

Открылась дверь, и вошел Рик. "Привет", – бросил он, снимая куртку. Малколм ничего не ответил и лишь поморщился, уловив донесшийся через всю комнату запах пива.

Но Рика, похоже, тянуло поговорить. Не наговорился, видать, там, где пил эту дрянь...

– Что читаешь? – осведомился он.

Малколм молча продемонстрировал ему обложку.

– И о чем это?

– О том, что люди – дерьмо, жизнь принципиально бессмысленна и ни надежды, ни выхода нет, – ответил Малколм с мстительным удовольствием. – И все человеческие представления, что это не так, суть самовнушенная иллюзия, которая может треснуть в любой момент. И именно страх заглянуть в эту трещину и увидеть там истину и есть главный подсознательный стимул человека. А деньги, слава, секс и прочая чепуха – всего лишь яркие заплатки, с помощью которых люди пытаются закрыть эту трещину и забыть о своем страхе. Но рано или поздно она настигнет даже тех, кто бежит от нее.

– Хмм... ну, наверное, чтение как раз для тебя, – усмехнулся Рик.

Малколм вновь не счел нужным отвечать. Хотя, по правде говоря, черный пессимизм Шепэрда казался чрезмерным даже ему. Да, наверное, в отношении обывательского большинства, "элементов пищевой цепи", как выражался Морис из книги, автор прав, но люди творческие – ученые, конструкторы, художники – составляют исключение. Неужели Шепэрд, сам будучи творцом, не чувствовал этого и считал собственную работу всего лишь бегством от осознания истины, от "трещины", таким же, как пьянство или распутство? А еще Малколма удивляло, что настолько депрессивное произведение понравилось Джессике, девушке с такой солнечной улыбкой и открытыми миру глазами. Впрочем, хорошо написанная книга может производить впечатление даже тогда, когда не разделяешь взгляды автора – и может быть, даже более сильное, чем когда эти взгляды совпадают и не становятся неожиданностью. А "Трещина" была написана действительно хорошо. Но Малколм понимал, почему она не стала и не станет бестселлером. Массовый читатель любит совсем другие идеи и сюжеты. Ему, впрочем, может понравиться даже и мизантропия – при условии, что герой-мизантроп гордо возвышается над презренной толпой подобно романтическому Люциферу, позволяя читателю ассоциировать себя именно с ним, а не с презираемыми им букашками. Но в том-то и дело, что Морис ни над кем не возвышался. Он признавал себя таким же "элементом пищевой цепи", как и остальные – все без единого исключения.

– Что ты получил за тест? – спросил вдруг Рик.

– "Отлично". А ты?

– "Удовлетворительно". А, все, что не "неуд" – все хорошо, – махнул рукой Рик. – Но ты крут. Я думал, ты пролетишь с тестом. В последнее время я как-то не видел, чтобы ты занимался. Уходишь сразу после занятий, приходишь уже ночью. Сегодня так и с последней пары свалил.

– Тебе-то какая разница, – пожал плечами Малколм, снова глядя в книгу.

– Да не, дело твое, конечно... – сразу сдал назад Рик.
– Думаешь, я продал душу дьяволу за отличные оценки? – продолжал с усмешкой Малколм. – И вместо того, чтобы делать ДЗ, хожу на черные мессы?
– А что, было бы прикольно, – хохотнул Рик.
– Заниматься можно, вообще-то, не только в этой комнате.
– Конечно, – согласился Рик. – Но ты свои книжки и тетрадки тут оставляешь.
– Ты что – роешься в моих вещах? – возмутился Малколм.
– Ни в чем я не роюсь! Ты сам из сумки все вытряхиваешь на стол или на кровать, когда уходишь.

Это было правдой. Малколм уже давно не таскал учебные пособия в парк, как делал в первые дни. Но ему не приходило в голову, что это может привлечь внимание. Чертов Рик, делать ему больше нечего...

– Тебя что – наняли за мной следить? – холодно осведомился Малколм.
– Никто меня не нанял! Так, просто спросил. Спросить уже нельзя?
– Спросить – можно, – Малколм решил все же слегка разрядить обстановку: – Анекдот знаешь? У адвоката спрашивают: "Сколько стоит ваша консультация?" "Сто долларов за два вопроса. Какой ваш второй вопрос?"

– Ладно, намек понял, – усмехнулся Рик и, наконец, отстал.

На следующий день погода снова не радовала – было пасмурно и дул холодный ветер. Тем не менее, Малколм все же выбрался в парк (в такую пору практически пустой даже в самой обычно оживленной своей части, не говоря уже о восточном берегу). Серое, подернутое морщинистой рябью озеро совсем не походило на ту чудесную синеву, отражавшую подсвеченные солнцем облака, которой Малколм любовался еще недавно. С ветвей облетали листья – в том числе и с тех, что укрывали шатром заветную скамейку. Скоро вместо живого полога, отгораживающего место их встреч от остального мира, останутся одни лишь голые ветки... Малколм стряхнул на землю сырые листья, нападавшие на скамейку, и уселся на свое обычное место. Поблагодарив Джессику за тест, он немного помолчал и добавил:

– Знаешь, я ужасно рад, что ты... – он чуть было не сказал "живая", но поправился: – реальная. Что ты не моя фантазия. Хотя я все равно не верю в эти поповские глупости про небеса и все такое. Ты ведь не ходишь сейчас в хитоне по райскому саду, брэнча на арфе? – он хохотнул. – Слишком уж это было бы нелепо. Все это устроено... как-то по другому, да? Хотя, может быть, ты даже сама не знаешь, как это работает. Но это неважно. Главное, что мы можем общаться. Это ведь какое-то редкое исключение – иначе другие тоже могли бы... Это ведь не прервется? Я очень надеюсь, что не прервется... Может быть, есть какие-то правила? Нельзя чего-то делать, чтобы это не прервалось? Дай мне знать, если так, – он помолчал несколько секунд, словно ожидая ответа, и вдруг произнес с испугом, пораженный внезапной мыслью (и не знающий, *его ли* эта мысль): – А может, нельзя как раз говорить и спрашивать об этом? О том, что *там*? – во всяком случае, это объясняло, почему о потустороннем мире нет никаких достоверных сведений, если контакт, пусть и в виде исключений, возможен. – Я больше не буду! Будем лучше говорить, как... – он снова хотел сказать "живые" и снова предпочел поправиться: – как всегда. Знаешь, я тут читаю "Трещину" Шепэрда – опять с твоей подачи, ага...

На сей раз, впрочем, Малколм не досидел на скамейке до самого заката. Погода была слишком уж мерзкой, и с приближением ночи порывистый ветер не утихал, а лишь становился злее и холоднее. Сейчас бы завалиться вдвоем куда-нибудь в тепло, хотя бы даже и в университетский кафетерий, пусть там и не будет настоящего уединения, пить горячий чай с лимоном из тонких фарфоровых чашек и есть торт...

Но увы. Малколм попрощался извиняющимся тоном и, прежде чем подняться, снова посмотрел долгим взглядом на ее лицо. Порыв ветра сорвал очередной мокрый лист и швырнул его на спинку скамейки. Тот прилип прямо к табличке – но не к фотографии, а к надписи справа

от нее. Малколм, тем не менее, счел, что это непорядок, и снял листок с металлических букв.

И заметил кое-что, на что не обращал внимания раньше.

Имена мелким шрифтом. Он ни разу не прочитал их все – какая разница, как звали ее однокурсников? – и не интересовался их точным числом. У него в памяти отложилось, что там было шесть столбиков по шесть имен... но теперь он обратил внимание, что последний столбик короче других. Не было, разумеется, ничего необычного в том, что помянуть Джессику захотели, помимо ее родных 35, а не 36 человек – но столбик был короче на одно имя сверху, а не снизу. И сейчас, коснувшись пальцем пустого места, Малколм понял, что это не был элемент дизайна. Черная фоновая поверхность таблички, над которой выступали выпуклые буквы, везде была намеренно сделана неровной, покрытой мелкими пологими бугорками – и только вверху крайнего справа столбика она была совершенно гладкой.

Словно здесь было имя, которое тщательно и аккуратно сточили. А затем еще зачернили поверхность, которая должна была сверкать после этой процедуры, водостойкой краской или каким-то реактивом. Довольно хлопотная, наверное, была работа – особенно если ее проделали не в мастерской по заказу установивших табличку, а прямо здесь, на скамейке, тайком...

– Кто это сделал, Джессика? – спросил Малколм. – Ты знаешь? И, главное, почему?

Его первым чувством был гнев на неведомого вандала, но он тут же сообразил, что человек, сделавший это, не хотел причинить вред Джессике – или памяти о ней. Ведь он не тронул ее имя или фотографию. Да и постарался так замаскировать свое вмешательство, чтобы табличка не выглядела поврежденной – хотя, впрочем, он мог опасаться, что в противном случае ее заменят, восстановив в первоначальном виде... Значит, он хотел уничтожить имя кого-то из друзей Джессики? Или, может быть, даже... свое собственное?

Малколм просидел на скамейке еще некоторое время, надеясь на ответ. Он даже откинулся на спинку и закрыл глаза, в надежде, что это облегчит контакт. Теперь он знал, как отличить ответ Джессики от игры собственного воображения – если исчезнувшее и неизвестное ему имя прозвучит в его сознании столь же уверенно, как уверенно приходили ответы на тест... Но нет, беспорядочно мелькавшие в его уме имена были, несомненно, лишь игрой в поддавки его собственного разума. Быть может, ему следовало заснуть – в конце концов, именно во сне состоялся их единственный *настоящий* разговор. Но на холодном сыром ветру сон не шел к нему самым категорическим образом. Его организм желал лишь добраться в тепло, и поскорее. Так что, еще раз попрощавшись, Малколм поднялся и, сунув руки в карманы и подняв повыше воротник куртки, торопливо зашагал к выходу из парка.

Вернувшись в общагу, он уселся на кровать с ноутбуком – экраном в угол, так, чтобы тот уж точно не попал в поле зрения Рика (который на сей раз, похоже, никуда не собирался, а решил-таки заняться учебой). Первым делом он вывел на экран фото, сделанное мобильником в минувшую субботу. Он не стал смотреть его на телефоне в парке, пока надеялся получить ответ от Джессики. Но теперь он убедился, что его интуитивное представление о трех дюжинах имен было верным. На снимке их действительно было тридцать шесть.

Правда, верхнее в правом крайнем столбике было едва заметным. Позолота (или что там это было на самом деле), покрывавшая все остальные буквы, с него почти полностью слезла (и почему-то только с него – кое-где в других местах покрытие тоже чуть-чуть облупилось за десять лет, но лишь самую малость). Но выпуклые буквы, пусть и оставшиеся такими же черными, как фон, вполне можно было прочитать: "Тревор".

"И кто же ты такой, Тревор?" – пробормотал Малколм, даже не заметив, что говорит вслух.

– А? – Рик поднял голову от учебника.

– Это я не тебе, – недовольно произнес Малколм.

– Жаль тебя разочаровывать, Малколм, но кроме нас двоих здесь никого нет, – осклабился Рик, но, не дождавшись никакой реакции, кроме выжидательного взгляда, добавил: – Это была

шутка.

– Ха-ха, – ненатурально ответил Малколм, вновь утыкаясь в экран.

Тревор, значит. По какой-то причине посмертно исключенный из числа друзей Джессики – то есть, конечно, посмертно по отношению к ней, а не к нему. И кстати, тот тип, засидевшийся на скамейке во вторник... возможно, если бы Малколм подошел тогда ближе, то услышал бы скрежет напильника?

Тревор. J+T...

"Не было на ее странице никаких Треворов!" – еще раз сердито напомнил себе Малколм. Но если можно сточить имя напильником, удалить его из блога еще проще, не так ли?

Хм... не совсем так.

"Прости, Джессика, – произнес Малколм, на сей раз про себя, – но я должен знать наверняка. Не то чтобы я тебе не доверяю, ты бы, наверное, мне рассказала, как я рассказал тебе про Кэтрин... но так я узнаю быстрее."

Его пальцы уже набирали адрес web.archive.org. Хранилище старых копий сайтов со всего интернета. Если, конечно, нужная страница успела попасть в этот архив...

За два года своего существования страница Джессики была скопирована лишь дважды – в первый раз вскоре после создания (там было всего четыре записи), во второй – в мае 2006. Малколм загрузил вторую копию, ввел в строке поиска "Тревор". Нет, ни одного упоминания. Но все же он открыл последнюю, мемориальную версию блога в другом окне и принялся сравнивать записи. Не обязательно ведь называть человека по его официальному имени...

Так. А вот и удаленный постинг. С фотографией.

Но никакого парня, по имени Тревор или нет, там не было. Джессика была снята с другой девушкой. Обычное фото с подругой, на ее странице подобных хватало. Но почему потом оно было удалено? И этого лица Малколм, кажется, прежде не видел – оно было довольно запоминающимся. Бледная кожа и при этом угольно-черные волосы, подведенные черным глаза и даже губы, покрашенные черным (нижня – проколота кольцом). Одетая, само собой, тоже во все черное, на шее какой-то знак на цепочке – не то руна, не то иероглиф... Ну понятно – одна из этих, как их там? Готы, эмо? В молодежных субкультурах Малколм никогда не разбирался, считая идиотами их всех оптом. Даже странно, что Джессика захотела общаться с такой дурой... хотя – не потому ли она потом и удалила фото?

В архиве нашлось еще несколько записей, относившихся к этой девице. Не везде она, кстати, выглядела так, словно собралась на кастинг "Семейки Адамс", но Малколм все равно смотрел на нее с неприязнью, особенно когда увидел еще и татуировку у нее от плеча до локтя (татуировки, равно как и пирсинг, вызывали у него просто физическое отвращение). Звали ее Триша, и она, насколько Малколм понял по контексту, была соседкой Джессики по комнате. Теперь ясно, как Джессика с такой связалась – так же, как и он с Риком... хотя ему, конечно, не пришло бы в голову фотографироваться с Риком и выкладывать это в свой блог. Нет, похоже, что две девушки, при всем очевидном несходстве, и в самом деле были подругами...

А между маем и сентябрем перестали быть таковыми. Самый простой вариант, конечно – перешли на второй курс и больше не обязаны были жить в общежитии. Каждая перебралась в свое жилье, и общение сошло на нет; возможно, и по учебе их развела разная специализация. Но это не объясняет, почему Джессика удалила все упоминания об этой Трише.

Может, эта особа вообще вылетела из универа, попавшись, скажем, на списывании курсовой работы? А жертвой плагиата стала как раз Джессика? Очень даже может быть – у кого и воровать, как не у соседки по комнате...

Кстати, была ли Триша в списке имен? Малколм вновь загрузил фото поминальной таблички и ничуть не удивился, не обнаружив ее там. То ли обида была обоюдной, то ли родные и друзья Джессики попросту не позволили Трише присоединиться к ним с ее лицемерным соболезнованием. И правильно, разумеется, сделали.

Но кто же такой все-таки Тревор?

Одно из объяснений напрашивалось. Самая частая причина, способная насмерть поссорить даже лучших друзей – это вовсе не плагиат научной работы... Но нет, только не Джессика! Она была выше этого! В конце концов, на ее странице нет никаких упоминаний о парнях, даже в стертых записях! Хотя, конечно, мало ли что могло произойти с мая по сентябрь...

Нет, сердито сказал себе Малколм. Нет, нет и нет! Он не имеет права даже думать такое о Джессике, тем паче – без всяких на то оснований!

Впрочем, Джессика тут может быть и совершенно ни при чем. Возможно, Триша ревновала Тревора к ней без всяких оснований, исключительно по собственной дури. И наговорила каких-нибудь гадостей, обидев Джессику совершенно на пустом месте... Но все-таки, если Тревор был просто приятелем, одним из многих, кому и зачем понадобилось удалять его имя с таблички, да еще десять лет спустя? Неужели Триша, будучи уже тридцатилетней теткой, все никак не уgomонится? И кстати – так ли Малколм уверен, что видел тогда на скамейке именно мужчину? Он ведь смотрел со спины, издали и сквозь ветки, а бейсболку и мужскую рубаху может носить и женщина. Волосы, по крайней мере, были длинные...

Ладно, подумал Малколм. Про Тревора он не знает ничего, кроме имени. Хотя можно, конечно, опять посмотреть списки студентов 2005-2006 годов. Но там может оказаться и несколько Треворов. А вот Тришу он уже может поискать по фотографии.

Малколм выбрал фото, где Триша была снята одна, без Джессики, и запустил поиск. Такое же фото нашлось лишь в одном месте – блоге Триши МакМердон. Ну да, вполне логично, что та тоже запостила к себе сделанное Джессикой фото. Однако, кликнув на ссылку, Малколм попал на сообщение о несуществующем аккаунте. Память о ссылке еще хранилась в недрах поисковой системы, но самой страницы уже не было. Причем веб-архив на сей раз не помог – возможно, при жизни аккаунт Триши содержал запрет на архивирование.

Словно кто-то старательно уничтожает информацию и о Трише, и о Треворе, подумал Малколм. В сети и даже в реальном мире. Собственно, этим кем-то вполне может быть кто-то из этих двоих. А может, и некий таинственный третий с совершенно непонятными мотивами... Но в интернете трудно что-то уничтожить бесследно. По крайней мере, теперь он знает не только внешность, но и фамилию Триши. Но по-прежнему ничего не знает о Треворе. Интересно все-таки, были ли как-то связаны эти двое? Ни на что особо не надеясь – мало ли на свете Треворов! – Малколм набрал в поисковой строке "Триша МакМердон Тревор" и не успел даже задуматься, как бы еще конкретизировать запрос, как услужливый "Гугл" выдал ему подсказку: "Триша МакМердон Тревор Хастингтон убийство".

Убийство?! Неужели... Малколм поспешно кликнул "Искать".

"Патрисия МакМердон признана виновной в убийстве Тревора Хастингтона" – гласил заголовок первой же ссылки.

Малколм выдохнул с облегчением, словно позабыв, что Джессики так или иначе все равно уже нет в живых – пусть даже жертвой Триши стала и не она.

"(3 июля) Сегодня суд присяжных признал Патрисию МакМердон виновной в убийстве первой степени. Таким образом, линия защиты, направленная на квалификацию преступления как убийства в состоянии аффекта, потерпела неудачу. Доказательства, предъявленные обвинением, не оставили у жюри сомнений, что мисс МакМердон действовала по заранее обдуманному плану. Напомним, что жестокое убийство Тревора Хастингтона потрясло жителей спокойного Титусвилля..." Здесь анонс заканчивался, и Малколм вновь кликнул мышкой, чтобы перейти к полному тексту заметки. Но, едва страница начала грузиться (Малколм успел заметить, что это был сайт какой-то провинциальной газеты), как вдруг погасла лампа над кроватью Рика, а затем на экран вылезла надпись "Страница недоступна". Малколм раздраженно ткнул иконку перезагрузки, но на сей раз та же надпись выскочила мгновенно.

– Черт! – Рик слез с кровати и подошел к окну. Стекло за тонкой тюлевой занавеской вздрагивало от порывов ветра.

– Похоже, во всем кампусе свет вырубился, – проинформировал Рик, глядя в окно. – Должно быть, ветер проводку оборвал. Ну не судьба учебой заняться – хотя бог и Малколм свидетели, я пытался!

Ноутбук продолжал работать от батареи, но вместе с электричеством вырубился интернет, а потому утолить свое дальнейшее любопытство Малколм не мог, вынужденный лишь гадать. Так Джессика потому удалила все упоминания о бывшей подруге, что та оказалась убийцей? Да уж, прожить с подобной особой бок о бок целый год и узнать такое – особенно учитывая "заранее продуманный план"... 3 июля, да, это как раз должно было произойти летом... хотя нет, стоп. Если Тревор умер раньше Джессики, как его имя оказалось на ее доске? И при чем тут какой-то Титусвилль? Малколм не знал нигде в окрестностях города с таким названием. Может быть, речь вообще идет о каких-то совершенно других Патрисии и Треворе?

Некоторое время Малколм раздраженно ждал, надеясь, что электричество восстановят быстро, но, похоже, авария была достаточно серьезной. Рик тем временем определенно не унывал, вновь уткнувшись в свой смартфон. Ну да, сообразил Малколм, мобильный интернет от университетских роутеров не зависит... Но мысль о тормозной связи и маленьком экранчике его собственного ненового телефона по-прежнему не наполняла его энтузиазмом. Некоторое время он ползал по каталогам своего ноутбука, ища, чем бы заняться, но ничего дельного на ум не приходило. Не в Minesweeper же играть, в самом деле...

– Рик, – нехотя попросил он, – можешь глянуть, где это – Титусвилль?

– Да я и не глядя знаю, – откликнулся сосед. – Во Флориде, возле Космического Побережья. Небольшой сонный городок. Я там был однажды в детстве. Останавливались там, когда ездили с отцом посмотреть на запуск "шаттла".

Малколм, никогда не видевший стартов "шаттлов" вживую, почувствовал укол зависти. Теперь уже и не увидеть, программу закрыли в 2011... "Когда-нибудь я буду там работать, а не ездить тупым туристом, – напомнил себе Малколм. – Строить собственные космические корабли." Интересно, а что понесло через полстраны во Флориду Тришу и Тревора? Неужели тоже интерес к космонавтике? Вот уж сомнительно. Скорее это было, гм, "романтическое путешествие". Окончившееся весьма неожиданно для Тревора – но, похоже, не для Триши. "Действовала по заранее обдуманному плану..." Она что – надеялась, что в другом штате ей будет легче ускользнуть от полиции? Когда на нее указывала куча улик – билеты, регистрация в отеле?

– А зачем тебе Титусвилль? – подал голос Рик.

– Да так, – Малколм хотел этим и ограничиться, но не ответить после того, как сам же задал вопрос, было бы слишком невежливо, а придумывать ложь не хотелось. – Читал тут про одно убийство, когда вырубился интернет.

– Убийство? В Титусвилле? Нераскрытое? – заинтересовался Рик.

– Да нет, раскрытое, – нехотя ответил Малколм. – Ее, очевидно, посадили. А может, даже и казнили – во Флориде ведь есть смертная казнь?

– Ее? – Рик, похоже, становилось все интереснее. – Сейчас вообще казнят редко, а женщин особенно. Или это давно было? Как ее звали?

– Да ладно, забудь, – решил закрыть тему Малколм. – Ничего интересного.

Но Рика было не так-то просто сбить с пути. Через пару минут, когда Малколм, наконец, нашел себе занятие – посмотреть когда-то скачанные скринсэйверы, его сосед вновь подал голос:

– Ты говоришь об убийстве доктора Хастингтона?

– Доктора? – переспросил Малколм. Ну да, если Тревор учился на медицинском, то со временем... Но значит – это произошло уже через много лет после смерти Джессики? Это не

была поездка к морю сексуально озабоченной парочки студентов? Ну и хорошо, впрочем, что к Джессике это не имеет совсем никакого отношения...

– "Резня на 16-й улице. Гинеколог убит пациенткой, обвинившей его в сексуальных домогательствах", – с удовольствием процитировал Рик заголовок какого-то таблоида. – Ты, оказывается, любишь подобные истории, Малколм?

"Ну нет, – подумал Малколм. – Это уж точно какие-то однофамильцы."

– Я же сказал – забудь, – произнес он вслух. – Это не то, что я искал.

На экране перед ним медленно поворачивался окруженный своими кольцами Сатурн.

Но Рик лишь водил пальцем по своему смартфону, скроллируя страницы.

– А, не, – сообщил он еще через пару минут, – бульварная пресса, как водится, все напутала. Версия о том, что эта баба, МакМердон, была его пациенткой, не подтвердилась. И насчет домогательств тоже. Когда ее арестовали, она бормотала что-то вроде "я не хотела, это он меня заставил..." Но экспертиза не нашла никаких следов сексуального насилия.

– Домогательства – это еще не насилие, – заметил Малколм исключительно из любви к истине. Эта грязная история уже не была ему интересна.

– Ну да, – согласился Рик, – но даже ее адвокат эту версию выдвинуть не пытался. Она явилась к нему уже с ножом. Домой, а не в кабинет. И покромсала его так, что на самооборону это явно не тянет. Располосовала его от ключиц до паха, прикинь. И отрезала член, да. Потом принялась вытаскивать внутренности. Умер он уже в процессе.

– М-да, – только и смог сказать Малколм, загрохая вместо Сатурна Юпитер.

– "Ужасная смерть доктора Хастингтона потрясла жителей города, – зачитывал Рик вслух очередную статью. – Тревор Хастингтон, 26, выпускник..." О, да он учился в нашем университете! Так ты поэтому заинтересовался этим делом?

– Н-ну... – неопределенно протянул Малколм. Выходит, все-таки не однофамилец... И да, умер он много позже Джессики – но кому все-таки понадобилось уничтожить его имя? Сидящая в тюрьме Триша, очевидно, сделать этого не могла чисто физически... Кто-то по ее просьбе?

– В общем, получив диплом, он перебрался в этот городок во Флориде, – продолжал просвещать соседа Рик. – Ближе места, видно, не нашел – хотя, может быть, он просто любил тепло. Открыл свою частную практику. Но не успел проработать и года, как...

– А про убийцу там что сказано? – осведомился Малколм. – Почему она это сделала?

– Она была алкоголичка и наркоманка, – пренебрежительно ответил Рик. – Видимо, явилась к врачу, надеясь получить от него рецепт на наркосодержащие препараты. Когда он отказал, стала угрожать ему ножом, он попытался нож отобрать, а может, позвонить в полицию, ну, она и психанула – крыша-то у нее и так была уже набекрень, может, как раз флэшбэк накатило... Ты знаешь, что такое флэшбэк?

– Внезапное воспоминание о прошлом?

– Ну... не только. Это когда у наркомана начинаются глюки спустя много дней или даже недель после дозы – до сих пор, кстати, хрен кто знает, почему такое происходит... А, нет, погоди. Это все была версия адвоката. Поначалу он вообще старался разыграть их стандартную карту невменяемости, но не прокатило. Эта МакМердон действительно вела себя как чокнутая, на допросах несла какую-то ахиною – но экспертиза сочла ее вполне вменяемой, несмотря на весь этот бред. Видимо, симулировала, надеясь откосить – хотя это еще не значит, что у нее крыша была в порядке. Наркошей она была на полном серьезе и, кажется, чего только не перепробовала... Но потом следствие раскопало интересные детали. МакМердон специально приехала из Орегона через всю страну в Титусвилль, где никогда раньше не была. И, не останавливаясь в отеле, нигде не задерживаясь, направилась прямо к Хастингтону. Это был вечер, тот уже закончил прием. Его адрес, очевидно, она узнала заранее. Но знаешь, что самое интересное?

– Она тоже училась в нашем университете.

– Именно! Одновременно с ним. На том же факультете. И, похоже, они были тогда любовниками. Ни хрена себе месть бывшему, а? Шесть лет спустя... Такого начитаешься и, пожалуй, станешь как ты, Малколм – держаться от девчонок подальше!

– Так к чему ее в итоге приговорили? – осведомился Малколм, желая удостовериться, что человек в парке уж точно не мог быть Тришей. – Она сидит?

– Сейчас... – пробормотал Рик, вбивая в поисковую строку "патрисия макмердон приговорена". – Хм... нет, не сидит.

– Неужели сбежала? – Малколм внезапно почувствовал холодок в животе, хотя ему эта полоумная потрошительница вроде бы никак не могла угрожать.

– В некотором смысле, – осклабился Рик и зачитал с экрана. – "Патрисия Макмердон, приговоренная к пожизненному заключению за убийство Тревоора Хастингтона в 2013 году, покончила с собой в тюрьме." Два года назад.

– Вот, значит, как, – пробормотал Малколм. Выходит, вандализм в парке – это не только не она, но и не по ее просьбе. Даже если предположить, что ее последней волей было "уничтожить все упоминания о Треворе" и нашелся кто-то столь же безумный, чтобы это желание выполнять, слишком уж долго он добирался до этой скамейки...

– Ты погоди, – воскликнул вдруг Рик с новым приливом энтузиазма, – это только то, что сообщает, так сказать, уважаемая местная газета. А вот таблоид, со ссылкой на анонимного сотрудника тюрьмы, приводит подробности, *как именно* она это сделала.

– Повесилась на простынях? – предположил Малколм без интереса.

– Ха! Это было бы слишком просто. Она *перегрызла* себе вены на обеих руках. Перегрызла зубами, представляешь? Как лисы и волки, которые откусывают лапу, попавшую в капкан. Но у тех клыки все же посерьезней человеческих... Знаешь, когда я в детстве прочитал про этих лис и волков, я решил проверить, смогу ли я прокусить свой палец. Нет, конечно, я не собирался откусывать его совсем, – усмехнулся Рик. – Только прокусить до крови. Так вот – я не смог. Покрасневшая вмятина на коже – это все, чего я добился. Очень трудно причинить боль самому себе, особенно когда требуется не одно движение, а долгие усилия. Все рефлексy противятся. А тут такое... она чуть ли не куски из собственных запястий выгрызла.

– Да уж, – неприятно поморщился Малколм.

– Но это не все! Это успели заметить. Вообще-то она давно сидела в одиночке, ибо ее общества не могла выдержать ни одна сокамерница. Хотя можешь себе представить, что за сокамерницы в блоке, где сидят пожизненные. Нет, она ни на кого не нападала, просто вела себя, как чокнутая. Днем тупо смотрит в одну точку и ни на кого не реагирует, а каждую ночь кошмары и жуткие вопли. Ее, конечно, пичкали транквилизаторами и антидепрессантами, но это не особо помогало – вероятно, потому, что у нее и так уже выработалась привычка ко всем видам наркоты. Так что в камере она была одна, но, видимо, какие-то средства наблюдения там имелись. В общем, ее сумели откачать. Перелили чуть не два литра крови, раны зашили и забинтовали, обкололи ее лекарствами и оставили отлеживаться в лазарете. Пристегнув на всякий случай руки и ноги ремнями к кровати. Хотя по всем прикидкам при такой дозе лекарств она должна была лежать бревном еще пару суток. Но она все равно нашла способ доделать начатое. Знаешь, как?

– Даже гадать не хочу, – усмехнулся Малколм.

– Она откусила себе язык! И проглотила его так, что он перекрыл дыхательное горло. А может, захлебнулась собственной кровью – этот анонимный источник точно не знает, он сам, очевидно, не врач. Но это определенно не был несчастный случай типа судорог или припадка. Она сделала это, потому что хотела сделать.

– Похоже, Тревор Хастингтон был отомщен сполна, – пробормотал Малколм.

– Да уж. Маньячное убийство, маньячное самоубийство. А ведь сама училась на медицинском, а? Так вот сидишь с кем-то рядом на лекции и не знаешь... Хорошо хоть сама

врачом не стала! Представляю, что ждало бы ее пациентов...

И только Джессика, похоже, раскусила ее вовремя, подумал Малколм. Потому и предпочла прервать с ней всякие контакты, даже виртуальные. Впрочем... разве Джессика – "заботливая, любящая и отзывчивая" – не должна была попытаться помочь подруге, заметив, что с ней что-то не так, а не просто вычеркнуть ее из своей жизни? Настоять, чтобы та, скажем, консультировалась с психологом, как-то предостеречь от наркотиков... Хотя – что Джессика могла сделать, если на все ее разумные слова Триша просто грубо послала ее в ответ? Да, наверняка именно так и было. Это и стало причиной их ссоры. А Тревор тут вообще ни с какого боку. То есть по отношению к Джессике, конечно. А с Тришей его, очевидно, и в самом деле кое-что связывало – и, возможно, не только секс. Что, если он и подсадил ее на наркоту? Нет, конечно, едва ли он мог быть серьезным наркоторговцем, судя по его дальнейшей карьере. Это был не героин и даже не мет³, а какая-нибудь обычная студенческая дрянь типа "экстази" или ЛСД, в которой такие, как Рик, не видят ничего особенного. Но Триша втянулась и покатила, а вот Тревор со временем взялся за ум, стал примерным студентом, получил диплом и начал уважаемую жизнь хорошо оплачиваемого врача. А опустившуюся подружку-наркоманку презрительно послал еще в период учебы и не ожидал когда-либо увидеть снова. Но она все же отыскала его годы спустя на другом конце страны – не столько, вероятно, в надежде разжиться наркосодержащими препаратами (хотя и это не исключено, если ей было уже нечем платить привычным дилерам), сколько желая отомстить человеку, пустившему всю ее жизнь под откос. Во всяком случае, такая версия выглядит куда убедительней, чем просто месть когда-то брошенной девушки – столь поздняя и столь жуткая.

А Джессика, быть может, как раз и предупреждала Тришу, чтобы та держалась от Тревоора подальше. Откуда она это знала? Да просто смотрела на Тревоора здраво, а не замутированными похотью глазами. А в ответ получила лишь злобу влюбленной дуры, оскорбившейся за своего идола – а возможно, даже возмнившей, что ее подруга пытается таким образом отбить Тревоора для себя. Что, конечно, должно было особенно обидеть чистую и невинную Джессику.

Да, все это очень правдоподобно. Но все-таки, кому понадобилось уничтожить имя Тревоора, если все действующие лица этой истории давно мертвы?

Хотя – если Тревор и в самом деле был мерзавцем, догадываться об этом могла не только Джессика, а иметь к нему счеты – не только Триша.

Свет в тот вечер так и не дали, так что Малколму поневоле пришлось лечь спать пораньше, даже не дожидаясь, пока разрядится батарея ноутбука. Утром, шагая от общаги к учебным корпусам, он увидел и причину аварии – большой старый вяз, рухнувший на провода. Рядом стоял большой белый грузовик муниципальной службы – рабочие только прибыли пилить упавшее дерево, хотя кампус уже был запитан от каких-то, очевидно, резервных источников. "Хорошо, что под ним никто не стоял и не парковался", – подумал Малколм и вдруг почувствовал испуг: а как там в парке? Скамейка Джессики тоже стоит под старым деревом, накрывающим ее шатром из веток. И если это дерево рухнет, оно вполне способно сломать скамейку.

Насколько важна эта скамейка для самой Джессики? Может ли ей как-то повредить, если будет повреждена ее скамейка? Малколм впервые задумался над этим вопросом, который еще несколько дней назад казался бы ему абсурдным. Нет, наверное, самой Джессике, где бы она сейчас ни находилась, ничто в нашем мире уже повредить не может. А вот возможность общения с ней, вероятно, как-то все же привязана к... скамейке? просто месту на берегу, откуда Джессика любила фотографировать озеро? мемориальной табличке? Малколму вдруг представилось, как он откручивает эту табличку и уносит из парка к себе домой (не в общагу, конечно, а туда, где не будет никаких Риков) – "моя, только моя..." Нет, конечно, это совершенная

дикость, тут же опомнился он. Никогда он не сделает ничего подобного!

Сидя на лекции, он в очередной раз быстро потерял ход объяснений преподавателя. Рука еще механически перерисовывала формулы с доски, но мысли были заняты другим. Жалко, из-за отключения света он так и не дочитал "Трещину" – хорошо было бы обсудить книгу с Джессикой сегодня. Впрочем, ему всегда найдется о чем поговорить с Джессикой...

– ...сумма по j от нуля до i фи от t плюс j ... – доносился до него монотонный голос профессора.

" $\phi(t+j)$ " – машинально вывел в тетради Малколм и вдруг замер, глядя на написанное. Скобки напоминали идиотское сердечко, а от перестановки слагаемых... Ему вдруг пришла в голову еще одна интерпретация пошлой формулы, не имевшей никакого отношения к математике.

Имя "Триша" тоже начинается на Т.

И в этом случае предполагаемый треугольник – точнее, граф – "Триша – Тревор – Джессика" обретает совсем другую конфигурацию. Что, если отсутствие каких-либо упоминаний парней (если не считать пары больших групповых фотографий) на странице Джессики объясняется не ее чистотой, не отсутствием интереса к сексу, а только лишь отсутствием интереса конкретно к мужчинам? Что, если Триша была "би" – или, по крайней мере, считала себе таковой, подобные особы любят "экспериментировать" и "пробовать в жизни все" – и Тревор отбил ее у подружки? В этом случае гнев Джессики, пожелавшей удалить любые упоминания о предавшей ее Трише (подобно тому, как и сам Малколм в свое время стер все фотографии Кэтрин), выглядит более естественным и объяснимым, чем если бы дело было в простой обиде на резкие слова...

Малколм почувствовал, что краснеет от злости и стыда одновременно. Нет, нет, нет! Это полная чушь! Джессика была не такая, она была выше всего этого! Тем более – кто бы в таком случае вырезал дурацкое сердечко на мемориальной скамейке, когда Джессика была уже мертва, а Триша – с Тревором? Вот именно, подумал Малколм с облегчением. Надо же хоть немного думать, прежде чем предполагать гадости! А эти J и T на скамейке наверняка вообще относятся к кому-то совершенно постороннему!

Если бы Малколм не сидел на лекции, то, наверное, залепил бы сам себе пощечину за то, что позволил себе так грязно подумать о Джессике. Хорошо еще, что это не пришло ему в голову в парке. Остается лишь надеяться, что *здесь* она его не услышала. Тот способ, которым она подсказала ему ответы на тест, доказал, что она *может* проникать в его мысли... Что, кстати, само по себе его совершенно не пугало. Просто не надо думать того, что... недостойно их обоих.

Профессор тем временем вытер доску, и Малколм понял, что опять пропустил важный кусок, без которого дальнейшие записи теряют смысл. Он вытащил из сумки "Трещину" – он и сам не помнил, как сунул ее туда, но почему-то не сомневался, что она там – и стал читать.

Станным образом депрессивное повествование подействовало на него успокаивающе. Может быть, потому, что на сей раз, в отличие от "Ребекки", он не ассоциировал себя с главным героем – что, впрочем, ничуть не снижало удовольствия от чтения. Одни мрачные афоризмы Мориса чего стоили: "Все проблемы между людьми возникают от двух причин: во-первых, потому что они не говорят друг другу правду, а во-вторых, потому что они ее говорят", "За деньги можно купить все, кроме ума и таланта. Потому что ум и талант ни хрена не стоят", "Отделяя агнцев от козлиц, не следует забывать, что и те, и другие – скоты" и так далее. После обеда Малколм так и не пошел на оставшиеся пары, удобно устроившись с книжкой в большой рекреации под стеклянной крышей, сквозь которую наконец-то светило солнце. Он все-таки дочитает книгу прежде, чем идти в парк.

Малколм не сомневался, что "Трещина" закончится смертью главного героя, но автор все же сумел преподнести ему сюрприз. Морис действительно выстрелил себе в висок. Но пуля, пронзив насквозь его мозг, не убила его. Морис был доставлен в больницу в глубокой коме, в

каковом состоянии и остался, помещенный в палату таких же безнадежных. Все вокруг считают его овощем. Но на самом деле его сознание по-прежнему живо в полностью парализованном теле. Он не может ни пошевелиться, ни подать знак, ни добиться отключения аппаратуры (ни откусить себе язык, подумал про себя Малколм). Дни кажутся ему годами. Ни надежды, ни выхода нет. "Трещина настигла его".

Некоторое время Малколм сидел, опустив закрытую книгу на колени, и думал, насколько это ужасно – такое бесконечное бытие в полной неподвижности, темноте и пустоте, в отрезанности от внешнего мира... кажется, даже без возможности заснуть и видеть сны. Когда вся Вселенная сужается лишь до пределов собственного сознания, которое может лишь бессильно скрестись о стены своей тюрьмы без шансов на освобождение. Впрочем, внезапно подумал Малколм, а разве не так существует бог любой из монотеистических религий? Один во вселенной, фактически тождественной ему, не имеющий шансов ни вырваться во внешний мир, ни умереть, ни даже отключиться на время. Все, что ему остается – это выстраивать в уме мир собственных фантазий, по отношению к которым он, конечно, всемогущ и всеведущ, хотя вряд ли всеблаг.. Что, если вся наша вселенная – не более чем вымысел, которым пытается скрашивать бесконечный тоскливый ужас своего бытия какой-то космический коматозник?

Малколм сунул книгу в сумку. Пожалуй, роман все же оставил у него неприятное послевкусие. Тот случай, когда о книге можно сказать, что она не понравилась именно потому, что хорошо написана. Ибо от мыслей и чувств, навеваемых ею, тяжело избавиться. Джессике, наверное, было еще неприятнее, когда она дочитала до конца... Малколм поднялся и направился в библиотеку, чтобы вернуть книгу, а оттуда пошел прямо в парк. Ему не терпелось поднять себе настроение.

Скамейка оказалась в полном порядке, разве что ее присыпало листвой. Малколм смахнул листья на землю, на сей раз не обнаружив никаких сюрпризов. "Привет, Джессика! Знаешь, мы виделись только вчера, а я уже соскучился..."

Это было не совсем правдой, конечно. Не в том смысле, что он не соскучился, а в том, что на самом деле *виделись* они три дня назад. Если, конечно, так можно назвать приснившийся разговор – но Малколм уже не сомневался, что это был не просто сон. В остальное же время – да, он ощущал присутствие Джессики, сидя на ее скамейке, но ему хотелось бы более явственной обратной связи.

Он так и не решился спросить Джессику про Тришу и Тревора, полагая, что эта тема ей столь же неприятна, как и ему самому тема Кэтрин – недаром же она удалила все упоминания о бывшей подруге. Оставалась для него табу и тема смерти самой Джессики. Вместо этого он предпочел поговорить о более веселых вещах – например, о своих любимых летательных аппаратах и курьезах авиаконструкторов:

– Знаешь, во время Первой мировой перед конструкторами встала задача – как позволить пилоту стрелять прямо по курсу, не повреждая винт? В Германии на моноплане Fokker Eindecker сделали автомат, синхронизирующий выстрелы с оборотами винта. А что тем временем придумали французы? Ты не догадаешься! Тупо стрелять прямо в винт, но при этом бронировать те его части, куда попадают пули! При этом они гордо сообщали, что таким образом впустую – то есть даже хуже, на стрельбу по собственному самолету – тратится не более 30% боезапаса! Инженерные гении, да!

Интересно, подумалось вдруг ему, а она *там* может пообщаться с летчиками Первой мировой? С другими умершими? Есть ли *там* какие-то границы, связанные с местом и временем смерти? Вообще, все ли попадают туда, куда и Джессика? Может быть, это случается лишь с теми, кто не дожил до своей естественной смерти? А после того, как сознание проживает отмеренный ему срок – на этом свете или на том – оно все равно растворяется в небытии...

Но спросить об этом он, конечно, опять не решился, помня свое собственное опасение, что эта тема может быть не просто неприятной для Джессики, а запретной, ставящей под угрозу

всю их связь. Вместо этого он ограничился более общей формулировкой: "Дай мне знать, о чем ты хочешь поговорить... ну и о чем не хочешь, тоже. Чтобы я, ну сама понимаешь, случайно... Кстати, я тут дочитал "Трешину" и подумал, что мог бы специально для тебя читать и пересказывать тебе книги! Ты только скажи, какие..."

В конце концов он вновь попытался заснуть, сидя на скамейке – но увы, он слишком хорошо выпался накануне. Так что, без толку промучившись с закрытыми глазами не меньше часа, Малколм поднялся с виноватой улыбкой, пообещав, что назавтра "лучше подготовится" к их встрече. Заката он на сей раз дожидаться не стал – хоть небо и оставалось почти безоблачным, к вечеру быстро холодало, а Малколм в этот день так спешил в парк, что не заскочил в общагу, чтобы одеться потеплее.

Он специально просидел за ноутбуком до рассвета, чтобы отправиться спать в парк – благо настала очередная суббота и занятия не могли ему помешать. Но увы – как раз под утро в окно опять застучали капли дождя. Малколм с досадой полез на метеосайт и увидел, что дожди обещают на протяжении всего дня. Он повалился на кровать, не раздеваясь (и позабыв даже выключить ноутбук), и проспал несколько часов, надеясь, что прогноз ошибается. Но, когда он проснулся, дождь все еще шел, а обновленная информация на сайте оставалась столь же безрадостной.

Однако не пойти в парк в этот день он не мог. Ведь это было первое октября.

Дождь был самого мерзкого осеннего типа – не настолько сильный, чтобы быстро пролиться и закончиться, и не настолько слабый, чтобы не обращать на него особого внимания. Неудивительно, что, несмотря на субботу, парк был совершенно пуст – даже ни один собачник не выгуливал своего питомца. Некому было обратить внимание на одинокого молодого человека в черной куртке с низко надвинутым капюшоном, целеустремленно шагающего по аллее с тощим букетом в руке.

– Привет, Джессика, – сказал Малколм, подойдя к скамейке, и осторожно опуская завернутые в целлофан три тюльпана на мокрое сиденье прямо под табличкой. – Это тебе. С днем рождения.

Садиться на мокрые доски не хотелось, и он остался стоять, склонив голову и глядя на лицо девушки, по которому скатывались капли.

– Надеюсь, ты любишь тюльпаны, – добавил он. – Я не знал, какие твои любимые цветы, но мне показалось, что розы – это слишком пошло. Я хотел принести еще торт и съесть его тут... с тобой, но сама видишь, какая погода.

Прежде он не дарил цветов никому и никогда в жизни (в том числе и Кэтрин) и лишь презрительно посмеялся бы над такой идеей, стоявшей в его рейтинге глупых пошлостей не очень далеко от сердечек с инициалами. Наверное, он и Джессике подарил бы что-нибудь более... практичное, будь она жива. Но для мертвой девушки он не смог придумать ничего лучше цветов. В конце концов, множество людей во всем мире делают то же самое – приносят цветы на могилы. Правда, Малколм всегда считал их идиотами, выкидывающими деньги на ветер. Но тогда он не знал того, что знал сейчас.

Он говорил с Джессикой еще какое-то время, стараясь вспоминать что-нибудь веселое, способное поднять настроение в такую унылую погоду, но в конце концов, несколько раз шмыгнув носом, стал прощаться. "Думаю, ты не хочешь, чтобы я простудился и потом не смог приходиться несколько дней", – сказал он с извиняющейся улыбкой.

Отходя от скамейки, он вдруг заметил какое-то движение на аллее, полускрытой от него деревьями. Неужели какой-то сумасшедший бегун все же выполняет свой норматив, несмотря на погоду? Но нет, неведомая фигура не мелькнула снова ни левее, ни правее, как было бы, если бы она бежала или хотя бы шла по асфальтовой дорожке. Она словно просто растаяла за деревьями.

Малколм, разумеется, не думал, что она и в самом деле могла растаять, словно призрак. Не думал он и что ему могло просто померещиться. Нет. Похоже, какой-то тип, видя, как он

отходит от скамейки, поспешил отступить с аллеи вглубь зарослей, потому что не жаждал с ним встречаться.

Уж не тот ли это самый, которого Малколм видел на скамейке во вторник? На сей раз пришедший вторым, а не первым и (подумал юноша с усмешкой), возможно, испытывающий те же эмоции, что и Малколм по отношению к нему тогда... И зачем он пожаловал теперь? Хочет уничтожить на табличке еще одно имя?

Малколм быстрым и решительным шагом вышел на асфальт именно в том месте, где видел неясный силуэт. Разумеется, на аллее никого уже не было – ни слева, ни справа, насколько хватало глаз. Но этот тип должен быть где-то здесь, у него не было времени, чтобы скрыться по-настоящему. И, разумеется, уже через несколько секунд Малколм заметил невысокую, но толстую фигуру в светлом плаще, стоящую под деревом ярдах в десяти от края аллеи. Возможно, у нее и получилось бы спрятаться за вековым стволом, будь она постройнее. Впрочем, Малколм, скорее всего, в любом случае не обратил бы на нее внимания, если бы просто пошел прочь по аллее, погруженный в свои мысли, а не принялся приглядываться по сторонам. Кажется, это была женщина, какая-то белобрысая толстуха, и это несколько сбило боевой настрой юноши. Мужчине он, возможно, и крикнул бы: "Эй, что вы там делаете?", но по отношению к женщине это показалось ему необоснованным хамством, даже если она прячется именно от него – *особенно* если она прячется именно от него. В конце концов, если она не желает встречаться нос к носу с незнакомым парнем в совершенно безлюдном парке, это ее право, не так ли? Паранойя не наказуема. Даже если просто стоять и рассматривать ее отсюда, она, чего доброго, может вызвать полицию...

Тем не менее, Малколм отнюдь не собирался просто уйти, оставив ее здесь. Толстуха определенно не была обычной гуляющей. Во-первых, в отороженного спортсмена, совершающего свой моцион в любую погоду, поверить еще можно, но только не в особу с такой комплекцией – она и при ясном-то небе вряд ли много ходит пешком. Во-вторых, она не просто шла по дорожке. Она стояла там и ждала, пока Малколм уйдет от скамейки – в этом у него не было никаких сомнений.

Поэтому, пройдя по аллее около сотни ярдов, Малколм свернул направо, в сторону озера, продрался сквозь мокрые кусты, вышел на тропинку, идущую вдоль воды, и крадучись двинулся обратно. Тропинка в такую погоду представляла собой сплошное месиво жидкой грязи и воды, и в кроссовках у него сразу же противно захлюпало, но Малколм старался не обращать на это внимания. Во всяком случае, его появления с этой стороны она, скорее всего, не ждет.

Камыши, сквозь которые проходила тропинка, не были идеальным укрытием, ибо не достигали в высоту и пяти футов, да и росли не везде – и все же, пригнувшись, а затем и передвигаясь на корточках, Малколму удалось подобраться к скамейке достаточно близко, чтобы, раздвинув стебли, получить достаточный обзор. Да, толстуха была там; она сидела на скамейке справа от таблички, подложив под себя белый пластиковый пакет. На вид ей было лет сорок с чем-то. Белокурые волосы некрасивыми мокрыми прядями свисали из-под кремового кожаного берета. Малколм чуть ли не с ревностью отыскал взглядом свой букет; он лежал на прежнем месте, незнакомка его не тронула. Юноша попытался представить, могла ли она быть тем человеком, которого он видел во вторник со спины. Пожалуй, нет – плечи у того выше поднимались над спинкой, а шея была тоньше и длиннее...

Незнакомка какое-то время просто сидела, глядя на озеро, и Малколм, у которого от непривычной позы уже начали ныть мышцы, с раздражением думал: "Ну конечно, самое подходящее время, чтобы любоваться пейзажем!" Вытащив мобильник, он сделал несколько фото, но такой ракурс мало что мог ему дать. Однако, когда он ловил ее в объектив в очередной раз, она вдруг повернулась к нему лицом, словно заметив слежку; Малколм даже вздрогнул, но тут же понял, что она смотрит не на него, а на табличку на спинке скамейки. Ее губы двигались; она что-то говорила, но расстояние и шелест дождя не позволяли Малколму расслышать ни

слова.

Он сделал еще несколько снимков, но, когда боль в мышцах ног сделалась, кажется, нестерпимой (притом, что и холодная вода в кроссовках не доставляла удовольствия), решил все-таки прервать слежку и принялся отползать назад. Выбравшись обратно на асфальтовую дорожку, он с максимальной скоростью зашагал в сторону выхода.

На западном берегу, в "цивилизованной" части парка, располагалось несколько павильонов для пикников, сейчас, разумеется, пустовавших. Малколм зашел под крышу первого же из них и вновь вытащил из кармана телефон. Снова ему придется мучиться, пользуясь мобильным интернетом, но что поделаться... Малколм просмотрел сделанные снимки в максимальном масштабе, выбрал лучший ракурс и запустил поиск по изображениям.

Есть! Вот и ее аккаунт. Памела Стефански, проживающая в г. Нью-мэн, Калифорния. Хм... далековато от дома ее занесло. Кажется, типичная домохозяйка... "счастливая мать четверых детей", ну да, ну да... 1984 год рождения – надо же, а выглядит намного старше... вот до чего доводит нездоровый образ жизни и питания... постинги все больше на тему всякой детской фигни и кулинарных рецептов... словом, ничего интересного. Классический "элемент пищевой цепи". Не имеющая ни ума, ни силы воли даже на то, чтобы следить за собственным весом. Неужели эта пустышка тоже была подругой Джессики? И притом настолько верной, что явилась сюда аж из Калифорнии ради... дня рожденья подруги, умершей десять лет назад?

Из павильона была видна стоянка перед входом в парк; два часа назад, когда Малколм проходил там, она была совершенно пуста, но теперь там мок одинокий автомобиль. Наверняка именно на этой машине она и приехала. Малколм с неудовольствием вновь вышел под дождь и зашагал к автомобилю.

Номера оказались не калифорнийские, а местные. Но, как тут же сообразил Малколм, в этом не было ничего странного – Калифорния еще дальше от Новой Англии, чем Флорида, мало кто захочет ехать своим ходом. Наверняка она прилетела на самолете, а машина прокатная. Малколм обошел автомобиль, рукавом стер капли с окна со стороны водителя, заглянул внутрь. Он и сам не знал, что надеется увидеть, но ему повезло – на правом сиденье покоилась дорожная сумка, на длинной ручке которой висела бирка, какие обычно цепляют на контроле в аэропортах. Значит ли это, что миссис Стефански приехала в парк прямо из аэропорта, не останавливаясь ни в каком отеле? То есть что она действительно оставила дома весь свой молодняк и пролетела через всю страну только для того, чтобы посидеть на скамейке Джессики?

Малколм снова извлек мобильник и полез в интернет смотреть расписание рейсов. Да, действительно два часа назад приземлился калифорнийский борт – современным самолетам такой дождь не помеха. Хотя, конечно, ниоткуда не следует, что Стефански прибыла именно сегодня. Будь Малколм полицейским и имей соответствующие полномочия, он бы легко получил список пассажиров конкретного рейса, но увы... Может быть, дата есть на бирке? Малколм как-то никогда не обращал внимание, что там пишут. Со стороны водителя рассмотреть надпись было невозможно, так что юноша обошел машину и вытер стекло с пассажирской стороны. Невооруженным глазом надпись не получалось разобрать и отсюда, но Малколм сделал снимок мобильником, понадеявшись разглядеть бирку при максимальном увеличении. Однако кадр вышел нечетким из-за попавшей в объектив воды. Малколм, недовольно поморщившись, протер его платком и примерился снова...

– Я могу вам помочь?

Он вздрогнул, едва не выронив телефон. Памела Стефански стояла прямо перед ним.

– Я... эээ... – только и сумел выдать Малколм. Врать он никогда не умел, тем более экспромтом.

– Вы следили за мной, – обличающе сказала она.

– Вы за мной тоже! – тут же нашелся он.

Она помолчала, пристально глядя ему в глаза, и внезапно ее взгляд смягчился.

– Это ведь вы оставили букет... на ее скамейке?

– Да, – не стал отрицать Малколм.

– Если хотите, сядем в машину, – предложила она. – Просто чтобы не стоять под дождем.

Малколм неуклюже кивнул.

– Памела, – представилась она, когда они забрались в салон (сумку она переставила на заднее сиденье).

– Малколм, – ответил он, и тут до него, наконец, дошло: – Я могу называть вас "Мел"?

– Лучше Пэм, – она улыбнулась, но улыбка была грустной. – Никого из тех, кто звал меня "Мел", уже нет в живых.

Он смотрел на нее, не веря своим глазам. Даже теперь, зная, кто она, он едва ли мог различить знакомые по фото черты. Во что превратилась хрупкая тоненькая девушка всего за десять лет... Да, конечно – рожала четыре раза, но все равно, это же не повод! И волосы... хотя волосы, конечно, крашенные. Тогда или теперь? Впрочем, какая разница...

Затем до него дошел смысл только что услышанного. Так вот почему он не нашел аккаунта Теда.

– Значит, и Тед тоже...?

– Тед умер самым первым, – кивнула Памела. – То есть, я имею в виду – вторым после Джессики. У него был ДЦП. Сама по себе эта болезнь не считается смертельной, но у нее много разных проявлений и побочных эффектов. Около 10% больных умирают, не дожив до совершеннолетия. Но я думаю, что дело не в этом... Но погоди. Ты, кажется, все о нас знаешь. А я не знаю о тебе совсем ничего. Мне кажется, ты слишком молод, чтобы быть знакомым Джессики... извини, конечно...

– Не извиняйся, – криво усмехнулся он. – Да, я действительно всего лишь первокурсник в здешнем университете, и я не знал Джессику... при жизни. И о вас я знаю только то, что написано на табличке. Там, в парке.

Плюс кое-что из интернета, конечно, добавил он мысленно. Плюс то, что рассказала ему *сама Джессика*. Про ДЦП, в частности, все подтвердилось – впрочем, он уже и не сомневался...

Но взгляд Памелы по-прежнему требовал разъяснений, и он продолжал:

– Просто однажды я гулял по парку и увидел ее скамейку. Ее лицо. Лицо девушки, воплощавшей в себе все самое лучшее. Чистое. Светлое. Какую я всегда мечтал встретить. И оказалось, что она умерла. Это было так... несправедливо. И я воспринял это, как свою личную потерю. Словно знал ее всю жизнь. Словно был ее другом. Я понимаю, это звучит странно. Но говорят, труднее всего поверить в правду – ложь выглядит куда убедительней, – это был еще один афоризм Мориса из "Трещины". "А уж если бы я сказал тебе *всю* правду, ты бы точно мне не поверила", – добавил он про себя.

– Джессика была... чудесной, – сказала Памела, ничуть, похоже, не удивившись его словам. – Ее все любили. Ну или, точнее... – она вдруг оборвала сама себя. – К примеру, Тед так ее просто обожал. Больше, чем родную мать. И... по правде говоря, это было взаимно. То есть я хочу сказать, что Джессика любила Теда больше, чем мама.

– Возиться с больным ребенком – это, наверное, каторга, – сочувственно кивнул Малколм. Сам бы он никогда не стал возиться даже со здоровым. Детей он не любил еще с того возраста, когда сам относился к этой категории.

– Она, конечно – мама, я имею в виду, – старалась этого не показывать. Может быть, даже не признавалась в этом самой себе. Но есть вещи, которые так или иначе прорываются. Дело в том, что Тед отнял у нее небо.

– Небо? – переспросил Малколм, думая, что это какая-то поэтическая метафора.

– Мама была стюардессой, – пояснила Памела, – и ей нравилось летать. Она даже хотела сама получить пилотскую лицензию, но... когда у женщины двое детей, время и деньги как-то уходят на другое. Тем не менее, она возвращалась на работу и после моего рождения, и после

Джессики. А вот когда появился Тед... он требовал постоянной заботы и присмотра, ты понимаешь. И ей пришлось окончательно оставить работу – не говоря уже о мечтах научиться летать самой. И она так и не смогла простить Теду жертву, на которую пошла ради него. А вот Джессика в нем души не чаяла.

– Ты сказала, что он умер не от болезни, – напомнил Малколм.

– Ну то есть это мне так кажется, хотя я, разумеется, не врач. Врачи-то выписали свое типично медицинское заключение, что-то там про респираторную недостаточность... Видишь ли, смерть Джессики стала страшным ударом для всех нас, конечно. Но для Теда, я думаю, еще больше, чем для остальных. Он постоянно твердил, что хочет быть с ней, что не хочет жить без нее...

– Ты хочешь сказать, что это было самоубийство?

– Скорее, самовнушение. Он не делал ничего с собой специально. Но если человек все время говорит себе, что не хочет жить, его подсознание запускает процесс самоуничтожения. Я слышала, один доктор рассказывал об этом по телевизору. Даже здоровый может умереть таким образом. А тут – болезнь, которой дай только повод... Потом погибла мама. Меньше чем через год. Разбилась в аварии.

– На самолете?

– Нет, в небо она уже никогда не вернулась. На машине, – Памела помолчала и добавила: – Страховая компания пыталась утверждать, что это было самоубийство, но папа все-таки вытряс из них деньги. Он был юристом и как раз специализировался на страховых спорах.

– А на самом деле? – осведомился Малколм.

– Нет, я уверена, что нет. Мама так и не оправилась после смерти сперва Джессики, а потом и Теда, это правда. Причем из-за Теда, мне кажется, ее терзало чувство вины. Но она не стала бы этого делать. Она знала, что нужна папе. Просто, ну, она стала рассеянной. Могла погружаться в свои мысли и переставать замечать, что происходит вокруг. Наверное, именно это и случилось на дороге. Страховая компания упирала на то, что не было тормозного следа. А папа – на то, что она не превысила скорость и была пристегнута. Зачем бы человеку, желающему покончить с собой, пристегиваться?

"Например, для того, чтобы семья получила страховку", – подумал про себя Малколм, но вслух ничего не сказал. Хотя способ суицида и в самом деле не лучший. Слишком велика вероятность выжить и остаться калекой, а вместо выплат семье по страховке получить огромные медицинские счета...

– А может, она и просто задремала за рулем, – продолжала Памела. – Был уже довольно поздний вечер, темно... В общем, папа выиграл дело, Получил деньги. И остался совсем один...

– А ты?

– Я вышла замуж и уехала к мужу в Калифорнию еще до того, как все это началось. То есть когда Джессика была еще жива. И не смогла приехать, когда с ней это случилось – как раз рожала своего первенца. Конечно же, это уважительная причина. Но я все равно чувствовала себя виноватой. Дала слово назвать свою дочь Джессикой. Это было бы как бы искупление. Но у меня рождались только мальчики, – она промолчала несколько секунд и продолжила: – Именно поэтому у нас их четверо. Изначально мы с Алексом хотели остановиться на двух... Позже я, конечно, приезжала. На все последующие похороны, – она поджала губы. – Просто так ведь из Калифорнии сюда не наездишься. А через два года после смерти мамы не смогла дозвониться до папы... – она вновь замолчала, и Малколм, не дождавшись, спросил, стараясь, чтобы голос звучал поделикатнее:

– И как он умер?

– Когда вскрыли квартиру, он был мертв уже три дня. Три дня в теплом помещении. Поэтому экспертиза не могла сказать с уверенностью. Но подозревали передозировку снотворного...

– То есть опять самоубийство?

– Не было в нашей семье самоубийств! – резко возразила Памела. – Ни одного, что бы там ни говорили. Конечно, его психика была подорвана всем, что ему пришлось пережить. Он жаловался врачу на бессонницу. Уже давно. И получал эти таблетки по рецепту. Просто, наверное, организм к ним уже привык, как к любому наркотику. Вот он и увеличил дозу. Это не было специально. Если бы он хотел покончить с собой, он бы сделал это не так. У него был револьвер. И однажды, еще до всех этих смертей, я слышала, как он сказал маме – а она не любила оружие, ей особенно не нравилось, что эта штука в доме, где полно детей, хотя папа, конечно, всегда держал свою пушку в запортом сейфе – в общем, он сказал ей, что благодаря револьверу он не боится вообще ничего. Не только грабителей. Но и, мол, даже если с ним случится самое худшее – рак там или Альцгеймер – у него есть быстрый и легкий выход. Мама сказала ему, чтобы он не говорил такие ужасные вещи, а он ответил, что ужасно – это когда выхода нет... В общем, раз он не воспользовался этим "выходом" ни после смерти Джессики, ни после смерти Теда, ни после смерти мамы – он не стал бы глотать таблетки, как какая-нибудь школьница, которую бросил парень.

– Понятно, – кивнул Малколм. – Значит, просто цепочка несчастливых совпадений, – "уничтожившая целую семью, это ж надо же", добавил он про себя.

– Не совпадений, если ты имеешь в виду случайности, – возразила Памела. – Каждое несчастье способствовало следующему, все более расшатывая нервы еще оставшихся в живых...

– А ты, значит, оказалась самой крепкой.

– Я жила отдельно на другом конце страны, – пожала плечами Памела. – И у меня были собственные дети. И муж. Мне было, о чем и о ком думать, помимо мертвецов.

"И она была единственной, кто не присутствовал на похоронах Джессики, – мелькнуло вдруг в голове у Малколма. – А все, кто там были..." Но он тут же отбросил эту мысль, как совершенно вздорную.

– Ты думаешь, я черствая? – спросила вдруг Памела почти агрессивно. – Думаешь, я их не любила?

– Я такого не говорил, – возразил Малколм. – Но, раз уж ты об этом... ты сказала, что все любили Джессику, но как-то запнулась при этом. Не все было так гладко, верно? И чувство вины, о котором ты говорила, связано не только с тем, что ты из-за родов не смогла приехать на похороны?

– Да ты прямо Шерлок Холмс, – неприязненно поморщилась Памела. – Ну... ладно, что уж теперь отрицать. Я завидовала Джессике. Нет, это не обычная ревность старшей сестры к младшей, когда кажется, что все внимание родителей теперь достается маленькому ребенку, а на тебя вешают одни обязанности. В конце концов, между нами было всего полтора года разницы, а уж если и ревновать к кому по такому принципу, то к Теду... Но, понимаешь, я ведь совершенно заурядная. И всегда такой была, и знаю это. Школа на нетвердые четверки, пара лет работы кассиршей и официанткой, замужество, дети. Никакой даже попытки поступить в университет – зачем тратить кучу денег, чтобы пару лет спустя все равно бросить работу и сидеть с малышами? А Джессика – это была, что называется, отрада родительского сердца. Отличница. Талант. Идеал. И при этом вовсе не задавака, как можно было бы ожидать от красивой, умной и способной девушки. Не расчетливая стерва, не "снежная королева". Напротив – добрая, искренняя, отзывчивая. То есть на нее даже обидеться было не за что. Просто сиди и чувствуй себя куском гальки рядом с сияющим бриллиантом. И оттого, что этот бриллиант готов тебя в любую минуту обнять и утешить, становится только хуже. Ну, может, я и слегка утрирую. Я совсем не хотела ей зла, в смысле, чтобы она почувствовала себя несчастной. Мне просто хотелось, чтобы она была... не такой сияющей. Чтобы в этом бриллианте обнаружились пятна. Но у меня, конечно, и в мыслях не мелькало того, что с ней в итоге случилось. Для меня это был

ужасный шок...

– А что с ней случилось? – осмелился, наконец, спросить Малколм и по какому-то наитию добавил: – На самом деле?

– А ты разве не знаешь? Разумеется, это полная чушь, что она покончила с собой!

"Так вот, значит..." – потрясенно подумал Малколм и тут же мысленно согласился с Памелой: конечно же, это вранье! Уж у кого-у кого, а у Джессики точно не было для этого поводов!

– Я уже сказала – никто в нашей семье этого не делал, – гневно продолжала Памела. – Хотя каждое ложное обвинение тянет за собой следующие. "А, те самые Сильверы, у которых сначала дочь, потом мать..." Как будто суицид – это что-то вроде заразной болезни, даже если бы хоть одно из этих обвинений и было правдой. Но на самом деле Джессику убила эта чокнутая сука МакМердон.

– Джессику? – растерянно переспросил Малколм. – Но... ее же судили совсем за другое убийство. Тревора Хастингтона. Я читал в интернете...

Точнее, читал Рик, подумал он. Хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо – делай это сам...

– Это был уже второй ее процесс по обвинению в убийстве, – мрачно ответила Памела. – Материалы по первому на нем не поднимались, чтобы, типа, не оказывать давления на присяжных. Хотя это второе дело полностью подтвердило, кто был прав в первом. Если вы выпускаете убийцу на свободу "за недостаточностью улик", он или она убьет снова, и это понятно даже домохозяйке без высшего образования... Если бы эту тварь не отмазали в первый раз, тот доктор был бы сейчас жив, – Памела помолчала и добавила. – Не то чтобы для меня лично и всей нашей семьи это было бы большим утешением, конечно. Но его, наверное, тоже кто-то любил...

– В любом случае, Триша МакМердон плохо кончила, – заметил Малколм. – Очень плохо.

– Да пусть теперь хоть всю вечность горит в аду, куда так стремилась! – взорвалась Памела. – Джессику, Теда, маму и папу это не вернет!

– Как она это сделала? – спросил Малколм со страхом; ему вспомнилась жуткая смерть Тревора. – И главное, зачем?

– Передай-ка мне сумку, – попросила Памела. – Если хочешь ознакомиться, так сказать, со всей полнотой картины. У меня нет желания все это пересказывать, особенно бред официальной версии.

Малколм передал ей сумку с заднего сиденья. Женщина расстегнула молнию и достала из большого бокового кармана внутри картонную папку.

– Я нашла это в папиных бумагах после его смерти, – пояснила она, протягивая папку Малколму. – Я так понимаю, он пытался провести собственное расследование. Хотя уголовные дела никогда не были его специальностью. Потом он, видимо, оставил это дело, так ничего и не добившись. Но, так или иначе, здесь материалы более-менее по хронологии.

Малколм раскрыл папку. Внутри лежали вырезки из газет и ксерокопии протоколов.

"Студентка университета найдена мертвой в квартире своих сокурсниц. Полиция ведет расследование", – гласил самый первый заголовок.

"Джессика Сильвер, 19, студентка второго курса медицинского факультета, найдена мертвой в квартире, которую совместно снимали ее сокурсницы Урсула Лагош и Патрисия МакМердон. Полицию вызвала мисс Лагош. Согласно ее показаниям, придя домой вечером в субботу, она обнаружила, что дверь не заперта, а изнутри доносятся звуки тяжелого рока. Это ее ничуть не удивило, поскольку такое поведение было обычным для ее соседки по комнате. Однако, войдя внутрь, она увидела в комнате тело девушки (позже опознанной как Джессика Сильвер), лежавшее на полу в луже крови. Пятна и брызги крови были повсюду – на полу, на мебели, на стенах и даже на потолке. Тело лежало головой в угол, в котором, сжавшись в комок,

сидела Патрисия МакМердон, также вся окровавленная. У ее ног лежал перепачканный кровью скальпель. Урсула немедленно позвонила 911 и попыталась еще до прибытия медиков и полиции оказать помощь пострадавшим. Однако Джессика была уже мертва, а Патрисия, напротив, не получила физических повреждений и лишь находилась, по словам мисс Лагош, в состоянии глубокого психологического шока. Согласно медицинскому заключению, горло Джессики было перерезано так, что обе сонные артерии были вскрыты, вызвав смерть от тяжелой кровопотери. На пальцах жертвы также обнаружены порезы, возможно, связанные с тем, что Джессика пыталась вырвать оружие у убийцы. Полицией начато расследование обстоятельств смерти мисс Сильвер. Официальные обвинения пока никому не предъявлены."

"Патрисия МакМердон арестована по обвинению в убийстве Джессики Сильвер", – гласил следующий заголовок.

"Экспертиза подтвердила, что все раны на теле жертвы нанесены скальпелем, на котором имеются отпечатки пальцев мисс МакМердон. Полиция не имеет других подозреваемых по данному делу, включая и Урсулу Лагош, имеющую надежное алиби на момент смерти мисс Сильвер.

Мотивы преступления остаются неясными. Известно, что Джессика и Патрисия были соседками по комнате в общежитии и подругами во время учебы на первом курсе. В этом учебном году, однако, девушки сняли жилье отдельно друг от друга, что может свидетельствовать об охлаждении отношений между ними. Однако никто из опрошенных студентов не располагает информацией о какой-либо серьезной ссоре. Известно, что за три дня до смерти Джессика была на вечеринке в честь дня рождения Патрисии.

Мисс МакМердон отрицает все обвинения. Ее адвокат отказался от более подробных комментариев."

– Джессика снимала жилье? – произнес Малколм вслух. – Ваш дом вроде был не слишком далеко отсюда?

– Да, меньше двадцати миль, – подтвердила Памела. – Но мама говорила, что не будет чувствовать себя спокойно, если Джессике придется каждое утро ездить в час пик, особенно зимой – пусть уж лучше снимает жилье рядом с университетом, тем более, удачно подвернулась очень дешевая студия... Мама и сама не любила водить машину и, наверное, проецировала свои страхи. Представь себе – летать любила, а ездить нет.

– Что вполне оправданно – в ДТП гибнет гораздо больше людей, чем в авиакатастрофах, – авторитетно заметил Малколм.

– Да, уж в ее-то случае это точно оправдалось, – мрачно согласилась Памела.

– Так они, в смысле Джессика и МакМердон, поселились по отдельности не из-за ссоры? Просто Джессика нашла удобное жилье для одного?

– Ну, снимать квартиру на двоих все равно вышло бы дешевле. Но я ничуть не удивляюсь, что Джессика не захотела и дальше жить с этой ненормальной. Я удивляюсь, как она терпела ее до этого... Ты почитай, что удумала нести эта тварь – там дальше ее показания!

Малколм перелистнул еще пару вырезок из других газет, не сообщивших ничего нового, и добрался до ксерокопии допроса.

"Джессика вошла, даже не постучавшись, и я сразу заметила, что она не в себе..."

"Вы ждали ее? Или, возможно, кого-то другого?"

"Нет. Ну то есть Урсула должна была вернуться, но я не знала, когда она придет."

"Тогда почему ваша дверь не была заперта?"

"Я не имею привычки запираяться, когда я дома."

"В квартире находился кто-то еще, кроме вас?"

"Нет, я ведь уже сказала! Я была одна."

"Когда вы в последний раз виделись с Джессикой?"

"В среду вечером на моем дне рождения."

"Разве вы не должны были позже увидеться с ней на занятиях?"

"Ну, честно говоря, я немного перебрала на вечеринке и не пошла в универ в четверг. А потом решила не ходить и в пятницу. Устроить себе длинный уик-энд."

"Джессика не звонила вам? Не связывалась каким-то другим способом, скажем, через интернет?"

"Нет."

"А у вас не возникало желания позвонить подруге, с которой вы не виделись уже три дня?"

"Ну... мы были не настолько близкими подругами, чтобы ни дня не прожить друг без друга, вы понимаете. И потом, с чего бы мне волноваться за Джессику? У нее всегда все было прекрасно."

"Хорошо. Вернемся к ее визиту. Что вы делали в этот момент?"

"Слушала музыку. Ну и так, слегка колбасилась под нее."

"Что значит "колбасилась"?"

"Ну, типа танцевала."

"Насколько громко звучала музыка?"

"Ну, достаточно. Я даже не слышала, как она вошла."

"Вы только что сказали, что "сразу заметили, что она была не в себе"."

"Ну да – заметила, когда она подошла вплотную. Я даже испугалась, когда она оказалась прямо у меня за спиной."

"Она когда-нибудь раньше вот так являлась без приглашения?"

"Ну, мы год были соседками по комнате, вы же понимаете. Но с тех пор, как мы поселились по отдельности – нет, никогда."

"Продолжайте. Что сказала или сделала каждая из вас, как можно подробнее."

"Ну, я, в общем, растерялась. Сказала, типа привет, Джесс. А она вдруг достает скальпель и протягивает мне. Ну, я взяла. Думала, что это какой-то прикол. А она сказала мне, чтоб я убила себя."

"Она имела в виду буквальный смысл или образное выражение?"

"Ну я тоже подумала, что образное. А потом поняла, что она не шутит. Стала ей говорить, типа, Джессика, что ты несешь... А она такая: ну, если не хочешь убить себя – тогда убей меня. Вот этим скальпелем. Ты, говорит, хоть и хреновая студентка, но где резать сонные артерии, знаешь. И так наступает на меня, прямо в угол теснит, и типа шею мне подставляет. Ну я, конечно – Джесс, да что с тобой такое, успокойся... Ну и она, видя, что я никого резать не собираюсь, начала у меня скальпель вырывать. А я не отдаю, я же вижу, что у нее крыша поехала, сейчас, думаю, точно или меня, или себя располосует... Но она его все-таки вырвала, и глядя мне прямо в глаза – раз себя по горлу! Кровь фонтаном во все стороны, меня тоже окатило, в лицо прямо... а дальше я не помню, как в ступор впала. Говорят, я там полчаса в углу просидела, пока Урсула не пришла."

"Мисс МакМердон, вы употребляли в тот день алкоголь или наркотики? Какие-нибудь лекарственные препараты?"

"Ничего я не употребляла! Да вы же сами знаете, у меня же кровь на анализ брали! Потом уже доктор что-то вколол успокоительное..."

"А как по-вашему, что заставило Джессику Сильвер сделать то, что она сделала?"

"Откуда мне знать? Может, это она чего-нибудь наглоталась. Хотя она всегда была такая примерная, даже пива не пила..."

– Я так понимаю, в крови Джессики не нашли ничего... необычного? – осведомился Малколм.

– Нет, разумеется, – фыркнула Памела. – У МакМердон, впрочем, тоже. Хотя она уже в это время баловалась наркотой, но по мелочи. Зато потом пустилась во все тяжкие... на радостях,

небось, что выпустили...

"Известно ли вам о каких-то трагических событиях в жизни Джессики?" – продолжал читать Малколм.

"Нет. Ну то есть я знаю, что у нее больной брат, но он такой с самого рождения. А так она всегда была просто мисс Позитив. Понятия не имею, что с ней случилось."

"И у вас не было конфликтов с ней в последнее время?"

"Нет."

"Может быть, на любовной или сексуальной почве? Такое случается даже между лучшими подругами."

"Только не с Джессикой. У нее не было парней."

"А если не парни? Как насчет интереса к женщинам?"

"Кто-то вам уже ляпнул, что она была лесби? Такие слухи распускал кое-кто из парней, которых она отшила. На самом деле все это чепуха. Просто она была этакая мисс Непорочность. Готовая со всеми дружить, но не более чем."

"А вы сами, мисс МакМердон? Вам доводилось испытывать влечение к лицам своего пола?"

"Я что, обязана на это отвечать?"

"Не обязаны. Вам уже были разъяснены ваши права. Но речь идет об обвинении в убийстве, и если вы невиновны, как утверждаете, установление истины и устранение неясностей в ваших интересах."

"Ну хорошо, пару раз у меня был такой опыт с другой девушкой. Не с Джессикой. И не могу сказать, что мне особо понравилось. Это было давно, не думаю, что Джессика об этом знала, и уж тем более – что ей было до этого какое-то дело."

"Значит, вы настаиваете, что между вами не было никаких ссор вплоть до самой ее смерти?"

"Ну сколько можно повторять? Нет, не было. Иначе зачем бы я приглашала ее на день рождения?"

"Возможно, именно там?"

"Нет."

"Тогда как вы объясните тот факт, что на следующий день после вашего дня рождения Джессика удалила вас из друзей в своем блоге, а также стерла все упоминания о вас там же и на своем личном компьютере?"

"Не знаю. Об этом следовало бы спросить у нее. Я не телепатка."

"И у вас даже нет никаких предположений?"

"Мой адвокат велит мне не отвечать на такие вопросы. Я должна рассказывать только о фактах."

Дальше в папке шла копия заключения судмедэксперта, проводившего вскрытие, и Малколм постарался пролистнуть эти страницы, не читая. Ему не хотелось знать *эти* подробности. Но все же его взгляд зацепился за строчку: "Признаки сексуального насилия отсутствуют. Девственная плева не повреждена." – и Малколм почувствовал прилив радости, столь, казалось бы, малоуместный при чтении документа о насильственной смерти.

– Ну, как тебе эта херня? – Памеле, как видно, наскучило сидеть и ждать, пока он читает, и Малколм мысленно усмехнулся, услышав такое слово из уст матери четырех детей. – Она даже не удосужилась придумать сколь-нибудь правдоподобную версию. Кто бы в здравом уме мог поверить в такое?

– Выглядит действительно полным абсурдом, – согласился Малколм. – У Джессики, очевидно, не было никаких мотивов совершать самоубийство, тем более такое... – но все же он предпочел добавить вопросительно: – не так ли? Я имею в виду – может ты, как сестра, знаешь что-то, что не попало в материалы следствия?

– Разумеется, не было, – раздраженно ответила Памела. – Джессика всегда была такой... солнечной. И у нее все было хорошо. И в университете, и дома. Я, правда, в это время общалась с ней уже только по "Скайпу". Но она бы мне сказала.

"Мисс Позитив", – вспомнилась Малколму характеристика, данная Тришей. Не похоже, однако, чтобы та переживала из-за смерти подруги. За всеми этими "мисс Позитив" и "мисс Непорочность" чувствовалась практически нескрываемая неприязнь. Скорее всего – вызванная завистью к чужим достоинствам и добродетелям, в которой призналась даже Памела. Но может ли такая зависть стать основанием для кровавого убийства?

– Но, с другой стороны, – принялся рассуждать вслух Малколм, – мне непонятны и мотивы МакМердон. Даже если у нее был зуб на Джессику, зачем убивать ее в своей собственной квартире, куда Джессика пришла сама и по своей воле?

– Зачем? Да потому что она была чертовой сатанисткой, вот зачем! Там это дальше есть в материалах, следствие все это раскопало, – Памела наклонилась к нему и перелистнула несколько страниц в папке. – В квартире нашли кучу книг по оккультизму, а у нее в компьютере этой дряни было еще больше... в библиотеке тоже брала, вот выписка из ее абонемента... Да достаточно просто посмотреть, как она одевалась, как красилась и какую музыку слушала! Она была помешана на теме смерти и всякой потусторонней нечисти! Я же говорю – я удивляюсь, как Джессика выдерживала ее целый год... это потому, что Джесс была такой доброй и старалась в каждом видеть хорошее, у меня бы точно терпения не хватило...

– Прямо удивляюсь, что Триша собиралась стать врачом с такими-то интересами, – усмехнулся Малколм.

– Патологоанатомом, – ответила Памела. – Это была работа ее мечты. Целыми днями потрошить трупы.

"Разрезала Тревора от ключиц до паха, а потом принялась вынимать органы", – вспомнилось Малколму. Ну да, ну да. Профессиональные навыки не пропьешь.

– Ну, в молодости многие увлекаются такими вещами, – тем не менее заметил он (таким тоном, словно ему самому было уже лет пятьдесят). – Но страшные культисты-убийцы встречаются обычно в кино, а не в реальной жизни.

– На сотню позеров всегда найдется один псих, который верит в это всерьез, – возразила Памела. – Знаешь, что нашли под ковром?

– Под каким ковром?

– На котором лежало тело Джессики! Там все было в ее крови, но когда криминалисты провели тщательную проверку, они нашли под свежей кровью следы более старой. Которую пытались смыть, но ты знаешь, сейчас у полиции такая техника, что могут засечь чуть ли не отдельные молекулы, – она перелистнула еще пару страниц. – И вот такой там был рисунок, – она ткнула пальцем в изображение пятиконечной звезды с какими-то иероглифами между лучами. Пунктирный контур обрисовывал силуэт человека, лежавшего ногами в центр звезды.

– Пентаграмма, – кивнул со знанием дела Малколм.

– Нарисованная человеческой кровью, – повторила Памела. – За несколько дней до убийства. И Джессику зарезали, когда она стояла прямо в ее середине. Хотя она, конечно, не могла этого знать – рисунок к тому времени был уже замыв, да еще и накрыт ковром.

– Чья же тогда это кровь?

– Самой МакМердон. Анализ ДНК это подтвердил.

– Но, кажется, я читал, что на ее теле не было никаких повреждений. Во всяком случае, недавних.

– Женщинам это необязательно, – неохотно пояснила Памела. – Экспертиза установила, что это менструальная кровь. Когда МакМердон допросили по этому поводу, она сказала, что у нее начались месячные, причем обильнее, чем обычно, прямо в день рождения – хороший подарочек, да. Под утро следующего дня она притащилась домой, ну то есть на эту съемную

квартиру, совершенно никакая – сама вечеринка, понятно, была в другом месте, свое двадцатилетие она отмечала с размахом, несовместимым с маленькой квартиркой. Ну и, по ее словам, когда она, наконец, проспалась где-то уже ближе к вечеру, то увидела эту картинку на полу и засохший тампон рядом. Она говорила, что совершенно не помнит, как это рисовала. Типа, наглотавшись всякой дряни на вечеринке, пыталась таким образом вызвать дьявола, – усмехнулась Памела. – А увидев свои художества на трезвую голову, конечно, попыталась их смыть. Но кровь кое-где слишком хорошо въелась в старые шершавые половицы. Поэтому она купила ковер и накрыла это дело, понимая, что квартирная хозяйка не будет в восторге, когда в очередной раз придет за арендной платой.

– Но если это был просто алкогольно-наркотический бред...

– Это она так заявила!

– А что сказала ее соседка Урсула?

– Она ушла с той вечеринки с парнем и ночевала у него. Оттуда пошла на занятия, а когда вернулась вечером, увидела только новый ковер.

– Так ты думаешь, МакМердон просто... принесла Джессику в жертву?

– Ну да.

– Почему именно ее? Почему не ту же Урсулу, с которой, наверное, это проще было проделать, раз она с ней жила?

– Да потому что Джесс была девственницей! Может быть, единственной из всех знакомых этой суки – во всяком случае, единственной, о ком она знала точно.

– Как нелепо, – потрясенно покачал головой Малколм. – В XXI веке, в самой передовой стране мира... Да еще таким идиотским способом – прямо в своей квартире, скальпелем, на котором остались отпечатки ее пальцев... не пытаюсь их стереть, не пытаюсь организовать даже подобие алиби типа нападения неизвестного грабителя... Она не могла надеяться, что это сойдет ей с рук!

– Но ведь сошло же, – горько напомнила Памела и добавила. – Возможно, она рассчитывала, что ее спасет Сатана.

– И ты в это веришь? Что ей помог Сатана?

– Нет, конечно. Это сделал ее адвокат. Не имевший никакого отношения к потусторонним силам и просто хорошо делавший свою гребаную работу.

– И как же ему удалось убедить присяжных? Улики имеются, мотив, пусть и идиотский, имеется, других подозреваемых нет, версия самой обвиняемой – полная ахинея...

– Ну, во-первых, – на сей раз Памела не стала отсылать его читать речь адвоката, а принялась пересказывать его тезисы сама, вероятно, чтобы тут же опровергать их, – как ты сказал, то, что Джессика пришла сама и, якобы, неожиданно. МакМердон не могла видаться с ней в университете после вечеринки, не звонила ей и не писала – ее телефон и электронную почту, разумеется, проверили. Значит, версия о заранее подготовленной ловушке, куда заманили жертву, не подтверждается. Но это же ничего не значит! – тут же запальчиво возразила Памела. – МакМердон могла договориться с ней как раз на вечеринке, после которой и нарисовала пентаграмму! Или, скажем, передать приглашение через кого-то еще – правда, никто из опрошенных студентов в этом не сознался, но, может, он просто испугался быть замешанным в деле об убийстве... Далее, скальпель, мол, Джессика тоже принесла сама. Она взяла его из анатомички, где в пятницу была практика. А МакМердон эту практику прогуляла, значит, не могла спереть там скальпель чисто физически. Не могла в эту пятницу, но могла раньше! – вновь возразила Памела. – Просто его никто не хватился!

– Логично, – кивнул Малколм.

– Потом, взаимное расположение тел, – продолжала Памела. – То есть тела Джессики и живой МакМердон. Она не двигала тело и никуда не уходила сама, так и просидела в углу до самого прихода Урсулы – это доказано, иначе остались бы кровавые следы. Значит, получается,

что Джессика буквально загнала ее в угол, и МакМердон деваться было некуда – а вот если, наоборот, она угрожала Джессике, той ничто не мешало просто сделать несколько шагов назад...

– Как ничто не мешало бы убийце за ней последовать, – заметил Малколм. – Хотя тогда Джессика вышла бы из пентаграммы...

– Так или иначе, если бы МакМердон осталась на месте, убийства бы не было, а если бы погналась за Джессикой, оно произошло бы в другом месте. Но это тоже притянута за уши! Просто Джесс не ожидала, что подруга, даже бывшая, полоснет ее скальпелем по горлу! Адвокат, правда, утверждал, что угроза не могла быть неожиданной, раз перед этим Джессика пыталась вырвать скальпель и порезала пальцы. Но пыталась вырвать – это не значит ожидала нападения! Может, Джессика боялась, что эта чертова сатанистка хочет порезать саму себя! Это было вполне в духе Джесс – она бы кинулась спасать самоубийцу, не обращая внимания на собственные порезы... Но к этим порезам он привязал следующий довод. На ручке скальпеля есть отпечатки обеих девушек, но кровавые – только Джессики. Значит, ей таки удалось его вырвать, и она держала его уже после их борьбы. Тоже не значит! Мы не знаем, сколько раз он переходил из рук в руки в процессе!

– Да, – согласился Малколм, – она могла вырвать скальпель и тут же выпустить его от боли, например. Или убийца ударила ее по руке. Скальпель упал, МакМердон подхватила его с пола...

– Вот именно. Хотя он настаивал, что в этом случае отпечатки были бы смазанными... Ну и, наконец, характер раны. Мол, скальпель – это не меч, им нельзя перерезать горло мгновенно. Жертва рефлекторно отшатнется или хотя бы попытается это сделать. И, значит, глубина раны с одного конца будет меньше, чем с другого. А в данном случае она одинакова.

– Ну это тоже рассуждения в стиле "если бы да кабы". Ну а главное – как он тогда объясняет случившееся? На кой черт Джессике, абсолютно не склонной ни к чему подобному, приходится к бывшей подруге, чтобы перерезать себе горло?! Даже если они поссорились на дне рождения – а они, видимо, поссорились, раз Джессика ее отовсюду поудаляла – это же не повод...

– Это мы с тобой понимаем, что не повод, – вздохнула Памела. – А ему же наплевать, какой была Джесс на самом деле. Ему главное – выгородить свою клиентку. Вот он и ссылался на показания нескольких студентов, что в последние два дня Джессика выглядела какой-то подавленной, хотя и отвечала на вопросы "что с ней" – мол, просто устала, а еще на то, что в ее библиотечном абонементе значатся несколько книг, в которых герои кончают самоубийством. Ну это-то уж вообще полный бред! Тогда всякий, кто читает детективы – убийца, что ли?

– Но ничего конкретного, что могло бы послужить поводом, он ведь так и не привел?

– По его версии, это типа мог быть нервный срыв, вызванный переутомлением в учебе. Читать книги и быть отличницей – это, выходит, предпосылки к самоубийству! Зато увлекаться всякой чертовщиной и мертвечиной, жрать таблетки и бухать – это, видимо, признаки здоровой устойчивой психики...

– Да уж, – криво усмехнулся Малколм. – Я бы не назвал версию защиты убедительной.

– Но он несколько раз подчеркивал, что его задача – не доказать, что Джессика совершила самоубийство. А продемонстрировать, что нет достаточных доказательств, что его клиентка совершила убийство. Любые сомнения – в пользу обвиняемой.

– И присяжные на это купились?

– Ну да. Презумпция грешной невиновности. Хотя, я думаю, тут дело еще в том, что кое-кто из них имел отношение к университету. Не профессора, нет. Но тут в округе, знаешь ли, многие на университет так или иначе завязаны. Кто-то работает по контракту, кто-то сдает жилье студентам... А университету, конечно, хотелось поскорее замять скандал. Самоубийство студентки из-за нервного срыва – это все-таки не так плохо, как ритуальное убийство одной студентки медицинского факультета другой.

– И им это удалось, – мрачно констатировал Малколм. – Я ничего не слышал об этой истории. Хотя в интернете наверняка все это можно накопать. Но это если знать, что копать.

– У нее было столько "друзей", – жестко произнесла Памела, голосом подчеркивая кавычки, – ну, ты видел там, на табличке. Но кто из них пытался восстановить справедливость? Кто из них вообще помнит ее сейчас? Поужасались и забыли...

– Все с такой легкостью поверили в беспричинное самоубийство?

– Да никто не верил! – гневно воскликнула женщина. – Какой нормальный человек поверит в такое? Все прекрасно понимали, кто это сделал. И, конечно, снова учиться здесь *ей* бы не дали, будь она хоть десять раз формально оправдана. Когда ее освободили, она сразу же уехала из города.

– Ну а что, в таком случае, могли сделать друзья Джессики? Отыскать МакМердон и линчевать? Теперь уже, в любом случае, убийца получила по заслугам...

– Хотя бы просто не забывать! Ты был здесь в десятую годовщину ее смерти? Видел кого-нибудь еще? Кто-то, кроме тебя, приносил цветы?

– Никто, – покачал головой Малколм. – До этой скамейки, похоже, вообще редко кто добирается.

– Вот видишь, и в день рождения тоже никого, кроме нас двоих. А ведь у нее сегодня юбилей! "Навечно в наших сердцах", ага...

– И ты прилетела сюда из Калифорнии только затем, чтобы поздравить Джессику с днем рождения?

– Ну, должен же был кто-то это сделать, раз уж никого, кроме меня, не осталось... – хотя в голосе Малколма не было сарказма (какой непременно прозвучал бы, задай он тот же вопрос три недели назад), Памела добавила оправдывающимся тоном: – Я понимаю, со стороны это может выглядеть странно. Мои дети уж точно были бы более счастливы, если бы мама не бросила их на выходные и потратила деньги не на билет, а на подарки для них. Но я чувствовала, что... просто должна это сделать. Может это, конечно, все то же чувство вины, что я не была на похоронах...

– А зачем ты взяла с собой это? – Малколм кивнул на папку, которую все еще держал в руках. – Хотела что-то проверить на месте? Кого-то расспросить?

– Нет, – невесело улыбнулась Памела, – какой уж из меня детектив... Просто, когда умер папа, я прилетала с этой же дорожной сумкой. И больше ей не пользовалась с тех самых пор. Я даже и не помнила, что сунула эту папку сюда. Не заметила даже, когда вчера паковала вещи – в застегнутом боковом кармане. Наткнулась на нее только сегодня в аэропорту, когда решила проверить перед регистрацией, не везу ли чего запрещенного. Сейчас ведь все эти идиотские правила, все помешались на безопасности, даже и не знаешь, что запретят в следующий раз... Но не бумаги, конечно. А знаешь что? Возьми это себе.

– Что... Ты хочешь, чтобы я довел до конца расследование вашего отца? – растерялся Малколм. – Но что тут еще расследовать? Убийца покончила с собой в тюрьме, дело закрыто.

– Ну, может, тебе просто будет интересно... хотя это, видимо, неподходящее слово... ну, захочется ознакомиться с какими-то деталями. Может, это был некий знак свыше, что я так и не выложила эти документы из сумки и привезла сюда, даже не зная, что встречу тебя. Раз есть кто-то еще, кому не безразлична Джессика – думаю, ты самый подходящий, кому это стоит отдать. А ты уж сам решай, что с этим делать. Можешь хоть выбросить. Мне это, в любом случае, уже не нужно. Я не хочу перечитывать это... снова.

Три недели назад он посмеялся бы и над "знаком свыше", но сейчас он был осторожнее в суждениях о том, что может и чего не может быть. Памела, конечно, действительно могла просто забыть про оставшуюся в сумке папку... но что, если *сама Джессика* хотела, чтобы эти документы оказались у него? Если она каким-то образом сумела внушить эту мысль своей сестре, как внушила ему самому правильные ответы по химии? Неужели связь возможна даже

на таких расстояниях? Впрочем, для связи *такого рода*, возможно, вовсе не физическое расстояние является определяющим. А, скажем, родство – кровное или духовное...

– Я не буду это выбрасывать, – заверил Памелу Малколм, закрывая папку. – Кстати, еще одного человека на скамейке Джессики я все-таки видел. Но не в годовщину. Конечно, это мог быть просто случайный прохожий... но, мне кажется, он спилил с таблички имя Тревора. У тебя есть идея, кто это мог быть?

– Кто? Тревор?

– Нет, Тревор – это, как я понимаю, бывший парень Триши, ставший ее второй жертвой. Я имею в виду того мужчину, который уничтожил его имя. Хотя, строго говоря, я не уверен на 100%, что это был мужчина – я видел только его затылок... Но, раз уж мы об этом заговорили, то и Тревор тоже – ты что-нибудь о нем знаешь? Почему кому-то могло не понравиться его имя в списке прочих друзей Джессики? Он как-то подвел ее? Может, дал показания, что она-де была склонна к самоубийству? Лгал, чтобы выгородить МакМердон? Знал бы он, как она его отблагодарит...

Памела слушала рассуждения Малколма, наморщив лоб и, видимо, пытаясь что-нибудь вспомнить – и, наконец, задумчиво произнесла:

– Кажется, его имя мелькало в этих бумагах... но я не помню, чтобы он сыграл какую-нибудь определяющую роль. Конечно, его допрашивали, как и других друзей и знакомых Джессики – но не более чем. А насчет того, кого ты видел... понятия не имею, кто это мог быть и какие у него могли быть счеты к Тревору. Даже если это кто-то из тогдашних друзей Джесс... я ведь никого из них не знаю. Я жила в Калифорнии и никогда не общалась с ее университетской тусовкой. Посмотри в бумагах, может, найдешь там ответ. А я, как я уже сказала, не детектив, а простая домохозяйка.

– Ладно, – кивнул Малколм. – Пэм, может, ты хочешь рассказать... что-нибудь еще?

– О чем? – она вновь невесело усмехнулась. – О муже и четырех детях?

– О каких-нибудь странностях. Ну... типа знаков свыше. Я не буду смеяться, – серьезно заверил ее Малколм.

– Ничего такого, что можно предъявить охотникам за привидениями, если ты об этом. Если только не считать того, что четверо членов моей семьи умерли преждевременной смертью один за другим. Зато другие четверо родились. Правда, они уже не носят фамилию Сильвер. Но это оказалась не такая счастливая фамилия, как можно было подумать.⁴

– А трое твоих младших сыновей, – заинтересовался Малколм этой новой параллелью, – их рождения ведь не совпадали со смертями твоих родственников?

– Нет. Только первого. Простое совпадение, никакой мистики. Ты ведь не веришь во всякую чушь типа той, в какую верила эта проклятая сатанистка?

– Нет, разумеется, – поспешно заверил ее Малколм.

– Ну ладно, – она пристегнула ремень. – Я могу отвезти тебя, чтобы тебе не мокнуть под дождем. Говори только, куда, а то я тут далеко не все знаю.

Малколм только сейчас заметил, что в машине нет GPS. Ну да, очевидно, дорогу из аэропорта она помнила, а никаких неожиданных отклонений не планировала.

– В кампус, – сказал он. – Это тут рядом.

– Ну да, – кивнула она, заводя мотор, – где университет, я знаю. Хотя и никогда там не была.

Дорога, даже с учетом городского ограничения в скорости 30 миль в час и светофоров, заняла всего несколько минут. Когда машина остановилась на парковке возле общаги и Малколм, попрощавшись, уже взялся за ручку, Памела вдруг окликнула его:

– Насчет совпадений... Мама погибла в годовщину смерти Джессики. А папа – в день ее

4 Silver – "серебро" или "серебряный"

рождения.

– Вот как? – обернулся юноша.

– Ну тут тоже нет ничего особо странного. Понятно, что в эти дни они больше думали о ней и находились в подавленном состоянии. Поэтому мама отвлеклась от дороги, а папа машинально принял лишние таблетки.

– Да, – согласился Малколм. – Наверняка так и было. А Тед?

– О, он умер в ничем не примечательное число. Это было зимой, 21 декабря.

– Хмм... ну как сказать "не примечательное"... Он умер ночью?

– Мама нашла его мертвым утром, – кивнула Памела. – Если бы это случилось днем, его бы, наверное, успели откачать. А что?

– А то, что это самая длинная ночь в году.

– Какое это имеет значение? В наше время ночь наступает тогда, когда гасят лампы, а не тогда, когда заходит солнце. А кончается по будильнику.

– Конечно, – снова согласился Малколм, – это просто еще одно совпадение. Ладно, Пэм, счастливо добраться домой. И не позволяй мыслям о Джессике отвлечь себя от дороги.

"О Джессике буду думать я", – добавил он про себя, шагая под дождем к ненавистному корпусу общаги. Папку он спрятал под куртку.

Рик был дома и смотрел, кажется, какую-то тупую молодежную комедию ("Тавтология, – тут же поправил себя Малколм. – Молодежная комедия не тупой быть не может.") Но Малколм слишком промок, чтобы идти куда-то еще (скажем, в читальный зал), поэтому, стянув насквозь мокрые кроссовки и носки и переодевшись в сухие джинсы, забрался на кровать с ноутбуком и папкой. Рик покосился на него и нехотя, но все же без напоминаний потянулся за наушниками.

Малколму было плевать на Рика. Он бы, наверное, даже выдержал звук дурацкого фильма, игнорируя его точно так же, как шум машин или вопли детей на улице в более погожие дни. Малколм думал о Джессике – и о Памеле. Похоже, что толстуха что-то не договаривает. Как-то слишком уж легко она доверилась незнакомому мальчишке. Который, объективно говоря – Малколм это вполне понимал – должен был показаться ей довольно странным. Бывает, конечно, что человеку так хочется выговориться, что уже неважно, перед кем – а ее собственный муж, возможно, для разговоров на эти темы почему-то не подходит. Но эта папка уже выходит за рамки обычного "выговориться". В самом ли деле Памела просто забыла о ней, когда-то оставленной в дорожной сумке? Или она специально искала, на кого бы спихнуть... ответственность? Обузу? Что бы она стала делать, если бы не встретила Малколма? Может, попыталась бы разыскать кого-то из тех, чьи имена перечислены на табличке? Может, она пришла в парк не для того, чтобы "поздравить Джессику", а в надежде встретить там в день ее рождения кого-то из них? Кстати, эта ее толщина... возможно, дело не столько в четырех родах и малоподвижном образе жизни вечно сидящей с детьми домохозяйки. Некоторые люди, особенно женщины, борются со стрессом с помощью еды, особенно всяких сладостей. Что, кстати, даже имеет под собой некоторую научную основу – шоколад способствует синтезу серотонина, "гормона счастья", хотя к обычному сахару это, конечно, не относится... Можно ли предположить, что все эти десять лет – или, по крайней мере, в последние годы – Памела жила в состоянии стресса, помимо, естественно, обычных нервотрепок, связанных с воспитанием такой оравы детей? Что она чего-то боялась? Скажем – стать следующей... особенно когда умер ее отец, оставив ее последней из Сильверов. Хотя она сама уже не Сильвер, она взяла фамилию мужа – но верила ли она, что это ее защитит...

Нет, конечно, никакого "проклятия Сильверов" не существует, и Памела сама вполне убедительно назвала логичные причины всех смертей. Но то рациональное, что человек говорит вслух, не всегда соответствует тому, во что он иррационально верит про себя. Теперь даже сам Малколм мог бы послужить примером... хотя на самом деле, конечно, он вовсе не *верит* в то, что может общаться с Джессикой, умершей десять лет назад. Он это *знает*.

И все же, чувствовала ли Памела некое потустороннее влияние или просто сама себя накручивала, но бумаги она отдала не просто так. Вряд ли, конечно, это было попыткой спихнуть "проклятие" на кого-то другого. Это и в самом деле было желание (*самой ли Памелы?*), чтобы кто-то довел дело о смерти Джессики до конца. Несмотря на то, что Триша мертва, равно как и Тревор, виновен он в чем-то или нет – что-то здесь остается непроясненным. Может быть, мелочь, а может, и что-то важное. Вплоть до, допустим, имени истинного убийцы, которого МакМердон почему-либо предпочла выгородить... Скажем, ее дружок, вышедший из туалета, подошедший к Джессике сзади и... Пожалуй, если кто-то перерезал ей горло, стоя за спиной, он мог уйти, не оставив кровавых следов. И если это был не Тревор, он может до сих пор оставаться в живых и на свободе. Более того – его имени может не знать даже *сама Джессика*. А каким был мотив, это уже другой вопрос. Вряд ли все-таки эта глупость с ритуальным убийством. Пентаграмма, нарисованная менструальной кровью после студенческой попойки – атрибут скорее дебильной комедии вроде тех, что смотрит Рик, чем ужасика. Скорее, причина была более прагматичной. Скажем, Джессика что-то узнала о Трише, что-то настолько плохое, что стерла все упоминания о бывшей подруге. И пришла с ней это обсудить. Может быть, сказала что-то типа "иди в полицию и сознайся сама, или туда пойду я". Но не знала при этом, что в квартире есть кто-то еще. Тот самый дружок, который все слышал...

Все это не более чем фантазия, только что придуманная на ровном месте, напомнил себе Малколм. Надо внимательно изучить документы, а потом уж строить гипотезы. Одно, по крайней мере, можно предположить с достаточной вероятностью – что-то произошло на дне рождения МакМердон, после чего отношение Джессики к ней резко изменилось. Вот отсюда и начнем копать. В деле должны быть протоколы допросов участников вечеринки. Официальное следствие, похоже, не нашло в них ничего существенного и вцепилось в дурацкую версию с оккультным ритуалом – вот и поищем, что упустили эти полицейские дуболомы...

Малколм раскладывал бумаги на кровати вокруг себя, словно гигантский пасьянс. Тема дня рождения Триши действительно не прошла мимо внимания полиции. Как Малколм уже знал, МакМердон праздновала свое двадцатилетие с размахом; для этого было снято помещение местного клуба, расположенное в двух кварталах от кампуса. В деле даже имелась копия чека об оплате данного мероприятия. Малколм понятия не имел, сколько стоит арендовать для вечеринки такое заведение, но даже ему проставленное в чеке число показалось смехотворным. Обратил он внимание и на то, что чек был выписан не Тришей и даже не Тревором, а неким Николасом Брантом. Полицию тоже заинтересовали эти обстоятельства, и она допросила менеджера клуба.

"Ну, это обычное дело, – поведал тот. – ""Фи Дельта Омега" часто проводит у нас свои мероприятия, получая скидку."

"Вы имеете в виду студенческое братство? Оно ведь имеет свое собственное здание на территории кампуса. Почему бы им не проводить эти мероприятия там?"

"Все официальные, конечно, там и проводят. Ну а когда ребятам хочется как следует повеселиться... На территории университета официально запрещено спиртное, вы меня понимаете."

("Не говоря уже о всякой наркотической дури", – подумал про себя Малколм.)

"Но братство – это мужская организация. Мисс МакМердон никак не может быть ее членом. Почему, по-вашему, братство занялось организацией ее праздника?"

"Вот уж до чего мне нет никакого дела. Может быть, ее парень захотел сделать ей такой подарок."

"Вы или кто-то из ваших работников присутствовали на вечеринке?"

"Нет. Братство арендовало только помещение. Все остальное они обустроивали своими силами. Ребята предпочитают веселиться без посторонних, вы понимаете."

"В помещениях клуба имеются какие-нибудь камеры наблюдения? Возможно, скрытые?"

"Нет, конечно. Большой Брат смотрит на тебя? У нас тут не "1984"."

"А если во время подобного празднования возникнет какой-нибудь конфликт? Или пьяное хулиганство с порчей клубного имущества?"

"Полагаю, ребята достаточно взрослые, чтобы сами со всем разобраться. В том числе и с компенсацией возможного ущерба. Но до сих пор ничего более серьезного, чем блевотина на полу туалета, после таких вечеринок не обнаруживалось."

"То есть вам неизвестно ни о каких происшествиях во время вечеринки 13 сентября?"

"Абсолютно нет."

"Вы ведь и сами были членом "Фи Дельта Омега" во время учебы в университете, не так ли?"

"Ну да, и что? Вы спрашиваете так, словно это какая-то подрывная организация."

"Нет, сэр, разумеется, нет..."

Ну да, подумал Малколм. Члены этих братств сохраняют связи и после окончания учебы. И, вероятно, это касается не только льготных цен, но и готовности покрывать друг друга. И это следует учесть при анализе показаний не только менеджера клуба – который, скорее всего, и впрямь ничего не знал – но и непосредственных участников вечеринки... Интересно, кстати, были ли члены братства среди присяжных?

Так, и кто такой этот Николас Брант? Малколм придвинул к себе ноутбук и полез на сайт университета. Списки студентов за 2006 год... так, вот и он. Но он не с медицинского факультета, а с экономического. И не со второго курса. В том году он был уже четверокурсником. И – президентом "Фи Дельта Омега".

Тут, однако, настойчивые домогательства со стороны мочевого пузыря вынудили Малколма прервать изыскания. Когда он вернулся, Рик сидел уже без наушников – как видно, комедия закончилась.

– Малколм, – окликнул он соседа, пока тот вновь устраивался среди разложенных бумаг, – я тут еще пошарился... ты в курсе, что Тришу МакМердон судили за убийство дважды?

У Малколма мелькнула мысль сказать "напомни мне, кто это", но он не любил врать и предпочел просто промолчать.

– В первый раз – за убийство Джессики Сильвер, – продолжал Рик, – но тогда ее оправдали. А ведь это та самая мертвая девчонка, чей аккаунт ты мне показывал?

"Вообще-то не я тебе показывал, а ты сам подсмотрел!" – подумал Малколм, но вновь не сказал ничего вслух, ибо ненавидел конфликты.

Но Рик не желал угомониться.

– Ты что – решил заново расследовать это дело?

– А ты что – сунул нос в мои бумаги? – не выдержал Малколм. – Мне нужно все запирать всякий раз, когда я на минуту выхожу в сортир?

– Да ничего я не сунул! – обиделся Рик. – Просто посерфил в интернете. Ты же сам меня просил посмотреть, а теперь типа претензии?

– Я просил тебя только посмотреть, где находится Титусвилль. Ты мне сказал, спасибо. Больше я тебя не просил ни о чем.

– Ладно-ладно, какие мы гордые! Малколм, тебе никто не говорил, что можно больше добиться в жизни, если не быть высокомерным надутым индюком?

Малколм вдохнул и медленно выдохнул.

– Рик, – спокойно сказал он, – я не виноват, что нас поселили вместе. Но я стараюсь, насколько возможно, не создавать тебе проблем. Никак не вмешиваться в твою жизнь. Вообще никак, понимаешь?

– Угу – даже "привет" лишний раз не скажешь...

– Так вот, – продолжал без паузы Малколм, – почему бы тебе не вести себя точно так же?

– Потому что это не по-товарищески.

– Если бы я хотел жить по-товарищески, я бы уехал в Северную Корею.

– Не передергивай, – поморщился Рик.

– Я не передергиваю. Я довожу до логического конца.

– Ладно, не товарищ, – усмехнулся Рик. – Я тут пиццу заказывать собираюсь – на тебя, как я понимаю, не рассчитывать?

– Нет. Я уже говорил, для меня это дорого.

"И так потратился на цветы", – подумал Малколм. Нет, для Джессики ему не жалко, а вот на себе можно и сэкономить.

– Ну ладно, – изрек Рик, – буду есть у тебя на глазах и ни кусочком не поделюсь.

Малколм не счел нужным отвечать и принялся искать среди протоколов допрос Николаса Бранта. Неужели это он был любовником Триши? Или их связывали какие-то иные отношения? Как все-таки неудобно, что приходится рыться в бумагах вместо того, чтобы запустить контекстный поиск на компьютере... Интересно, кстати, как отцу Джессики удалось собрать все эти документы? Все ли они были обнародованы на суде, или следователь в нарушение инструкций поделился конфиденциальной информацией с отцом жертвы? Впрочем, это как раз несущественно...

Какой там древний идиот ляпнул, что человек есть мера всех вещей, подумал Малколм, перебирая бумаги. Человек – не мера ничего, даже другого человека. Что хорошо и правильно для одного, для другого – с точностью до наоборот. "Не делай другим того, чего не желаешь себе" – именно так я и поступаю, а такие, как Рик, на это обижаются...

Ага, вот и Брант. Его показания оказались скудными. Да, вечеринка была организована братством, это обычное дело и это их любимый клуб. Нет, он не может сказать, что хорошо знает именинницу. Братство просто пошло навстречу своему новому члену – Тревору Хастингтону. Почему тогда на чеке подпись самого Бранта? Просто менеджер клуба – его давний знакомый, когда сам Брант вступал в братство, тот был его поручителем. Это правило, да – чтобы вступить в братство, новичок должен найти себе поручителя из числа старших членов, который согласится быть его куратором и в дальнейшем... В общем, Брант всегда договаривается о самых выгодных условиях аренды клуба и выписывает чек от своего имени, хотя реально за веселье платит тот, ради кого оно устраивается, Тревор в данном случае... Был ли сам Брант на вечеринке? Ну да, заглянул ненадолго, проверить, знаете ли, все ли в порядке – все же, как президент, он дорожит репутацией братства, ну и дружбой с менеджером клуба тоже. То есть он пришел не потому, что его пригласили? Ну, Тревор, наверное, сказал своей девчонке, кому она обязана таким шикарным праздником, так что она бы уж точно не возражала против его присутствия. И как – он заметил какие-нибудь ссоры, конфликты и вообще что-нибудь необычное? Нет, ничего такого, вечеринка как вечеринка. Кое-кто, как водится, перебрал с выпивкой, но товарищи присмотрели за ними, кого надо – проводили или отвезли домой. Общался ли он с именинницей? Ну, разумеется, сказал ей пару дежурных фраз, но не более чем. Он же ее практически не знал, так, видел в университете пару раз. А с Джессикой Сильвер? Нет. Ее он знал ничуть не лучше. Он вообще не уверен, что видел ее там – много народу, полумрак, музыка, публика танцует, планирует туда-сюда... ну, вы понимаете. Возможно, к этому времени она вообще уже ушла. Если он ее и видел, то не обратил внимания. Кто же знал, что всего через три дня случится эта жуткая история... но вечеринка тут ни при чем, там все было нормально.

Почему это он так уверен, подумал Малколм, если был там недолго и даже не видел Джессику? Прикрывает собственную задницу, очевидно... и, вероятно, не только собственную. Мол, что бы там ни случилось, а братство тут ни при чем...

Новая мысль мелькнула в голове Малколма. Он внимательно посмотрел через комнату на соседа, который, вероятно, уже оформил заказ на сайте пиццерии и теперь сидел, уткнувшись в собственный экран.

– Рик, а тебя уже приняли в "Фи Дельта Омега"?

– Хо! – Рик, только что, кажется, собиравшийся ответить "нетоварищу" что-то язвительное, тут же напустил на себя важный вид. – Да ты, никак, передумал? Тоже хочешь? Это, вообще-то, не так-то просто. Ты должен найти кого-то, кто согласится дать тебе рекомендацию и стать твоим куратором в братстве... найти и *убедить* его, что ты достоин. Я, по правде говоря, не могу стать твоим поручителем – для этого нужен стаж по меньшей мере год, но я мог бы замолвить за тебя словечко кое перед кем...

– Нет, я никуда вступать не собираюсь, – качнул головой Малколм и тут же пожалел о своей прямолинейности. – По крайней мере, пока, – добавил он дипломатично. – Просто интересуюсь. Значит, вступил? И насколько сложным было задание, которое тебе дал твой куратор?

– Скажем так, я справился, – самодовольно усмехнулся Рик. – И ничего унижительного там не было, если ты об этом.

"Хорошо, – подумал Малколм. – Значит, он не будет по заданию братства следить за мной и рыться в моих вещах, чтобы узнать, что я там накопал о деле десятилетней давности, возможно, как-то связанном с "Фи Дельта Омега". О том, что я что-то копаю, он узнал только что. Впрочем, как новоявленный ревностный член братства, он ведь может проявить и собственную инициативу..."

Ладно, теперь надо найти показания Тревора. Ага, вот и они. В каких отношениях он был с Патрисией МакМердон? В дружеских. То есть она не была его девушкой? Ну, как сказать... по крайней мере, жениться на ней он не планировал, равно как и на ком-то другом, если вы об этом. Были ли у них интимные отношения? Да, еще на первом курсе, но это же ничего не значит... (Малколм брезгливо поморщился.) Следует ли это понимать так, что теперь они охладели друг к другу? Ну, они, в принципе, не ссорились, но, когда они снова встретились после летних каникул, он как-то не почувствовал к ней прежнего интереса, вы понимаете. Но это он организовал ее юбилей? Ну, в общем, да. Почему он взял на себя подобные хлопоты? Это было желание снова сделать их отношения более близкими, или может быть, наоборот, прощальный подарок? Да нет, ну, просто решил сделать ей приятное. Ей очень хотелось отпраздновать двадцатилетие с шиком. Все ее домашние дни рождения были полным отстоем. Она из очень строгой религиозной семьи, запрещающей любые настоящие вечеринки и прочий, по их мнению, разврат – так что только в универе она и дорвалась до свободы... (Небось и в оккультизм ее понесло из чувства протеста, подумал Малколм. Он читал, что маньяки нередко бывают выходцами как раз из таких семей.) И он оплатил все расходы? Ну вообще-то нет, он договорился об аренде клуба со скидкой, потому что через братство, но расходы они поделили. И какая была общая сумма? Прочитав ответ, Малколм усмехнулся: число оказалось в два с лишним раза больше, чем проставленное в чеке. А разницу "благодетель" Брант, очевидно, положил себе в карман... Следовательно не стал просвещать Тревора на сей счет и лишь поинтересовался, кто его куратор в братстве? Эдвин Каттеридж. Это к нему Тревор обращался за помощью? Ну типа да. Кстати, когда Тревор стал членом братства? Вот буквально на днях. Не на первом курсе? Ну... тогда не получилось. А зачем все-таки понадобилась такая сложность – организовывать вечеринку девушки через мужскую студенческую организацию? Разве Триша сама не была членом женской? Нет, она говорила, что все эти сестринства слишком ванильные. Что значит "ванильные"? Ну, типа слишком пресные, банальные, для обывателей. А Трише, значит, нужен экстрим? Проявляла ли она садомазохистские наклонности? Ну, после того, как она вырвалась из-под власти родителей, она вообще склонна... экспериментировать. Но лично он не фанат таких вещей. Его все эти ролевые игры не возбуждают, а смешат. А Тришу возбуждают кровь, порезы, боль, причиняемая острым инструментом? Ну, по крайней мере с ним она так далеко не заходила. (То ли еще будет, мрачно подумал Малколм.) А знал ли Тревор о ее увлечении оккультизмом? Да, конечно. Насколько это серьезно? Ну, у каждого в голове свои тараканы. Сам он, конечно, считает все это чепухой. Приглашала ли она его принять участие в

каких-нибудь ритуалах? Нет. Была ли членом какой-нибудь секты? Он о таком не слышал. Обсуждала ли с ним когда-либо тему жертвоприношений – хотя бы ритуальных убийств животных? Он такого не припоминает. А в каких отношениях он состоял с Джессикой Сильвер? В дружеских... ну то есть не в этом смысле. Просто в дружеских. Ничего сексуального между ними никогда не было, Джессика вообще была недотрогой, словно из XIX века, это все знали. Насколько близкими друзьями они были? Ну, Джессику вообще все любили, но ее лучшим другом он не был, если вы об этом. Просто приятели. И он, конечно, в шоке от того, что случилось. А кто был ее лучшим другом? Он не заметил, чтобы она кого-то особенно выделяла – во всяком случае, из числа студентов. Видел ли он ее на вечеринке? Конечно. Не возник ли у нее конфликт с Тришей или ее гостями? Нет. По крайней мере, он ничего подобного не видел. Когда она ушла с вечеринки и провожал ли ее кто-нибудь? Он не видел. Кажется, она ушла довольно рано, что в общем не удивительно, потому что она вообще не любила шумные тусовки, пришла только потому, что ее просила Триша. Во сколько ушел он сам? Он не помнит. По правде говоря, он немного выпил, и кто-то отвез его домой. Кто именно? Он не помнит. Может, он даже и сам дошел на "автопилоте", благо близко.

Каттериджа тоже допросили, но его показания оказались совсем краткими. Четверокурсник, как и Брант, но с медицинского факультета. Показания Тревоора в той части, что касалась его самого, он подтвердил, однако сам на дне рождения не был, ни Тришу, ни Джессику не знал и больше добавить ничего не имеет.

Рику доставили его пиццу, но Малколм даже не поднял головы, погруженный в свои изыскания. Полиция допросила всех посетителей вечеринки, и их показания сходились. Да, они видели Джессику; нет, они не видели, чтобы она ссорилась с Тришей или кем-то еще (некоторые добавляли, что вообще никогда не видели, чтобы Джессика с кем-нибудь ссорилась; самыми резкими словами, какие от нее слышали, были "это было глупо" и "не делай так больше"), но, кажется, она ушла довольно рано. Однако ни один из гостей – а их набралось почти четыре десятка – не видел, как именно она уходила.

В этом не было ничего необычного. Люди пришли веселиться на дне рождения Триши, а не следить за другими ее гостями, чему и атмосфера, вполне адекватно описанная Брантом, никак не способствовала. Практически никто не мог вспомнить, когда и с кем ушел кто-то конкретный, если только сам не ушел вместе с ним, как та же Урсула (ее показания, как и показания ее парня, ничем принципиально не отличались от прочих). Вдобавок, как догадался Малколм, на вечеринке наверняка употребляли не только алкоголь, хотя, разумеется, и не спешили признаваться в этом полиции. И тем не менее – момент отбытия довольно многих, пусть не точное время, но хотя бы сам факт, заметил хотя бы кто-то (в том числе, кстати, и Тревоора – сразу несколько человек вспомнили, как он громко попрощался и пожелал "чудесной ночи" юбилярше, но вовсе не стал дожидаться конца веселья, чтобы отбыть вместе с ней). А вот ухода Джессики не мог припомнить вообще никто.

Что, впрочем, вполне соответствовало ее характеру. Она не была любительницей подобных мероприятий (это подтвердил не только Тревоор, и Малколм был рад в очередной раз почувствовать в ней родственную душу) и, очевидно, пришла только чтобы не обижать Тришу – ну и уйти, соответственно, постаралась пораньше, но и понезаметнее, чтобы опять-таки никого не обидеть. Ничего подозрительного. Так, по крайней мере, это выглядело в глазах полиции.

Следователь также расспрашивал о самой МакМердон. Как понял Малколм, она определенно была менее популярна, чем Джессика – из-за ее "чернушных" увлечений и соответствующей манеры выглядеть некоторые считали ее фриком, некоторые, напротив – позеркой; но в то же время парией она тоже не была. Несколько девушек сошлись во мнении, что она скорее сама бегала за Тревоором, чем была нужна ему (и особенно это обозначилось после летних каникул), и что никакого другого постоянного парня у нее не было – "разовый перепих после какой-нибудь вечеринки не в счет". Училась она средне. Проблем с законом

прежде не имела.

В конце концов у Малколма разболелась голова – должно быть, от всматривания в ксерокопии – и он решил отложить дальнейшие изыскания. К тому же у него была возможность, которой не обладал, должно быть, еще ни один полицейский, расследующий убийство – задать вопросы *самой жертве*. Хотя он по-прежнему не был уверен, можно ли говорить с Джессикой на эту тему. Впрочем, если она и в самом деле как-то повлияла на свою сестру, чтобы та передала материалы следствия Малколму, тогда она, очевидно, захочет ему помочь, как бы ни была для нее тяжела эта тема. Ее отец так и не довел расследование до конца, Памела уж тем более была на это неспособна, и вот теперь, наконец, появился тот, кто может это сделать... Но – все ли тут зависит от воли самой Джессики, нет ли какого-нибудь запрета, который она не может или не смеет нарушить и вынуждена действовать обиняками? Тут у Малколма мелькнула еще одна мысль, которая ему совсем не понравилась. А что, если он нужен Джессике *только для этого*? Если он для нее вовсе не друг, а всего лишь инструмент для того, чтобы... чего там всегда жаждут призраки в ужасниках – "обрести покой"? Хотя Джессика, конечно, никакой не призрак, и сама цель "упокоиться с миром" всегда казалась Малколму несусветной глупостью. Что это за мир и покой такой, спрашивается? Вечный сон, окончательное небытие? Было бы полнейшим идиотизмом, убедившись, что жизнь не кончается со смертью тела, не наслаждаться бессмертием, а желать умереть окончательно! (Но самоубийцы хотят именно этого, вспомнилось Малколму. Однако Джессика на самом деле – никакая не самоубийца, она жертва не то МакМердон, не то какого-то еще убийцы!) Или этот самый "покой" означает переселение в тот самый рай с хитонами и арфами? Тоже скучища смертная, причем в буквальном смысле (впрочем, в такой вариант загробного существования Малколм все равно решительно не верил). Но главное – если Джессика, решив удерживающую ее здесь проблему (то есть, очевидно, разоблачив своего убийцу), удалится в какой-то там иной мир, разве это не означает, что ее связь с Малколмом будет потеряна навсегда? И стоит ли в таком случае усердствовать с расследованием?

"Нельзя так думать! – тут же одернул себя Малколм. – Я не имею права удерживать ее, если она хочет уйти!" Но он очень надеялся, что она этого не хочет. Или откажется от такого желания ради него, даже если хотела этого раньше...

Утром в воскресенье, однако, он проснулся совсем разбитым – с тяжелой головой, больным горлом и неприятным ощущением повышенной температуры. Очевидно, вчерашнее брожение по щиколотку в холодной воде не прошло для него даром. Тем не менее, приняв одну за другой две таблетки аспирина и в итоге все же почувствовав себя несколько лучше, после полудня он все-таки пошел в парк. Его кроссовки, которые накануне он так и бросил мокрыми и грязными, до сих пор представляли собой жалкое зрелище, так что Малколму пришлось влезть в зимние ботинки.

Дождя не было, и солнце даже периодически пробивалось сквозь облака, рассыпая золотые блестки по поверхности озера – но, увы, ненадолго. По "цивилизованной" западной части парка носились с визгом несколько детей в ярких теплых курточках, выгуливаемые своими мамами; навстречу Малколму попала также не первой молодости собачница, неспешно топавшая по аллее вслед за сразу тремя мопсами на поводках и определенно похожая на своих питомцев. Но, кажется, никого больше сырой и холодный парк в это время не вдохновил, несмотря на воскресенье – что, разумеется, Малколма более чем устраивало.

Его букета на скамейке уже не было, хотя Малколм был уверен, что Памела оставила его на месте. Впрочем, мало ли кто мог его забрать... Юноша кое-как обтер рукой влажное сиденье и опустил на скамейку: "Привет, Джессика!"

Он рассказал ей, что познакомился с Пэм, то есть с Мел – "ты знаешь, что она вчера прилетала к тебе из Калифорнии?" – что у нее четверо детей, все мальчики, и что она, кажется, вполне довольна своей семейной жизнью (он вовсе не был уверен в последнем, но подумал, что

Джессике будет приятно услышать хорошие новости хоть о ком-то из своей семьи). Однако перейти к теме убийства он все не решался. Наконец, немного помолчав, он произнес: "Знаешь, Триша МакМердон умерла в тюрьме. Скверной смертью. Еще два года назад. После того, как убила Тренора. Так что, если кто-то из них... обидел тебя, то получил по заслугам."

Он помолчал, надеясь уловить ответную реакцию, и ему представилось, как Джессика отвечает: "Да, я знаю. Расскажи лучше о чем-нибудь более интересном." Но он вновь не был уверен, был ли это действительно ответ, или лишь игра его собственного воображения, которое в свое время таким же образом "подказало" ему совершенно ложные детали о Теде и Мел. Хотя на сей раз ему и показалось, что ответ был не менее ясным, чем тогда на химии. И все же, возможно, это лишь трюки его подсознания, прикидывающегося Джессикой, чтобы избавить его от необходимости проводить расследование? Ведь гораздо комфортнее увериться, что, даже если оправдательный приговор суда был ошибочным, справедливость все равно восторжествовала, убийца получила по заслугам и никаких дополнительных усилий предпринимать не надо...

Так или иначе, он вновь не решился касаться истории ее смерти и предпочел вернуться к безопасным темам – о самолетах, о космосе и о научной фантастике. Упомянув, впрочем, и детективы – "Они тебе нравятся? Лично я не любитель боевиков с драками и стрельбой. Мне нравятся расследования, когда справедливости добиваются с помощью интеллекта, а не насилия. Агата Кристи, сериал про Коломбо и все в таком духе." Возможно, подумал он, если она почему-либо не может обсуждать с ним свою гибель прямо, он сможет представить ей свое расследование в качестве сюжета книги или фильма...

Наивное предположение, конечно. Которое перестанет быть наивным, если существует *некто*, кого он и Джессика должны обмануть. Некто, следящий за выполнением потустороннего правила и способный карать его нарушителей. От этой мысли Малколму делалось не по себе. Сама идея возможности дружбы и... (он все еще опасался произносить это слово даже про себя) любви с мертвой девушкой не вызывала у него, недавно еще идейного материалиста, никакого страха – напротив, он принял это с радостью, как чудо, о котором он не смел даже мечтать. И, между прочим, это *доказывало*, что жизнь продолжается и после смерти тела – *по крайней мере, в некоторых случаях и на некоторый срок*, как уточнял рациональный ум Малколма, но все равно, это же повод для радости, а не для ужаса! Но при этом Малколм оставался атеистом и предпочел бы, чтобы и загробным миром правили безличные объективные законы, подобные физическим, а не воля неких, гм, сущностей, устанавливающих запреты и назначающих кары по собственному произволу. А запрет обсуждать некую тему едва ли может быть обусловлен физическим законом. И вот от мысли о возможном существовании таких сущностей – нечеловеческих, никогда не бывших людьми и вообще никогда не принадлежавших к материальному миру, и при этом могущественных и не ограниченных никакими естественными законами – у Малколма неприятно холодело в животе. Даже если *их* власть распространяется только на мир мертвых. Они могут выместить свою злобу на Джессике. Они могут дожидаться и *самого Малколма*, сколько бы им ни пришлось ждать – им некуда торопиться. Но страшнее всего даже не это, а то, что они вообще *могут существовать*.

Но все это были по-прежнему не более чем бесплодные догадки. Узнать что-либо точно он мог только от Джессики, а он не будет уверен в ее ответе, пока не увидится с ней во сне, причем здесь, на скамейке. Это уже проверенный и доказанный способ. В общаге она, к досаде Малколма, до сих пор не снилась ему ни разу – или, во всяком случае, никаких воспоминаний о таких снах у него не осталось.

Малколм понадеялся, что на сей раз сумеет заснуть, тем более что его самочувствие вновь ухудшалось (теперь у него еще и потекло из носа, и он несколько раз сморкался, чувствуя себя неловко перед Джессикой – чертова физиология, да). В конце концов, откинувшись на спинку скамейки и закрыв глаза, он и впрямь медленно погрузился в нездоровую дремоту.

Но Джессика ему не явилась. Вместо нее снилась какая-то вязкая, утомительная чушь –

то бесконечное болото под низким, гнилостного цвета небом, через которое он бредет по пояс в грязи, потому что решил "пройти короткой дорогой", то лекция, на которой он сидит, не понимая не слова, пока, наконец, ему не приходит в голову мысль, что он ошибся аудиторией и попал на занятия более старшего курса, и он обращается с вопросом к сидящему рядом студенту – только тут замечая, что это иссохший труп с затынутыми паутиной глазницами и ртом, и все, кто сидят в аудитории – такие же мертвецы в саванах из пыльной паутины; то чертов Рик, который гонится за ним по коридорам общаги, размахивая окровавленным скальпелем, причем, как водится в подобных снах, Малколм, жаждущий бежать во всю прыть, лишь с трудом переставляет ноги, а корпус общежития превратился в лабиринт, который сделал бы честь любому готическому замку... Несколько раз он просыпался на несколько секунд, словно утопающий, выныривающий на поверхность, но тут же погружался в эту мучительную муть снова.

Наконец он проснулся окончательно – с головной болью, наглухо заложенным носом и, соответственно, пересохшим ртом. До заката оставалась еще пара часов, но небо, где не осталось уже ни единого просвета, и серая рябь озера выглядели практически так же уныло и неуютно, как пейзажи из его сна, не вызывая ни малейшего желания задерживаться в парке еще хоть на минуту. Ему надо в аптеку, купить что-нибудь сильнодействующее от простуды... Попрощавшись с Джессикой, туда он и направился.

Несмотря на все принятые лекарства, утром в понедельник Малколм чувствовал себя так скверно, что решил не ходить на занятия. Рик спросил, не нужен ли ему врач, но Малколм ответил, что просто отлежится денек в кровати. Денек, однако, растянулся на два; во вторник Малколм все же добрался до университетского доктора, чтобы получить освобождение от физкультуры, но больше решил никуда не ходить. Никакими изысканиями во время болезни он тоже, понятное дело, не занимался, а все больше спал или валялся в наушниках, слушая музыку. Впрочем, кое-что он все-таки проверил, когда вечером во вторник его кольнула новая мысль: а добралась ли до дома Памела? Ее отец – предыдущий владелец папки с документами – умер в день рождения Джессики, и это, конечно, единичный случай, а никакая не тенденция, но, снова и снова вспоминая ее поведение, Малколм уже практически уверился, что женщина, совершившая столь дальний вояж, чего-то опасалась, а не просто хотела отдать дань памяти умершей десять лет назад сестре.

Она не оставила мне свой телефон, подумал Малколм. Хотя, казалось бы, это был бы самый естественный жест, особенно после того, как она передала ему материалы расследования – мол, если узнаешь что-то существенное, звони... Значит ли это, что она не хотела, чтобы он связывался с ней впредь? Может быть, эта папка буквально жгла ей руки, и Памела была счастлива избавиться от нее насовсем, с концами, так, чтобы оборвать всякую свою связь с этой историей? Так, чтобы некто или нечто уже не смогло или не захотело ее найти? И переключило свое внимание на другую жертву... Может ли быть так, что эти вырезки, распечатки и ксерокопии по-настоящему опасны для того, кто ими владеет? Да ну, чушь собачья, сказал себе Малколм – даже если предположить, что она сама в это верит... С другой стороны, разве еще месяц назад он не назвал бы чушью возможность общаться с давно умершей девушкой?

Малколм полез в интернет. В эпоху социальных сетей "обрубить все связи" не так-то просто, Пэм... На ее странице не обнаружилось никаких новых записей. Последняя была сделана в пятницу. Само по себе это, конечно, ничего не значило, и Малколм отправил ей личное сообщение – мол, привет, Пэм, как долетела, я тут малость простыл после субботы, ты-то в порядке?

Он слушал музыку, вяло просматривал новостные сайты, зашел на юмористический портал – ни на что более серьезное он все равно сейчас был неспособен – а ответа все не было. Что, конечно, опять-таки ничего не доказывало – домохозяйка с четырьмя детьми не обязана круглые сутки торчать за компьютером, ну и, само собой, если она не хочет отвечать, то и не ответит, и это вовсе не значит, что с ней что-то случилось. Тем не менее, Малколм потерял

терпение и набрал в поисковике "Памела Стефански несчастный случай ранена умерла".

"Памела Стефански, 32, умерла", – тут же откликнулся "Гугл", и Малколм почувствовал, как холодеет у него внутри, но тут же понял, что цифры возраста между выделенными жирным словами из его запроса – это на самом деле не 32, а 82. Это был некролог какой-то старушки, мирно скончавшейся в Англии восемь лет назад. Малколм даже дочитал его до конца и узнал, что старушка была вдовой польского летчика, участника Битвы за Британию, после войны оставшегося в стране, которую он помог спасти и которая не спасла его собственную. Это было, конечно, любопытно, но, естественно, не имело никакого отношения к...

"У вас новое сообщение."

Малколм поспешно кликнул мышкой. Это действительно оказался ответ, которого он ждал.

Памела сообщала, что долетела благополучно и у нее все в порядке, и выражала обеспокоенность здоровьем Малколма. Была ли это стандартная дань вежливости, которую он так не любил – "не спрашивай о том, что тебе на самом деле неинтересно!" – или она и в самом деле беспокоилась, что с ним может случиться нечто скверное? Уж не терзается ли она совестью по поводу того, что спихнула на него папку? Которая, впрочем, самой ей вреда не причинила – но не потому ли, что Памела все это время держала ее где-то в чулане в застегнутой сумке и не пыталась *копать*... Чушь, еще раз сердито повторил себе Малколм и ответил, что у него простуда и он уже идет на поправку. На это Памела уже ничего не ответила – не стала, к примеру, спрашивать, что он сделал с папкой, или предлагать писать еще, или добавлять в друзья – что, само собой, опять-таки ничего не значило.

В среду Малколм таки пошел на занятия, но, как это уже не раз бывало с ним в последние дни, ему было трудно сосредоточиться на учебе, ибо его занимали совсем иные мысли. Он решил, что в этот день во что бы то ни стало поговорит с Джессикой так, чтобы быть уверенным в ее ответах – и теперь не мог дожидаться этого разговора. На последней лекции он уже просто в открытую изучал материалы из картонной папки, которую теперь решил все время таскать с собой, дабы Рик не смог сунуть туда нос в его отсутствие. Но на сей раз ему не удалось обнаружить ничего примечательного. Новые допросы Триши, в общем, не противоречили показаниям остальных. Своего увлечения оккультизмом она не отрицала, но настаивала, что ничего противозаконного на этой почве никогда не делала – "сейчас же не эпоха салемских процессов!" Тревора называла своим парнем, но не отрицала, что после летней разлуки между ними произошло охлаждение. На вопрос, не пыталась ли она вернуть симпатию Тревора с помощью магического ритуала, посоветовала следовательно писать сценарии для Холливуда. Медики, оказывавшие помощь Трише после смерти Джессики, полагали, что пациентка, скорее всего, действительно находилась в состоянии глубокого психологического шока, но не могли полностью исключить и талантливой симуляции.

Наконец занятия кончились. Но прежде, чем идти в парк, Малколм направился в аптеку. И, хотя он еще не чувствовал себя окончательно здоровым, на сей раз ему нужен был там не спрей от насморка или микстура от кашля. У него вдруг мелькнула мысль, как похабно ухмыльнулся бы Рик, если бы узнал, что его сосед собирается зайти в аптеку перед свиданием, и он мысленно послал Рика и всех, ему подобных, к дьяволу.

– Какое снотворное я могу купить без рецепта? – спросил он фармацевта.

– У нас есть кёрклэнд и унисом.

– В чем разница?

– Кёрклэнд дает более сильный и продолжительный эффект, а также почти не вызывает привыкания. Обеспечивает долгий и глубокий сон. Если у вас хроническая бессонница, то это оптимальный вариант. Но если вам нужно, к примеру, просто пораньше заснуть перед контрольной, – аптека находилась прямо напротив общаги, и фармацевт, разумеется, знал, что большинство его посетителей – студенты, – или если вы вообще никогда прежде не

пользовались снотворным и не знаете, насколько чувствительны к нему, тогда я рекомендую унисом.

– Я беру кёрклэнд.

– 96 таблеток – 7.99 или двойная упаковка – 12.99.

"Ну, так много мне вряд ли понадобится", – подумал Малколм и выбрал минимальный вариант.

– Он начинает действовать очень быстро, – предупредил аптекарь, вручая ему пузырек с коричневой этикеткой, – так что принимайте его непосредственно перед тем, как лечь в постель. И, разумеется, не перед тем, как садиться за руль, даже чтобы проехать короткое расстояние.

– Конечно, – кивнул Малколм. Расплатившись, он направился в парк.

Обдумывая, почему в прошлый раз ему снилась на скамейке всякая дрянь, а Джессика так и не появилась, он пришел к трем возможным ответам. Либо все дело было в том, что он был болен и, возможно, его мозг был чем-то вроде барахлящего приемника – генерировал собственный бред и глушил сигнал извне. Либо (эта версия была самой неприятной) сама Джессика не хотела или не могла говорить с ним – возможно, из-за затронутой им, пусть даже вскользь, запретной темы. Либо, наконец, неподходящим было время. Их первый *настоящий* разговор состоялся уже после заката. Может быть, в основе суеверных баек о мертвецах, являющихся только по ночам, все же лежит нечто реальное...

На сей раз Малколм ко всему подготовился. Хотя простуда еще не покинула его окончательно, жара и головной боли уже точно не было, и он засадил в нос и горло ударные дозы аэрозолей от насморка и кашля. Одежда он по-зимнему; день выдался теплее предыдущих, облаков и синевы в небе было примерно поровну, но Малколм понимал, что ночью в парке, особенно если небо прояснится окончательно, запросто похолодает до сорока⁵, а то и ниже. Ну и самое главное – если ему нужен сон, он больше не будет пускать это дело на самотек, тем более теперь, когда он преизрядно отоспался за время болезни. Снотворное, которое отправит его на свидание с Джессикой быстро и на много часов – это именно то, что надо.

Для начала он поговорил с Джессикой так, как делал это обычно – на сей раз, впрочем, избегая любых намеков на предполагаемо запретную тему. А примерно за час до заката достал из кармана пузырек и отправил в рот продолговатую белую пилюлю, запив ее чаем из термоса.

Затем он тщательно замотал горло шарфом, застегнул куртку под подбородок, надвинул капюшон и затянул его завязками. Сразу стало жарко, и Малколм подумал, стоит ли надевать еще и перчатки. Затем все же достал их из карманов, но одна при этом выскользнула и упала под скамейку. Малколм нагнулся, чтобы ее поднять, и неожиданно оказался... в другом месте.

Это была бескрайняя пустыня. Серый песок тянулся во все стороны, образуя удивительно унылый и мертвый ландшафт. Воздух был каким-то мутным, солнца не было, но было, тем не менее, жарко и душно. А небо... один лишь его вид вызывал тошноту! Это была некая плотная, грязно-бурая комковатая масса, липкая и влажная на вид, низко повисшая над равниной под собственной тяжестью и готовая, казалось, вот-вот лопнуть и излиться вниз какой-то совершенно уже немыслимой гнойной мерзостью. И Малколм почувствовал, что ему надо выбраться из этого места прежде, чем это произойдет.

Он зашагал вперед, не выбирая направления – пейзаж все равно был одинаковым, куда ни посмотри – но его ноги вязли в песке, и даже, кажется, сам этот мутный и душный воздух был плотнее, чем полагается атмосфере, и мешал его продвижению. Малколм сбросил куртку, шарф, стянул через голову свитер, но идти все равно было мучительно тяжело. Он шел и шел, но, казалось, остается все на том же месте, поскольку пейзаж вокруг совершенно не менялся. Наконец он остановился передохнуть – и тут же позади него раздался чудовищный шум, с каким, вероятно, могло бы двигаться песчаное цунами.

Малколм в ужасе обернулся и увидел, как в песке разверзается гигантская воронка, диаметр которой стремительно растет, словно вся пустыня проваливается внутрь себя. И тогда Малколм бросился бежать, не помня себя от страха, но его ноги по-прежнему увязали в песке и, конечно, у него не было никаких шансов. Вскоре край воронки настиг его, и Малколм заскользил вниз, в глубину. Он отчаянно сопротивлялся, пытаясь выбраться вверх по склону уже с помощью всех четырех конечностей, но лишь проваливался все глубже и глубже. Все больше песка сыпался на него сверху, погребая с головой, забиваясь в рот и нос, не позволяя дышать. Задыхаясь, Малколм отчаянно рванулся вверх из последних сил...

И пришел в себя, сидя на скамейке. Красный шар солнца низко висел над водами озера. Малколму было по-прежнему жарко, а дышать ему мешал собственный шарф, в который он, уронив голову во сне, буквально зарылся носом. Юноша расстегнул куртку, стянул шарф вниз, сбросил капюшон. "Надо было слушать аптекаря и брать унисом, – подумал он. – Если от сильного снотворного всякий раз будут такие кошмары... Да и не такое оно, похоже, и сильное. Сколько я проспал? Даже солнце еще не зашло."

– Привет, – услышал он девичий голос.

Джессика сидела рядом, все в том же простом летнем наряде – зеленая университетская футболка и джинсы – слишком легком для прохладного октябрьского вечера.

– Ты? Здесь? – только и смог пробормотать Малколм.

– Где же мне еще быть? – улыбнулась она, но улыбка вышла невеселой. Впрочем, ее лицо тут же просветлело: – Спасибо за цветы. Тюльпаны – мои любимые. Как ты догадался?

– Интуиция, – улыбнулся в ответ Малколм. – Ну, на самом деле мне самому они тоже нравятся. Здорово, что у нас общие вкусы, верно?

– Конечно.

– А тебе, кстати, спасибо за химию.

– Ты уже говорил, – снова улыбнулась она.

– Ну, почему бы и не поблагодарить еще раз, если есть, за что. Тем более, теперь я могу это сделать лицом к лицу. Ты меня и правда здорово выручила.

– А, ерунда, – махнула рукой Джессика. – Мне химия еще в школе нравилась. Хотя, честно говоря, я всегда была против подсказок и списывания. Помочь разобраться тому, кто не понимает – это одно, а подсказывать готовые ответы...

– Да я и сам никогда раньше шпаргалками не пользовался, – сконфуженно произнес Малколм.

– Но в тот момент это было единственное, что я могла для тебя сделать, – продолжала Джессика. – К тому же, это ведь... моя вина. Ты не подготовился к тесту из-за того, что проводил слишком много времени со мной, ведь так?

– Не вини себя, – поспешно возразил Малколм. – Я сам отвечаю за свои поступки. Но мне очень хочется тоже что-то сделать для тебя. Что-то более серьезное, чем цветы. Только скажи, что я могу сделать для тебя, Джессика?

Он давал ей повод заговорить о расследовании – если не прямо, то намеками. Несколько секунд девушка молчала, словно не решаясь что-то произнести, и Малколм поспешил предложить ей вариант, который позволил бы не называть тему убийства напрямую:

– Может быть, передать что-то Мел?

Но на лице Джессики лишь мелькнула мгновенная гримаска.

– Мел... нет. Не стоит ее... беспокоить. По правде говоря, Мел всегда думала только о себе.

– У нее четверо детей, – напомнил Малколм. – И она прилетала сюда из Калифорнии ради твоего дня рождения.

– Да, это ее типичные способы поведения. Сбежать от проблемы или откупиться от нее. Найти или создать себе убедительное оправдание, лишь бы ее не трогали. Или найти кого-то, кто

бы взял ответственность на себя. Поэтому, в общем-то, она и поспешила выскочить замуж, как только поняла, что папа и мама больше не считают ее маленькой девочкой, за которую должен думать кто-то другой. Она не злая, нет. Она за то, чтобы всем было хорошо. Но как-нибудь без ее активного участия.

"Ну да, а теперь она нашла меня", – подумал Малколм, а вслух сказал:

– Но я не такой, Джессика. На меня ты можешь положиться. Я сделаю для тебя все... что в моих силах, конечно, – рационально добавил он.

Но Джессика лишь посмотрела долгим взглядом в его глаза и сказала:

– Просто будь со мной, Малколм. Не покидай меня. Пожалуйста.

– Конечно, Джессика! – воскликнул он. – Именно об этом я и мечтаю! Я тебя никогда не брошу!

Но в этот самый момент за спиной у Джессики в пронизанном закатными лучами воздухе соткался некий тонкий и длинный силуэт, состоявший, казалось, из пыльного мрака. И от него веяло холодом. Ледяным холодом.

– Что...? – испуганно произнесла Джессика, заметив, очевидно, как изменилось лицо Малколма. Призрачная фигура шагнула прямо сквозь спинку скамейки, отсекая Малколма от Джессики, и вцепилась длинными острыми пальцами в плечи юноши. Лица у нее не было – только бешено клубящаяся в темноте пыль. Словно эта тварь представляла собой некую дыру в ткани мироздания. Нечто не живое и даже не мертвое – воплощенное небытие.

– Живой, – прозвучало из этой жути. – Ты живой.

– Ну и что? – запальчиво крикнул Малколм. – Это не значит, что я не могу быть с ней!

– Проснись, парень, – издевательски усмехнулся монстр (если, конечно, можно издевательски усмехаться, не имея рта).

– Убирайся! – крикнул в ответ Малколм. – Я тебя не боюсь, кто бы ты ни был!

– Малколм, не уходи! – донесся до него голос Джессики.

Но ходячий ужас поднял длинную когтистую длань и наотмашь ударил юношу по лицу, окончательно погасив вечерний свет в его глазах.

Ледяной мрак поглотил Малколма – и в этом мраке над ним по-прежнему нависала длинная фигура с деформированной головой, озаряемая багровыми всполохами.

– Живой? Проснулся? Ну слава богу! Я уж думал, ты как тот...

– Ммм... – сказал Малколм. Его пальцы заоченели, нос тоже, но щека горела. В груди стояла тошнота, и ужасно хотелось спать. Он снова закрыл глаза.

– Да просыпайся же ты! – сильные руки еще несколько раз встряхнули его за плечи.

– А? – юноша окончательно пришел в себя.

Он сидел все на той же скамейке, но пора заката давно миновала. Парк был погружен во тьму безлунной ночи – ясной и холодной, как и ожидал Малколм. Но его куртка была почему-то полурасстегнута, и на нем не было ни шарфа, ни перчаток. А над ним стоял какой-то долговязый парень в... – Малколм, наконец, сообразил, что такое с его головой – в велосипедном шлеме. Велосипед стоял рядом, прислоненный к дереву; его задний фонарь ритмично мигал, бросая вокруг красные отсветы, а передний светил ровным белым светом.

– Ч-черт, – пробормотал Малколм, торопливо – насколько позволяли негнущиеся пальцы – запахивая и пытаясь застегнуть куртку. – Х-холодно...

– Еще бы! – откликнулся велосипедист. – К утру вообще заморозки обещали! Ты что тут делаешь вообще? Тебе что – ночевать негде?

– Нет, – проворчал Малколм (спать все еще хотелось чертовски). – В смысле, есть где... я тут, в общаге живу...

– Студент? – незнакомец словно бы обрадовался. – То-то я и гляжу, на бомжа вроде не похож... Какой курс? Первый, небось?

– Тебе-то что, – буркнул Малколм. Он уже сообразил, что его расспрашивает не

полицейский, а стало быть, отвечать он не обязан.

– Да мне-то ничего, жизнь твою спасаю, придурок! Ты же тут замерзнуть на фиг мог! Ни на что уже не реагировал, пришлось тебе пощечину вlepить... Ладно, – смягчился вдруг велосипедист. – Ты не обижайся. Я сам с универа, четвертый курс. Кевин, – он протянул Малколму руку.

– Малколм, – представился тот, отвечая на рукопожатие. Рука Кевина определенно была намного теплее – прямо даже не хотелось ее выпускать. – Где-то тут были мои перчатки...

– Щас найдем, – пообещал Кевин и отцепил фонарь от руля своего велосипеда. Малколм зажмурился, когда яркий светодиодный луч мазнул его по лицу. – Так что ты тут делаешь посреди ночи? Спиртным не пахнет. Принял, что ли, что?

"Снотворное", – чуть не вырвалось у Малколма, но он тут же сообразил, что Кевину это знать необязательно. – Да так, просто смотрел на закат и задремал.

– "На закат!", – с усмешкой повторил Кевин. – Испытание, да? И какой же придурок дает такие задания? Мне ты можешь сказать. Я секретарь братства.

– "Фи Дельта Омега"? – мозг Малколма, наконец, преодолел сонную одурь и заработал в полную силу. Сразу же проснулась и подозрительность. – А задание – чтобы стать вашим членом? Спасибо, нет. Не интересуюсь.

– Ох-ох, какие мы гордые. Как будто кто-то заставляет... Погоди-ка, – Кевин прищурил правый глаз, – ты сказал – Малколм? Случайно не сосед Рика Тэлтона?

– Ну допустим, – не стал отрицать Малколм, хотя его подозрительность выросла еще на порядок. – А что?

– Да ничего. Просто я его куратор, давший ему рекомендацию в братство.

– А обо мне ты откуда знаешь? Я-то к вашим делам никакого отношения не имею, – с умыслом добавил Малколм.

– Ты так говоришь "к нашим делам", словно у нас какой-нибудь кокаиновый картель, – усмехнулся Кевин. – Просто Рик говорил о тебе пару раз.

– И что же он обо мне говорил? – на сей раз Малколм постарался, чтобы вопрос прозвучал тоном праздного любопытства.

– Ну... что странный ты, – пожал плечами Кевин и добавил: – Вижу, не соврал.

– Ага, я, значит, странный, – Малколм перешел в контратаку по принципу "лучшая оборона – нападение". – А сам-то ты что тут делаешь посреди ночи?

– Просто люблю время от времени кататься по ночам, – ответил Кевин. – Ни трафика, ни пешеходов, никто не мешает. Формально, правда, парк ночью закрыт, но на копов я тут еще ни разу не напарывался. Да и не станут ко мне докапываться. В местном участке меня знают.

– Тоже, что ль, через "Фи Дельту"?

– Братство, мой юный друг – не такая бесполезная штука, как тебе кажется, – важно провозгласил Кевин. Он провел лучом фонаря по сиденью скамейки, затем по земле вокруг: – Вон твои перчатки валяются. И шарф – тоже твой, небось?

Малколм собрал с земли свои вещи. Шарф был испачкан грязью и пропитался ледяной водой из лужи.

– Что ты тут за стриптиз устроил? – продолжал Кевин. – В такую холодрыгу?

– Мне приснилось, что мне жарко, – нехотя пробурчал Малколм. На самом деле это было еще не самое странное, хотя он читал, что ощущения жары или холода во сне обычно отражают чувства из реального мира. Но как получилось, что, снимая одежду в сновидении, он проделал то же самое в реальности? Расстегнуть кнопки, размотать шарф – это не просто случайно дернуть рукой! До сих пор он не страдал ничем похожим на лунатизм...

– Замерзающим кажется, что им тепло, – кивнул Кевин. – А потом все, кирдык.

– Ну, не так уж тут холодно, – не согласился Малколм. – Не мороз все-таки, – корочки льда на луже не было. – Люди зимой в лесу ночуют, и ничего.

– А другие замерзают насмерть даже летом, заснув на холодной земле!

– Ну ладно, – проворчал Малколм. – Спасибо за заботу. Хотя вообще-то ты прервал один из самых чудесных снов в моей жизни. Кстати, – его подозрительность вновь усилилась, – как ты меня вообще заметил в темноте? С аллеи даже днем не особо видно, кто тут сидит.

– Когда я сегодня в первый раз тут проезжал, еще светло было. На закате против солнца как раз хорошо видно. Ну а потом – я снова еду, когда уже темно, а ты все еще тут. Ну, думаю, не хватало только, чтобы еще один...

– Какой еще один? Ты сказал, – припомнил Малколм, – думал, что я как... как кто?

– Ты правда не знаешь? – Кевин помолчал несколько секунд. – Здесь в парке уже умер один парень. На этой самой скамейке. Том Карсон, мой однокурсник. Я его не знал, правда – он был IT-шник, а я с юрфака... Три года назад это было, мы как раз на первом были, как ты сейчас.

– Умер? – потрясенно переспросил Малколм. – Как? Замерз?

– Может быть. Точную причину никто не знает. Он просидел на скамейке два дня, и никто не озаботился подойти и посмотреть. Сидит парень и сидит, с какой стати его беспокоить... тем более в такую пору – а это был конец ноября – в парке вообще мало гуляющих, а сюда и летом-то мало кто доходит. А потом пришел арктический циклон, сильное похолодание, метель, весь парк завалило снегом. Два дня мело, потом еще два дня этот снег расчищали. И вот только тогда заметили, что он так тут и сидит, засыпанный...

– И что, его даже не искали? За шесть-то дней?

– Ну, мало ли почему студент прогуливает занятия. Ребята с его факультета говорили, что он и так не очень часто появлялся в универе, в последнее время особенно. А близких друзей у него не было.

– И что показало вскрытие? – спросил Малколм тоном профессионального сыщика.

– Крысу, – криво усмехнулся Кевин.

– Крысу? – Малколм подумал, что не расслышал.

– Да. У него в желудке. Они тут, в парке, вообще-то водятся.

– Он ее съел?! – опешил Малколм.

– Наоборот. Она его. Очевидно, забралась через рот, когда он сидел уже мертвый. И пережидала метель, питаясь его внутренностями. Она была все еще живая, когда его взрезали. Говорят, доктора чуть удар не хватил, когда живот мертвеца зашевелился, как в фильме "Чужой", и из разреза высунулась эта морда...

– Брр, – Малколм брезгливо поморщился. – Ну а все-таки, что насчет причины смерти?

– После повреждений, нанесенных его внутренним органам, трудно сказать наверняка. Признаков насилия или отравления, по крайней мере, не нашли. Врачи предположили сердечный приступ, хотя Карсон никогда раньше на сердце не жаловался. Но это, знаешь, как бывает – особенно в 18 лет, когда никто не верит, что у него могут быть серьезные проблемы со здоровьем...

– Но все-таки не переохлаждение?

– Если он был в бодром сознании, ничто не мешало бы ему оттуда уйти. Метель началась лишь через два дня после его смерти... А у людей, замерзших во сне, обычно спокойное выражение лица. А у Карсона... говорят, у него была гримаса жуткого ужаса.

– Хочешь сказать, что-то в буквальном смысле напугало его до смерти?

– По закону жанра я должен ответить, – Кевин перешел на замогильный голос, – "именно так, мой юный друг, и никто до сих пор не знает, что это было". Хотя, – он вернулся к обычному тону, – на самом деле такое бывает при сердечных приступах, вызванных вполне естественными причинами. Вообще-то все, что я тебе рассказал – всего лишь слухи, городская легенда. Сам понимаешь, я не судмедэксперт, при вскрытии не присутствовал и никаких медицинских заключений не видел.

– А твой приятель полицейский?

– Тогда он еще не был моим приятелем и не работал в полиции.

– Но Карсон действительно умер?

– Да, на этой скамейке. Это единственное, что можно утверждать с уверенностью. Ну, конечно, баек понапридумывали разных, я-то тебе изложил наиболее вменяемую версию... Вот я и подумал, что какой-нибудь придурок мог выдумать такое испытание для новичка – провести ночь на скамейке, где умер Карсон. Хотя это дважды дурь – во-первых, такими страшилками впору пугать детишек в скаутском лагере, а не студентов универа, а во-вторых, в такую холодную ночь это реально опасно, и совсем не из-за призраков.

– Да понял, понял...

– Надеюсь, прямо сейчас ты пойдешь домой, Малколм? Не заснешь здесь снова?

– Зачем мне это? – весьма натурально удивился Малколм.

– Ну смотри. Я бы тебя проводил, но ты пешком, а я на велике. Точно хорошо себя чувствуешь? Не думай, что кто-то поднимет тебя на смех. Карсон, может, тоже так думал и не позвонил вовремя 9-1-1...

– Да все со мной в порядке! – раздраженно воскликнул Малколм, поднимаясь со скамейки. Ноги все-таки затекли, но он тут же размял их, пару раз присев и попрыгав на месте. – Видишь?

– Ну окей. Сумку свою не забудь.

– Да, точно.

Малколм забросил сумку на плечо и пошел в сторону аллеи рядом с Кевином, который катил свой велосипед. Добравшись до асфальта, старшекурсник перебросил ногу через седло и со словами: "Ну бывай, и не сиди тут больше по ночам" покатил прочь. Красный глаз заднего фонаря ритмично вспыхивал и гас, пока не скрылся за поворотом.

"Вот не было печали, – подумал Малколм и широко зевнул: спать все еще хотелось. – Что он будет делать, если увидит меня тут снова? Вызовет полицию? С него, пожалуй, станется... тоже мне, заботливая мамочка..."

Хотя, если Кевином двигала лишь забота о постороннем парне, это еще полбеды. Куда хуже, если Рик сообщил своему куратору о расследовании, которым занимается Малколм, и теперь "Фи Дельта Омега" принимает меры, чтобы ему помешать! Очень все же подозрительна эта ночная встреча в пустом парке. И эта история про Карсона... правда? ложь? попытка запугать? Может, и Карсон пытался сунуть нос в некие мрачные тайны братства? У которого тут, похоже, все схвачено – от местных клубов до полиции и, быть может, даже суда... Хотя суд руководствовался решением присяжных, которых отбирают случайным образом. Или тоже не совсем случайным? Памела ведь намекала на что-то подобное...

Впрочем, признался себе Малколм, его не очень даже волновало, могло ли братство убить Карсона.

Могло ли оно убить Джессику?

Возможно, руками Триши. Или кого-то другого, подставившего Тришу. Зачем? Может быть, Джессика тоже узнала некую тайну. К ней, открытой и дружелюбной, тянулись, какой-нибудь парень мог поделиться тяготившим его секретом, который, из страха или, напротив, из боязни насмешек, не решался доверить больше никому... Или же... что, если оккультный ритуал с жертвоприношением – не такая уж и глупость из молодежной комедии? Пусть даже не на самом деле – вполне достаточно, чтобы некие влиятельные личности в "Фи Дельта Омега" верили в такое всерьез...

Хотя, конечно, слово "братство" только звучит на некий конспирологически-средневековый манер. А на самом деле эти студенческие организации – даже если их члены и сохраняют связи после окончания университета – это вовсе не какие-то тайные оккультные ордена. Как там выражалась МакМердон – "слишком ванильные". Но... кто знает? Кто может гарантировать? Может быть, в других местах они и "ванильные", а вот именно здесь... особенно

если в темные дела вовлечены отнюдь не все члены, а лишь узкий круг посвященных...

Впрочем, несмотря даже на холод и ходьбу, Малколм все еще чувствовал слишком сильную сонливость, чтобы обдумать все это как следует. Завтра со свежей головой... Хотя – сколько героев ужастиков откладывали нечто на завтра, а в итоге до завтра не доживали? Но нет, это уж совсем бред. Не Рик же задушит его во сне, в конце концов...

Рик безмятежно спал и никого душить явно не собирался. Малколм принялся стаскивать с себя одежду, мечтая лишь о том, чтобы рухнуть на кровать. Запихивая перчатки обратно в карманы, он с усмешкой подумал, что в ужастике в карманах непременно обнаружился бы серый песок. Но, разумеется, никакого песка там не было. Пустыня была лишь сном, тяжелым и неприятным сном, вызванным действием сильного снотворного на непривычный к нему организм. А предположение о том, что Джессика может являться ему во сне лишь после заката, по-видимому, подтвердилось. И, должно быть, он не сам "проснулся", как показалось ему в тот момент, а это именно она выдернула его из кошмара...

С этой мыслью Малколм отрубился. Что ему снилось еще в эту ночь, он не запомнил.

Проснулся он вновь с пересохшим ртом и заложенным носом, но хотя бы без головной боли и повышенной температуры. В окно ярко светило солнце, и, судя по его положению, все попытки будильника на телефоне разбудить хозяина вовремя оказались тщетны. Ткнув кнопку, Малколм убедился, что не только проспал всю первую пару, но и опоздал уже и на вторую. Рика в комнате, разумеется, не было, и Малколм раздраженно подумал: "Ведь мог бы меня растолкать, видя, что будильник звонит, а я дрыхну!" – но тут же понял, что услышит в ответ, если предъявит претензии: "Разве не ты настаивал, чтоб тебя не трогали?" "Ну и черт с ними!" – неожиданно легко подумал Малколм, имея в виду и Рика, и занятия. У него есть дела поважнее.

Малколм поплелся в ванную, вернувшись, подозрительно осмотрел свою валявшуюся на полу сумку (не лазил ли Рик в его бумаги, пока он спал? не похоже, но точно, конечно, не скажешь...), пшикнул аэрозолем в обе ноздри и снова устроился на кровати, но уже с ноутбуком. Так, что важное он узнал вчера? Джессика подтвердила его подозрения насчет характера Памелы, но сама она, похоже, действительно избегает любых разговоров о расследовании собственной гибели... но главное – Малколму ясно вспомнилась эта сцена, казавшаяся даже более реальной, чем последующий полусонный разговор с Кевином – Джессика действительно его... в общем, он ей не безразличен! "Только не покидай меня!" Нет, Джессика, конечно же нет! Чертов Кевин, разлучивший их именно в этот момент...

Ладно (усилием воли Малколм стер с лица мечтательную улыбку). Даже если Джессика не решилась попросить его вывести на чистую воду ее убийц, он сделает это сам – кто бы ни пытался ему помешать. Прежде всего проверим историю этого парня – как там его, Джон Карсон? Нет, как-то по-другому... Том Карсон, да. Малколм ввел в поисковик "студент томас карсон мертв".

Интернет тут же вывалил соответствующие ссылки. Пройдя по ним, Малколм убедился, что по крайней мере в этом Кевин не соврал. Разумеется, помимо рассказанной им неофициальной, но правдоподобной истории отыскались и упомянутые им байки. Например – про студента, который зимним вечером, когда уже стемнело, отловил запиравшего аудиторию молодого преподавателя, работавшего в университете первый год, с просьбой принять у него зачет. "Но я уже закончил принимать, вам следовало прийти раньше", – ответил преподаватель, но студент так настаивал, что раньше он "никак не мог", что препод сжалился. Однако он заметил также: "Что-то я не помню вас на моих лекциях." "Так получилось, что я не очень ходил на лекции, – ответил студент низким простуженным голосом, – но я подготовился." "Ну ладно", – препод отпер аудиторию, сел со студентом за стол и начал задавать ему вопросы. Тот на все ответил правильно, и препод, достав свою ведомость, спросил: "Как ваше имя"? "Том Карсон". Препод наклонился, ища имя в ведомости, а потом и говорит: "Но вас нет в списке!" Но ему никто не ответил. Он поднял голову и увидел, что аудитория была пуста... "И до тех пор, –

заключал анонимный рассказчик, – пока Карсон не сдаст все зачеты, его дух не обретет покоя. А сдать он их не может, потому что его нет в ведомостях."

Малколм усмехнулся – неплохая байка, хотя и предсказуемая с первого же слова. Но, конечно, просто байка и не более чем. Призраков не существует, и именно он знал это лучше, чем кто-либо другой. Джессика не может явиться в материальный мир, нарушить физические законы, представить какие-либо доказательства своего существования, убедительные для ученых. Она может встречаться с ним только во сне или, во всяком случае, в его сознании. Видимо, именно поэтому никаких научных подтверждений паранормальных явлений так и не существует, несмотря на все усилия энтузиастов. Обитатели потустороннего не могут сделать ничего, что нельзя было бы объяснить естественными причинами. Да, конечно, информация – ДЦП у Теда, правильные ответы по химии – но кто поверит ему, что он узнал это от мертвой девушки, а не куда более обыденным путем? А вот если существует нечто, о чем никто из живых знать не может – скажем, обстоятельства ее убийства – тут-то, возможно, и вступает в силу запрет, не позволяющий ей касаться этой темы. Может, тут все-таки не злая воля неких загробных цензоров, а нечто вроде закона сохранения информации, не позволяющего таковой просачиваться из того мира в этот...

Так, ладно. Малколм пока что в этом мире, и будет искать истину материальными методами. Имеет ли Карсон отношение к делу, или его смерть в парке – лишь случайное совпадение? Во всяком случае очевидно, что он не мог быть ни одним из друзей Джессики, ни соучастником ее убийства. Он старше Малколма всего на три года. А что пишет о себе он сам? Сохранился ли еще его аккаунт?

Малколм легко нашел таковой. Тот даже по-прежнему считался активным, то есть не имел мемориального статуса. Видимо, никто так и не уведомил администрацию соцсети о смерти пользователя. У него не было близких друзей, вспомнил Малколм, а родственники, наверное – в отличие от самого Тома – не особенно разбирались в интернет-технологиях... Но пользы от этого не было никакой, ибо все записи оказались приватными. Посмотреть их мог только покойный хозяин. Или некто, знающий его пароль, пытаться угадать который, разумеется, бессмысленно. Уж у IT-шника это наверняка зубодробительная комбинация букв и цифр.

Ну хорошо. Оставим пока Карсона и вернемся к прежним фигурантам. Наибольшие подозрения вызывает, очевидно, Тревор. Он был парнем Триши, он был членом братства и, главное, кто-то (узнать бы, кто!) счел его имя недостойным находиться на мемориальной доске Джессики. Последнего обстоятельства полиция не знала, но неужели она не проверила его алиби?

Как оказалось – проверила. В момент смерти Джессики Тревор, по его словам, сидел дома и играл по сети в Battlefield. Кто может это подтвердить? Он был дома один, но проверьте логи сервера. Их проверили, но, вообще-то, это доказывало лишь тот факт, что кто-то играл на компьютере Тревора под его аккаунтом. И не более чем. Если предположить некий сговор и создание алиби... Кстати, то, как Тревор покинул день рожденья Триши – так, что это заметила чуть ли не половина гостей – тоже похоже на демонстративное создание алиби. А кто его видел потом? Никто. До самого следующего дня. Когда он, как ни в чем не бывало и без всяких следов похмелья – это после ночи, когда он "сам не помнит, как добрался домой"! – явился на занятия.

И тем не менее – если у полицейских и возникли какие-либо сомнения, пришить Тревору они ничего не смогли. На суде он выступал лишь как свидетель защиты. Знал бы он, как его отблагодарят за эту защиту... хотя на самом деле, скорее всего, за что-то другое.

А что там, кстати, насчет его аккаунта? Удален с концами. Малколм попытался отыскать копии в веб-архиве. Одна нашлась, сделанная буквально за месяц до убийства Тревора, но там не было ничего интересного – только реклама его гинекологического кабинета. Никаких упоминаний о бурном (или каком угодно) студенческом прошлом.

Но если братство каким-то образом причастно к этому делу, стоит поискать информацию о его кураторе. Как там его? Эдвин Каттеридж. Следствие практически не уделило ему внимания, и формальных поводов подозревать его действительно не было никаких. Но даже если следствие ничего не нашло тогда, интересно, что этот субъект поддельвал после...

История Каттериджа оказалась примечательной. После окончания учебы он устроился пластическим хирургом в престижную клинику в Лос-Анджелесе (уж не связи ли братства помогли вчерашнему выпускнику получить столь хорошую работу?) Год проработал там вполне успешно. А затем... с очередной клиенткой, желавшей увеличить грудь, что-то пошло не так. Несложная вроде бы операция обернулась осложнениями, превратив левую грудь пациентки в подобие отвислого мешка с комками внутри (в интернете даже нашлось фото, и Малколм скривился от отвращения). Каттеридж сделал вторую операцию в надежде исправить результаты первой – но лучше бы он даже не пытался. Ибо на сей раз результатом стало гнойное воспаление, развившееся столь стремительно, что ради спасения жизни пациентки пришлось удалить ее молочную железу целиком. Пострадавшая подала иск на \$1750000 и выиграла дело. Каттеридж был признан виновным в халатности и потерял не только все свои деньги и работу, но и право работать по специальности в дальнейшем.

После этого всякие его следы терялись. Вероятно, он переехал куда-то в глушь. Все свои сетевые аккаунты он, по всей видимости, удалил сам.

Впрочем, это была не единственная информация, почерпнутая Малколмом из интернета. Были там и упоминания о Каттеридже времен его учебы в университете – в основном в чужих блогах. Ничего особо скандального или, тем паче, криминального Малколм в этих записях не нашел – но, похоже, Эдвину симпатизировали отнюдь не все. Несколько раз "Брант и его дружок Каттеридж" были упомянуты в явно неприязненном контексте. Стало быть, куратор Тревога и президент братства, хотя и учившиеся на разных факультетах, были друзьями? Ну что ж, поищем тогда и сведения о Бранте...

Этот тип не понравился Малколму еще тогда, когда он увидел его фото в официальном списке студентов 2006 года. Малколм знал подобный типаж еще со школы. Типичный самовлюбленный козел – красавчик, альфа-самец класса, капитан спортивной команды и еще, небось, сынок богатых родителей, с 16 лет привыкший подкатывать к школе на собственном "Мустанге". Убежденный в том, что все девчонки должны на него вешаться, а все парни заискивать и искать его расположения. И при этом, разумеется – совершенная пустышка. Пластмассовый Кен для пластмассовых Барби.

И действительно, то, что Малколм читал о бывшем президенте братства сейчас, вполне соответствовало этому впечатлению. Аккаунты самого Бранта в соцсетях оказались удалены, как и у Каттериджа, однако довольно много записей сохранились в вебархиве, а кроме того, о Бранте писали другие блогеры, а позже и профессиональные журналисты, так что восстановить ключевые события его биографии не составило труда. Брант и в самом деле был капитаном футбольной команды в школе (о чем гордо писал в своем профиле) и продолжил свою спортивную карьеру в университете. Кажется, собирался даже податься в профессиональный спорт (само существование коего Малколм считал величайшим идиотизмом человеческой цивилизации – хуже, чем даже войны, в которых есть *хоть какой-то* смысл, в то время как в спорте людей, не имеющих никаких реальных противоречий, делят по совершенно абсурдному принципу и натравливают друг на друга, заставляя враждовать ради самой вражды). Но травма позвоночника, полученная на престижном горнолыжном курорте в зимние каникулы на четвертом курсе, поставила крест на этих планах; проведя пять месяцев в корсете, Брант вынужден был смириться с тем, что, хотя ходить и даже бегать будет, футбол (как и любые ударные нагрузки) для него отныне табу. Пришлось Николасу срочно вспоминать свою основную экономическую специальность и даже задержаться ради этого в университете еще на год. В итоге, однако, ему удалось устроиться в крупную финансовую компанию с офисом на

Уолл-стрит и одновременно закрутить роман с дочерью одного из ее топ-менеджеров, увенчавшийся законным браком.

Казалось, все неприятности миновали, и перед Брантом вновь открылись привычные с детства сияющие перспективы. Но через три года грянул гром. Брант был обвинен в торговле инсайдерской информацией. (Ну да, ну да, подумал Малколм, кто начинал, надувая собственных "братьев" с деньгами за организацию вечеринок...) Поначалу Брант хорохорился и все отрицал, но затем – должно быть, по совету адвоката – пошел на сделку со следствием, что в итоге позволило ему отделаться годом тюрьмы. В придачу к этому от него ушла жена, причем не столько даже из-за того, что он предал "папину компанию", сколько из-за обнаружившейся юной любовницы-стажерки.

Записи его личного блога, по всей видимости, на этом кончались; последняя, сохраненная вебархивом в январе 2014, была сделана более чем за год до этого и содержала многословные извинения перед всеми, кого он "подвел, разочаровал и обидел, кого оказался недостойн, чьих надежд и доверия не оправдал, кому причинил незаслуженную боль и горечь". Очевидно, он написал это перед тем, как отправиться в тюрьму, а удалил свой аккаунт вскоре после освобождения. В газеты и новостные ленты его имя также больше не попадало – из чего Малколм сделал вывод, что Брант, по крайней мере, не разделил судьбу Триши и вышел из тюрьмы живым. Но легко можно было представить, что ждало его на свободе: все некогда гостеприимно распахнутые двери захлопнулись на три засова, все деньги ушли на выплату ущерба и адвокатов (да и бывшая супруга при разводе наверняка урвала все, что возможно), былой самоуверенный кумир-победитель превратился в никому не нужного изгоя.

"И никакая Фи Дельта тебе не помогла, – подумал Малколм со злорадством. – И если эти подонки и в самом деле принесли Джессику в жертву, не похоже, чтобы это пошло им на пользу!" Хотя, конечно, никакой мистики в участии МакМердон, Хастингтона, Каттериджа, Бранта не было. Все, что они получили, было закономерно и неудивительно. Наркоманка со съехавшей крышей, халатный врач, бесчестный финансист... вот разве что насчет Тревора оставались сомнения, чем он заслужил свою смерть. Если он действительно подсадил на наркотики Тришу (прежде не имевшую понятия ни о чем подобном в своей строгой религиозной семье), то картина обретает идеальную завершенность – но пока это не более чем гипотеза Малколма. Полиция, по крайней мере, Тревора ни в чем подобном не обвиняла. Но полиция не всемогуща и не всезнающа...

И все же – даже если кара, постигшая каждого из них, не имеет к Джессике никакого отношения, причастны ли все эти четверо к ее смерти? Ну, например... что, если на той вечеринке Джессику... загипнотизировали, внушив ей, что три дня спустя она должна прийти к МакМердон со скальпелем? Человека даже под гипнозом нельзя заставить сделать то, что противно его убеждениям – скажем, совершить убийство или самоубийство; но просто прийти, не зная, что будет дальше – почему бы нет. Что и подарило весомый аргумент защите Триши. Звучит, конечно, довольно экзотично, но ни разу не антинаучно. Гипноз – это не колдовство, а вполне себе медицинская процедура. А трое из четырех подозреваемых были студентами-медиками. Правда, двое из них – всего лишь второкурсниками, и ни один не специализировался в качестве психотерапевта или психиатра. Но – что, если был и пятый соучастник? В списке гостей, составленном полицией, старшекурсников, за исключением Бранта, не было. Но ясно, что на ту вечеринку мог прийти кто угодно и не привлечь особого внимания, особенно ближе к ночи, когда большинство гостей успело уже что-то "употребить"...

Впрочем, напомнил себе Малколм, пока это всего лишь ничем не подтвержденная гипотеза. Ученый должен оперировать фактами. Какие факты заведомо не были рассмотрены полицией? Те, что случились после смерти Джессики. Вот и распишем хронологию. Итак, осенью 2006 МакМердон и Хастингтон на втором курсе, Брант и Каттеридж на четвертом. В 2007 суд оправдывает Тришу, после чего она исчезает с горизонта и начинает катиться по

алкогольно-наркотической наклонной плоскости, пока летом 2013 не прикатывается с ножом в Титусвилль, чтобы выпотрошить Хастингтона. Второй процесс проходит быстро в силу очевидности улик, от апелляции осужденная отказывается и кончает с собой в тюрьме в 2014. Каттеридж начинает свою карьеру пластического хирурга в 2009 – медики учатся долго – и уродует пациентку в 2010, а окончательно исчезает с горизонта в 2011, после поражения в суде. Брант должен был закончить учебу после четвертого курса, но после травмы проучился лишний год. В свою инвестиционную компанию он устраивается в 2008, а на продаже информации конкурентам его ловят в конце 2011 – спустя буквально недели после того, как Каттеридж проиграл свой процесс. Последняя запись в блоге Бранта датирована декабрем 2012. Дальнейшая его судьба также неизвестна, но из тюрьмы он должен был выйти не раньше декабря 2013.

Меж тем в ноябре 2013 в парке при невыясненных обстоятельствах умирает Карсон. Который точно непричастен к смерти Джессики, но, возможно, тоже пытался расследовать таковую. Хотя с какой бы, собственно, стати? Какое дело некоему первокурснику, никак не связанному с событиями семилетней на тот момент давности...

Ответ напрашивался, хотя Малколм подсознательно и гнал его от себя: "Точно такое же, как и тебе!" Любой, наверное, сказал бы, что глупо ревновать к мертвецу. Да и еще и девушку, которая в жизни его не видела. Но вот именно что *в жизни*. А вот *после*... Причем в этом случае даже смерть соперника не решает проблему, а как бы даже не наоборот...

Но нет, сказал себе Малколм. Карсон вовсе не *там*, с *ней*, и Джессика его не любит. Он снова вспомнил ее лицо, ее интонацию, когда она сказала: "Не покидай меня, Малколм, пожалуйста!" Нет, никакой Карсон ей не нужен, это совершенно точно! Возможно, она даже не знает об этом типе. И он, Малколм, вовсе не предается утешительному самообману. Его логика столь же рациональна, как и всегда.

Но если Карсон приходил к озеру не ради Джессики – то есть не ради Джессики *в этом смысле* – и не ради того, чтобы полюбоваться закатом промозглым вечером в конце ноября, когда, небось, и солнца-то не было видно за тучами, то зачем? Встреча в пустом ноябрьском парке с обещанием рассказать нечто важное, на которое Карсон купился, не позаботившись о мерах безопасности... Хастингтон на тот момент уже мертв, МакМердон и Брант в тюрьме. Алиби нет только у Каттериджа. Насколько, кстати, сложно профессиональному врачу подстроить сердечный приступ? Или паралич с последующей смертью от переохлаждения в полном сознании? Какой-нибудь внезапный укол... хотя от укола остается след... ну, заставить что-то проглотить или вдохнуть... А потом даже и запустить в рот парализованной жертвы живую крысу, чтобы она затруднила работу патологоанатому!

Хотя, если к делу причастно братство, тут может быть еще сколько угодно неизвестных фигурантов. Но все же было бы неплохо отыскать Каттериджа и заставить его говорить! Только не повторить при этом ошибку Карсона...

И все-таки – что могло вовлечь его в ставшее для него роковым расследование? Нечто, на что он натолкнулся, выполняя задание для вступления в братство или уже будучи его членом? Или кто-то – допустим, кто-то из перечисленных на табличке друзей Джессики – прямо попросил его заняться этим делом? Хотя, конечно, такой человек, даже если он и ждал семь лет, нанял бы частного детектива, а не мальчишку-первокурсника...

Но одно исключение было Малколму хорошо известно. Что, если это была Памела? "Спихнуть проблему на кого угодно", хотя бы и на первого встречного. Если Карсон был предыдущим, кому она... Но нет, она ведь отдала папку Малколму. Правда, большинство документов там – ксерокопии, если не считать нескольких газетных вырезок, которые критически важной информации не содержат. Но, тем не менее, если бы Памела отдала Карсону первый вариант папки, эти вырезки остались бы там – с чего бы ей их вынимать и сохранять на будущее? Если, конечно, не предположить, что она сумела каким-то образом получить всю

папку назад после смерти Карсона. Но это уже получается совсем паранойя: Памела – убийца или в сговоре с убийцами? Очевидная чушь! Или, скажем, это у нее была назначена встреча с Карсоном в парке, где он собирался сообщить ей результаты расследования, но, придя туда, она обнаружила лишь его труп и почему-то не тронутую убийцей папку? Впрочем, если это действительно был просто сердечный приступ... но тогда бы она вызвала "скорую" и полицию! Нет, подозревать эту страдающую ожирением домохозяйку в каких-то заговорах – это полная чепуха, особенно с учетом характеристики, которую дала ей Джессика. Хотя один вариант все же возможен – Карсон мог отослать ей папку назад по почте. С припиской в стиле: "Мне ничего не удалось выяснить, пусть попробует кто-то еще..." Что, в свою очередь, могло быть продиктовано как реальной неудачей расследования, так и страхом его продолжать...

Но проще всего, естественно, спросить у самой Памелы. Хотя и нет гарантий, что она скажет правду... Тем не менее, Малколм отправил ей сообщение с вопросом, известно ли ей что-нибудь о Карсоне, а заодно – о Каттеридже и Бранте.

Открылась дверь, и вошел Рик. Малколм чуть было не спросил его "чего это ты так рано?", но, скосив глаза на часы в углу экрана, понял, что – ничуть не рано. За своими изысканиями Малколм и сам не заметил, как пролетел учебный день – а ведь у него была мысль все же сходить на последнюю пару... Впрочем, ладно. Редко какой студент не прогуливает ни одного занятия, а до сессии еще далеко.

– Живой? – осведомился Рик.

– А что – не похож? – откликнулся Малколм, снова глядя на экран.

– Утром больше походил на мертвого, – усмехнулся Рик.

Малколм не прореагировал, и Рик после паузы продолжил все с той же усмешкой:

– Тебя так напрягает мое общество, что ты решил ночевать в парке?

– Твой куратор рассказал тебе! – раздраженно констатировал Малколм.

– Бросил сообщение. Кевин классный парень, вообще-то. Совсем не из тех старшекурсников, что задирают нос перед младшими.

– Лучше бы он его задирали и не смотрел на то, что его не касается. И тебя вообще-то тоже. Или, – теперь Малколм пристально посмотрел на соседа, – ваше братство имеет иное мнение на сей счет?

– Да при чем тут братство? – досадливо поморщился Рик. – Ты, разумеется, можешь спать хоть на помойке, если тебе так хочется. Просто мне кажется, что ты впутался в какое-то дерьмо. Я не знаю, в какое именно, но так говорит моя интуиция. А она меня редко обманывает.

– Ты говоришь, как персонаж третьесортного боевика.

– Кевин ведь сказал тебе, что там уже умер один студент?

– Это городская легенда, чтобы пугать первокурсников, – Малколм не собирался посвящать Рика в свои изыскания.

– Нет, – помотал головой тот. – Это не розыгрыш. Я уже пошарил в интернете.

– Ну допустим, и что? На том самом месте, где ты сейчас стоишь, за последние десять тысяч лет наверняка тоже кто-нибудь умер. Что из этого следует? Ровным счетом ничего.

– Ты опять передегериваешь. Какое отношение к нам имеют какие-нибудь древние индейцы?

– А какое отношение ко мне имеет какой-то неизвестный мне парень, умерший от сердечного приступа?

"Ну давай, Рик, – мысленно подбадривал соседа Малколм, – скажи мне, что это не так. Продемонстрируй, о чем тебе проболтался Кевин или кто там еще."

Но Рик лишь пожал плечами и принялся доставать тетради из сумки. Малколм надеялся, что он умотает на какую-нибудь очередную тусовку, но Рик, похоже, в этот вечер твердо настроился позаниматься. А может, проследить, что будет делать и пойдет ли куда-нибудь его сосед...

Малколм сидел и злился, стараясь не показывать свою злость. "И что теперь? Мне не ходить к Джессике из-за того, что у меня тут под боком шпион Фи Дельты, который тут же сообщит Кевину? Да хоть десять шпионов, плевать! Они меня не остановят!" Он уже совсем было собрался уходить, как вдруг, наконец, пришел ответ от Памелы. Он оказался совсем коротким: "Я никого из них не знаю."

Ну да, подумал Малколм с неудовольствием, понимая в то же время, что трудно было ожидать другого ответа. Едва ли Карсон мог исполнять ее поручение. Даже если она случайно встретила его в парке... Малколм вспомнил, как Памела поначалу спряталась между деревьями от него самого. Все-таки с ним она заговорила о Джессике, лишь уже убедившись, что он в теме. А фамилии Каттериджа и Бранта, хоть они и упомянуты в документах, она, скорее всего, просто не запомнила, раз полицейские не уделили им большого внимания. Она возлагала вину исключительно на МакМердон и не думала, что тут может быть замешан кто-то еще...

Пока Малколм обдумывал это, шлепнулось еще одно сообщение от Памелы.

"Малколм, я рассказала тебе все, что знала. Не думаю, что могу сообщить что-то еще."

Угу, мрачно подумал юноша. Подразумевается – "не пиши мне больше". Диагноз, поставленный Джессикой, полностью подтверждается. Хотя все же интересно, чего же ты так боишься, Мел?

Он решительно закрыл ноутбук и стал одеваться. Рик не спросил его "куда ты?", хотя и проводил внимательным взглядом. Тем более внимательным, что Малколм вновь оделся теплее, чем требовала погода на пока еще солнечной улице.

Направился Малколм, впрочем, не напрямик в парк и, на сей раз, не в аптеку. Для начала он сходил поесть, ибо с утра, не отрываясь от ноутбука, прожевал лишь несколько печенек, а затем приступил к следующему этапу своего плана. Спокойнее всего он бы почувствовал себя, приобретя пистолет, но право носить его законно можно получить лишь с 21 года. Приходилось соглашаться на полумеры. Магазины с шикарным чучелом медведя в витрине он заприметил уже давно и теперь направился прямо туда. Помимо роскошного ассортимента дробовиков и винтовок (из некоторых можно было без всяких шуток завалить слона) и нескольких современных арбалетов для любителей экзотики – все это не требовало лицензии, но такую штуку не спрячешь в карман или в сумку – там имелся отличный выбор охотничьих ножей. Малколм никогда не умел и не любил драться – даже кулаками, не говоря уже о холодном оружии, но рассудил, что сверкающее лезвие уже одним своим видом сможет защитить его на безлюдной парковой дорожке. А если понадобится – если, к примеру, какой-нибудь подозрительный тип попытается подсесть к нему на скамейку и сделать с ним то же, что и с Карсоном – то это лезвие вонзится убийце в бок куда быстрее, чем тот мог бы ожидать от парня с внешностью типичного "ботаника". Малколм не сомневался, что его рука не дрогнет – особенно если речь пойдет о людях, убивших Джессику, или их сообщниках.

Помимо ножа, в том же охотничьем магазине он купил спальный мешок, теплый и в то же время легкий, и небольшой рюкзак, куда можно было запихать таковой (спальник скатывался весьма компактно, но все же не настолько, чтобы поместиться в учебную сумку). Все это обошлось в весьма изрядную по меркам экономного Малколма сумму, но он протянул продавцу свою кредитку без колебаний.

И вот только теперь, засунув в рюкзак свою сумку, он отправился в парк.

Поприветствовав Джессику, на сей раз он уселся на скамейке боком, так, чтобы не выпускать из виду аллею и время от времени проносящихся по ней велосипедистов. В этот солнечный день их было не так уж мало. Но был ли среди них Кевин? Пару раз Малколму показалось, что он видит кого-то похожего, но он не был уверен. Расстояние все же было довольно большим, деревья мешали обзору, а в ночной темноте, да еще одурелый от снотворного, Малколм не слишком хорошо разглядел лицо старшекурсника, не говоря о его велосипеде. Но если теперь это был и не Кевин, что это доказывало? Если в деле замешано

братство, они могли послать следить и кого-нибудь другого. Вполне вероятно, кстати – ни о чем не догадывающегося. Просто "там должен ждать один парень на скамейке, позвони мне, если он уже там".

Когда последний краешек солнца угас за деревьями западного берега, Малколм поднялся.

– Извини, Джессика, – сказал он, – мне очень хочется с тобой увидеться, но, кажется, кое-кто хочет помешать нашим встречам, и мне нужно за ним проследить.

Оглядевшись по сторонам и не заметив никаких наблюдателей, он перешел дорогу и углубился в лес на дюжину ярдов на другой стороне. Здесь он заприметил подходящий куст и раскатал на земле за ним свой спальный мешок. Забравшись внутрь, Малколм перевернулся на живот и, упершись локтями в землю, уставился на дорогу в прорехи между ветками. Укрытие получилось отличным – он увидел бы всякого, направляющегося к скамейке, в то время как его самого, наверное, даже и днем можно было заметить только заранее зная, куда смотреть – а в темноте и подавно.

Ждать пришлось долго. Правда, в теплом мешке и в одежде было не холодно – мерз только нос, вновь неромантично заполнившийся соплями. Однако тело начало затекать от выгнутой позы (Малколм понимал, что если просто уляжется на землю, то может заснуть, а как раз сейчас ему это было ни к чему). Вдобавок чай из термоса, выпитый незадолго до заката, начал проситься наружу. Малколм терпел, думая, что, стоит ему отлучиться из своей засады, тут-то как раз кто-нибудь и появится – но в конце концов, когда погасли фонари на аллее, все же вынужден был выбраться из мешка на холодный воздух и отбежать в сторону. Закон Мерфи, однако, не сработал; пока он делал то, в чем нуждался, между деревьями не замелькал фонарь, не слышались шаги – ночной парк был по-прежнему пуст. Чувствуя моральный дискомфорт из-за невозможности вымыть руки, Малколм побежал обратно – и не нашел своего мешка и рюкзака. Он почувствовал мгновенную вспышку страха, но тут же сообразил, что в темноте просто перепутал куст. Минуту спустя он нашел нужный и свои нетронутые вещи, и снова залег в засаду.

Что-то прошуршало в траве справа от него. Но это, очевидно, было лишь какое-то некрупное животное. Белка? Бегают ли белки по ночам? Скорее, крыса. Малколму представилась крыса, втискивающаяся в открытый рот и дальше в горло, и его передернуло. Хотя Карсону, конечно, было все равно, он на тот момент был уже мертв... или, может быть, только парализован? А если он, Малколм, заснет тут прямо на земле... заснет с открытым ртом из-за никак не проходящего насморка... способна ли крыса...? Если верить историям из интернета, то вполне. Нет, не спать! Это можно делать только на скамейке, не на земле. Хотя до Карсона крыса добралась и там. Но, наверное, все-таки уже до мертвого Карсона...

Что же все-таки привело его сюда в его последний день, если не желание пообщаться с Джессикой, о каковой возможности Карсон, вероятно, даже не подозревал? Если это была встреча с кем-то более... материальным, то с кем? Это не обязательно мог быть фигурант расследования, понял Малколм. Это мог быть и его заказчик – и даже с большой вероятностью, раз Карсон, знавший, что расследует убийство или какие-то еще мрачные тайны, не побоялся встретиться с ним в одиночку в пустом парке поздно вечером. И, в свою очередь, то, что Карсон сообщил ему, могло быть не признанием в провале, а как раз наоборот – успешным результатом расследования. После которого у заказчика отпала дальнейшая надобность в исполнителе...

И тут Малколм сообразил, кто мог сделать подобный заказ простому студенту-первокурснику. Первокурснику с факультета компьютерной науки, некоторые из которых уже в этом возрасте знают по специальности куда больше, чем предусмотрено учебной программой.

Хакеру.

Нелюдимый парень, не имевший друзей, редко появлявшийся на по сути ненужных ему занятиях... да, Карсон идеально походил на типичного нерда.

Нет, об имени заказчика Малколм по-прежнему не имел понятия. Лишь о характере

услуги, которая ему понадобилась. Вскрыть некую информацию, возможно – защищенную паролем, возможно – удаленную. Личная почта? Аккаунты в соцсетях? Вряд ли, во всяком случае, что-то финансовое. Малколм нутром чуял, что дело тут вовсе не в банальной краже денег со счета.

Примечательно, кстати, что свой сетевой аккаунт Карсон полностью закрыл от всех. То бишь создавал он его вовсе не для общения в соцсети, а для того, чтобы складывать туда некую конфиденциальную информацию и иметь к ней доступ из любого места... Жаль, однако, что он никак не подстраховался. Не сделал, к примеру, так, чтобы в случае его длительной неактивности нарытое им открывалось для всеобщего обозрения. Теперь все это скрыто паролем, который знал лишь один человек... Или, может быть, не совсем? Карсон где-то оставил этот пароль или намек, позволяющий его разгадать? Но где теперь его искать?

Малколм вытащил свой мобильник посмотреть время. После заката прошло уже больше трех часов. Сколько еще ждать соглядая от братства – не всю же ночь? Может, уже пора перетащить спальник прямо на скамейку? На сей раз он прекрасно обойдется без всякого снотворного, спать хочется уже сейчас...

И тут между деревьями мелькнул огонек.

Малколм напрягся, мигом забыв про свою сонливость. Да, это определенно фонарь велосипеда – для пешехода он двигался слишком быстро. Вскоре он различил и силуэт велосипедиста. Который остановился на дорожке прямо напротив укывища Малколма – и напротив скамейки, соответственно.

Был ли это Кевин? В темноте Малколм не мог сказать наверняка, но, во всяком случае, фигура была такой же долговязой. Естественно, в сторону затаившегося за кустом юноши велосипедист даже не посмотрел – ему и в голову не могло прийти, что оттуда за ним кто-то наблюдает. Вместо этого он развернул руль велосипеда вправо, в сторону скамейки. Яркости фонаря хватило, чтобы достать до спинки и показать, что никакая голова над ней не торчит и ноги снизу не свешиваются.

Теперь уже не осталось никаких сомнений, что велосипедист прикатил сюда не случайно. Но и увиденное его не удовлетворило. Он покатил велосипеда к скамейке, желая, как видно, удостовериться, что там никто не лежит, как только что собирался сделать Малколм.

Хотя противник шагал в противоположном от него направлении, Малколм невольно сжал рукоятку ножа в кармане. Этот жест придал ему уверенности, хотя он и не думал, что его могут попытаться убить. Уже хотя бы потому, что вчера Кевин не причинил ему никакого вреда, хотя застал его глубоко спящим и мог бы сделать с ним что угодно. Хотя то было вчера, когда Кевин еще мог счесть заснувшего на скамейке первокурсника случайностью. А вот теперь бы он уже понял, что Малколм оправдывает его подозрения и ходит сюда не просто так...

Кстати, уж не Кевин ли вчера расстегнул его куртку и снял шарф и перчатки, чтобы... чтобы он и впрямь замерз насмерть? Но зачем же тогда было будить? Внезапно проснувшаяся совесть? Нет, скорее просто желание напугать, отбить желание снова оставаться здесь на ночь. А вот сегодня, убедившись, что предупреждение не сработало... хотя вытряхнуть его из спальника, не разбудив, было бы уже труднее. Впрочем, Кевину не было нужды марать руки убийством. Этот юрист может действовать тоньше. Скажем, засунуть в карман спящему наркотики, а потом вызвать полицию...

Малколм представил в лицах, как развивались события этого вечера. После его ухода Рик отправил сообщение своему куратору: "Он ушел, наверное, опять туда." Но Кевин не поехал сразу же в парк, у него, наверное, есть и другие дела. Вместо этого он ответил: "Сообщи мне, если он не вернется до ночи"...

Но зачем? Зачем это все? Почему *они* так боятся его ночных визитов на скамейку Джессики? Даже если они подозревают, что он что-то узнал или пытается узнать о ее убийстве и причастности братства, на скамейке ведь нет никаких улик, да и искать их надо было бы уж

точно не в ночной тьме... Неужели они *знают*? Знают, что именно в этом месте можно установить связь с Джессикой и узнать подробности убийства от самой жертвы? Если она действительно стала жертвой оккультного ритуала членов братства, это не исключено. Хотя о том, что сама Джессика не может или не хочет говорить об этом, они не в курсе...

Кстати, уж не Кевин ли был тем парнем, что уничтожил имя Тревора? Но почему только сейчас, десять лет спустя? А потому, что заметил во время своих велосипедных прогулок, как некий парнишка зачастил на скамейку... Хотя – чем могло им помешать имя Тревора, даже если он и был соучастником убийства? Так они лишь привлекли к нему внимание. Да и у того типа, которого видел Малколм, волосы были длиннее... если, конечно, Кевин не подстриг их недавно...

Нет, это как-то неубедительно. А если – Малколма пронзила новая неожиданная мысль – если все наоборот? Если это сделал некий друг? Если эти шесть на шесть имен образовывали некий... магический квадрат, запечатывавший для Джессики выход в наш мир? А после того, как одно из них было удалено... ведь именно тогда Малколм смог *по-настоящему* поговорить с ней в первый раз! Интересно в этом случае, важна ли роль Тревора, или достаточно было уничтожить любое имя? Или важно было то, что Тревор уже мертв? Может быть, друг Джессики, сделавший это, опасался, что если удалит имя живого (в том числе свое собственное), то причинит ему вред?

Очень странные мысли для будущего аэрокосмического инженера, да, подумал Малколм с усмешкой. Но не для будущего аэрокосмического инженера, который любит мертвую девушку. И пользуется взаимностью.

Тем временем Кевин – если это был Кевин – обошел скамейку кругом, светя фонарем (кажется, он даже проверял, не спрятался ли Малколм где-то поблизости при его приближении!) и покатил велосипед обратно к дороге. На сей раз луч света бил, казалось, прямо Малколму в глаза, но велосипедист по-прежнему не всматривался в мешанину теней за кустами. Оседлав свой транспорт, он покатил прочь.

Малколм, однако, остался в своем убежище. Что, если этот тип вернется? Лучше выждать на всякий случай. Дать ему время сделать еще один круг. Малколм не боялся встретиться с ним лицом к лицу – особенно после того, как приобрел нож – но будет гораздо лучше, если противник утратит бдительность и перестанет что-то подозревать. Устав всматриваться в темноту, Малколм зевнул и прикрыл глаза – как ему показалось, на несколько секунд...

Разбудил его приближающийся топот.

"Рик бегаёт по комнате, – подумалось ему. – И, кажется, открыл окно нараспашку и выстудил все помещение. Это уже наглость! Почему бы ему не заниматься физкультурой в спорткомплексе?"

Он открыл глаза, собираясь сообщить это соседу, и увидел корни деревьев и пожухлую траву, припорошенную инеем. Над парком всходило солнце. По аллее, перечеркнутой длинными тенями, трусил утренний бегун с наушниками в ушах, на каждом шаге выдыхая облако пара.

"Черт! – Малколм все вспомнил и сжался в своем спальнике. – Не хватало только, чтобы он меня заметил!"

Но бегун протопал мимо, не глядя по сторонам. Малколм поспешно выбрался из мешка, свернул его и запихал в рюкзак, пока не появились новые физкультурники. Затем проверил время по мобильнику – если поторопится, то еще успеет к первой паре. Он попытался вспомнить, что ему снилось, но не смог. Значит, Джессики там не было. Разговоры с ней оставались в памяти очень четко, как реальные – коими они по сути и были. Выходит, для обратной связи надо все-таки спать прямо на скамейке. Рядом – уже не считается.

"Извини, Джессика, – сказал он, торопливо подходя к скамейке, – в эту ночь не получилось. Ты видела этого парня, который явился, чтобы нам помешать? Но, надеюсь, больше он не объявится. Или я... как-нибудь решу эту проблему. А сейчас мне все-таки надо на занятия. Но я все равно буду думать о тебе. Увидимся вечером!"

Пока он добрался до выхода из парка, ему встретились еще трое бегунов и одна велосипедистка, все – незнакомые. "Не надо впадать в паранойю, – напомнил себе Малколм. – Абсолютное большинство людей что в университете, что в парке не имеют ко всему этому ни малейшего отношения."

Ему все же пришлось заскочить в общагу, чтобы переодеться и оставить там охотничий рюкзак, и в результате на первую пару он опоздал. Всего на три минуты, и профессор позволил ему занять место в аудитории, но не удержался от саркастического комментария, который был не то чтобы так уж обиден сам по себе, но привлек к Малколму внимание, которого тот предпочел бы избежать. "Сколько среди них членов братства?" – неприязненно подумал Малколм о студентах, повернувшихся в его сторону. Впрочем, чтобы следить за ним, вполне достаточно и одного Рика. Благодаря которому Кевин уже наверняка знает, что, хотя в парке Малколм не ночевал (хе-хе!), но и в общаге тоже. Впрочем, пусть строит обычные в таких случаях пошлые предположения, которые вообще Малколма возмущали, но как раз в данном случае были на руку.

Да, подумал Малколм, Рик – это мое слабое место. Впрочем, будь на его месте кто-то другой, он точно так же мог бы оказаться членом братства, с рвением неопита выполняющим задания старших товарищей... Но ведь сам Рик – определенно не убийца! Наверняка он даже понятия не имеет о зловещих тайнах братства... или, по крайней мере, некоторых бывших членов такового. Он просто исполняет то, что скажет Кевин. Нельзя ли, в таком случае... перевербовать Рика? Привлечь его на свою сторону? Разумеется, не рассказывая ему всего... то есть не рассказывая *самого главного*. Просто сообщить, что он, Малколм, пытается расследовать смерть студентки университета, погибшей десять лет назад – о чем Рик и так уже если и не знает, то догадывается – и что, вполне вероятно, вопреки официальной версии это было убийство, виновники которого до сих пор на свободе... и что, возможно даже, это не единственное убийство, которое они совершили... Не говорить сразу про братство, что вызовет у Рика недоверие и желание все отрицать, а увлечь его расследованием постепенно... главное – объяснить ему, что он не должен болтать об этом с кем попало, в том числе и с Кевином. А вот о самом Кевине Рик мог бы, не вызывая подозрений, разузнать что-то полезное. Например – кто был его куратором? Не протянется ли через него ниточка к Бранту или Каттериджу?

И кстати, сам Кевин... Во тьме безлюдного парка он казался Малколму чуть ли не безжалостным ликвидатором. Но ведь и он не может быть виновен в смерти Джессики уже просто по возрасту. Он – ровесник Карсона... или нет? Не все студенты поступают в университет сразу после школы. Что, если на самом деле Кевину лет тридцать? И жил ли он в этом городе десять лет назад? Но это как раз легко проверить. Если же это не так, то и Кевина, возможно, кто-то разыгрывает втемную точно так же, как и Рика. Но может быть и так, что он – один из нынешних хранителей тайной традиции, которая началась не с убийц Джессики и не ими закончилась...

Хотя, конечно, если бы братство – или некий узкий круг особо посвященных внутри братства – практиковал человеческие жертвоприношения регулярно, это не сошло бы им с рук. Власти обратили бы внимание на столь зловещую закономерность... хотя – кому пришло в голову увязывать смерти Джессики и Карсона? Ни одна из них даже не считается убийством. И, кстати, Тревор... что, если и его убийство – не будем забывать, насколько жуткое – было не сведением счетов и не устранением свидетеля, а еще одним ритуалом? Триша, разумеется, не была членом Фи Дельты, но что, если ее заставили? Может быть, опять-таки, загипнотизировали, что в случае с алкоголичкой и наркоманкой, наверное, особенно легко? Что она там бормотала при задержании – "я не хотела, он меня заставил..." Он. Мужчина. Тогда это сочли обвинением Тревоора в сексуальном домогательстве. Но что, если МакМердон говорила не о Хастингтоне, а об организаторе его убийства?

Нет, Кевину, как и никому из старшекурсников, доверять нельзя. Рику, видимо, пока еще

можно. Но захочет ли сам Рик поверить "странному" Малколму, вот вопрос...

Прозвенел звонок, и Малколм тупо уставился на тетрадь перед собой. Страница, на которой он собирался записывать лекцию, так и осталась чистой. Ну вот, стоило торопиться на занятия...

Рика он отловил в столовой.

– А, привет ночным бродягам⁶, – усмехнулся тот. – Как поживают черные мессы? Надеюсь, тебя еще не обратили в вампира? Знаешь, очень бы не хотелось проснуться однажды ночью и обнаружить, что ты сосешь. Мою кровь, я имею в виду.

– Как фамилия Кевина? – Малколм, как всегда, не желал пустой болтовни и предпочел перейти сразу к делу.

– Костнер.

– Через "К" или через "С"?

– Через "С". Малколм, ты что, серьезно? Кевин Костнер – это же актер! Неужели никогда не слышал?

– Нет, – раздраженно мотнул головой Малколм. – Ты можешь сказать хоть пару слов без дурацких шуточек?

– Ты что, и кино никогда не смотришь? – не мог поверить Рик.

– Смотрю. Но мне абсолютно наплевать, кто там играет. Единственное, что меня интересует – это сюжет. Так как фамилия твоего куратора в братстве?

– Ну, Браунфилд. А зачем он тебе понадобился? – версию о желании Малколма вступить в братство Рик, очевидно, больше не рассматривал.

– Вопрос неверно сформулирован. Зачем я ему понадобился, вот что интересно. Рик, ты можешь честно ответить на вопрос? Только серьезно.

– Если ты про пароль к моему банковскому счету, ответ – нет.

– Ну я же просил, – поморщился Малколм. – Это не приколы. Это действительно важно. Вчера ты сообщал Кевину о том, что я ушел, или о том, что не вернулся вечером?

– Ну... – замялся Рик.

– Значит, да, – понял Малколм. – Он попросил тебя об этом, так?

– Он просто беспокоился, что ты погрешься туда снова и замерзнешь насмерть, как тот парень три года назад.

– С чего бы ему об этом беспокоиться? И тот парень умер не от холода.

– Ну, ему показалось, что у тебя какой-то пунтик насчет этого парка. Что ты не просто случайно задремал на скамейке. Уж больно недовольным ты выглядел, когда он тебя разбудил и заставил отправиться домой.

– Да какое ему вообще дело? Я ему не друг и не брат... ни в каком смысле.

– Ну, знаешь, некоторым людям есть дело до других, особенно когда те делают глупости с риском для жизни.

– Пусть отправляется на Эверест разворачивать назад альпинистов. А я совершенно ничем не рисковал.

– Я просто передаю тебе его мнение, раз уж ты сам спросил. Лично я за тебя совершенно не беспокоился, если это тебя утешит.

– Утешает, – кивнул Малколм и после паузы добавил: – А вот я за тебя слегка беспокоюсь.

– В каком это смысле?

– Я могу пояснить тебе только в том случае, если ты пообещаешь не обсуждать это с Кевином.

– Что за таинственность? – усмехнулся Рик.

⁶ Выражение night walker означает так же и лунатика, а лунатик, в свою очередь, у многих американцев ассоциируется с психом.

Малколм только пожал плечами: дескать, я свое условие назвал, не хочешь – не будем продолжать.

– Ну окей, я ничего ему не скажу. Так в чем таком страшном ты его подозреваешь?

Малколм оглянулся по сторонам. Выглядело это, наверное, несколько театрально, но он действительно не хотел, чтобы кто-нибудь за соседними столиками его услышал.

– Может, и не его лично, – сказал Малколм примирительно. – Может, кого-то из его друзей. Хотя его попытка помешать моему расследованию наводит на определенные мысли.

– Расследованию чего? – повторил с нажимом Рик.

Малколм вздохнул.

– Убийства. Возможно – не одного, и других преступлений тоже. К которым причастны некоторые члены "Фи Дельта Омега". Настоящие или бывшие.

Рик протестующе фыркнул. Малколм поднял руку, не давая себя перебить:

– Карсон, тот парень в парке, был хакером! Он влез в какие-то файлы, имевшие отношение к братству. И сразу после этого умер от сердечного приступа, сидя на скамейке в пустом осеннем парке. В 18 лет. Тебе не кажется это странным?

– Что за файлы? И откуда тебе это известно?

"Хотел бы я сам знать, что это за файлы", – подумал Малколм, прекрасно понимая, что выдает свою гипотезу за установленный факт. Но вслух уверенно сказал:

– Пока я не могу рассказать тебе все подробности. Во-первых, я сам еще не все знаю, а во-вторых, это может подставить под удар и тебя тоже.

Наживка была классической, но Рик лишь пожал плечами:

– Почему бы тебе не обратиться в полицию?

– Я же говорю, пока у меня нет юридически безупречных доказательств. И кроме того... Кевин сам мне похвастался, что у него там связи.

– По-моему, все это какое-то конспирологическое бла-бла-бла, – не вдохновился Рик.

– Ты ведь помнишь еще одно убийство всего за несколько месяцев до смерти Карсона? Тревор Хастингтон, тоже бывший студент нашего универа и член Фи Дельты.

– Которого зарезала чокнутая наркоманка – бывшая подруга?

– Готовая ради дозы на что угодно, и любые показания которой можно объявить пьяным бредом. Идеальная исполнительница, тебе не кажется?

– В универ ежегодно поступают тысячи человек, – пожал плечами Рик. – По меньшей мере половина из них парни. Многие из которых становятся членами "Фи Дельта Омега". Если взять статистику лет за десять, там наверняка отыщется предостаточно умерших от несчастных случаев, сердечных приступов и прочих преждевременных причин. Да, и жертв преступлений тоже. Как и в любой группе такой численности. Это ничего не доказывает.

"Черт бы тебя побрал, Рик! – подумал Малколм. – Не думал, что ты такой рассудительный парень." И кстати – не может ли быть так, что он прав? Что смерти Джессики, Тревора и Карсона никак не связаны, и Каттеридж и Брант тут тоже ни при чем? Ведь, собственно, и сама Джессика не утверждала обратного. Она лишь исключила Тришу из друзей после вечеринки, организовать которую помогли Хастингтон, Каттеридж и Брант, а через три дня пришла на квартиру к бывшей подруге и была там убита. Все прочее – лишь гипотезы...

– Я говорю не просто о преждевременных смертях, – тем не менее, сказал он с прежней уверенностью, – а о, скажем так, нетривиальных преждевременных смертях. Между которыми при этом прослеживаются связи.

– И что же, по-твоему, накопил этот твой хакер? – скепсис не исчез из голоса Рика. – Признания заказчиков убийства Хастингтона?

– Возможно, переписку, где они обсуждали это, – кивнул Малколм. – Или письма самого Хастингтона, в которых он шантажировал бывших сообщников... – "что, кстати, и в самом деле может быть правдой, – подумал про себя Малколм. – Если Джессику убил не сам Тревор."

– Сообщников в чем? – настаивал Рик.

– Возможно, в каких-то финансовых махинациях, – ответил Малколм; такая версия, очевидно, должна была показаться Рiku куда убедительней оккультных убийств. – Ник Брант, бывший президент братства, в конце концов сел за свои методы ведения бизнеса, к твоему сведению. Но вполне возможно, что суду стал известен лишь один скромный эпизод из куда более сложной схемы, в которой задействованы бывшие члены братства по всей стране. Так или иначе, чтобы узнать это наверняка, надо получить доступ к той информации, которую добыл Карсон.

– И как ты собирался это сделать ночью в парке на скамейке, где он умер? Спросить пароль у его призрака?

"Знал бы ты, над чем ржешь!" – сердито подумал Малколм. Хотя интересно, можно ли связаться с Карсоном так же, как с Джессикой. Но это едва ли – подобные контакты должны быть редчайшим исключением, а не правилом. Малколм до сих пор не имел представления, почему ему и Джессике так повезло. Но надо было ответить Рiku что-то убедительное, и он начал, еще не зная, как закончить:

– Ну... вот представь себе, что ты пришел на встречу и, к примеру, получил там дозу смертельного яда. Тебе остается жить несколько минут, спастись ты уже не сможешь, на помощь звать некого. Что ты попытаешься сделать напоследок? Оставить какой-то знак, который поможет разоблачить твоих убийц, не так ли? Вот я и пытался найти этот знак.

– Ночью? В темноте?

– Ну... это, знаешь ли, классический метод: пытаешься понять, как кто-то действовал – поставь себя на его место. Воспроизведи обстоятельства как можно более точно, окупись в атмосферу.

– Для чистоты эксперимента тебе не хватало только принять яд, – усмехнулся Рик.

– Я принял! – тут же ответил Малколм, радуясь, как удачно складывается объяснение. – Не яд, конечно. Снотворное. Чтобы проверить, может ли человек, который вот-вот отрубится, оставить послание. Как вообще работает угасающее сознание в такой ситуации.

– Ну и как? Нашел что-нибудь?

– Нет, – покачал головой Малколм. – Само собой, при свете дня я эту скамейку тоже уже обследовал, но ничего... – он замер.

Ничего, да. Кроме маленького пошленького сердечка, нацарапанного несколько лет назад. Как звали Карсона? Том.

J+T.

– Ничего? – переспросил Рик, не дождавись продолжения. – Конечно, через три года трудно найти какие-то следы, даже если они были. Но, как я понимаю, в итоге никаких доказательств у тебя нет – одни домыслы.

– Я и говорю, пока мне нечего предъявить полиции, – невозмутимо ответил Малколм. – Поэтому просто прошу тебя, на всякий случай... не откровенничать обо мне с Кевином. Или другими членами "Фи Дельта Омега", если уж на то пошло. Может быть, они совершенно ни к чему не причастны. А может быть... ну, если вдруг со мной что-то случится, ты ведь не хотел бы жить с сознанием, что это твоя вина?

– Ну ни фиги себе! – воскликнул Рик. – Это что ж выходит, если тебя теперь вдруг случайно собьет машина, я буду виноват?

– Нет, если не станешь болтать обо мне лишнего. Я не думаю, что кто-то охотится за мной прямо сейчас, но не хочу давать им повод в дальнейшем. Так что если Кевин или кто-то еще будут спрашивать обо мне, не говори, что я куда-то уйду или не ночую в общежитии.

– А ты и впредь собираешься ночевать... где-то еще? Разве ты не закончил свои опыты в парке?

– Кто знает, – туманно улыбнулся Малколм.

– Ладно, – Рик посмотрел на часы на стене, – пора уже на следующую пару. Ты идешь, или опять прогуляешь?

– Что значит "опять"? – возмутился Малколм. – Ты так говоришь, как будто я делаю это постоянно!

– В последнее время ты не очень похож на примерного студента, если ты сам еще не заметил, – осклабился Рик. – В начале года мне казалось, что меня поселили с "ботаником", которого ничего, кроме учебы, не интересует. А теперь...

– Разумеется, я иду на лекцию, – сердито перебил его Малколм. Хотя больше всего ему хотелось засесть где-нибудь с ноутбуком и проверить свою гипотезу насчет пароля – да и заодно навести справки по Кевину Браунфилду.

Тем не менее, он честно досидел до конца занятий, прежде чем отправился с ноутбуком в читальный зал (заниматься очередными и, возможно, критически важными изысканиями в присутствии Рика ему не хотелось). Небо снова затянуло тучами, и в библиотеке горели лампы. Малколм устроился в дальнем от входа углу, где никто не смог бы незаметно подойти к нему сзади и заглянуть через плечо.

Вот и аккаунт Карсона.

"Войти"

Окно для ввода пароля.

"Jessica+Tom"

"Неверный пароль".

Хмм... может, Карсон, как и сам Малколм, предпочитал полное имя? Хотя в интернете он упоминался именно как Том. Ну ладно, попробуем...

"Jessica+Thomas"

"Неверный пароль".

Глупая идея, подумал с раздражением Малколм. Глупая, а вовсе не гениальная, как показалось ему во время разговора с Риком. Сейчас любой школьник, заведший свой самый первый e-мэйл, знает, что нельзя использовать в качестве пароля собственное имя или имена своих родных и друзей (и даже домашних животных). Потому что такие варианты взломщики подбирают мгновенно. И уж тем более такой пароль не стал бы использовать хакер! Комбинацию из двух имен подобрать чуть сложнее, особенно если никто не знал, что связывает эти имена, но тем не менее. Даже если в основе пароля и лежали эти два имени, Карсон наверняка как-то перекручивал и зашифровывал их в уме, превращая, как и предполагал Малколм с самого начала, в бессмысленную для постороннего мешанину символов...

Если только Карсон не *хотел*, чтобы этот пароль был подобран. Но не абы кем и тем паче не его убийцами, а тем, кого сердечко с J+T оставит равнодушным. Для кого оно, при наихудшем для Карсона исходе, станет ключом. Или... если он все-таки сам был равнодушен к Джессике до такой степени, что это заставило его забыть об азах компьютерной безопасности.

Однако две попытки подбора оказались неуспешны, и третья неудача может стать роковой. Система решит (и вполне справедливо), что ее ломают, и потребует ввести код подтверждения, который будет отправлен на телефон или e-мэйл давно мертвого Карсона. Бессмысленную мешанину, конечно, угадать невозможно – но, может быть, идея Малколма в принципе верна, и требуется лишь незначительное изменение? Скажем, большие буквы вместо маленьких? "plus" вместо "+"? Хотя спецсимвол вместо букв как раз повышает надежность пароля... Думай, Малколм, у тебя всего одна попытка! Поставь себя на его место, как говорил Рик!

Какие обычные требования к безопасным паролям? Не имена и не слова из словаря, не меньше 8 символов, использование в одном пароле больших и маленьких букв, спецсимволов и цифр. Ну, допустим, первый пункт Карсон нарушил, зато остальные мог и соблюсти. Тогда не хватает цифры. Какую букву здесь можно заменить на цифру? S на 5? i на 1? Но Малколму не

хотелось портить имя Джессики даже ради безопасности – он скорее исковеркал бы свое собственное. Тем более что замена тут самая подходящая – "o" на ноль.

"Jessica+Malc0lm"... Тьфу! Он чуть было не нажал Enter, но все же вовремя спохватился и 7 раз подряд долбанул Backspace.

"Jessica+Tom"

"Вы вошли как tom_karson".

Малколм расплылся в широкой улыбке, которую не могло погасить даже то, что интерес Карсона к Джессике, похоже, не был чисто профессиональным. Что с того? Возможно, он был просто придурком, влюбившимся в фотографию – без какой-либо обратной связи. Ты был неудачником, Карсон – неудачником во всем. Что ж, посмотрим, что ты нам оставил...

Последняя запись, вопреки ожиданию Малколма, была сделана вовсе не накануне смерти Тома и даже вообще не в ноябре 2013. Она была сделана месяцем раньше, в конце октября. Чем же занимался Карсон в последний месяц своей жизни? Но этот вопрос недолго занимал Малколма. Ибо, начав знакомиться с записями, он понял, что нашел то, что искал.

Карсон действительно взломал почтовый ящик Бранта. И скопировал к себе его переписку.

Там были только входящие письма. Исходящие Брант, видимо, не хранил, автоматически уничтожая после отправки – хотя, разумеется, отвечавшие ему обычно цитировали исходное письмо, а то и всю предыдущую переписку, как это часто делается в интернете. Письма покрывали период времени с сентября 2006 (Малколм тут же отметил про себя этот факт) по, собственно, октябрь 2013, когда Карсон прекратил обновлять свой блог – то есть они продолжали приходить и после того, как Брант исчез из интернета и сел в тюрьму. За все это время Брант обзавелся тремя новыми почтовыми ящиками – одним служебным и двумя частными – но всякий раз настраивал форвард оттуда на свой основной адрес, так что Карсон успешно собрал полный урожай адресованной ему переписки и скинул все это в таблицу, которую можно было сортировать по времени, темам и отправителям. Малколм подпер голову рукой и засел за изучение.

Первым делом Малколм проверил самые ранние письма. Свой ящик Брант наверняка завел не на четвертом курсе, но Карсон, очевидно, не видел смысла сохранять его письма за более ранний период. Ибо они заведомо не относились к смерти Джессики. Если прежде еще можно было сомневаться, что Карсон пытался расследовать именно это дело, то теперь это было уже совершенно очевидно.

Однако в письмах за 2006 год не оказалось никаких упоминаний ни о вечеринке Триши, которую Брант помог организовать, ни о трагедии 16 сентября, ни о дальнейшем следствии и суде над МакМердон. Но как раз это и показалось Малколму подозрительным. Да, Брант, по его словам, практически не знал ни Джессику, ни Тришу, а вопрос об аренде клуба, вероятно, решал с менеджером по телефону или при личной встрече. Но жуткая смерть Джессики и ее расследование наверняка широко обсуждались в университете, а президент студенческого братства – не какой-нибудь асоциальный гик, отгородившийся от внешнего мира. Допрашивали его самого, допрашивали других членов братства. И – чтобы никто из его "братьев" и приятелей не обсуждал с ним этот предмет e-мэйлом? Скорее всего, Брант просто подчистил всю переписку на эту тему – за много лет до того, как до его ящика добрался Карсон. А значит – были причины подчищать... Более того, Малколм обратил внимание, что в первые дни сентября Брант получил несколько писем от Каттериджа – ничего примечательного, короткие записки; но после смерти Джессики их переписка пресеклась до конца года. Каттеридж снова вспомнил о своем друге лишь зимой, после того, как Брант повредил спину; это было обычное в таких случаях письмо с вопросами о самочувствии и пожеланиями выздоровления и без всяких указаний на причину предыдущего молчания. Может быть, конечно, и тут все дело в регулярном личном и телефонном общении, делавшем ненужным электронную почту, но ведь и до, и после

Каттеридж ею пользовался...

Затем Малколм отсортировал письма по отправителю. Большая часть писем относилась к бизнесу Бранта времен его работы в инвестиционной компании, и Малколм сперва попытался читать их внимательно, потом – по диагонали, но вскоре вовсе оставил эту затею. Если там и содержался какой-то компромат, то понять это мог только человек, разбирающийся в теме. Да и, скорее всего, такие эксперты, получив соответствующие ордера, уже проштудировали деловую переписку Бранта во время следствия по его делу и извлекли все, что оттуда можно было извлечь.

Впрочем, так он чуть было не упустил одну серию писем на служебный адрес, на которую все же следовало обратить внимание. Отправительницей их была некая Люсиль, и поначалу это действительно были записки по работе, которые старательная практикантка отправляла своему молодому, но уже требовательному боссу. Ну а потом характер этих отправлений стал меняться...

Малколм брезгливо морщился, читая эти письма, приходившие уже не на рабочий, а на личный адрес. Эта дура, похоже, еще и воображала, что Брант бросит ради нее жену, от папаши коей зависела его блестящая карьера! Ну то есть, скорее всего, Брант сам кормил ее подобными намеками, но кем же надо быть, чтобы в такое верить... Впрочем, наконец и до Люсиль, кажется, стала доходить истина, тон ее писем становился более нервным и требовательным – а затем вдруг грянула катастрофа, положившая конец и блестящей карьере, и образцовому браку.

Хм, подумал Малколм. А уж не крошка ли Люсиль все это и устроила? Вероятно, ее служебных полномочий хватало, чтобы добраться до информации, позволявшей разоблачить Бранта. Может быть, он даже сам ляпнул ей что-нибудь по глупости. А дальше в ход пошло классическое "Так не доставайся же ты никому!"

Затем Малколм сделал то, с чего, возможно, следовало начать – поиск по словам "Джессика" и "Сильвер". Оба запроса дали несколько десятков результатов, но все они относились к деловой переписке. Джессикой оказалась секретарша одного из партнеров компании, а слово silver упоминалось исключительно в контексте каких-то "серебряных бондов"⁷.

Малколм вернулся к письмам от Каттериджа.

В период после выхода Бранта из больницы и до окончания им учебы Каттеридж писал своему другу не слишком часто. Малколм даже построил график: в 2007 количество писем поначалу неспешно увеличивалось, достигнув максимума в начале лета, а затем вновь стало уменьшаться, осенью практически сойдя на нет. Ничего примечательного в этих письмах не было – так, короткие записки в стиле "глянь, что интересное в интернете попалось". Несколько поздравлений с праздниками с прицепленными картинками (найденными, очевидно, на предназначенных для подобного сайтах), в том числе и с днем рождения, из чего Малколм сделал вывод, что на самом дне рождения Каттеридж не был, иначе зачем поздравлять по электронной почте? Дела братства в этих письмах не обсуждались, и понятно, почему – вскоре после своей травмы Брант подал в отставку с поста президента, решив, должно быть, сосредоточиться сначала на лечении, а потом на учебе. Раз уж ему пришлось раскошелиться на еще один год в университете, он (вынужден был признать Малколм) поступил весьма разумно, используя это время по максимуму. Когда Брант, наконец, получил диплом (о чем, видимо, гордо оповестил свой контакт-лист), Каттеридж откликнулся коротким "Поздравляю" – на сей раз без картинок, смайликов и знаков препинания. После чего, как известно, Брант покинул город, а стало быть, личное общение между друзьями – или уже бывшими друзьями? – окончательно прервалось. Из-за чего электронное могло как стать активнее, так и, напротив, также

⁷ Silver bonds – форма кредита, где сумма номинируется не в валюте, а в количестве серебра (или другого драгоценного металла). Выплаты осуществляются на строго регулярной основе (т.е. без права досрочного погашения) по текущему курсу.

прекратиться. И произошло именно второе. Конечно, у них опять-таки оставались для связи телефон, "Скайп" и личные сообщения в соцсетях, но интуиция подсказывала Малколму, что ни одним из этих способов они также не пользовались. В чем, опять-таки, не было ничего необычного – в большинстве случаев школьная и университетская дружба так и заканчивается, мирно угасая после окончания соответствующего учебного заведения. Никаких конфликтов и трагедий, просто у каждого отныне своя жизнь, своя работа и свои ежедневные хлопоты, в которых нет места воспоминаниям из прошлого...

Если только прошлое не напоминает о себе само.

"Привет, Ник, – писал Каттеридж в августе 2009 года, после более чем годичного молчания. – Не спрашиваю, как ты, ибо заходил на твою страницу. Видел фотки с твоей свадьбы. Когда я только прочитал, на чьей дочке ты женился, то подумал, что по справедливости она должна быть лишь чуть-чуть симпатичнее крокодила. Даже хотел предложить ей свои услуги – в профессиональном, разумеется, смысле ;) Но ты и тут всех оставил, отхватив такую красотку. Счастливый сукин сын, как всегда.

Мне вот пока что не до этого. Надо делать деньги и карьеру, а не любовь. Хотя ты-то прекрасно сочетаешь все сразу, но не всем же так охренительно везет. Но по крайней мере с профессиональным смыслом у меня все в ажуре. Не знаю, заглядывал ли ты ко мне на страницу в последнее время, но на всякий случай сообщаю, что я теперь работаю в одной из лучших клиник пластической хирургии в этой стране. До сих пор с трудом верится, что вчерашнего выпускника взяли на такое место. Наверное, то, что один из директоров – наш выпускник и бывший член ФДΩ, сыграло свою роль, но хирургов, которые могли бы сказать о себе то же самое, сотни, а взяли именно меня. И теперь, конечно, надо не прощелкать клювом мой шанс.

Да, представь себе – мне тут написал Тревор, ты ведь помнишь Тревора? Так вот этот придурок умудрился обварить свои причиндалы! Говорит, варил себе кофе, чтобы не заснуть, но все-таки отрубился прямо за столом и опрокинул кофейник прямо на себя. Ну ничего, жить будет, хотя с половой жизнью придется малость повременить. Мои услуги, по крайней мере, ему не понадобятся – ты знаешь, мы ведь занимаемся и пересадкой кожи после ожогов, хотя обычно не на таком месте ;) Да и, между нами говоря, вряд ли он сумел бы оплатить наши счета. Но знаешь, что он мне еще написал? Спросил, не снятся ли мне кошмары. И тебе тоже, да. Он хотел, чтобы я спросил это у тебя. Ну не придурок?

Привет Марджори. "

Ниже стояла не ввязавшаяся со стилем послания официальная подпись из шаблона письма – Эдвин Р. Каттеридж, доктор медицины, и реквизиты клиники.

Хм, подумал Малколм. Разухабисто-веселый стиль письма выглядел слишком нарочитым – особенно после коротких сухих записок, сменившихся многомесячным полным молчанием. И эта история с Тревором... если бы подобная неприятность случилась с Малколмом, он бы уж точно не стал никому об этом рассказывать без крайней необходимости. Само собой, не стоит судить о других по себе, и все же трудно представить парня, хвастающегося старшему товарищу тем, что обварил себе яйца. И кстати – август 2009, Тревор еще учится, но у него каникулы – что мешало ему нормально выспаться? Отчего ему было так важно ни в коем случае не заснуть?

Уж не было ли все письмо Каттериджа написано ради последних строчек?

Перейдя к следующему письму, Малколм сперва прочитал процитированный под ним ответ Бранта. Он состоял из двух строчек, без приветствия и подписи:

"Рад слышать, что у тебя все в порядке.

Передай Тревору, чтоб завязывал с кислотой.⁸"

Каттеридж вовсе не писал, что у него все в порядке, отметил про себя Малколм. Он лишь писал, что получил хорошую работу, что далеко не то же самое. Но таким, как Брант, разумеется,

плевать. Как тем кассирам, которые отвечали Малколму "это хорошо" в ответ на его "отвратительно". Но кассиры, по крайней мере, никогда не числились его друзьями...

"Представь, именно это я ему и сказал, – отвечал на это Каттеридж. – Он говорит, что давно завязал. Что в последние месяцы даже пива не пьет. Бросил после того, как от него ушла его последняя девчонка. Она уже давно говорила, что не может выносить его криков по ночам, а последней каплей стало, когда он во сне попытался ее задушить. Последней каплей, да, буквально – с тех пор он не пьет и не употребляет ничего крепче кофе. И старается не спать, сколько сможет.

Говорит, сначала он надеялся, что это флэшбэки, потом – что проявления абстинентного синдрома. Хотя он, по его словам, никогда не употреблял так много, чтобы иметь такие эффекты. Но они не заканчиваются. Он даже чистил организм по какой-то там системе йогов, когда через неделю срьшь одной чистой водой. Ничего не помогло. Я ему сказал, чтоб не валял дурака и обратился к специалисту, а моя пластическая хирургия к проблемам со сном имеет такое же отношение, как и его гинекология.

Но, знаешь, любопытные бывают совпадения. Вот ты чуть не сломал спину, а Тревор чуть не сварил свою сосиску. Но у тебя-то с тех пор все нормально? Никаких дурных снов?"

На это письмо Брант, надо полагать, не ответил – либо на его ответ, в свою очередь, не ответил Каттеридж. Следующее письмо от бывшего друга Брант получил лишь спустя год с лишним, уже после того, как Каттеридж стал героем скандала и судебного процесса.

"Ник,

Если ты следишь за новостями, то уже знаешь, во что я вляпался. Если вдруг все еще нет – вбей мое имя в поисковик, и первая же ссылка тебе все любезно расскажет. В детстве я мечтал прославиться – ну вот, мечты сбылись.

Но я только сейчас понял, насколько все хреново. Я рассчитывал, что клиника прикроет меня – ведь это и их репутация. В конце концов, пациентка подписала бумагу, что предупреждена о возможных побочных эффектах. И, когда все только начиналось, этот жирный ублюдок директор вроде бы даже прямо намекнул мне – мол, Фи Дельта не бросает своих. Я понимал, что мне все равно у них больше не работать, что, как только их адвокаты вытянут дело, меня отправят в отпуск, а потом, когда уляжется шум, я по-тихому подпишу увольнение по собственному желанию – но хотя бы сохраню лицо и свой диплом. А теперь оказывается, что клиника намерена повесить все на меня! Мне придется отбиваться в одиночку. Нужны деньги на хорошего адвоката, а у меня их нет.

Я бы не стал напрягать этим тебя. Я знаю, что твой принцип – "никогда не иметь дела с лузерами". Ну ОК, я лузер. Я облажался. Но я все-таки еще и твой университетский друг. И мне действительно больше не к кому обратиться. Моя мать тяжело больна, практически все, что я успел заработать, ушло на оплату ее счетов. Моя сестра сидит без работы. Ни один банк не даст мне ссуды в моих нынешних обстоятельствах. А твои финансовые дела, как я понимаю, превосходны. Если мне удастся сохранить профессию, со временем я верну тебе эти деньги. Пожалуйста, Ник, ради всего, что нас связывает..."

В последней фразе Малколму почудился намек, не столь жалобный, как тон остального письма. И дальнейшее чтение убедило его, что интуиция его не обманула.

"Молчишь, Ник? Брезгуешь написать даже короткую отписку? Ну ОК. Мне очень не хочется говорить то, что я собираюсь сказать, но мое положение безвыходно, и ты сам меня вынуждаешь. Ты думаешь, я теперь в дерьме, а ты весь в белом? Но ведь я тоже кое-что знаю о тебе, не так ли? Ты хорошо понимаешь, о чем я. Мне нужно \$50000, Ник. На первое время, а там – как пойдет процесс. И если я не получу этих денег в течение недели, то, что знаю я, узнают и другие. Увы, но ждать дольше я не могу.

В конце концов, от моей врачебной ошибки никто не умер. А от того, в чем ты участвовал тогда, как раз наоборот, не так ли?"

Вот оно, подумал Малколм, чувствуя, как быстро забилося его сердце. Признание. Открытым текстом. Это они.

На сей раз Брант соизволил ответить. Снова двумя строчками:

"Во-первых, ты ничего не сможешь доказать.

Во-вторых, если бы и смог, ты бы потопил сам себя."

Выше шел ответ Каттериджа:

"У меня есть еще два свидетеля, Ник. Которые дадут показания, повесив все на тебя. В конце концов, это ведь действительно была твоя идея. Три наших голоса против одного твоего.

А без этих денег я все равно утопленник, так что терять мне нечего. И если ты думаешь, что я блефую, просто поставь себя на мое место. Если бы я был на плаву, а ты тонул, ты бы вцепился в меня мертвой хваткой по принципу "или вместе выплывем, или вместе утонем", не так ли?"

Этот аргумент, видимо, показался Бранту убедительным.

"Напрямую тебе я никаких денег слать не буду. Дай мне реквизиты твоего адвоката, и я вышлю ему чек на 10 тыс. Это все, что я могу прямо сейчас. Я, знаешь ли, не храню деньги под матрасом. Все, что я зарабатываю, за вычетом текущих расходов, я инвестирую. В конце концов, это моя профессия."

"Значит, продай свои инвестиции, – непреклонно отвечал Каттеридж. – Или попроси о небольшом одолжении своего тестя. Для него ведь суммы меньше миллиона – вообще такой пустяк, какой он вряд ли замечает?"

Судя по датам в следующем письме, Брант размышлял почти до конца отпущенного ему срока. И затем все же написал:

"Ладно, я оплачу твоего адвоката. Но это всё. Выиграешь ты или проиграешь, все дальнейшее – твои проблемы. Не надейся, что отныне ты сможешь доить меня всю жизнь. Если ты еще хоть раз появишься на моем горизонте, я тебя пристрелю, и мне плевать, что мне потом за это будет. Если ты думаешь, что это пустая угроза – можешь проверить."

Угу, подумал Малколм. Похоже, от двух свидетелей – и соучастников – он в конце концов таки избавился, только, разумеется, никого не пристрелил лично, а каким-то образом заставил МакМердон убить Хастингтона. Возможно, следующим должен был стать Каттеридж, но глупая наркоманка сорвала план, позволив арестовать себя слишком быстро... Хотя стоп, ведь Брант весь 2013 просидел в тюрьме! Неужели он смог организовать эту операцию прямо оттуда? В принципе, не исключено. Такие, как Брант, обычно умеют манипулировать людьми, причем Тришу он однажды уже использовал для убийства Джессики.. На сей раз он мог передать МакМердон некое послание, скажем, через своего адвоката...

Но это все было уже потом. Малколм вернулся к ответу Каттериджа.

"ОК, – писал тот. – Мне жаль, что наша дружба заканчивается так. Но ты предал ее первым."

К этому письму была приложена копия договора с адвокатом с суммой и реквизитами.

Каттеридж присылал адвокатские счета еще дважды, теперь уже не сопровождая их никакими комментариями. Брант, судя по всему, исправно платил; Малколм подсчитал, что процесс Каттериджа обошелся ему больше чем в сотню тысяч. Но, как уже было известно Малколму, все эти деньги были потрачены впустую. Каттеридж проиграл дело.

Он выполнил соглашение "больше не появляться на горизонте" – ничего не стал писать Бранту после своего проигрыша и вообще, насколько знал Малколм, исчез из интернета, уничтожив все свои аккаунты, до которых в результате так и не добрался Карсон. Малколм пролистал письма, полученные Брантом за время его собственного процесса, но там не было ничего примечательного: в основном сообщения от адвоката, иногда – короткие записки от старых знакомых в стиле "держись, мы в тебя верим", быстро, однако, сошедшие на нет, несколько посланий от Люсиль, также внезапно прекратившиеся после, очевидно, того, как она

поняла, что дела ее любовника совсем плохи и ее победа над соперницей была пирровой. Теперь Малколму осталось лишь изучить последние письма, самые свежие по времени. Все они были помечены флажком "непрочитанные", и это было неудивительно – они пришли, когда Брант уже сидел в тюрьме. Что, впрочем, не означало, что он не прочитал их позднее, уже после своего освобождения и смерти Карсона. Если, конечно, прежде Карсон не удалил эти письма сам.

Хотя – зачем бы ему это понадобилось? Ничего интересного там не было. Разного рода автоматические рассылки, от которых Брант не удосужился отписаться; несколько ничем, по сути, от них не отличавшихся поздравлений с праздниками, отправленных знакомыми столь дальними, что они, очевидно, были совершенно не в курсе постигших Бранта злоключений (вот какая же глупость, в который раз подумал с раздражением Малколм, эти формальные поздравления по поводу бессмысленных дат, посылаемые людьми, которым нет никакого дела до адресата, которому, в свою очередь, нет никакого дела до них!), письмо от дурака-журналиста с просьбой об интервью, письмо от какой-то Полли без фамилии – вряд ли деловое, судя по адресу prettygirl1986 на одном из бесплатных серверов, но и едва ли по-настоящему любовное или дружеское, судя по тому, что оно было единственным за все время. Малколму представилась некая потасканная девка, подцепленная Брантом на одну ночь – возможно, когда он, еще будучи на свободе, уже знал, что ему светит тюрьма, и заливал горе в первом попавшемся баре; спяну он сунул ей (или просто обронил) свою визитку, отпечатанную еще во время его блестящей карьеры, а она много месяцев спустя обнаружила эту карточку со всеми реквизитами при уборке своей берлоги и по дуруости решила, что это ее шанс. Малколм брезгливо поморщился, но все же открыл письмо.

"Ник,

допускаю что ты занес мой прежний адрес в спам-список но это неважно. его все равно больше не существует. у мсеня теперь нет ни интернета ни телефона ни банковского счета. я залез в такую дыру где можно жить без всего этого. я пишу тебе с телефона девки к которой сяд сегодня в баре. (Малколм похвалил свою интуицию.) она бы наверно обиделась если бы знала что все что мне от нее нужно – это ее смартфон. впрочем когда она протрезвеет завтра к полудню наверно решит что провела шикарную ночь. я сейчас тоже пьян но это не имеет значения.

сегодня утром мне попалась газета месячной давности в которой я заметил знакомые имена. тревор и триша да. ты ведь уже знаешь что с ними случилось? я вот узнал только сейчас. тревор свалил во флориду триша в орегон. он жрал антидепрессанты ложками она как я понимаю пила и колола все подряд. но их это не спасло не надолго по крайней мере. она все равно добралась до них.

ты слезил за моим делом ник? знаешь какую линию защиты выбрал мой адвокат? что я оперировал в состоянии сильного стресса такого глубокого что сам не мог адекватно его оценить. а все потому, что в клинике на меня навалили слишком большие нагрузки. это была правда отчасти. я действительно много работал но я сам просил о дополнительных сменах. и я действительно совсем не выспался перед теми операциями и был в стрессе. но не потому что мне не хватало времени для сна. кошмары ник. кошмары.

если бы ты был психиатр ты бы скаал что это самовнушение. комплексы в старину именовавшиеся нечистой совестью. но я не верю что такие комплексы могут развиваться несколько лет спустя причем одинаково у непохожих по психотипу людей. ты уже тоже видишь их ник? думаю что да. а если нет то скоро.

поверь моему опыту – бежать бесполезно. то есть это дает облечение на короткое время а потом орпать. у меня была теория что она находит нас через интернет. но нет отключение от него и всех средств связи не помогает надолго.

как ты сам понимаешь на этот адрес писать бессмысленно. у меня теперь есть только буажная почта. (Далее следовал адрес где-то в Миссисипи, и Малколм надеялся, что хотя бы

он написан без опечаток.) захочешь обсудить то что с тобой происходит – а я уверен что оно уже происходит или будет происходить – пиши. я помню ты когда-то обещал что пристрелишь меня если я снова появлюсь на твоём горизонте. что ж если хочешь приезжай и сделай это.

у меня не хватает духа сделать это самому"

Подписи не было, да она и не требовалась.

Каттеридж даже не знал, что Брант в тюрьме, подумал Малколм. Но если он действительно забился в какую-то дыру, оборвав все связи с миром, то это неудивительно. Малколм загрузил карту "Гугла" и скопировал адрес из письма. Экран сфокусировался на какой-то дороге, петляющей среди сплошных зелено-желтых пятен зарослей. Поблизости не было ничего, похожего на город – даже на самый маленький; единственными обозначенными на карте постройками в округе оказались несколько одиноко стоящих придорожных церквей. Но адрес, во всяком случае, существовал (Малколм проверил это по сайту Почтовой службы США). Действительно ли Каттеридж жил там – это уже другой вопрос...

Как вообще воспринимать последнее письмо Каттериджа? Как пьяный бред или... Кто такая "она", которая, по его словам, рано или поздно доберется до всех убийц Джессики? Может быть, если это и в самом деле был оккультный ритуал, то Каттеридж имел в виду некую темную богиню? Которая, допустим, не приняла жертву, или потребовала дополнительную плату за свои услуги (ведь если вдуматься – поначалу по крайней мере трое из четверых действительно получили некие подарки судьбы: Каттеридж – работу своей мечты, Брант – плюс к тому еще и выгодную женитьбу, и даже МакМердон – оправдательный приговор по делу об убийстве, где ее вина выглядела бесспорной; разве что Хастингтон вроде бы ничего не выиграл после жертвоприношения). Что вовсе не значит, разумеется, что на самом деле так оно и было, но Каттеридж мог искренне в такое верить, особенно если под гнетом собственных несчастий и жизни в какой-то глухой дыре (где, возможно, единственную компанию ему составлял алкоголь) у него поехала крыша... Или же все прозаичнее – речь о некой подруге или родственнице Джессики, поставившей целью отомстить за ее смерть? Неужели... Памела? Перед мысленным взором Малколма на миг встало круглое лицо толстухи, и он даже затряс головой: нет, не может быть! Вот уж кто точно никак не годится на роль графа Монте-Кристо! Хотя, как говорится, в тихом омуте... если предположить, что сама она, разумеется, никого и пальцем не трогает, а лишь сплетает паутину и дергает за ниточки... и одной из таких ниточек, вопреки ее уверениям, мог стать Карсон, а другой – и сам Малколм... В конце концов, что он о ней знает, кроме ее собственных слов в личном разговоре и на ее странице? Ну и еще, конечно, не слишком лестный отзыв Джессики. Но люди меняются, и даже и Джессика может не знать, как изменилась ее сестра после ее смерти...

Так, ладно. Это пока что ничем не подтвержденные домыслы. С тем же успехом на роль таинственной мстительницы может претендовать любое из женских имен на мемориальной табличке... Какие еще гипотезы?

А что, если последнее письмо Каттериджа – провокация? Если за нейтрализацией двух других поделщиков стоял, как и подумалось Малколму изначально, не Брант и уж тем более не Памела, а именно он, все знавший и находившийся на свободе? Если это Каттеридж был тем, кто, по словам Триши, заставил ее убить Тревора, а потом решил избавиться и от последнего опасного для него свидетеля – от Бранта? В расчете, может быть, на то, что сам Брант будет рассуждать так же – двое уже не опасны, остался последний, живущий где-то в лесу без связи с миром пьяница со съехавшей от кошмаров крышей, чьей смерти никто и не заметит... тем паче что после шантажа у Бранта к Каттериджу были уже личные счеты. А на самом деле не было ни пьянства, ни кошмаров – достоверно известно лишь, что тем и другим страдала алкоголичка и наркоманка МакМердон, а все прочее – лишь со слов Каттериджа. Который встретил бы Бранта во всеоружии и реализовал бы свое законное право на самооборону – или, по крайней мере, именно так представил бы дело полиции...

Тем не менее, этого не случилось. Малколм ведь уже прошерстил интернет, но не нашел никаких упоминаний о Каттеридже и Бранте после постигнутого каждого из них краха. Ни один из них не попал в сводки новостей – пусть и самых провинциальных – ни в качестве убийцы, ни в качестве жертвы. Само собой, Брант в тот момент сидел в тюрьме. Но, возможно, он так и не прочитал письма, даже выйдя на свободу. Возможно – прочитал, но не клюнул на приманку. Или никакой приманки и вовсе не было, а у Бранта, только что отсидевшего за решеткой, не возникло желания рисковать сесть за убийство Каттериджа на куда более долгий срок. Тем паче что двух других свидетелей-подельников он уже не боялся (даже несмотря на то, что МакМердон была еще жива), а шантажировать его самого было уже бессмысленно – у него ничего не осталось.

Гипотезы, гипотезы... Что все это дает? Убийц Джессики было четверо, теперь Малколм знал это точно – никаких дополнительных соучастников Каттеридж не упоминал. Неважно, кто из них конкретно перерезал ей горло – виновны они все. И двое из них уже получили по заслугам, а двое других, по-видимому, все еще живы. И Малколм знает адрес одного из них.

Три года назад этот адрес узнал Карсон... И что он сделал? Во всяком случае, не сдал убийц полиции. Да это и невозможно было сделать, даже если забыть о том, что доступ к почте Бранта он получил незаконно – ведь смерть Джессики нигде не упоминалась прямо. Разве что обвинить Каттериджа в шантаже, но и это обвинение рассыплется, если Брант заявит, что просто помогал оказавшемуся в беде старому другу, вполне официально отсылая чеки его адвокату. Что еще мог сделать Карсон – особенно если и в самом деле не выполнял заказ на взлом, а был неравнодушен к Джессике? Ну, скажем, поехать в Миссисипи, чтобы... вытрясти из Каттериджа признание, тем или иным способом. Признание и показания против Бранта. Но и этого Карсон, очевидно, не добился. А через несколько недель или дней умер. И не в лесах и болотах Миссисипи, а здесь в парке на скамейке. Может быть, Каттеридж подсунул ему очень медленно действующий яд? Слишком уж это в духе авантюрных романов типа того же "Монте-Кристо", скептически возразил сам себе Малколм. Ты еще скажи – собрал его волосы, чтобы сделать куклу вуду, в тех краях это, кажется, вполне популярный культ... Прекрасное объяснение странной смерти Карсона, но, разумеется, полная чушь.

Что еще сохранил у себя Карсон, помимо взломанной почты Бранта? Его пароли к нескольким аккаунтам – блог, телефонный провайдер и даже три банковских счета. блог, как уже знал Малколм, был удален; он проверил телефонный и банковские счета, но они тоже более не существовали. Что, впрочем, было ничуть не удивительно. Вероятно, Карсон не сумел добыть оригинальные пароли с банковских серверов – все-таки хакеры всемогущи только в кино – а сумел лишь, имея доступ к почте Бранта, воспользоваться опцией "Я забыл пароль" и получить новые. Ответить на "секретные вопросы" в стиле "девичья фамилия вашей матери" или "как называлась ваша начальная школа"⁹ ему, конечно, не составило труда – Малколма всегда поражала глупость этих вопросов, ответы на которые ищутся в интернете за считанные минуты. Карсон знал, что Брант в тюрьме, и можно рыться в его счетах, не опасаясь поднять тревогу. Но, естественно, после того, как Брант освободился, он должен был обнаружить, что его пароли изменились, и обратиться в банковскую службу безопасности, закрывшую взломанные счета.

Карсон собрал также коллекцию ссылок о судебных процессах МакМердон (первом и втором), Каттериджа и Бранта, но все это были открытые публикации, из которых Малколм не узнал ничего нового. Тем более интереса для него не представляли записи, сделанные до сентября 2013 – там были статьи на компьютерную тематику, советы с хакерских форумов, ссылки для скачивания софта и тому подобные технические материалы. Но все записи за сентябрь и октябрь касались только дела Джессики, точнее – ее убийц.

"И что мне теперь делать со всем этим... наследством?" – подумал Малколм. Может быть, спросить у Джессики? Даже если она не может сообщить ему что-то о своих убийцах сама –

9 В США школы имеют названия, а не номера

потому ли, что существует запрет, или потому, что сама не знает никого из них, кроме МакМердон – возможно, она все же может изъять свою волю? Сказать ему, что делать с информацией, которую добыл он сам вполне материальным способом? "Джессика, я знаю адрес твоего убийцы..."

Но за окном, где уже совсем стемнело, снова шел дождь, и метеосайт давал неутешительный прогноз до утра. Нет, спать в парке в такую погоду немислимо. Но, может быть, Джессика сумеет подсказать ему не во сне и не скамейке, а прямо здесь в универе, как подсказала когда-то ответы по химии? Наверное, ей приятнее – а может, и легче устанавливать связь – когда он приходит к ней на скамейку, но если речь идет не об общении ради удовольствия, а о передаче критически важной информации...

Малколм закрыл глаза и сосредоточился, мысленно формулируя вопрос и надеясь уловить ответ.

– Библиотека закрывается через пятнадцать минут, – объявил женский голос из динамика.

Черт, как некстати, сердито подумал Малколм, вырванный из своей медитации. Он и не заметил, что просидел до самого закрытия... Ну же, надо снова сосредоточиться...

Внезапно перед его закрытыми глазами возникла словно сцена из старого боевика. Каттеридж, небритый, с испитым лицом и сальными нечесаными волосами, сидит в своей хибаре. На столе перед ним – полупустая бутылка виски. Распахивается дверь, и входит Малколм – плечи расправлены, подбородок гордо поднят, во взгляде – холодная беспощадность торжествующей справедливости. Каттеридж поднимает глаза от бутылки и смотрит на него со страхом и злобой. Малколм эффектным жестом достает сверкающий револьвер 45 калибра и наставляет ему в лоб. Каттеридж, парализованный ужасом, даже не пытается бежать или умолять, да это и бесполезно. "Привет от Джессики Сильвер!" – говорит Малколм и жмет на спуск. Голова Каттериджа резко откидывается назад, из круглой дыры между глазами стекает кровь...

Хотя, пожалуй, при выстреле в упор из 45-го дыркой дело не ограничится. Разнесет полчерепа...

"Нет! – подумал Малколм с ужасом, возвращаясь в реальность. – Не может быть, чтобы Джессика хотела именно этого!"

Хотя – почему не может? Разве Джессика не говорила – и совершенно справедливо! – что не все люди заслуживают доброго отношения? Разве Каттеридж, как и остальные убийцы, не заслужил смерть? "Да, но, – думал Малколм, – меня же поймают! Я же не профессиональный киллер, наверняка оставлю кучу следов... Джессика не может хотеть, чтобы я так рисковал собой! Это был вовсе не ее ответ. Это лишь мое воображение..." Ведь на самом деле подсознательно он сразу подумал об этом, едва прочитал адрес Каттериджа. А сейчас просто позволил этой мысли оформиться.

Но это действительно невозможно. У него нет оружия, а если бы он даже сумел достать таковое, экспертиза сразу покажет, из какого ствола стреляли... и, кстати, в самолет с оружием не пустят, то есть – Малколм быстро проверил в интернете – можно провезти его, сдав в багаж, но нужен специальный запирающийся футляр и, главное, декларация – лучший способ привлечь к себе внимание... хотя можно, конечно, проехать весь путь на машине... нет, не о том он думает! Это не вариант, и точка. Каттеридж (и Брант, кстати) заслуживают смерти, но он, Малколм, не заслуживает тюрьмы. Вот если бы удалось убедить Каттериджа сдаться полиции и сдать Бранта... мол, лучше тебе сделать это самому, тогда можешь рассчитывать на снисхождение... но как заставить его поверить, что у Малколма есть доказательства, которых на самом деле, разумеется, нет? Или, если, допустим, про кошмары – это не провокация, а правда, если они действительно терзают убийцу из-за того, что он сделал, можно убедить его, что явиться с повинной – единственный способ от них избавиться...

Ну да, с кривой усмешкой подумал Малколм. 18-летний студент, который постоянно

ходит в наушниках, чтобы только избежать разговоров с посторонними, вдруг проявит чудеса психологии и убедит незнакомого мужика за тридцать сдаться полиции. Причем мужика, у которого как раз может быть револьвер, и который уже убил по крайней мере одного человека, а возможно, планировал убить и Бранта. А тут, конечно же, расплачется слезами раскаяния вместо того, чтобы грохнуть очередного нежеланного свидетеля...

Но ведь ему можно сразу дать понять, что Малколм предупредил кого надо, куда, к кому и зачем направляется. А что касается способности убеждать... есть ведь только один способ гарантированно *не* добиться успеха – это не пытаться вовсе, не так ли?

Так или иначе, через интернет он больше ничего не добьется – даже хакер Карсон не добился. Он должен явиться к Каттериджу сам, а там... там будет видно.

Можно как раз обернуться за выходные. Когда ближайший рейс в Миссисипи? Ехать на машине все-таки слишком далеко... Ага, очень хорошо – можно улететь завтра с утра. Хотя брать напрокат машину все равно придется – от Джексона, куда прилетает рейс, до этой дыры пилить через полштата. И сплут с него втрое дороже минимальной цены на сайте, с учетом страховки и возраста – прокатчики считают группой риска всех, кому нет 25 лет, хотя куда логичнее было бы считать таковой старых маразматиков...

– Закрываемся, милый¹⁰.

Малколм бросил быстрый взгляд на подошедшую к нему библиотекаршу – ту самую смешливую некрасивую девицу, что когда-то выдавала ему список студентов за 2005 год.

– Сейчас, – произнес он просительно, – мне только нужно закончить оформление билета на самолет.

Библиотекарша, похоже, собиралась сказать, что *wi fi* работает по всему кампусу, а потому закончить процесс можно и за пределами читального зала, но, взглянув, с какой торопливой сосредоточенностью Малколм тыкает по кнопкам, лишь сочувственно поинтересовалась:

– Что-то срочное?

– Да, – пробормотал сквозь зубы Малколм, вбивая номер своей кредитки, – очень.

– Надеюсь, не дурные вести из дома? – тон девицы стал еще более сочувственным.

"Господи, твое-то какое дело!" – раздраженно подумал Малколм, а вслух ответил:

– Мой дедушка очень болен. Мама пишет, что если я не прилечу завтра, могу не застать его в живых.

– О, – грушевидное лицо библиотекарши скорбно вытянулось, – мне так жаль.

"Тебе абсолютно наплевать!" – подумал Малколм, одновременно удивляясь, как легко далась ему ложь, да еще экспромтом. Но импровизация оказалась удачной – библиотекарша перестала его доставать и деликатно отошла в сторону, дожидаясь, пока он закончит. Так, вылет в семь тридцать, придется заказывать такси до аэропорта. А обратный рейс... успеет ли он сделать все за субботу, чтобы вернуться в воскресенье утром? Особенно учитывая, что машину надо сдать до шести вечера! Надежнее все-таки брать на понедельник... полных двух суток не пройдет, так что с точки зрения стоимости аренды машины это то же самое, и если он прилетит в семь утра, то как раз успеет к первой паре. Все очень удачно, не считая, конечно, денег, которые потребует все это путешествие... в свой лимит по кредитке он уложится, но впритык. А потом придется просить денег у отца и как-то объяснять эти внезапные траты... но это будет потом.

– Здесь можно распечатать билеты? – спросил он.

– Да, на сетевом принтере... вообще-то я его уже выключила, но ладно, сейчас включу.

¹⁰ Обращение "милый" или "дорогой" (*hon/honey, sweetie, dear*) не является в подобном контексте ни издевательским, ни кокетливым. Это просто достаточно распространенное неформально-дружелюбное обращение в США (обычно женщины к мужчине или к другой женщине), в т.ч. к клиентам и посетителям, когда ситуация не требует официального "сэр"/"мэм".

Малколм подождал, пока она включит стоявший в углу громоздкий аппарат, совмещавший функции принтера и копира, и отправил файлы на печать. Затем закрыл ноутбук и сунул его в сумку. Пока он упаковывался, библиотекарша подошла к нему, неся два свежееотпечатанных листка.

– Спасибо, – буркнул Малколм, беря еще теплые страницы. На самом деле ее услужливость ему совсем не понравилась. Она имела возможность заглянуть в билеты и узнать, куда и каким рейсом он летит...

– Вообще-то мы берем 10 центов за лист... ну ладно. Надеюсь, твоему дедушке все-таки станет лучше. Знаешь, медицина сейчас...

"Что ты можешь знать о медицине, корова? Вот зачем, зачем, зачем это бессмысленное сотрясение воздуха?! Если бы у меня действительно умирал дедушка и я бы горевал по этому поводу, неужели чьи-то пустые слова могли бы меня утешить?" Не желая снова, как попугай, говорить "спасибо", он кивнул и, подхватив сумку, пошел прочь с такой поспешностью, словно боялся, что библиотекарша навяжется ему в провожатые.

Уже поднимаясь по лестнице на свой второй этаж общаги, Малколм запоздало сообразил, что на самом деле никакой необходимости спешить не было. С тем же успехом он мог бы отправиться в Миссисипи и в следующие выходные, лучше продумав и подготовив эту экспедицию. Джессика не просила его действовать без промедления – если на то пошло, она вообще не просила его об этой поездке (а померещившаяся ему сцена, конечно, продукт его собственной фантазии). И, наверное, разумнее было все-таки сначала обсудить тему с ней в нормальных условиях, то есть дождавшись ночи, когда можно будет поспать на скамейке. Если бы не эта чертова библиотекарша, заставившая его действовать в условиях цейтнота и не позволившая все как следует обдумать! Но теперь уже поздно, он заказал самые дешевые билеты, которые нельзя сдать назад. В тот миг это показалось ему рациональным – "до завтра со мной точно ничего не случится, можно сэкономить!" Да и, если бы он не сэкономил на билете, ему бы не хватило денег на прокат машины... Ну ладно. Будем исходить из того, что сделано. И надо, конечно, не только предупредить Каттериджа о том, что о его, Малколма, поездке знают другие люди, но и подстраховаться таким образом на самом деле. Но кого же предупредить? Это только в старых романах герой вручал "своему поверенному" пакет с указанием "вскрыть, если я не вернусь тогда-то". У Малколма нет никакого поверенного, и нельзя же отправить такое письмо домой родителям! Впрочем, можно настроить почтовое приложение таким образом, чтобы его e-мэйл остался в ожидании на сервере и был автоматически отослан, скажем, в полдень понедельника. Если он благополучно вернется до этого срока, то просто отменит задание. Но все равно, не стоит пугать родителей раньше, чем станут известны какие-либо определенные результаты – если кому-то и придется обращаться в полицию по поводу его исчезновения, пусть это будут не они. Кто еще? Друзей у него нет, как, кстати, не было их и у Карсона...

– Пришел? – приветствовал его Рик. – Я уж думал, ты и в эту ночь не объявишься.

– Нет, но на выходных меня не будет, – сообщил Малколм. Сама эта фраза была вполне будничной, но Рика, чувствовалось, так и подмывало спросить, не связано ли это с расследованием. Как бы старательно Рик ни изображал скепсис, похоже, он все-таки заинтересовался...

Малколм вспомнил, что так и не успел посмотреть ничего о Кевине. И тот факт, что непосредственных виновных в смерти Джессики только четверо (из коих трое – члены Фи Дельты, причем один из них – президент), еще совсем не означает, что остальное братство тут ни при чем. Или что нынешние его члены не попытаются замазать кровавую историю из прошлого. И все-таки кому-то придется довериться...

– Рик, – нехотя спросил Малколм, – какой у тебя e-мэйл?

– Хороший вопрос после месяца с лишним знакомства! – хохотнул Рик. – Я его тебе

давал, вообще-то, вместе с телефоном. Но ты, похоже, просто выкинул эту бумажку.

– Хмм... – смутился Малколм, – не помню, куда ее сунул... Так какой? погоди, я только включу ноут.

Рик продиктовал. Малколм ввел адрес в почтовую программу.

– Если я не вернусь в понедельник, тебе придет письмо. Там будет имя и адрес человека, к которому я уехал. И пароль... к одному аккаунту, содержащему информацию о нем. Сообщи все это полиции. Добейся, чтобы они приняли это всерьез. Ибо это ни разу не прикол. Это будет значить, что он виновен в убийстве. Причем не только моем.

– Малколм, ты меня пугаешь, – из голоса Рика исчезли всякие намеки на иронию. – Если все действительно так опасно, не надо никуда ехать. Обратись в полицию сразу, и пусть они разбираются.

– Я же уже сказал – сейчас они даже чесаться не станут. Ему нечего предъявить. Я еду, чтобы добыть доказательства. Или, – неожиданно решил слукавить Малколм, – чтобы убедиться в его невинности.

– Ты ведь не имеешь в виду Кевина?

– Нет, – признал Малколм после крохотной паузы. – Но все равно, ему не нужно об этом знать. Ни ему и никому другому. Только полиции, если до этого дойдет. Я могу на тебя положиться?

– Ты все-таки добрался до файлов Карсона? – проявил проницательность Рик.

– Узнаешь в свое время, – загадочно улыбнулся Малколм. – Так могу?

– Ладно, я никому не скажу, – нехотя согласился Рик. – Но ты все-таки не лезь на рожон. Это же не кино, Малколм. Это твоя жизнь. Если есть хоть какой-то риск...

– Риск есть, даже когда переходишь улицу, – пожал плечами Малколм. – В данном случае... я не думаю, что он велик, – на самом деле Малколм не был так уверен. – Просто страхуюсь на всякий случай. Так ты сделаешь все, как я сказал? Обещаешь?

– Ну я уже сказал, что да. Блин, во что ты меня втягиваешь...

– В товарищество, – усмехнулся Малколм.

Ночью он просыпался несколько раз, тревожно проверяя время по лежащему на тумбочке мобильнику – не проспал ли? – и в итоге встал за четверть часа до будильника, а потом мучительно дождался звонка от таксиста, чувствуя иррациональный страх, что тот так и не приедет. Наконец, получив долгожданный звонок – на шесть минут позже, чем рассчитывал – он быстро набросил куртку, подхватил сумку (весь его багаж состоял лишь из ноутбука, картонной папки с документами и старенького GPS Tomtom, купленного летом на eBay за \$14) и выбежал на улицу, в дождливую темноту.

Непогода была дополнительным и более весомым поводом для волнения – как всегда бывает, когда летишь с пересадкой – но самолет вылетел вовремя. Два часа полета до Шарлотты в Северной Каролине (где вовсю светило совершенно летнее солнце), час ожидания в аэропорту, еще почти два часа до Джексона, штат Миссисипи.

Пройдя по указателям, Малколм добрался до офиса автопрокатной конторы, находившегося здесь же, в здании аэропорта. Девушка за прилавком, сосредоточенно изучавшая что-то на своем мониторе, при его приближении растянула губы в профессиональной улыбке.

– Я заказывал машину, – сообщил он, не улыбаясь в ответ. – Малколм Мартинсон.

– Да, конечно, сэр. Позвольте вашу лицензию и кредитную карту?

– Карту-то зачем? – удивился Малколм, бравший автомобиль напрокат впервые в жизни.

– Я же уже все оплатил через интернет.

– Такой порядок. На случай, если с машиной что-то случится. С карты будут сняты сто долларов, которые будут возвращены обратно, как только вы вернете машину.

– Не получится, – помрачнел Малколм. – Превысит кредитный лимит.

– Ммм, – огорчилась девушка, – тогда, возможно, у вас есть другая кредитка?

– Только эта, – ответил Малколм, чувствуя, как холодеет у него в животе. Ну вот, сейчас она скажет, что никак не может выдать ему машину, и, значит, он прилетел сюда зря, и истратил все деньги на билеты тоже... А что ему делать? Добираться в эту дыру автостопом? Рик бы, может быть, и добрался, сумел бы обаять незнакомых водителей – но только не он...

– Меня не предупредили про эти сто долларов! – агрессивно произнес Малколм. – На вашем сайте про это не сказано! Откуда мне было знать?

Девушка взялась за телефонную трубку, и у Малколма на миг мелькнула мысль, что сейчас она вызовет охранников.

– Подождите, сэр, – сказала она. – Я позвоню боссу.

Некоторое время она говорила по телефону, пока Малколм тоскливо разглядывал разложенные на прилавке туристические буклеты. На одном из них красовалось изображение колесного парохода, идущего по Миссисипи. "И тут вранье, – подумал Малколм. – Такие пароходы здесь не плавают с XIX века. В лучшем случае – стоят на приколе в качестве ресторанов. Но это же не то, что здесь нарисовано!"

– Сэр, у вас есть при себе наличные?

– Немного, – ответил Малколм.

– Мой босс говорит, что вы должны будете оплатить полную страховку вместо частичной. Но это всего 30 долларов. Вы сможете доплатить эту сумму сейчас?

Малколм открыл бумажник и пересчитал купюры. Две десятки, пятерка и четыре по одному. Черт. Он расстегнул отделение для мелочи и выгреб на прилавок монеты.

– 29 долларов 78 центов, – констатировал он, угрюмо глядя на девушку.

– Ладно, – она вновь широко улыбнулась, – 22 цента можете считать подарком от фирмы.

"Которая только что нагрела меня на лишние тридцать долларов", – зло подумал Малколм, но лишь молча кивнул. Девушка распечатала какие-то бумаги на принтере, поднялась и сняла ключи с доски за спиной.

– Идемте, я покажу вам машину.

Выйдя из кондиционированного здания, Малколм сразу окунулся во влажную жару. На небе не было ни облачка, и полуденное южное солнце старалось вовсю. Девушка, цокая каблучками по бетону, подвела его к белому "Джипу".

– Э... а поменьше ничего нет? – спросил Малколм. – Я ведь заказывал самую экономичную.

– Есть, но расход у нее примерно такой же. Берете эту?

– Ладно, – согласился Малколм, подумав, что более внушительная тачка ему, возможно, и не помешает.

Подписав бумаги, он забрался внутрь, сбросил куртку, пристегнулся, повернул ключ, воткнул GPS и попытался прилепить его к стеклу, но присоска упорно не хотела держаться дольше минуты, и Малколм в итоге уложил прибор в подстаканник между сиденьями. Не слишком удобно, но и маршрут несложный. От аэропорта до шоссе 55 и по нему – 86 миль на север. Дальше единственное сложное место – не пропустить нужный поворот, и от него еще 20 миль по той самой петляющей через лес дороге.

Малколм впервые в жизни сидел за рулем в гордом одиночестве. После получения лицензии он лишь несколько раз водил их семейный "универсал", но всякий раз – "какая" когонибудь из родителей, и скорость в этих поездках по городу (обычно до торгового центра и обратно) редко превышала 40 миль в час. Теперь же взамен первоначальной робости и некоего даже неверия в то, что он уже действительно совсем взрослый – как и когда он слушал "Gaudeamus igitur" в первый день в универе – Малколма быстро наполнило ощущение гордой свободы. Из северного Джексона он выбирался, строго следя, чтобы ни на милю не превысить скорость, но, выбравшись на оперативный простор федеральной трассы, лихо разогнал сперва до разрешенных загородными знаками 70, потом до допустимых 75, а потом, глядя на поведение

периодически обгонявших его слева водителей – и до 80 миль в час. Из экономии он не стал включать кондиционер, но полностью опустил левое стекло, позволив теплему ветру ворваться в кабину и трепать ему волосы. Настроение сделалось прекрасным; Малколм чувствовал себя героем-победителем, которому не страшны никакие преграды. Ему представлялось, что Джессика сидит справа от него, глядя на него влюбленными глазами. В какой-то момент это ощущение стало столь сильным, что он невольно скосил глаза направо – но, разумеется, не увидел на соседнем сиденье ничего, кроме собственных куртки и сумки. Наверное, именно брошенная на спинку куртка и создавала для бокового зрения иллюзию сидящей фигуры.

"Они получают по заслугам, Джессика, – мысленно сказал Малколм. – Еще не знаю точно, как, но я заставлю их заплатить."

GPS не подвел, загодя предупредив его о повороте; Малколм подполз к нему на минимальной скорости, чтобы уж точно не промахнуться и не свернуть не туда, в лучших традициях многочисленных ужастиков. Узкая, давно не ремонтированная дорога углубилась в лес.

Впрочем, сперва местность казалась не такой уж глухой – периодически то слева, то справа заросли расступались, обнажая обширные прогалины полей и пастбищ, и ответвлялись перегороженные воротами из жердей грунтовки, ведущие к фермерским домам. Но затем деревья сомкнулись сплошной стеной по обе стороны от растрескавшегося асфальта. Ни одна машина не попала навстречу Малколму с того самого момента, как он свернул на лесную дорогу. Но еще через несколько минут он все же получил подтверждение, что иногда они здесь ездят.

Впереди показался очередной поворот – дорога извивалась, словно змея – но Малколм, уже вошедший во вкус вождения, не стал сбрасывать скорость, зная, что впишется. И тут вдруг подал голос GPS, извещая о приближении к цели – хотя в лесу по-прежнему не было заметно ни малейших признаков жилья. Войдя в поворот, Малколм невольно бросил взгляд на экранчик навигатора, а когда вновь поднял глаза на дорогу, увидел прямо по курсу омерзительную бесформенную грудку в алой луже, кровавое месиво из мяса, шерсти и раздавленных внутренностей, из которого тянул клювом какую-то кишку большой черной гриф-индейка.

Малколм резко вильнул влево на встречную полосу, не желая въезжать в эту гадость. Гриф лениво и недовольно взмахнул крыльями, взлетая с пути "Джипа"; ему удалось разминуться с машиной, но кишка, которую он по-прежнему держал в клюве, с мерзким влажным звуком шлепнула по верхней части лобового стекла, оставив на нем кровавую полосу с брызгами вокруг. Малколм тут же машинально включил "дворники", но по неопытности не сразу сообразил, где кнопка впрыска стеклоочистителя, так что сухие щетки в пару секунд размазали кровь по всему стеклу. Машину затрясло слева, под днищем зашуршала трава, и Малколм отчаянно нажал на тормоз, в ужасе ожидая удара о дерево или опрокидывания в канаву.

Но ему повезло. Проехав левыми колесами по густой траве, а правыми – по асфальту еще полторы дюжины ярдов, "Джип" остановился. "Вы достигли места назначения", – издевательски сообщил GPS.

Малколм просидел несколько секунд неподвижно с бешено колотящимся сердцем под ритмичный скрип "дворников", вдыхая запах горелой резины. Затем, наконец, сообразил, где кнопка подачи стеклоомывательной жидкости. Ему пришлось жать ее несколько раз, прежде чем стекло полностью очистилось от кровавых разводов. Машина стояла наполовину на обочине, наполовину – на встречной полосе, но, к счастью, дорога по-прежнему была пуста, насколько хватало глаз. Никаких признаков жилья вокруг по-прежнему не было – вот разве что прямо перед радиатором торчала какая-то обструганная палка. Въехал ли он в нее, поцарапал ли нос машины?

Малколм осторожно сдал назад, полностью сползая на обочину. Затем, не выключая

двигателя, выбрался из машины. Невольно бросил брезгливый взгляд назад, на раздавленные останки. Чем было это месиво при жизни? Явно слишком большое для енота или сурка и слишком маленькое для оленя. Может быть... койот? Водятся ли в Миссисипи койоты – или волки? Малколм вновь почувствовал сожаление, что у него нет при себе не то что пистолета, но и, из-за все тех же авиационных правил, даже ножа. Возможно, опасность в этой местности представляет не только Каттеридж. А зверью не объяснишь, что "полиция узнает, куда я поехал"...

Впрочем, опасность повредить машину пугала его больше, чем гипотетические хищники. Хотя – он ведь вроде оплатил полную страховку? Ну все равно – вдруг внесут в какую-нибудь базу, из-за которой следующая аренда обойдется дороже... Малколм обошел автомобиль, постучав по колесам – кажется, шины в порядке, уже хорошо – затем зашел спереди. Нет, радиатор и бампер тоже не пострадали, отлично! Он повернул голову к торчавшему из земли столбику и тут же понял, что это. В ярде от столбика в траве валялась длинная черная металлическая коробка с полукруглым верхом. Почтовый ящик.

"Все-таки я его сбил", – подумал Малколм с неудовольствием, но, еще раз взглянув на следы от шин в траве и на асфальте, понял, что это не так. Машина остановилась, не доехав до столбика пары футов. Значит, этот ящик валяется здесь уже давно. Малколм подошел и наклонился над ним. Ящик был изрядно ржавый (и, конечно, пустой), но на боку еще можно было различить цифры. Те самые, что Малколм вбил в GPS в качестве адреса конечной цели.

Распрямившись, он, наконец, увидел заросшую колею, уходящую в лес. Ее было почти невозможно заметить между кустами и деревьями, пока не встанешь там, где она перпендикулярно упиралась в дорогу. Малколм окинул колею подозрительным взглядом – не похоже было, чтобы этой тропой часто пользовались – но решил, что "Джип" все-таки сможет здесь проехать. Он вернулся в машину, объехал ящик и на минимальной скорости пополз по тому, что, вероятно, когда-то именовалось подъездной аллеей.

Проехав полсотни ярдов, он уперся в ворота – вытянутый треугольник из жердей, преграждавший путь. Ржавая цепь приматывала острый угол треугольника к боковому столбику. Выбравшись из машины, Малколм понял, что открыть проезд не получится – хоть цепь и была ржавой, замок на ней висел вполне крепкий. Впереди виднелся заросший травой двор и старый покосившийся дом, больше похожий на сарай. На его потемневших досках не было ни следа краски. Выглядело все это так, словно здесь никто не живет уже несколько лет, и Малколм вновь почувствовал опасение, что приехал зря. Все-таки последнее письмо Каттериджа было отправлено три года назад...

Деревья и кусты не позволяли объехать ворота, и Малколм заглушил двигатель и запер машину. Но перелезть через жерди, разумеется, не составляло труда. Малколм огляделся по сторонам. Слева от дома тянулись еще какие-то сараи – на вид весьма хлипкие, сколоченные из фанеры; справа стоял по брюхо в траве бурый от ржавчины пикап, который, впрочем, теоретически мог быть и на ходу – по крайней мере, его шины были не спущены и стекла (как и в самом доме) целы. Надеюсь, что никакой псих не станет палить без предупреждения по "нарушителю частной собственности", но в то же время и интуитивно не желая раньше времени привлечь к себе внимание окриками, Малколм осторожно двинулся через двор ко входу в дом.

Поднявшись на трухлявое крыльцо, он постучал – и тут же отступил в бок, словно ожидая выстрела через дверь. Впрочем, опасения, похоже, были напрасными – изнутри не доносилось ни звука. Малколм постучал еще дважды, а затем потянул за ручку, почти уверенный, что дверь окажется запертой.

Коротко скрипнув, дверь открылась.

Дверь вела прямо в комнату без всякой прихожей. Малколм увидел убогую обстановку – стол, накрытый прожженной клеенкой, у стены старый продавленный диван с протершейся обивкой, рассохшееся кресло-качалка, свисающая с потолка лампа без абажура – но еще прежде,

чем он разглядел эти детали, он почувствовал запах. Пахло куревом, пылью, дешевым виски (по правде говоря, Малколм не отличил бы по запаху дешевое виски от дорогого, но к дорогому обстановку явно не располагала) и еще какой-то дрянью – вероятно, смесью несвежего белья и немытого тела. Но не сырой плесневелой затхлостью, характерной для давно необитаемых домов. И не разложением, вопреки мелькнувшему было у Малколма подозрению.

– Привет! – громко крикнул Малколм ("Вот сейчас он точно имеет право в меня стрелять, если я тихо войду без разрешения!") – Кто-нибудь дома? Мистер Каттеридж?

В доме по-прежнему стояла полная тишина.

"Возможно, он действительно спился, – подумал Малколм. – И валяется сейчас в соседней комнате в луже собственной блевотины."

– У вас открыта дверь! – крикнул он, продолжая исполнять ритуал законопослушного гражданина. – С вами все в порядке? – и, снова не дождавшись ответа: – Я вхожу!

Он шагнул внутрь и огляделся по сторонам. Из комнаты вели еще две двери, налево и направо – очевидно, в соседние помещения. И возле той, что справа, на стене висело ружье.

"Оп-па! – подумал Малколм. – Это сильно упрощает дело."

Он все еще не думал, что попросту возьмет и хладнокровно застрелит Каттериджа. Но, как говорится, добрым словом и пистолетом можно добиться больше, чем просто добрым словом.

Однако, заряжено ли оно? И если нет, то где искать патроны? Они непременно должны быть в доме, но где?

Малколм окинул комнату более внимательным взглядом, подмечая детали. Тумбочка в углу, какие обычно ставят под телевизор, но без самого телевизора, и на ней – цветная бумажная коробка, но это не патроны, а сигареты; на столе – консервная банка, используемая, похоже, в качестве пепельницы, и рядом с нею спички; наполовину вывалившаяся из стены розетка, так и просящаяся в качестве иллюстрации к словарной статье "Пожароопасность"...

До слуха Малколма донесся некий звук. Негромкий, приглушенный расстоянием или стенами. Что-то вроде короткого хриплого вскрика и удара. Малколм замер, прислушиваясь, но продолжения не последовало. Может, его нервы так напряжены, что ему мерещится? Или, что более вероятно, это кричала какая-то птица в лесу?

Может, конечно, и так, но он будет чувствовать себя спокойнее с оружием в руках. Малколм повернулся и решительно направился к ружью.

– Какого хрена тебе здесь надо?

Голос был почти таким же скрипучим, как и звук открывшейся за его спиной двери.

Из двух вариантов – сначала обернуться или сначала броситься за ружьем – Малколм благоразумно выбрал первый. Ибо если тип, стоящий позади него, вооружен...

Это был определенно не Эдвин Каттеридж. В проеме двери, ведущей в левую часть дома, стояла тощая старуха в засаленном халате с желтыми пятнами подмышками и драных тапках. Длинные слипшиеся пряди ее сивых волос походили на паклю. Желтая дряблая кожа и отечные мешки под глазами дополняли картину. Испещренный лопнувшими прожилками нос говорил о давнем пристрастии к спиртному.

И в руке она держала большой нож, блестящий от свежей крови.

– Эээ... – после первой вспышки паники Малколм сообразил, что он по-прежнему ближе к ружью, чем к старухе. И даже если оно окажется не заряжено, он легко может огреть ее прикладом. Так что, если только она не мастер метания ножей, ему ничего не угрожает. А стало быть, можно постараться обойтись без насилия и уголовщины и поговорить, как цивилизованные люди. – Добрый день, мэм, – он заставил себя улыбнуться. – Я стучал и звал, но мне никто не ответил. Мне нужен Эдвин Каттеридж. Это ваш... – ему вспомнились слова из письма о больной матери; ну разумеется, алкоголизм – это болезнь, – сын?

"Которого ты только что зарезала", – мелькнула у него мысль, сама по себе вполне дикая,

но кровь на ноже вызывала именно такую ассоциацию.

– Брат, – ответила она. – А ты кто на хрен такой?

Удивительно, но Малколм совершенно не продумал ответ на этот вопрос. Только сейчас он сообразил, что называться подлинным именем нет никакой необходимости. Особенно появившемуся свидетелю.

– Рик Тэлтон, – выпалил он на автомате и тут же мысленно выругал себя за это, но придумывать новое имя было уже поздно. – Так могу я поговорить с вашим... братом? Это очень важно.

"Сестра? Сколько же ей лет? Выглядит на все шестьдесят, а Каттериджу сейчас тридцать с чем-то..."

– Нет, – отрезала старуха.

– Но это очень важно, – повторил Малколм. – Я специально ради этого прилетел из Новой Англии.

– Да хоть с Луны. Ты слегка опоздал. Если только ты не умеешь говорить с духами.

– Он... умер?! – Малколм глядел расширившимися глазами на ее нож.

– Три года назад, – ответила она и тут, наконец, проследила направление его взгляда. – Чего уставился? Я отрезала голову курице. Последней, – она помолчала, разглядывая окровавленный нож, и добавила: – Эта хренова сука могла бы еще пожить, но предпочла объявить забастовку. Ни одного яйца за последний месяц. Наверное, ей все надоело, так же, как и мне.

– Мне очень жаль, – выдавил из себя Малколм, и это была, вероятно, самая большая ложь в его жизни. – Как это случилось?

– Ты не знаешь, как режут голову курице?

– Я про смерть вашего брата.

– Долго рассказывать. От таких рассказов пересыхает горло, – она выжидательно замолчала, но, поскольку Малколм не проявил понятливости, продолжила: – Но если ты угостишь меня виски...

– Где я его возьму? – возмутился Малколм.

– Шесть миль по дороге в ту сторону, – она махнула рукой в направлении, противоположном тому, откуда Малколм приехал. – Там бензоколонка, а при ней магазинчик.

– Мне не продадут. Мне нет двадцати одного.

– Вряд ли Джек станет докапываться до твоей лицензии. Когда ему дают денежки, он присягнет, что ты выглядел на все хреновы двадцать пять. Особенно если сказать магическое заклинание "сдачи не надо".

– И денег у меня нет, – вынужден был признать Малколм.

– Да неужели? А ты не слишком прижимист для парня на такой крутой тачке? – очевидно, она таки разглядела его "Джип" из окна.

– Вот именно на то, чтобы взять ее напрокат, я сегодня утром выложил последние. Я потратил все, чтобы добраться сюда и поговорить с... Эдвином. Я же говорю, это очень важно... было. Но если он умер, мне нужно по крайней мере узнать, как это произошло.

– Это твои хреновы проблемы, парень, – не смягчилась она.

"Блин, если бы мне не пришлось потратить эти \$30..." – подумал с тоской Малколм. В старых боевиках герой в таких случаях снимал с себя часы. Но у Малколма не было часов, он вообще не понимал, зачем они нужны в эпоху, когда все таскают с собой мобильники. А отдавать ей свой мобильник, пусть и устаревшей модели, он уж точно не собирался, да и едва ли таковой был ей нужен...

И тут Малколма осенила новая мысль: а какая ему, собственно, разница, как именно подох Каттеридж? Главное, что он получил по заслугам! И избавил тем самым самого Малколма от лишних хлопот.

Но – а что если эта алкоголичка врет? Если ее братец, или кто он там ей на самом деле, сидит сейчас в соседней комнате и ждет, пока подозрительный чужак уберется восвояси?

– Эдвин – не единственный, кто умер в этой истории, – сообщил Малколм. – И по этому поводу может быть открыто новое следствие.

– Что-то ты слишком молод для копа.

– Я не коп, – согласился Малколм. – Но от меня может зависеть, что именно узнают копы.

Хорошая формулировка, мысленно похвалил он себя. Можно расценить и как угрозу, и как обещание – в зависимости от того, боится она установления истины или надеется на таковое.

В ее взгляде Малколму почудилось опасение, и он решил добавить:

– Кого именно они будут допрашивать. По делу об убийстве. Точнее – о нескольких убийствах.

– Никакие убийства тут ни при чем! – рассердилась старуха. – Психически больной человек покончил с собой. Дело закрыто. Оставьте уже нас в покое, вы все!

– Кого это вас? – тут же заинтересовался Малколм. – И кто это мы?

– Нас – это, теперь уже, меня, – буркнула она. – Больше никого не осталось. Три года назад приезжал такой же молодой хлыщ, как ты, тоже хотел увидаться с Эдвином. Только он был щедрее, дал мне сто долларов за его адрес. И я, конечно, взяла, потому что надо же на что-то жить. И в тот же самый день... – она махнула рукой и замолчала.

– Как его звали? – спросил Малколм. Его первой мыслью было "Ник Брант", но ровесник Каттериджа три года назад был уже не настолько молодым хлыщом.

– Том... как бишь его?... Тайсон, что ли? Или Дайсон? Какая-то похожая фамилия... Ты его знаешь?

– Том Карсон, – констатировал Малколм. "Выходит, он все-таки был здесь!" – И его убийство – как раз одно из тех, что я имел в виду.

– Убийство? – переспросила она как будто даже с надеждой. – Его все-таки обвинили... или, погоди, ты хочешь сказать, что он тоже убит?

– Вскоре после визита к вам, – кивнул Малколм с таким видом, словно у него были доказательства насильственности этой смерти. – Хотя лично я верю, что вы тут ни при чем. Поэтому лучше бы вам рассказать эту историю мне, а не полицейским.

Она снова посмотрела на нож в своей руке.

– Ладно. Раз ты не хочешь угостить меня выпивкой, хотя бы помоги мне с курицей. Ее нужно ощипать, пока она не остыла. Идем, – она направилась в ту же дверь, откуда появилась, по пути прихватив с тумбочки сигареты.

Малколм двинулся следом и оказался на тесной и грязной кухне, пропитанной не самыми аппетитными запахами. На полу и без того непросторного помещения громоздились несколько картонных коробок – кажется, с консервными банками. Возле древнего вида закопченной плиты стояла низкая табуретка, а перед ней – ведро, из которого торчали желтые куриные лапы. Хозяйка молча указала юноше ножом на табуретку, а затем велела:

– Подними ее за ноги, только осторожно, не закапай.

Малколм, усевшись на табуретку, брезгливо вытащил тушку из ведра. Из перерубленной шеи капала кровь, коей в ведре набралось уже, наверное, на целую чашку. Женщина забрала ведро и тут же подпихнула ногой на его место пустую картонную коробку.

– Перья кидай сюда. Когда-нибудь занимался таким?

– Нет, – пробормотал Малколм, по-прежнему брезгливо разглядывая еще теплый безголовый труп в своих руках.

– Ну, это не ракетная наука. Держи шеей вниз, придерживай коленями, да дергай перья по одному-два за раз, больше не надо, чтоб кожу не порвать. Сначала крылья и хвост, потом грудь, живот и спину, потом шею и ноги, – дав эти инструкции, она вышла с ведром из кухни через заднюю дверь.

Малколм, поморщившись, приступил к предписанной процедуре. На миг у него мелькнула мысль, насколько приятнее было бы наставить на эту бабу ружье и заставить рассказать все, что она знает. Но, разумеется, он не бандит, а она не Каттеридж – то есть, может, и Каттеридж, но не Эдвин. Она, скорее всего, при всей своей неприятности действительно ни в чем не виновата, по крайней мере – перед Джессикой. А потому – взаимовыгодное сотрудничество и никакого насилия.

Хозяйка вернулась, оценивающе посмотрела на усилия юноши.

– Ну да, примерно так. Если бы ее сначала ошпарить кипятком, вышло бы намного быстрее. Но газ надо экономить, и воду тоже. А тебе спешить все равно некуда, если хочешь все выслушать, – она уселась за кухонный стол, вытащила из пачки сигарету и закурила. Малколм скривился, уже не пытаясь скрыть отвращения. Только этой ядовитой вони ему и не хватало в придачу к прочим местным запахам! Но – она была у себя дома, а ему был нужен ее рассказ.

– Меня зовут Герти, – начала она, игнорируя его недовольство. – Гертруда, если полностью, хотя кому это теперь на хрен важно... Эдвин и я из не слишком благополучной семьи. Отец бросил нас, когда Эдвин едва родился. Мне тогда было девять. ("Значит, ей всего-то около сорока!" – понял Малколм.) Мать говорила, что, пока она ходила беременная, он спутался с какой-то шлюхой. Больше мы никогда его не видели – ни его, ни его денег. Никаких хрЕновых алиментов. Мы жили на съемных квартирах, мать работала на двух работах, чтобы обеспечить нам сносную жизнь. Мне приходилось присматривать за Эдвином, пока она на работе, так что своей жизни у меня почти не было. Конечно, богато мы все равно не жили, но и не в таком свинарнике, как этот. И не в этом хрЕновом штате. Я даже хотела поступить в колледж. Но мать сказала, что для того, чтобы выйти замуж и сидеть с детьми, диплом не нужен. (Малколму вспомнилась Памела.) Что мы должны копить на хороший университет для Эдвина, потому что именно он – наша надежда. Он станет престижным врачом или адвокатом и будет грести кучу денег, и мать с сестрой не позабудет. И, в общем, почти что так оно и вышло. Только мать не успела этому порадоваться.

– Умерла? – спросил Малколм.

– Хуже. За полгода до того, как Эдвин получил свой диплом, у нее диагностировали Альцгеймера. Какое-то время она еще жила со мной, но Эдвин сказал, что он получит хорошую работу, и у него будет достаточно денег, чтобы оплатить для мамы самое хорошее заведение, где она ни в чем не будет нуждаться. Он был ее любимчиком, да, но и хорошим сыном, – Герти затянулась и закашлялась нездоровым кашлем старой курительницы. – Ну а потом... ты, наверно, знаешь, что случилось потом. Он запорол операцию какой-то хрЕновой шлюхе, которая хотела себе большие сиськи, и лишился всего. Точнее – мы лишились. У меня так и не было ни семьи, ни работы. Как-то не сложилось – то я заботилась о брате, то о матери... на себя не хватило времени. Вся надежда была на Эдвина, на его будущие заработки – он обещал, что не оставит меня... Ну и не оставил. В Миссисипи нам пришлось переезжать вместе.

– Почему в Миссисипи?

– Самый дешевый штат во всей хрЕновой Америке, – Герти стряхнула пепел и тут же прикурила вторую сигарету от первой. – Ну и... у Эдвина была идея забиться в самую-самую глушь. Без интернета и телефона. Он говорил, что это ради экономии. Но, по-моему, у него уже тогда ехала крыша. А может, и еще раньше. Может, он и девку-то ту порезал не просто так.

– Какую девку? – насторожился Малколм.

– Ну ту, с сиськами. А потом вбил себе в голову, что она его преследует и все равно найдет.

– Она? Его пациентка?

– Ну а кто еще? Хотя зачем бы ей его преследовать, если она и так получила с него по суду все, что могла? Ну да когда человек... – она постучала согнутым пальцем по виску, – какая уж тут, на хрен, логика.

– У него были кошмары? – спросил Малколм.

– Кошмары? О да. Орал во сне, как резаный. В этой халупе все слышно, стены, почитай, фанерные... Я ему говорила, что ему к доктору надо, а он – "у нас на это денег нет" – что правда, то правда – "да и не поможет..." Наверно, да, не помогло бы. Потому что там не в преследовании дело было. Это, как говорится, побочный эффект...

– А в чем?

– Знаешь, что такое дисморфобия?

– Патологическое отвращение к собственному телу, не связанное с реальными дефектами, – проявил эрудицию Малколм. – Например, человек так ненавидит свои ноги, что мечтает их ампутировать. И не потому, что они, скажем, кривые или волосатые, а потому, что ему кажется, что ног *вообще* не должно быть.

– Ну да, ну да... Вот она у него в итоге и оказалась. В один прекрасный день он отрезал себе все пальцы на правой руке. И испек их в микроволновке.

– И съел? – ужаснулся Малколм.

– Нет. Просто чтобы их уж точно не пришили обратно. Хотя кто бы ему стал их пришивать? На какие хреновы деньги? – Герти помолчала, вдыхая дым. – Он запретил мне везти его в госпиталь. Сказал, что он все-таки хирург, и что он все уже обработал сам, левой рукой. После этого он потерял наш последний заработок. Он тут помогал местным фермерам, брался за всякую работу, иногда и по ветеринарной части, хоть у него и не было диплома – ну там быков кастрировать, например. А с одной рукой, да еще левой, уж какая работа... То есть это я так думала. А оказалось, он и левой еще кое-что может. Через два месяца он отчекрыжил собственное барахло¹¹.

– В смысле?

– Член и яйца, в смысле! Наловчился на быках, хренов псих... Перед этим специально напоил меня, чтобы я уж точно не помешала и не села потом за руль. Ну то есть мы вместе пили, и он, видимо, не рассчитал свои возможности. Не смог сам остановить кровь, отрубился. А я была все-таки не настолько пьяна и вызвала 9-1-1. У меня был бесплатный мобильник, их выдают малоимущим. Он не знал, я от него прятала. Он настаивал, что у нас не должно быть никаких телефонов, – она снова помолчала. – Тут уж его забрали в психушку. Признали опасным по крайней мере для себя, а может, и для других. Я, разумеется, подписала согласие... Вот тогда мне врач и рассказал про дисморфофобию. И что, возможно, она у него латентно была еще с юности, потому он и пошел в пластические хирурги, а не только потому, что там хорошо платят. Он, правда, втирал врачу несколько другую версию. Что-де это все был нервный срыв из-за того, что он лишился дела своей жизни. Что ему нужно было прооперировать хоть кого-то. Что, возможно, он также хотел наказать свою руку, сделавшую ту неудачную операцию. Хотя непонятно, при чем тут его хрен – никаких сексуальных обвинений та девка не предъявляла. Но, так или иначе, теперь это безумие прошло, и он ужасно раскаивается в том, что сделал с собой. В общем, всячески изображал, что идет на поправку. Пользовался некоторой свободой. Хотя ничего режущего ему, конечно, все равно не давали – даже маникюрных ножниц. Ногти ему, и на ногах тоже, стригла медсестра под присмотром санитаря. И тут, значит, приезжает этот твой Парсонз...

– Карсон.

– Да хрен с ним, как бы его ни звали! Тоже, как и ты, говорит, мол, очень важно увидеть Эдвина. И даже когда я объяснила, что с Эдвином и где он, не отстал. И я дала ему адрес клиники, – Герти раздавила окурок в консервной банке.

– И что дальше? – поторопил ее Малколм.

– А через несколько часов мне звонят из клиники и сообщают, что мой брат мертв.

11 В оригинале junk

– Ты думаешь, его убил Карсон?

– Сперва я, конечно, так и подумала. Но все растолковали мне, что это невозможно. Карсон вошел в палату Эдвина вместе с сестрой, и они оба увидели труп. Эдвин уже был мертв. Только если предположить, что Карсон каким-то образом пробрался в лечебницу тайком, так же выбрался, а потом вернулся уже официально, чтобы создать себе алиби. Но это невозможно. Так они говорят.

– И как все-таки умер Эдвин?

– Ему не давали ничего острого... кажется, я уже говорила. Но у одной из сестер было хобби. Вышивание. Она занималась этим во время ночных дежурств. В принципе, медсестра, даже в таком заведении – это не часовой в армии. Никто не ждет от нее, что она будет стоять на посту по стойке "смирно". Все относятся с пониманием, если, пока нет тревоги, она, скажем, читает. Или лазит по интернету. Или вот вышивание. Конечно, уходя с поста, она должна все это запереть. Она говорит, что и запирала. Но, видимо, Эдвин как-то умудрился выкрасть у нее ключ.

– И что он раздобыл? Ножницы?

– Иголку, нитки и наперсток.

– Как можно убить себя иголкой? – удивился Малколм. – Даже если проглотить, еще не факт...

– Он зашил себе рот. Потом правую ноздрю. Потом левую.

– Блин, – пробормотал Малколм. – Должно быть, это было чертовски больно. Даже до того, как он начал задыхаться.

– Это еще не все. Прежде он вышил надпись. Вышил нитками у себя на лбу, ты представляешь? Он делал это перед зеркалом в туалете, поэтому она получилась зеркальной.

– И эта надпись...?

– "Прости меня, Джессика". Ну, та девка, которую он оперировал.

– Нет, – глухо возразил Малколм, – ту звали Дженнифер.

– Ну, значит, я перепутала, – легко согласилась Герти. – Я вечно путаю имена. Какая, на хрен, разница.

"Очень большая!" – ответил Малколм мысленно, но вслух лишь спросил:

– Он когда-нибудь прежде занимался вышиванием?

– Нет, разумеется! – фыркнула Герти. – Разве что учился шить хирургические швы. И уж тем более – не одной левой рукой. Поначалу, кажется, даже работники клиники не могли поверить, что он сделал с собой такое сам. Но – расследование показало, что никто другой это сделать не мог. Так мне сказали.

"Почему, интересно, столь скандальный случай не попал в газеты? – подумал Малколм и тут же сам себе ответил: – Ну конечно, врачебная тайна. Медицинская этика."

Он уже закончил с курицей и теперь бессмысленно держал ошипанную тушку за ногу.

– Давай сюда, – велела Герти. Она поставила на стол большую надтреснутую тарелку сомнительной чистоты, плюхнула на нее курицу и вновь вооружилась ножом, собираясь заняться потрошением.

– Я все равно думаю, что этот твой Гарсон виновен, – сказала она, вонзая нож в живот птицы. – Не знаю, как. Может, он подговорил ту сестру, чтобы она сама дала Эдвину иголку и нитки. Сунул ей деньги, как мне. Или он хотел проделать что-то подобное, но просто не успел. Во всяком случае, он желал Эдвину зла. Иначе он бы заехал ко мне сказать хоть пару слов соболезнований, ведь так?

– По крайней мере, он не стал требовать назад ту сотню, – усмехнулся Малколм.

– Вот-вот, – неожиданно согласилась Герти. – Потому что получил, что хотел.

Она помолчала, вытаскивая кровавую требуху, а затем спросила:

– Как он умер?

– Кто-то напугал его до смерти. В буквальном смысле. У него было слабое сердце, о чем он сам не знал, – ответил Малколм и чуть было не добавил ее же фразу: "Так мне сказали".

– Вот оно что, – усмехнулась Герти. – А ты-то ему кто? Друг?

– Нет, – сказал Малколм и вновь добавил, особо не кривя душой: – Он... заглядывался на мою девушку. Так что... я его не убивал, и не стал бы это делать, но я... не горюю о его смерти.

– Угу, – кивнула Герти, удовлетворенная таким объяснением.

– А кто-нибудь, кроме Карсона, приезжал сюда? Например, Ник Брант? Или, может, присылал письма?

– Нет, – качнула головой Герти, – этот твой Карсон, – она, наконец, произнесла фамилию правильно, – единственный, кто разыскал нас за все это время. Ну и ты вот теперь.

Не желая следующего закономерного вопроса – "А тебе-то что было нужно от Эдвина?" – Малколм предпочел сменить тему.

– А ваша мать...

– Умерла два года назад. Уже не в том заведении, куда ее устроил Эдвин – когда его деньги кончились, ее перевели... не на улицу, само собой, сейчас не XIX век, есть всякие социальные программы... Она уже, конечно, не знала, что с ним случилось... со всеми нами.

"Да, – подумал Малколм, глядя на сорокалетнюю женщину, выглядевшую, как старуха, – трудно поверить, как можно деградировать всего за несколько лет. Хотя, вероятно, пить и курить она начала еще раньше... но в последние годы это, похоже, стало основным ее занятием."

– Если надеешься напроситься на ужин, – пробурчала Герти, по-своему интерпретировав его взгляд, – то напрасно. Это моя последняя курица, и я не могу позволить себе кормить гостей.

– Нет-нет, – поспешно откликнулся Малколм и тут же почувствовал, что и в самом деле проголодался – с утра у него во рту не было ничего, кроме легкого самолетного завтрака. – Я поеду. Туалетом-то можно воспользоваться?

Он уже был готов к тому, что она предложит ему сходить в кусты, "чтобы сэкономить воду", но Герти лишь указала окровавленной рукой на заднюю дверь:

– Туда и сразу налево.

Вернувшись через пару минут (вода и даже мыло, чтобы вымыть руки, оказались в наличии, но полотенце было настолько грязным, что пользоваться им Малколм не рискнул), он сообщил хозяйке:

– У тебя там, похоже, лампочка перегорела.

– Тебе что – окна мало? – тесная ванная и в самом деле освещалась маленьким окошком под потолком.

– Да нет, просто предупреждаю.

– Это не лампочка, – буркнула Герти. – Электричества нет во всем доме.

– Как так? – удивился Малколм. – Авария?

– Отключили. Я не плачу за него уже полгода.

– Но... как же можно жить без электричества? – растерялся юноша. Для него самого это было почти равносильно предложению жить без воздуха. Пусть даже у нее нет компьютера и интернета, но...

– Так, как наши предки жили веками, – отрезала Герти.

– Да, но... а как же холодильник? – он кивнул на громоздкий агрегат со скругленными углами за спиной хозяйки. Судя по дизайну, тот был заметно старше самого Малколма.

– Теперь это просто шкаф. На самом деле, он сдох еще раньше.

– Н-ну ладно... – Малколм направился к другой двери, собираясь навсегда покинуть эту вонючую дыру. – Там на дороге напротив твоего дома какое-то мертвое животное, – зачем-то сказал он.

– Знаю, – мрачно ответила Герти. – Это Цербер. Глупый пес. Здесь проезжает, наверное, не больше пары грузовиков за день, и надо же было ему погнаться за кроликом прямо под носом

одного из них! Кролик, кстати, спасся. Хренов кролик, – она помолчала и добавила, не глядя на Малколма: – Тебе повезло, что это случилось сегодня утром. Цербер бы тебя порвал, как только ты перелез через ворота. Вообще-то я завела его именно для этого. После визита твоего Карсона.

– Так ты видела, как я... вошел?

– Нет, я была в курятнике. Только когда вернулась на кухню, увидела твою машину в окно. Но вряд ли ты мог попасть во двор другим способом.

– Ну ладно, – вновь произнес Малколм. – Хорошего дня.

Эта ритуальная прощальная фраза прозвучала явно издевательски – что, впрочем, его вполне устраивало. На пороге, однако, Малколм вновь обернулся, решив уточнить кое-что еще:

– Кстати, Герти, а у тебя самой не бывает кошмаров?

– Кошмаров? – усмехнулась она. – Вся моя жизнь – один затянувшийся кошмар.

Два часа спустя, уже без всякой спешки и без приключений, Малколм вернулся в Джексон. Вопреки его опасениям, он управился со своим делом в Миссисипи очень быстро, и, значит, ему предстояло торчать здесь еще больше суток в ожидании ночного рейса домой. Малколм решил, что субботний вечер просидит в интернете в аэропорту и переночует в машине, а в воскресенье осмотрит какие-нибудь местные достопримечательности. В конце концов, когда еще он окажется в столице Миссисипи? Может быть, что и больше никогда.

Примостившись возле ближайшей розетки в зале ожидания, Малколм воткнул ноутбук и, дождавшись коннекта с аэродромным wi fi, занялся тем, что не успел проделать накануне – сбором информации о Кевина Браунфилде. Оказалось, что секретарю братства и куратору Рика 23 года, то есть он не был тридцатилетним студентом и не мог знать ни Джессику, ни ее убийц. Малколм убил несколько часов, чтобы проштудировать его блог от поздних записей к ранним вплоть до дня поступления Кевина в университет – Браунфилд оказался активным блогером; особенно внимательно, с просмотром не только личных постингов Кевина, но и комментариев, оставленных им на страницах его сетевых друзей, Малколм изучил два периода – с конца сентября по конец ноября 2013 (то есть с момента вступления Кевина в "Фи Дельта Омега", о чем он сам гордо писал, до смерти Карсона) и последние дни, когда Кевин узнал о самом Малколме. Само собой, в 2013 Браунфилд был лишь первокурсником-неофитом и не мог быть допущен ни к каким страшным тайнам братства – но как знать, что могли ему поручить старшие товарищи? Вдруг он каким-то образом все же причастен к гибели Карсона – допустим, не убивал его непосредственно, но предварительно следил за ним? А потом пришел в ужас, узнав, чем все кончилось, но ему сказали "держи рот на замке, теперь ты повязан как соучастник"... Хотя, очевидно – тут же возразил себе Малколм – для слежки за Карсоном было бы логичней использовать парня, учившегося вместе с ним, а не с другого факультета. А лучше всего, конечно – соседа по комнате. Соседом Браунфилда был не Карсон, а некий Чен Вон.

В итоге ничего подозрительного во всех этих записях так и не обнаружилось. Малколм, конечно, не ожидал, что Кевин, если он и причастен к чему-то противозаконному, станет писать об этом в открытую, но надеялся найти хотя бы какие-то намеки, пусть и сами по себе вполне невинные. Однако Кевин ничего не писал (равно как и не репостил чужие записи) ни о смерти Карсона, ни о событиях прошлых лет – гибели Джессики и судьбах ее убийц. Что, конечно, еще не означало, что он не читал написанное другими и не обсуждал это приватными средствами...

Малколм отложил ноутбук на сиденье и потянулся. Мимо прошла мать с ребенком, который сосредоточенно жевал, периодически запуская руку в большой пакет с чипсами, и Малколм снова почувствовал, что хочет есть. Он проверил через интернет остаток на своей карточке. Ну да, заправить полный бак перед сдачей машины должно хватить, как он и рассчитывал, а вот на еду уже вряд ли. Все, что он может себе позволить – бесплатная вода из питьевого фонтанчика. Проклятье, он рассчитывал на свои наличные... В норме эти тридцать долларов позволили бы ему протянуть в режиме строжайшей экономии до очередного пополнения счета. Потом, правда, все равно пришлось бы экономить, и он не смог бы выплатить

долг по кредитке сразу, пришлось бы делать это по частям и с процентами – но, по крайней мере, была надежда обойтись ежемесячно выделяемыми ему суммами. А теперь придется просить отца сделать внеочередной перевод, чего Малколму ужасно не хотелось. Не то чтобы его отец был скуп, но Малколму не хотелось выслушивать очередную лекцию на тему ответственности и дисциплины. "Когда я учился в университете, я по ночам развозил газеты, семь дней в неделю, а по выходным еще работал в кафе. Я не хочу для тебя такой же участи, я хочу, чтобы ты мог полностью сосредоточиться на учебе. Но тратить деньги, которые ты не заработал сам, очень легко. И я прекрасно понимаю, сколько в городе соблазнов для молодого парня, впервые вырвавшегося из-под родительского присмотра. Как может хотеться шикануть перед девушкой или перед приятелями. Но ты должен помнить..." и т.д. и т.п. Но просить придется, деваться некуда. Конечно, лучше сделать это e-мэйлом, чтобы избежать разговора – но ведь ничто не помешает отцу позвонить самому с вопросами, на что у Малколма ушли все деньги. "Пап, я тут на выходных слетал в Миссисипи, чтобы расследовать убийство десятилетней давности" – вот уж что Мартинсон-старший будет просто счастлив услышать!

"Привет пап, тут какие-то технические глюки с моей картой. Я звонил в банк, они обещали разобраться, но пока она заблокирована. Можешь пока перевести мне хотя бы \$50?"

Он нажал "отправить", так и не придумав ничего лучшего. Но сейчас выходные, и деньги наверняка придут только в понедельник. Значит, ему придется поститься еще больше суток, до кормежки в самолете – да и там удовольствоваться одиноким сэндвичем, слишком короткий рейс для полноценного ужина. Вот ведь хорошо устроились эти авиакомпании – вместо прямого длинного рейса короткие с пересадками, на каждом из которых кормить вроде как и не надо... И какой идиот сказал, что от любви пропадают сон и аппетит? Впрочем, большинство популярных высказываний о любви сделаны именно идиотами...

Малколм вновь полез в интернет, дабы определить свою программу на завтра. Какие там достопримечательности имеются в этом Джексоне? Ну, музеи, видимо, отпадают, там наверняка плата за вход... тогда парки. Пожалуй, парк "ЛеФлёр'з Блафф" вполне подойдет, чтобы провести там воскресенье. Озеро, река, тропинки в лесу и все такое. Здесь же – музей естественной науки, посвященный местной флоре и фауне, но вход туда стоит \$6... Ладно, хватит ему и той флоры и фауны, что в парке.

Приняв это решение, Малколм сунул в сумку ноутбук и отправился к оставленному на ближайшей бесплатной парковке "Джипу", чтобы провести ночь на откинутах назад сиденье. Со сном у него все оказалось так же нормально, как и с аппетитом.

Следующий день он провел так, как и планировал – с утра пораньше поехал в парк, где неспешно бродил по туристическим тропинкам, сидел на берегу и валялся на траве, наслаждаясь возвращением в лето. Мысли о еде его практически не беспокоили – достаточно было держаться подальше от заведений, где ей торговали. Жаль было только, что Джессика не может составить ему компанию! Ей бы, наверное, понравилось изогнувшееся подковой озеро Мэйес и крутой берег Перл Ривер, в честь которого парк получил свое название... Интересно, сможет ли он показать ей во сне сделанные на мобильник фото? Надо будет попробовать...

В 5:48 вечера он подрулил к прокатной конторе и благополучно вернул "Джип". После того, как он залил полный бак (найдя через интернет самую дешевую заправку в округе), у него еще остался доллар и двенадцать центов до кредитного лимита. Все, что он смог купить на эти деньги – пакетик чипсов, который скорее распалил, чем утолил его аппетит.

Теперь ему предстояло торчать в аэропорту еще шесть часов, и он, разумеется, снова полез в интернет. Ответа из дома не было – возможно, родители тоже куда-нибудь уехали на выходные, но звонить Малколму по-прежнему не хотелось. Кажется, он уже вполне убедительно врал посторонним, но насчет собственного отца все еще не был уверен. Раньше понедельника он денег в любом случае не получит... Итак, что еще он может узнать из сети? Трое из четырех убийц Джессики мертвы, а Брант словно растворился после того, как сел в тюрьму. И, кроме

Бранта, остается еще одна таинственная фигура – человек, уничтоживший имя Тревора. Не могли именно он, а не Каттеридж и не Брант, организовать убийство Хастингтона? Не мог ли именно он втянуть в это дело Карсона, дабы разыскать остальных виновников смерти Джессики – а затем, быть может, ликвидировать и его, на этой самой скамейке? Потому ли, что Карсон не справился, или узнал что-то лишнее, или... сам проникся к Джессике чувством, на которое отнюдь не рассчитывал его заказчик? Тогда этот таинственный обожатель может быть вовсе не союзником Малколму, а наоборот – представлять опасность и для него самого, особенно если застучает его ночью спящим на скамейке Джессики. И, быть может, тот велосипедист, которого Малколм видел из засады в кустах, был вовсе не Кевином... Возможно ли такое – человек, способный на убийство из ревности через десять лет после смерти девушки? Почему бы и нет, особенно если он *знает* о Джессике (хотя ей он, разумеется, не нужен – ей нужен Малколм, она сказала об этом совершенно ясно!) И особенно если он ликвидировал имя Тревора только сейчас потому, что что-то мешало ему сделать это раньше. Например – он лишь недавно вышел из тюрьмы.

Или из психушки.

Увы – проверить эти версии через интернет было невозможно. Не было никаких зацепок, позволяющих сформулировать поисковый запрос.

Так и не придумав ничего полезного, Малколм принялся бесцельно бродить по интернету с целью убить время. Благо в сети это всегда не сложно – достаточно начать читать чей-нибудь блог или зайти на youtube... И лишь когда, наконец, радиоголос объявил о начале регистрации на его рейс, Малколм вспомнил о своем "гарантийном письме" Рику.

Он поспешно зашел на почтовый сайт, чтобы отменить его отправку. Но список писем, ожидающих отсылки, оказался пустым. Малколм не поверил своим глазам и перезагрузил страницу. То же самое. Что за черт, неужели он забыл кликнуть какой-нибудь финальный "ОК" и так и ездил без страховки? И если бы его, к примеру, загрыз покойный Цербер, его смерть так и осталась бы неотомщенной... (Малколму живо представилось, как Герти волочет его труп за ноги на кухню, приговаривая, что в человеке мяса гораздо больше, чем в курице, а она не может позволить себе покупать еду в магазине... и ведь ей бы, скорее всего, это и в самом деле сошло бы с рук! Отключить его мобильник, загнать прокатный "Джип" в сарай, и никто бы никогда не стал искать его там.) Но нет, не может быть, он хорошо помнит, что довел все до конца, да и иначе неотправленное письмо осталось бы в черновиках... С нехорошим предчувствием Малколм ткнулся в "отправленные".

Ну точно. Письмо было отправлено еще в полдень.

Малколм понял, как это случилось. Он слишком торопился, курсор мышки дернулся, и вместо понедельника он кликнул на воскресенье¹². Недаром отец говорил ему ничего не делать в спешке, а особенно когда имеешь дело с техникой... И, стало быть, Рик получил письмо полдня назад. И что теперь? Малколма уже ищет полиция? Будет ли это считаться ложным вызовом? Подставил ли он только Рика, или себя тоже?

Так, спокойно, сказал себе Малколм. Никакая полиция его не ищет. Уж наверное первое, что они попытались бы сделать – дозвониться до него по телефону. (Малколм проверил пропущенные звонки. Их не было.) Он ведь сказал Рику – "если я не вернусь в понедельник"! Понедельник еще не наступил и уж тем более не кончился. Еще ничего не поздно исправить...

"Рик,

У меня все в порядке, я лечу домой. Я случайно отправил тебе письмо на день раньше, просто сотри его. Все это уже неактуально, тот парень оказался просто психом и умер в психушке 3 года назад."

Малколм навел курсор на "отправить" и остановился. После всего, что он наговорил

12 В американских календарях неделя начинается с воскресенья, поэтому это соседние клетки

Рику, что тот должен подумать, получив такое послание? Что оно написано под дулом пистолета, а возможно – и не Малколмом вовсе. Позвонить ему голосом? И услышать в ответ: "Какого хрена, уже полночь, завтра вставать к первой паре..." Ну это-то ладно, хуже, если он и звонок интерпретирует как сделанный под дулом пистолета. А главное... ну да, телефон соседа Малколм так заново и не выяснил. Только e-мэйл.

И кроме того – вот он сам как бы поступил бы на месте Рика? Ну, может, в полицию бы и не кинулся, но – разве удалил бы, не читая, письмо, содержащее некие зловещие секреты? Нет, конечно же. Стал бы изучать содержащуюся там информацию просто из любопытства, и аргументы "да это просто псих, дело закрыто" его бы не убедили. Да и времени на то, чтобы все прочитать, у Рика уже было достаточно...

Ладно. Что сделано, то сделано. Да и, даже если Рик прочитает архив Карсона – ну и что? Он даже не поймет, что это имеет отношение к Джессике, ее имя не упомянуто там ни разу! Хотя, конечно, пароль "Jessica+Tom"... ну и что, мало ли на свете Джессик... и в любом случае, о *самом главном* Рик уж точно не узнает никак.

"Увидимся в пон." – добавил Малколм и нажал "отправить".

Пройдя регистрацию, он уселся ждать посадки возле большого окна, входящего на летное поле. Почему-то зрелище ночного аэродрома с пунктирами синих и желтых огней в темноте вызвало у него некое тоскливо-щемящее чувство. Хотелось поскорей оказаться дома. Причем дома по-настоящему, а не в общаге с Риком.

Наконец к воротам шлюза вышла девушка в форме авиакомпании, и пассажиры начали подниматься, собираясь идти на посадку. Малколм остался сидеть – его всегда поражала эта стадность. Зачем вскакивать и толпиться у выхода, если это не ускорит вылет ни на минуту, а все места заранее указаны в посадочных талонах? Почему спокойно не посидеть, пока рассосется толпа?

Но девушка сказала вовсе не то, что ожидали услышать пассажиры.

– Леди и джентльмены, прошу внимания. К сожалению, нам необходимо освободить два места на борту для сотрудников, вылетающих в Шарлотту. Пассажиры, которые согласятся уступить свои места, смогут вылететь следующим рейсом и получат дополнительно денежную компенсацию за неудобство в размере половины стоимости билета.

При словах "денежная компенсация" Малколм чуть не вскочил с криком "Я! Я!", пока эту возможность не перехватил кто-нибудь другой. Но прочие пассажиры, похоже, вовсе не разделяли его энтузиазм. Напротив, они недовольно загудели, и Малколм сообразил, что нет нужды хвататься за первое же предложение – может быть, дальше последует еще лучшее.

И действительно, проконсультировавшись с кем-то через переговорное устройство, сотрудница компании предложила полную стоимость. Даже и эта идея не вызвала энтузиазма у вылетающих ночным рейсом и рассчитывавших, вероятно, утром быть на работе, но тут уже Малколм поднялся и поднял руку. Следом за ним это сделал какой-то чернокожий парень.

Малколму переоформили билет (вылет в 5:30, рейс через Атланту) и вручили чек. Устраиваясь на ночлег в жестком пластиковом аэропортовском кресле (конечно, куда менее удобном для сна, чем самолетное или автомобильное), он думал, как ему повезло. Теперь не придется ничего объяснять отцу и жить в режиме строгой экономии. Конечно, ему компенсировали полет в один конец, а не туда и обратно, но это уже вводит его расходы в допустимые пределы. И вообще, если вдуматься, во время этой экспедиции ему везло несколько раз. Ему хватило денег – впритык, но хватило. Он ни во что не врезался, вылетов с дороги из-за останков Цербера. А сам Цербер, в свою очередь, сдох исключительно вовремя – вряд ли, конечно, он бы загрыз непрошеного гостя насмерть, но покусать вполне мог. И вот теперь еще и компенсация расходов на билет!

Ни в судьбу, ни в какие-либо высшие силы Малколм никогда не верил. И все же в его засыпающем мозгу мелькнула мысль: "Спасибо, Джессика..."

Авиакомпания не преподнесла никаких новых сюрпризов, и Малколм прилетел назад по расписанию – если не считать того, что это произошло на шесть часов позже, чем он планировал изначально. Тем не менее, у него еще был шанс успеть в университет к третьей паре. У него была, правда, мысль не ходить туда вовсе, раз уж случилась такая задержка – подумаешь, еще пара пропущенных занятий – но он решил, что лучше все-таки перехватить Рика в университете, дабы тот не отправился после учебы напрямик в полицию. Еще в Атланте, проверив интернет, Малколм убедился, что отец перевел ему запрошенные полсотни, избавив его при этом от реплик в стиле "надеюсь, ты тратишь деньги не на травку" – так что, хотя он еще не обналичил чек, ему было чем заплатить за такси. Водитель, смуглый молодой парень откуда-то, скорее всего, из Индии или Пакистана, вошел в положение опаздывающего на семинар студента и домчал его не без лихости, вихрем проносясь на желтый свет.¹³ Тем не менее, когда Малколм, тяжело дыша после спринтерского забега от общаги, где он прихватил свои тетради, до аудитории (он ненавидел бегать, да!), распахнул дверь, занятия уже две минуты как начались.

– А, вот и мистер Мартинсон, – холодно приветствовал его математик. – Очень любезно с вашей стороны, что вы все-таки почтили нас своим присутствием. Надеюсь, вы готовы к контрольной?

"Контрольная?" – чуть было не пробормотал растерянно Малколм, но тут же сделал уверенное лицо:

– Да, разумеется.

Преподаватель вручил ему листок с заданиями, и Малколм пошел на свободное место, по пути встретив взгляд Рика и показав ему "окей". Ему показалось, что Рик взглянул на него с облегчением. Неужели и в самом деле беспокоился?

Первый пример Малколм решил быстро – эта тема разбиралась в начале года, он ее хорошо помнил. Но уже второй заставил его глубоко задуматься. Что-то такое было на лекции... он смутно помнил слова преподавателя, доносившиеся, пока он лазил по интернету... но... что-то там про предельные переходы... кажется...

"Ладно, Джессика, – Малколм прикрыл глаза в ожидании ответа. – Как это решать?"

Ответа не было. Невыученное правило не возникало в его голове.

"Джессика, ну пожалуйста! Я помню, что ты не любишь списывания и всего такого... я в общем-то тоже... но, в конце концов, я ведь ездил по твоим делам!"

Бесполезно. Он по-прежнему знал не больше, чем может знать студент, прогуливающий занятия или же присутствующий на них физически, но не ментально. Хотя теперь его это удивляло.

Малколм с тоской посмотрел на третий пример в надежде, что тот окажется легче. Затем на четвертый...

Дойдя по десятого и последнего, он вздохнул, надвинул на плечо сумку и пошел со своим почти пустым листком к преподавателю.

– Уже, Мартинсон? – во взгляде профессора явственно читалась насмешка.

– Мне... надо срочно к врачу... я, кажется, отравился за завтраком... – выдавил из себя Малколм.

– Как печально, – издевательски покивал математик, очевидно, не поверивший ни единому его слову. – В таком случае, не смею вас задерживать. Пересдача будет в конце семестра.

"Джессика, почему?! За что? Что я сделал не так? Я думал, у нас все хорошо..."

Он не остался в универе, даже чтобы пообщаться с Риком. По правде говоря, этого ему сейчас в особенности не хотелось. Довольно и того, что сосед, и без того узнавший больше, чем следовало, увидел его целым и невредимым.

¹³ По американским правилам это допустимо, хотя осторожный водитель предпочтет остановиться.

И вот он сидел в парке, вновь просвеченном насквозь осенним солнцем, пусть и не таким жарким, как в Миссисипи, и задавал обиженные вопросы, зная, что настоящие, не придуманные ответы на них сможет получить лишь после заката и лишь после того, как заснет. Впрочем, с последним, кажется, проблем не предвиделось даже и без снотворного – этой ночью он так и не выспался толком ни в зале ожидания, ни в полете и уже несколько раз принимался клевать носом. Это было хорошо, это помогало сократить ожидание... Думал Малколм и о том, что ночью в пустом парке ему, спящему, может угрожать не только Кевин или еще какой-нибудь хранитель мрачных тайн Фи Дельты, но и неведомый (возможно – безумный) соперник. Но эта гипотетическая опасность как-то не особенно его пугала. Куда больше его волновало, на что обиделась Джессика. Разве все, что он делал, не было ради нее? Разве он не заслужил благодарности?

Когда солнце, наконец, опустилось в облака над западным горизонтом – до темноты, по прикидкам Малколма, оставалось еще минут сорок-пятьдесят – он, предупредив Джессику о своих намерениях, поднялся и неспешно побрел в сторону аллеи. Он не хотел, чтобы в сумерках кто-то застукал его здесь готовящимся ко сну – необязательно даже враг, возможно, припозднившийся случайный прохожий. Малколм дошел по аллее почти до выхода, словно благонамеренный гуляющий, возвращающийся домой – а затем, оглянувшись по сторонам и удостоверившись, что его никто не видит, нырнул в кусты и направился обратно по идущей вдоль воды тропинке. Земля все еще была сырой после субботних дождей, но по тропинке уже можно было пройти, не промолив ноги. Добравшись уже в темноте до того места, откуда некогда следил за Памелой, Малколм остановился и некоторое время наблюдал из укрытия за скамейкой и окрестностями при свете висящей в небе над озером половинки луны. Но местность оставалась совершенно безлюдной, как ночному парку и положено, и Малколм, наконец, подошел со своим рюкзаком к скамейке, разложил на сиденье спальный мешок и полез внутрь.

Нож снова был у него под рукой.

Некоторое время он лежал с открытыми глазами, глядя на луну. Половина, возможно, не столь романтична, как полная, но в подзорную трубу именно в этой фазе луна представляет собой самое интересное зрелище. Длинные тени лунного утра четко подчеркивают каждую деталь рельефа, все эти великолепные кратеры, горы и впадины. Жаль, что его 50-кратная труба осталась дома. Что бы, интересно, сказал Рик, увидев его с подзорной трубой? Наверняка какую-нибудь пошлую глупость про подглядывание в окна девчонок. Какие люди все-таки идиоты...

– Откуда мне знать твой матан?

Голос Джессики впервые прозвучал... ну, не то чтобы сердито, но – недовольно. Малколм поспешно сел на скамейке, глядя на девушку. Ее глаза и волосы блестели в лунном свете, и Малколм подумал, что она прекрасна, даже когда сердится.

– Я же училась на медицинском. У нас там всей математики – один семестр. Самый минимум, многие в школе учат больше.

– Джессика, я идиот! – искренне воскликнул Малколм, едва удержавшись от того, чтобы шлепнуть себя ладонью по лбу. – Ну конечно же! Химия – это одно, а математика – совсем другое! Как я мог об этом не подумать?! Прости меня, пожалуйста. Я больше никогда не подумаю о тебе плохо.

– Я не богиня, Малколм, – печально произнесла Джессика. – Я не всеведуща и не всемогуща. А вот ты, по-моему, слишком легко раздаешь обещания.

– Я всегда держу свое слово, – запальчиво возразил он.

– Например, когда пообещал, что мы увидимся вечером, а мне пришлось ждать тебя три дня?

– Ой, – вырвалось у Малколма. Он только сейчас вспомнил эту фразу, легкомысленно брошенную в пятницу утром. У него мелькнула мысль ответить "Ну я ведь не сказал, вечером какого дня", но он тут же сообразил, что Джессика сейчас не оценит его юмор. – Но ведь пошел

дождь, – сказал он. – А потом, я ведь занимался твоим делом.

– А разве я просила тебя об этом? Я просила тебя совсем о другом – быть со мной.

– Прости, – снова пристыженно пробормотал Малколм.

– Я не говорю, что ты должен приходить в дождь, или когда ты болен, или когда тебе мешает что-то еще. Просто не давай обещаний, если не уверен, что сможешь их выполнить. Это же так просто.

– Если я скажу "не буду", ты опять скажешь, что я слишком легко даю обещания? – все же позволил себе улыбнуться Малколм.

– Надеюсь, ты не дашь мне повода, – улыбнулась она в ответ, но ее лицо тут же снова стало серьезным. – Я ждала... так долго. Ты не представляешь себе, что это такое. Никто *там у вас* не представляет. И я не хочу, чтобы... снова. По правде говоря, я так боюсь этого, Малколм. И даже если тебя нет только три дня...

– Понимаю, Джесс. Прости, что заставил тебя ждать. Но я думал, ты знаешь, где я и что делаю. Ты ведь можешь слышать меня не только с этой скамейки?

– Ну в принципе да... но это такая же разница, как между разговором глаза в глаза и отправкой SMS. Которое к тому же не всегда доходит. А если и доходит, то... ты ведь понимаешь, что в SMS человек может написать, к примеру, "я тебя люблю", а думать при этом – "да пропади ты пропадом, надоела!" И по SMS никогда этого не узнаешь.

– Я люблю тебя, Джессика, – сказал Малколм, глядя в ее глаза, отражающие половинки луны. – И это не SMS.

"Неужели я это сказал? – подумал он с удивлением. – Вот так просто! У меня даже не участился пульс."

– И я тебя, Малколм, – ответила она. – Но ты ведь это уже знаешь.

"Да, – подумал он. – Эти слова были бы ужасно пошлыми, если бы подавались, как некое невероятное откровение. Когда все всё знают, но до последнего делают вид, что это не так. Ложь и лицемерие во всем. А у нас – это просто констатация факта. Нормального состояния дел. И главное – без всякой грязи, которая следует за этими словами у них всех!"

У него мелькнула мысль, может ли он во сне прикоснуться к ней. Нет, никаких мерзостей, конечно – просто взять ее за руку. И будет ли эта рука теплой или холодной. Скорее, последнее, судя по тому, что она сидела в холодном ночном парке все в той же футболке и джинсах (Малколм уже понял, что она будет одета так всегда). Но он не стал проверять. Это по-прежнему было лишнее, даже если сон и давал такую возможность. Прекрасные картины и скульптуры существуют не для того, чтобы их трогать пальцами, верно? Как и прекрасное в природе – закаты, горы, цветущие сады... И души... какой бы смысл ни вкладывать в это слово... тоже.

Вероятно, законы жанра требовали, чтобы он понес теперь какую-нибудь романтическую чепуху – например, про луну, отражающуюся в озере и в ее глазах, про звезды, подобные светлячкам (а вовсе не гигантским термоядерным взрывам, продолжающимся миллиарды лет в космической пустоте), и т.д. и т.п. Но Малколм оставался Малколмом. Он презирал бессмысленную болтовню и был уверен, что Джессика в таковой тоже не нуждается.

– Так ты знаешь, зачем я ездил в Миссисипи? – предпочел уточнить он. Джессика не дала немедленного ответа – не остановила его, не подала знак, что эта тема запретна – и он продолжил: – Эдвин Каттеридж мертв, – он тут же подумал, что это прозвучало, как признание в убийстве, и поспешил добавить: – Уже три года.

– Я знаю, – ответила она, на миг безглаголиво наморщив нос. – Как и его мать. А его сестра скоро умрет.

– Отчего? – оторопел Малколм не столько от самого утверждения -. Герти, безусловно, не отличалась здоровым образом жизни, и по ней это было прекрасно видно – сколько от безапельяционности тона.

– Рак легких. Хотя она еще не знает об этом.

– Ну да, она дымит, как паровоз... – согласился Малколм, но, пораженный новой мыслью, пристально взглянул на девушку: – Джессика, но ты ведь не хочешь сказать, что это ты... каким-то образом...

– Люди постоянно делают свой выбор, – холодно ответила она. – Всегда сами. Никто другой их заставить не может. Максимум – предложить варианты, но выбирают они всегда сами. И сами несут ответственность за последствия своего выбора.

– Ну, Эдвин, конечно, заслужил... – Малколм опять сделал паузу, но ни возражений, ни уточнений не последовало, – но его родные?

– А кто, по-твоему, воспитал его таким, каким он вырос?

"Ну да, – вспомнилось Малколму, – Герти говорила, что практически заменяла ему мать..."

– Так это все-таки ты? Устроила им это все?

– Ты сам сказал – Гертруда дымит, как паровоз, – усмехнулась Джессика. – И пьет, не просыхая. Но рак убьет ее быстрее цирроза. Это был ее выбор.

– А болезнь Альцгеймера? Разве это выбор?

– А это – ответственность за последствия выбора.

– А поврежденный позвоночник Бранта... тоже?

– Никто не заставлял его съезжать с той горы, – пожала плечами Джессика. – По трассе высшей категории опасности. Но ему надо было показать, какой он крутой. Покрасоваться перед девчонками.

"По сравнению с остальными он очень легко отделался, – подумал Малколм. – Всего лишь конец спортивной карьеры. Даже не остался на всю жизнь в инвалидном кресле. Впрочем... тогда бы он внушал сочувствие. А сейчас – презрение. Хотя красть секреты своей компании и изменять жене его тоже никто не заставлял."

– А Карсон? – спросил Малколм вслух. – Ты ведь знаешь, о ком я? Парень, умерший на этой самой скамейке? Что сделал он? Он ведь, как я понимаю, старался тебе помочь...

– Малколм, – поморщилась Джессика, – неужели у нас нет более интересной темы для разговора, чем человек, не сдержавший свое слово? После того, что мы... только что сказали друг другу, ты выбрал... довольно странный предмет для обсуждения.

– Извини, – поспешно сказал он. – Я совсем не хотел тебя расстраивать. Пусть они все горят в аду.

Он произнес эти слова, как расхожее клише, и вдруг задумался об их буквальном значении, вспомнив, что говорит с девушкой, которая, вероятно, знает на эту тему больше, чем кто-либо из живых. В библейский ад он по-прежнему не верил, но – кончились ли проблемы обидчиков Джессики вместе с жизнью (как, вероятно, надеялись по крайней мере двое из них, стремившиеся покончить с собой любой ценой), или же стали только преамбулой к *настоящему* наказанию?

– Не хочу о них говорить, – еще раз подтвердила Джессика. – Тем более с тобой. Ты ведь совсем не такой, как они.

– Конечно, – энергично согласился Малколм. – Знаешь, в Джеконе в Миссисипи красивый парк. Я сделал фотки и хочу тебе показать, но не знаю, получится ли...

Он полез в рюкзак за ноутбуком, куда уже успел сбросить фото с мобильного. Развернул экран, ткнул кнопку – компьютер пробудился из спящего режима, как обычно, и Малколму подумалось, что это забавно, учитывая, что все это происходит во сне. На сей раз Малколм отдавал себе отчет, что спит, но, вопреки распространенному предрассудку, это вовсе не вело к пробуждению. Папка с фотографиями тоже оказалась на месте. Интересно, подумал Малколм, что такое эти файлы в действительности? Он каким-то образом во сне получает доступ к реальному компьютеру? Или же его мозг просто облакает в привычные образы его

воспоминания, позволяя таким образом транслировать их Джессике?

Джессика повернула голову, заинтересованно глядя на монитор. Но Малколм подумал с досадой, что экран лэптопа все же слишком мал. Но разве это не его сон? Почему бы не вообразить, что прямо тут на берегу стоит, к примеру, плазменная панель?

Малколм попытался, но никакая панель из воздуха не материализовалась. Он попробовал еще раз, для верности закрыв глаза. Безрезультатно.

– Что-то не так? – спросила Джессика.

– Хочу организовать для тебя экран покрупнее, – ответил он с извиняющейся улыбкой, – но что-то не выходит.

– Сейчас, – сказала Джессика, и мгновение спустя со стороны аллеи донесся шум мотора. Малколм повернул голову и сперва ничего не увидел, а затем между деревьями возник темный силуэт, и к скамейке медленно подъехал большой угловатый фургон, почему-то с выключенными фарами. В темноте он казался черным, но Малколм не сомневался, что на самом деле он коричневый – света луны хватало, чтобы различить на борту характерную эмблему "UPS". Машина остановилась, и из кабины без дверей выбрался водитель в форменной одежде.

– Малколм Мартинсон? – осведомился он не слишком разборчивым голосом; кажется, он что-то жевал. – У меня для вас посылка. Не можете выгрузить? – не дожидаясь ответа, он повернулся и пошел к двери кузова.

– Да, конечно, – ответил Малколм ему в спину и пошел следом. Водитель забрался в кузов, и оттуда в руки Малколму высунулся торец огромной, но при этом почти плоской картонной коробки. "Осторожно, тяжелая!" – глухо донеслось из темноты кузова.

Это оказалось истинной правдой. Малколм, изо всех сил стараясь не разжать пальцы, сделал несколько мелких шагов назад, волоча свой край коробки, навалившейся на него чуть ли не всей тяжестью. Затем водитель выбрался из кузова, выровняв ношу и перехватывая ее поближе к юноше. И лунный свет упал на его лицо, оказавшееся всего в каком-то ярде от лица Малколма.

Глаз у водителя не было. Вместо них зияли два глубоких черных провала. Неестественно белая кожа лица была испещрена язвами, прободившими ее насквозь до кости. Из некоторых высывались шевелящиеся черви. И его рот был тоже полон червей.

У Малколма перехватило дыхание, и он только чудом не выронил коробку. "Ставим", – спокойно сказала это существо, глядя на юношу в упор пустыми глазницами, и несколько мелких червячков высыпались изо рта на его униформу. Малколм, словно автомат, послушно опустил коробку на землю. Водитель, так же опустивший свой угол, вернулся в кабину. Машина развернулась и уехала назад во тьму.

– Ну давай же, распаковывай! – услышал Малколм голос Джессики

"Сон, – напомнил он себе. – Это только сон..."

Тем не менее, освобожденная от упаковки плазменная панель выглядела удивительно реальной. К ней даже прилагалась инструкция и пакетики с проводами и переходниками, позволившие Малколму подсоединить ее к ноутбуку. Но, когда он нажал на кнопку, огромный экран остался черным.

– Ну разумеется, – пробормотал Малколм, поднимая из травы провод с вилкой на конце. – Воткнуться-то некуда.

Джессика заглянула под скамейку и тоже вытащила что-то оттуда.

– Это подойдет?

Это оказался провод удлинителя, уходивший куда-то в кусты. "Что у него на том конце, интересно? – подумал Малколм. – Здесь же на милое вокруг ни одного источника питания..." И тут же где-то за деревьями ритмично затарахтел дизель-генератор. Малколм вставил вилку в гнездо, и экран установленной прямо перед скамейкой панели осветился, демонстрируя первое фото.

– Уфф, – демонстративно выдохнула Джессика и улыбнулась. – Тяжело иметь дело с технарями. Какой-нибудь студент с факультета искусств просто щелкнул бы пальцами или взмахнул волшебной палочкой, и картинки появились бы в воздухе. А тебе, чтобы поверить, непременно нужно представить всю техническую цепочку в деталях.

– Ну да, я такой, – подтвердил Малколм не без нотки самодовольства. – Инженерное мышление. А вот это вот... черви... это было обязательно?

– Черви? – переспросила Джессика со странной интонацией – Ты видел червей?

– Хочешь сказать, что этот... водитель... то, что у него с лицом – это не твоя работа? На самом деле он ведь... не настоящий?

– Если ты перестанешь верить, что он настоящий, мы так и не сможем посмотреть картинки, – с напускной строгостью сказала она. – Но, Малколм, я совсем не пыталась тебя испугать! Если тебе привиделось что-то не то, то... это именно *ты* увидел его таким, – похоже, это почему-то ее обеспокоило, и она несколько секунд смотрела на него с тревожным ожиданием.

– Что-то не так? – спросил Малколм, не выдержав этого взгляда.

– А мое лицо... ты ведь видишь его.. нормальным?

– Твое лицо – самое красивое из всех, какие я когда-либо видел! – с чувством ответил он и прибавил: – Я понимаю, насколько избито это звучит, но это чистая правда. Заметь, я не говорю, что ты красивее всех в мире – это было бы очевидное вранье. То есть теоретически такое возможно, но такое суждение неправомерно в устах того, кто не видел всех девушек в мире, а стало быть, являлось бы безответственной болтовней. Но я говорю только о тех, кого я видел, и ни одна из них не произвела на меня такого впечатления – следовательно, мои слова можно принимать всерьез.

– Впервые слышу, чтобы комплимент доказывали, как теорему! – рассмеялась Джессика. – Ну а теперь мы все-таки посмотрим фотки?

И они стали смотреть фотографии, причем не только те, что Малколм сделал в Джексоне, а вообще все, что были на его ноутбуке. За свою недолгую жизнь Малколм не так уж много путешествовал, и в основном с родителями; но, помимо обычных детских поездок в Диснейлэнд, дельфинарий и тому подобные места, они с отцом объездили несколько авиационных музеев и побывали на авиашоу с "Синими ангелами", а также на большом шоу ретро-автомобилей. Малколм с удовольствием рассказывал Джессике о самолетах и автомобилях, не боясь, что девушке наскучит эта тема, тем более что она сказала, что ей нравятся старинные машины – они гораздо красивее современных. Также на ноутбуке Малколма хранилась коллекция космических пейзажей, скачанных из интернета. Любуясь картинками на большом экране, Малколм подумал, что этот мир сна, по сути, очень классное место. В реальной жизни его родители ни за что не купили бы такую дорогую панель. Не говоря уже о том, разумеется, что только здесь он может по-настоящему встречаться с Джессикой...

– Интересно, а кино мы так можем смотреть? – произнес Малколм вслух, когда картинки закончились.

– Почему бы нет. Если ты принесешь. Мне бы очень хотелось! Я так давно не смотрела... Новые "Пираты Карибского моря" уже вышли?

– Нет, в следующем году только обещают, – автоматически ответил Малколм, а затем сообразил: – Погоди, "новые" – это какие?

– Третьи.

– А, ну третьи-то конечно! Я про пятые.

– Принесешь в следующий раз?

– Обязательно. И третьи, и четвертые. Четвертые я и сам еще не смотрел. Не захотел, по правде говоря. Мне не нравится, что там от фильма к фильму все меньше связей с реальной историей и все больше дурацкой мистики. Пиратов из обычных морских разбойников

превратили в какой-то оккультный орден, занятый главным образом потусторонними делами. Но, конечно, если тебе такое нравится.. – он вдруг осекся, вспомнив, с кем говорит. У Джессики, несомненно, могло иметься свое мнение насчет "дурацких потусторонних дел".

– Ну конечно, все это не имеет никакого отношения к реальности, – легко ответила она. – Тем-то оно и замечательно.

Они болтали еще какое-то время, а потом Джессика вдруг сказала:

– Тебе уже пора. Скоро рассвет.

– Уже? – удивился Малколм. – Еще даже луна не зашла, – и только тут он осознал, что она не просто не зашла, а вообще не изменила своего положения на небе.

– Это... не настоящее время, – ответила Джессика. – Для нас с тобой оно может быть любым... но только пока там, у вас, не рассветет.

– Джессика, – поспешно произнес он, вспомнив о совершенно забытой им за минувшие часы угрозе, – а пока мы тут общаемся, ты можешь как-то чувствовать, что происходит... вовне? Видишь ли, мне кажется, есть человек... или люди... желающие помешать нашим встречам. Собственно, один раз это уже случилось. Ты сможешь предупредить меня, если кто-то из них снова зайвится сюда? Еще до того, как он сможет... до меня дотронуться?

– Да, я помню этого гадкого типа, – поморщилась Джессика. – Какое им дело?! Неужели они не могут оставить меня в покое даже теперь?! – она немного помолчала и спросила холодно-спокойным тоном: – Кто он такой?

На сей раз она сама задала вопрос, и у Малколма не было нужды уклоняться от неприятной для нее темы:

– Кевин Браунфилд, секретарь братства "Фи Дельта Омега". Он принял в братство Рика, моего соседа по комнате... хотя Рик, я думаю, тут ни при чем. Но может быть и еще кто-то. Какой-то парень, сидевший на твоей скамейке пару недель назад. Ты знаешь, кто это?

– На этой скамейке время от времени кто-нибудь сидит, – пожал плечами Джессика, – хотя и не очень часто. Но далеко не со всеми я могу установить контакт. Тут нужно... что-то вроде совпадения волны.

– Родственные души, – с улыбкой подсказал Малколм. При этом он понимал, что "родственные" не значит "тождественные". Скорее – подходящие друг к другу, как ключ и замок.

– Да, – откликнулась Джессика. – Наверное.

– Так тех, которые не родственные, ты не сможешь почувствовать? И предупредить меня, если что?

Джессика задумалась.

– Напрямую... если они мне совсем незнакомы... боюсь, что нет. Но через тебя – да. Ты можешь помочь мне настроиться. Вот этого Кевина ты можешь представить себе достаточно ясно? Он, кажется, до тебя дотрагивался?

– Если пощечина так называется, – сердито пробормотал Малколм. От этих слов у него словно бы снова вспыхнула щека. Он прикрыл глаза, и ему представилась долговязая фигура в шлеме, трясущая его за плечи. Представилась так ясно, что он нутром ощутил опасность и распахнул глаза.

Кевин стоял прямо за скамейкой и молча смотрел на них, одной рукой придерживая велосипед.

– Убирайся! – крикнул Малколм. – Оставь нас в покое! Это не твое собачье дело!

Он вспомнил о ноже. Тот остался в спальном мешке, и Малколм полез туда рукой, нашаривая свое оружие. Нож все никак не нашупывался, и Малколм сунул в мешок и голову. Почему-то – неужели из-за фонаря велосипеда? – там оказалось достаточно светло, и он сразу увидел черную рукоятку между складками материи. Малколм вынырнул из мешка с ножом в руке, но ни Кевина, ни Джессики уже не было.

По светлеющему небу медленно плыли подсвеченные розовым облака, отражаясь в

зеркальной глади озера. Малколм понял, что лежит на скамейке в своем спальном мешке, свернувшись в его теплом нутре. Однако его правая рука была выпростана наружу и действительно сжимала нож.

Малколм поспешно приподнялся и огляделся. На траве вокруг блестел иней, но не было никаких следов велосипедных колес. Как не было, конечно же, плазменной панели, провода или следов грузовика. Однако там валялся раскрытый ноутбук Малколма, похоже, свалившийся со скамейки. Ноутбук, который, когда его владелец укладывался на скамейку накануне, лежал в мягком чехле внутри застегнутого рюкзака... Юноша спрятал нож и поспешно поднял компьютер, опасаясь, что тот не пережил падение. Однако, стоило ему нажать кнопку, как черный экран ожил и продемонстрировал последнее изображение в папке фотографий. Индикатор заряда, правда, показывал, что батарея на последнем издыхании. Ну еще бы – они полночи рассматривали картинку...

Все-таки это был не совсем сон.

Скорее, действительно, что-то вроде сомнамбулизма, где сон и реальность соединяются. Так что надо быть во сне осторожнее с компьютером... и с ножом.

Но Кевин, видимо, все-таки был ненастоящий, подумал Малколм. Не более настоящий, чем тот... червивый водитель. Один – продукт его воображения, другой – его воспоминание. Получила ли Джессика теперь достаточно информации, чтобы вовремя предупредить его о появлении Браунфилда? Будем надеяться, что да. Хотя все еще остается тот, второй... который, конечно, не обязательно представляет угрозу и тем более не обязательно явится сюда ночью...

Малколм полностью выбрался из спальника в утренний холод и торопливо упаковал свое хозяйство в рюкзак, пока не появились первые любители ранних пробежек.

– Пока, Джессика. Если ничего не помешает, увидимся следующей ночью. Видишь, – улыбнулся он, – я уже не даю безответственных обещаний.

Он помолчал и повторил наяву то, что сказал во сне:

– Я люблю тебя.

Ему очень хотелось услышать ответ. Но он понимал, что для этого придется ждать ночи. Ждать еще целый день...

– Привет, детектив Мартинсон, – пробурчал сонный Рик, выходя в трусах из ванной ему навстречу. – Надо понимать, твое расследование еще не закончено?

– Привет, Рик, – ответил Малколм, игнорируя вопрос, и принялся стаскивать с себя куртку. До начала занятий еще оставалось время. Но от Рика, как обычно, было не так просто отделаться.

– Не буду, разумеется, оскорблять твою непорочность предположением, что ты провел ночь с девушкой, – продолжал тот, – так что, очевидно, ты до рассвета выслеживал убийц.

"Ты даже не представляешь, насколько ты неправ, – подумал Малколм, с трудом пряча усмешку, – то есть прав с точностью до наоборот. Хотя, разумеется, не в том грязном смысле, который ты имел в виду..."

– Тем временем черные мессы, кажется, больше не помогают? – продолжал Рик, вновь не дождавшись ответа. – Ты завалил вчерашнюю контрольную, не так ли?

– Слушай, это не твоё дело, – не выдержал Малколм.

– Ах, ну конечно. Как "Рик, ты моя последняя надежда, если я не вернусь, поднимай на ноги полицию", так это мое дело. Получить от тебя письмо со ссылкой на чертову кучу взломанных файлов и гадать, то ли ждать до понедельника, то ли и правда звонить копам, то ли это все вообще идиотский розыгрыш – это мое дело. А когда я хочу получить хоть какие-то объяснения...

– Рик, большое спасибо тебе, что согласился помочь, и извини за беспокойство. Как я уже сказал, ты вообще не должен был получать то письмо. Я просто ткнул мышкой не туда.

– И это все, что ты мне хочешь сказать?

– Остальное я уже сказал, – пожал плечами Малколм. – Каттеридж, к которому я ездил, оказался просто сумасшедшим, который покончил с собой в дурдоме еще три года назад. Так что лучше бы я и в самом деле готовился к контрольной вместо этой поездки. Но это уже мои проблемы. "Мои проблемы" звучит лучше, чем "не твое дело"? – хотя значит то же самое, добавил Малколм про себя.

– Но ты снова не ночевал дома. Уже после того, как вернулся.

"Я не ночевал дома с августа", – подумал Малколм, но вслух лишь произнес: – И что? Это опять-таки... мои проблемы.

– Просто я думаю... что это и в самом деле может быть твоими *проблемами*, – пробурчал Рик. – Чем дальше, тем меньше мне нравится эта история. В конце концов, несколько человек, учившиеся здесь и так или иначе связанные друг с другом, действительно умерли... необычной смертью. Все, кем интересовался Карсон, а также и он сам. Теперь мне уже не кажется, что это просто совпадение.

– Не все, – машинально возразил Малколм. – Брант, вероятно, жив.

– Так ты не знаешь? Он тоже умер. Через несколько месяцев после выхода из тюрьмы.

– Откуда ты знаешь? – разговор с Риком впервые стал интересным. – Я не нашел в интернете никаких сведений о его дальнейшей судьбе.

– Ха! – Рик расплылся в самодовольной ухмылке. – Не все проблемы решаются через "Гугл", детектив Мартинсон. Основа полицейской работы – общение с живыми людьми. Вас разве не учили этому в академии?

– Ты можешь не паясничать, а ответить на вопрос?

– Когда я изучил то, что ты прислал, я подумал, что Брант либо причастен к смерти всех остальных, либо сам тоже мертв. Просто, ну, знаешь, из соображений законченности картины. А с чего полиция начинает поиски человека? С опроса его близких, разумеется. Ну или бывших близких. Свои аккаунты он, может, и удалил, но аккаунт его бывшей жены ищется за минуту. Я посмотрел ее фотки и записи, типичная самодовольная стерва. Из тех, что с легкостью подставляют других, но никогда не простят того, кто подставил их самих. Я понял, что она наверняка до сих пор ненавидит бывшего мужа и будет рада выдать любую инфу, способную ему повредить. Ну и написал ей е-мэйл, представившись нью-йоркским адвокатом – взял реальное имя из списка адвокатской ассоциации, кстати, в надежде, что она не станет перезванивать в офис, который вечером в воскресенье все равно закрыт – написал, что, мол, открылись новые обстоятельства, позволяющие предъявить ее бывшему мужу новый иск, и не знает ли она его нынешний адрес и телефон? Ну она и ответила, что он "к сожалению, умер". Уверен, что это "к сожалению" означало "как жаль, что не получится упечь его в тюрьму еще раз".

– И ты поверил ей на слово? А если ты ошибся в своем диагнозе по фотографии? Вдруг она, наоборот, попыталась его прикрыть?

– Она прислала мне скан газеты с некрологом. Представь, она эту газету до сих пор хранит. Это к вопросу о точности моего диагноза.

– Интересно, почему этот некролог не находится через интернет. Неужели у газеты нет своего сайта?

– Есть, но полная версия доступна только по подписке.

– Так и что в этом некрологе? Как он умер?

– Там сказано только "скоропостижно", без подробностей. И был пережит своей женой, которая, очевидно, и дала этот некролог. Нет, не Марджори, разумеется – некой Зельдой. Должно быть, изголодавшись по бабам в тюрьме, он подцепил ее сразу после освобождения – или, скорее, она его.

– Никогда не понимал, как можно назвать своего ребенка Зельдой, – пробормотал Малколм. – По-моему, более уродливое имя трудно представить.

– Может быть, она его и прикончила, – продолжал Рик.

– Тогда бы это было не в некрологе, а в криминальной хронике.

– Ну, есть разные способы спровадить супруга на тот свет, чтобы полиция не слишком докапывалась, – ухмыльнулся Рик. – Особенно в дыре вроде Южного Бронкса, где какая-нибудь смерть от передоза или падение по пьяни с лестницы не вызывает особенного удивления.

– Марджори с Мэнхэттена читает газеты Южного Бронкса?

– Возможно, кому-то из ее знакомых попало на глаза, и он переслал ей. Это я уже не уточнял.

– А если это однофамилец?

– Полное имя и дата рождения совпадают. Он мертв, Малколм. Как и остальные.

– И остальных, по-твоему, тоже прикончила Зельда? – усмехнулся Малколм.

– Нет, конечно. Но если предположить, что за всеми этими смертями действительно кто-то стоит... кто-то, каждый раз выбирающий разный способ... то он, допустим, мог предложить Зельде хорошие деньги за то, чтобы она это сделала. А может, и какой-нибудь препарат в придачу, делающий смерть похожей на естественную. Возможно, когда она его захомутала, это уже было частью плана.

"Выходит, травмой позвоночника Брант все-таки не отделался, – подумал Малколм. – Хотя никакой Зельде никто, конечно, денег не платил. Это произошло по-другому.. Так или иначе, все убийцы Джессики получили по заслугам, и можно больше об этом не думать. Дело закрыто. Если только, конечно, к ритуальным убийствам не причастен кто-то еще из членов братства..."

– В общем, – резюмировал Рик, – даже то, что Каттеридж, как ты говоришь, оказался психом, не объясняет смерти остальных. Брант умер намного позже. И Карсон... до или после Каттериджа?

– После, – нехотя признал Малколм.

– Вот видишь.

– Теперь ты знаешь практически все то же самое, что и я, – сказал Малколм, надеясь избавиться от дальнейших расспросов. Но Рик все не отставал:

– А Кевин? Тебе удалось найти что-то про него?

– Если ты имеешь в виду компромат, то нет, – вновь нехотя признался Малколм. – Но, я надеюсь, ты не сообщал ему ничего про меня? И про то, что я не ночевал сегодня в общежитии, тоже?

– Нет, – буркнул Рик.

– Вот и не надо. Я все еще не уверен насчет него, и рисковать незачем. А если он действительно ни при чем, так незачем втягивать еще и его.

– Он мог бы быть полезен. У секретаря "Фи Дельта Омега" довольно обширные связи.

– Ага, особенно полезные, если братство все-таки причастно к этим смертям.

– Думаю, что даже если в братстве действительно имеется какая-то... грязь, Кевин первый захочет ее вычистить.

– Его бы, наверное, порадовало, что ты так в него веришь, – усмехнулся Малколм, – но ты обещал мне ничего ему не говорить.

– Ладно, если ты настаиваешь... – пожал плечами Рик.

В этот вечер, вернувшись в общежитие после ненавистной физкультуры, Малколм не пошел в парк, хотя погода вновь сделалась почти летней. Он решил вообще больше не ходить туда вечерами. Какой смысл общаться "в одни ворота", если можно делать это полноценно? На скамейке надо проводить не вечера, а ночи! А по вечерам все-таки действительно заняться учебой, которую он в последнее время запустил – проваленная контрольная уже не позволяла отмахиваться от этого факта. Рик, увидев обложившегося учебниками соседа, одобрительно хмыкнул и сострил про "скоро во всех кинотеатрах – новый блокбастер "Возвращение

ботаника"! ", но сам благому примеру следовать не стал и вскоре куда-то умотал – не то на очередную тусовку, не то на свидание. Чем, разумеется, только порадовал Малколма, который покинул общагу еще до возвращения Рика, избежав, таким образом, лишних вопросов.

Он подошел ко входу в парк уже в густых сумерках. Когда он пересекал пустую парковку, навстречу ему выкатился велосипедист, заставив Малколма вздрогнуть – тем паче что прятаться посреди открытой площадки было некуда. Но велосипедист оказался незнакомый и проехал мимо, не задерживаясь, лишь бросив короткий взгляд в его сторону – наверное, парень с туристическим рюкзаком, идущий в закрывающийся на ночь городской парк, выглядел странно. Тем не менее, мужчина на велике не стал лезть не в свое дело и покатил прочь, а Малколм отметил про себя, что лучше приходиться еще позже, чтобы не сталкиваться на выходе с такими вот припозднившимися посетителями.

Больше, как он и ожидал, никто не попался ему навстречу. Забираясь в спальный мешок, Малколм думал, как чудесно он устроился. В то время как остальные люди впустую теряют на сон от четверти до трети жизни (что всегда казалось ему чертовски обидным), он теперь будет проводить во сне самые лучшие свои часы. Немного беспокоила только грядущая зима – спальник теплый, да, но достаточно ли, чтобы ночевать на улице в мороз? Впрочем, дополнительно утеплиться всегда можно. Золотоискатели в свое время выживали вдали от дома даже во время переходов по зимней Аляске...

Сейчас, однако, быстро холодеющий после заката воздух, а еще больше – воодушевление при мысли о скорой встрече с Джессикой, бодрили его и мешали заснуть. Пузырек со снотворным по-прежнему был у него в кармане, и Малколм подумал, что придется все-таки принять таблетку. Но, когда он открутил крышку, та выскользнула из пальцев и беззвучно упала куда-то на землю. "Черт!" – подумал Малколм и, высунувшись из спального мешка, свесился со скамейки, пытаясь разглядеть, куда откатилась крышка, но лунного света было явно недостаточно. Он пошарил вслепую под скамейкой и вдруг в рефлекторном испуге отдернул руку: ему показалось, что он схватил змею. Хотя – какие змеи холодной осенней ночью? И, разумеется, это была никакая не змея. Это был извивавшийся в траве провод.

Малколм повернул голову и увидел большой черный прямоугольник плазменной панели.

– Привет, Малколм! – раздался звонкий голосок Джессики.

– Привет, Джесс! – Малколм поспешно сел на скамейке. – А это, – он указал на экран, – теперь здесь будет всегда?

– Если ты захочешь. Наш личный кинотеатр.

– Ну и отлично. Не хотелось бы каждый раз заказывать заново, особенно с тем же курьером, – усмехнулся Малколм. – Я принес "Пиратов"! Весь вечер качал в хорошем качестве с торрент-трекера. Фильм, прославляющий пиратов, надо скачивать только пиратским способом, правда?

– Наверное, – улыбнулась Джессика. – Третьи или четвертые?

– И те, и те.

– Ну тогда, конечно, с третьих начнем. Тебе не будет скучно пересмотреть их со мной еще раз?

– С тобой мне ничего не будет скучно! – заверил ее Малколм, подключая ноутбук.

Они стали смотреть фильм. Когда кончилась сцена после титров, Малколм довольно потянулся.

– Ну что, запускать четвертые?

– Лучше завтра, – рассмеялась Джессика. – Нельзя же все сразу.

– Да, – тут же охотно согласился Малколм, – а то будет передозировка Джека Воробья.

– *Капитана* Джека Воробья! – откликнулась Джессика тоном героев фильма. – Вообще-то он прикольный.

– Настоящие пираты никогда бы не позволили командовать собой такому клоуну.

– Если ты заметил, у него и в фильмах постоянные проблемы с экипажем.

Малколм выключил панель.

– Классная штука, – констатировал он. – Интересно, если ее развинтить, там внутри окажутся платы с микросхемами, как положено? Или...

– Лучше не надо, – поспешно перебила его Джессика. – Мы же не хотим, чтобы она перестала работать.

– Конечно, – согласился Малколм, тщательно упаковывая ноутбук в рюкзак. – Слушай, а ведь так же можно и автомобиль... заказать? Ну да, конечно, грузовик же приезжал! Только я, разумеется, не его хочу, а что-нибудь... посимпатичнее. Из тех фоток, что мы вчера смотрели, помнишь?

– Конечно, – кивнула теперь уже Джессика.

– Только без водителя, – поспешно добавил Малколм.

– Без водителя машины не ездят, – улыбнулась девушка. – Ты сам в это не поверишь.

– Пусть он просто стоит. Но с ключом в зажигании.

– Он стоит, – кивнула Джессика. – Там, за деревьями.

– Правда? – Малколм вскочил. – Тогда ждите меня здесь, леди. Ваш лимузин сейчас будет подан.

Он выбежал на аллею, все еще не уверенный, что увидит там машину. Но, хотя черный корпус почти сливался с ночной тьмой, лунный свет блестел на знаменитом на весь мир мощном хромированном радиаторе, похожем на высокий фронтон античного храма, увенчанный статуей крылатой богини. Малколм разглядел большие круглые фары, потрогал плавный изгиб широкого элегантного крыла, протянувшегося до самого заднего колеса. Он узнал эту машину, одну из самых красивых и роскошных в его фотоколлекции. Кажется, даже номерной знак был тот же, что на фото – что Малколма, конечно, не удивило.

Он потянул ручку с водительской стороны – к его удовольствию, это был экспортный вариант с левым рулем. Дверца открылась с мягким клацаньем. Ключ торчал в зажигании, как он и просил. Малколм опустил на светло-серую кожу сиденья и нащупал ногами педали, опасаясь, что их окажется три – он никогда не управлял машиной с ручной коробкой передач. Но их было только две.

Мотор завелся с полоборота. Лампочки подсветки неярко осветили старинные круглые циферблаты на лакированной деревянной панели, так не похожей на современные. Несмотря на автоматическую коробку, сдвинуться с места удалось не сразу – переключатель скоростей оказался на руле, а стояночный тормоз убирался отдельной ручкой. Малколм искал, где включаются фары, но так и не смог их зажечь. Впрочем, это его не слишком беспокоило. Ведь это только сон, не так ли? Он не может попасть в настоящую аварию. Пусть даже ноутбук и нож – объекты реального мира, но автомобиль уж точно нет.

Он осторожно нажал педаль акселератора. Тяжелая машина плавно тронулась с места и выкатилась на берег озера. Малколм остановился возле скамейки, почти уткнувшись бампером в плазменную панель, и распахнул дверцу справа от себя:

– Прошу вас, леди! Rolls-Royce Silver Wraith 1952 года. На таких ездят президенты и короли. И королевы, разумеется.

Но Джессика лишь покачала головой:

– Я не могу, Малколм.

– Что ты не можешь? – удивился он. – Поехали прокатимся! Это же "Роллс-Ройс"! Не думаю, что ты когда-нибудь каталась на "Роллс-Ройсе".

– Я не могу покинуть эту скамейку.

– Что, совсем? – растерянно спросил Малколм.

– Совсем. Ты связался с девушкой с ограниченными возможностями, – Джессика печально улыбнулась в лунном свете. – Я даже хуже, чем колясочница, – она вытянула ноги и

поболтала ими в воздухе, демонстрируя, что проблема не в них. – Та, по крайней мере, может перемещаться в кресле.

– А если я... попробую тебя отнести?

– Нет, Малколм! – испуганно воскликнула Джессика. – Ты не должен прикасаться ко мне!

– Я вовсе не имел в виду... – смутился он.

– Я понимаю. Ты не имел в виду ничего дурного. Но это просто нельзя. Даже случайно.

– Значит, – потрясенно пробормотал он, – на самом деле ты... все время так и сидишь здесь? Я имею в виду – когда я тебя не вижу? Круглые сутки, из года в год?

– Не будем об этом, – поспешно произнесла она. – Тебе нравится машина?

– Ну еще бы! – тут же переключился Малколм. – Как может не нравиться "Роллс-Ройс" пятьдесят второго года!

– Считаю, что это... мой подарок. Можешь покататься, если хочешь. Я подожду тебя здесь.

– Конечно! – радостно воскликнул Малколм, но тут же осекся: – А ты не обидишься? Ну типа что я тебя бросаю ради какой-то тачки?

– Ну ты же не насовсем меня бросаешь, – на сей раз улыбка Джессики вышла озорной.

– Я быстро, – пообещал ей Малколм. – Только один кружок вокруг озера.

Он захлопнул дверцу. Прежде, чем тронуться с места, еще раз погладил блестящий черный руль с тремя спицами, провел пальцами по полированному дереву приборной панели, вдохнул запах кожаного салона. Он понимал, что это сон, и все же машина была такой настоящей! Даже со вполне реалистичными цифрами 36507 на одометре. Совсем немного для 64-летнего автомобиля, но понятно, что "Роллс-Ройс" – не машина для ежедневных поездок...

Интересно, подумал Малколм, вырывая на аллею, а как далеко я могу уехать в этом мире сна? Туда, куда хватит памяти о реальных улицах? Или воображения? И что будет, если рассвет застанет его вдалеке от скамейки – где он проснется в этом случае?

И проснется ли вообще?

"Конечно, я проснусь на скамейке в своем спальном мешке, – сердито ответил себе Малколм. – Где же еще?" Однако он решил не экспериментировать – тем более что он обещал Джессике вернуться, проехав лишь один круг.

"Не стоит говорить о человеке, не сдержавшем слово", – вспомнилось ему. Может быть, Карсон тоже... обещал вернуться, а сам попытался уехать куда-то не туда? Неужели Джессика и ему дарила роскошные автомобили?

"К черту Карсона! – решительно подумал Малколм, нажимая на педаль. – Раз она не хочет о нем говорить, значит, он и впрямь того не стоит, и, в любом случае, он больше не проблема!"

"Роллс-Ройс" помчался вперед, набирая скорость. Фары по-прежнему не работали, но Малколму это не мешало – лунный свет заливал пустую аллею так ярко, словно луна была полной, да еще и вдвое ближе к Земле. Или словно он сам обрел способность отлично видеть в темноте. Ну а почему бы и нет? Ведь это все сон...

Малколм слегка отпустил газ, вписываясь в поворот вокруг северного конца озера, а затем вновь притопил педаль. Более чем двухтонная масса машины чувствовалась, и в то же время "Роллс-Ройс" шел удивительно мягко и плавно. Казалось, его разгоняет одна лишь мысль водителя. На прямом отрезке пути Малколм скосил глаза на спидометр и увидел, как стрелка переползает через отметку 60 миль в час. Даже бессмысленно думать, насколько он превысил скорость – на этой аллее вообще запрещено движение автомобилей, в обычном мире она предназначена только для пешеходов и велосипеди...

Замеченное краем глаза движение справа налево заставило Малколма резко перевести взгляд на дорогу, и он успел увидеть прямо перед радиатором двухколесный силуэт и фигуру в шлеме, поворачивающую голову в его сторону. Лица он разглядеть не успел – только черную яму рта, распахнувшегося для крика ужаса. Затем последовал удар.

Малколма лишь слегка тряхнуло, словно он наехал на сухую ветку; ему даже послышался соответствующий хруст. Машина даже не замедлила скорости, и ее водитель в ступоре продолжал жать на газ, глядя, как летят вперед, кувыркаясь в лунном свете, два крупных предмета. Один из них рухнул куда-то вбок, другой – прямо ему под колеса. Машину вновь встряхнуло, когда она переехала это сперва передними, потом задними колесами, но по малой высоте препятствия и металлическому лязгу Малколм понял, что это был велосипед, а не тело.

Лишь после этого он отдернул ногу с акселератора. "Идиот, – билось в его мозгу. – Идиот..." Причем он сам не знал в этот момент, имеет ли в виду самого себя или этого типа, выехавшего на аллею со стороны входа в парк прямо под несущийся "Роллс-Ройс". Которого здесь, конечно, не должно было быть. Как, впрочем, и самого велосипедиста...

Малколм остановил машину. Место столкновения осталось к этому времени уже более чем в двухстах ярдах позади, и он ничего не мог разглядеть в зеркалах.

"Сон, – напомнил он себе. – Чертовски реалистичный, но только сон. Нет никакого смысла возвращаться и проверять, что стало с тем парнем. Он – такая же игра моего воображения, как и тот червивый курьер. Стоило мне подумать о велосипедистах, как он и появился. Мое подсознание просто напомнило мне об опасности превышения скорости и езды без фар."

Он вышел из машины и осмотрел ее перёд – так же, как недавно осматривал прокатный "Джип". Ему не хотелось огорчить Джессика видом помятого или, тем паче, окровавленного радиатора. Но и в этот раз он тоже не увидел никаких повреждений. Бампер и решетка радиатора сияли в лунном свете девственной чистотой, словно подтверждая нереальность случившегося.

Малколм сел за руль и поехал дальше. Конечно, будь это по-настоящему, он бы вернулся и вызвал помощь. Но глупо проделывать это во сне. Хотя даже интересно, кто бы явился на зов... Ему представилась целая бригада парамедиков с пустоглазыми разлагающимися лицами, и он брезгливо скривился.

Четыре минуты спустя – теперь он ехал не быстрее 30 миль в час – Малколм завершил круг и снова плавно подкатил к скамейке.

– Ну как? – спросила его Джессика, когда он выбрался из кабины.

– Отличная машина! – ответил Малколм, не кривя душой. – Всю жизнь мечтал прокатиться на чем-нибудь таком, – он захлопнул дверь и по пути к скамейке еще раз украдкой бросил взгляд на нос черного автомобиля. Нет, никаких следов. – Она теперь тоже останется здесь? Как плазменная панель?

– Почему бы и нет.

– Выходит... – произнес Малколм, осененный новой мыслью, – пусть даже ты никуда не можешь уйти с этой скамейки, но мы можем обустроить что угодно вокруг нее? Даже построить тут наш... дом?

– Для дома тут, наверное, слишком близко к воде, – раздумчиво сказала Джессика. – Разве что что-то вроде беседки... или что-нибудь такое легкое, в японском стиле... с раздвижными стенами... А ты действительно хотел бы этого, Малколм? – она посмотрела ему в глаза. – Поселиться здесь со мной?

– Ты знаешь, как бы я этого хотел! – ответил он искренне. – Но я ведь могу появляться здесь только по ночам... – "словно это я, а не она из потустороннего мира", подумалось ему вдруг. Впрочем, все на свете относительно, и понятие "потустороннего мира" тоже зависит от того, с какой стороны глядеть...

– Вообще-то так живут многие семьи, – заметила она. – Муж весь день на работе и приходит домой только к ночи.

– Не думаю, что они счастливы от такого стиля жизни, – возразил Малколм.

– Это потому, что ночи не принадлежат им, – ответила Джессика. – Они могут нормально общаться лишь за ужином и завтраком. Не наш случай.

– Кстати, а ужинать здесь мы можем?

– Ну... – неуверенно произнесла Джессика, – я, наверное, могла бы делать вид... но вряд ли тебе нужно... притворство.

– Не нужно, – решительно согласился Малколм. – И вообще, все физиологическое пусть остается там, – он презрительно махнул рукой прочь, имея в виду реальный мир.

– А ты можешь нарисовать проект нашего дома?

– Ну... – смутился Малколм, – я вообще-то не архитектор...

– Люди тысячелетиями строили дома "на глазок", не имея диплома. А здесь тем более нет нужды просчитывать все по сопромату. Достаточно просто, чтобы ты верил, что этот дом будет стоять.

– Я попробую набросать варианты к следующему разу, – произнес Малколм, польщенный доверием. – А у тебя есть какие-то пожелания?

– Ну, сам понимаешь, нам не нужно много комнат. Все должно поместиться в одной, которая может сочетать... разные стили. Довольно необычно, я понимаю. Вот здесь, – она показала рукой вправо от себя, – я хотела бы камин. С ним будет уютней, особенно зимой. В нашем доме, я имею в виду, где я жила с родителями, был камин. А на озеро пусть выходит окно во всю стену...

– А дерево? – Малколм посмотрел вверх, на шатер из веток, накрывавший скамейку. – Нам придется его спилить?

– Думаю, если подрезать верхушку и часть веток, мы могли бы встроить его прямо в дом. Почему бы нет? Не бойся фантазировать, Малколм! Мы ведь не обязаны следовать никаким канонам, – она чуть помолчала и печально добавила: – Люди, к сожалению, обычно слишком поздно это понимают...

– Пожалуй, я бы развесил на ветках свои модели самолетов, – подумал вслух Малколм. – Ты ведь не возражаешь?

– А еще гирлянду...

Они снова беседовали до самого утра, пока Джессика не попрощалась с Малколмом, и он не обнаружил, что снова лежит на скамейке в своем спальном мешке. Сквозь прикрытые веки пробивался предутренний свет, и Малколм лениво подумал, что надо вставать, но спать все еще хотелось. Таблетка, вспомнил он. Кажется, он все-таки выпил таблетку... если только это тоже ему не приснилось... поэтому и спать так хочется, несмотря на то, что прошло уже, наверное, часов девять... но надо все-таки... но можно еще... хоть немного... пять минут...

Он уже соскальзывал – а может, и соскользнул – в сон снова, но нечто заставило его вернуться в реальность. Чувство долга? Нет, скорее иное чувство... чувство...

Опасности.

Он резко открыл глаза и увидел влажные нижние ветви дерева, уже лишившиеся большей части листьев, сереющую за ними туманную дымку и сплошную белесую стену тумана на месте озера.

И человека, стоявшего в нескольких шагах от скамейки и молча смотревшего на него.

Вид у незнакомца был такой, что первой – и вполне панической – мыслью, мелькнувшей в еще не до конца проснувшемся мозгу Малколма, было, что жуткий водитель из его прошлого сна каким-то образом выбрался в реальный мир. Все лицо этого человека – за исключением тех мест, где кожу скрывала отросшая клоками щетина – покрывали мокрые и шелушащиеся язвы и пузырьки, серо-желтые и тошнотворно-розовые, образуя жуткую корявую маску. Правда, глаза у него все же были – глубоко запавшие, но, очевидно, зрячие, а не черные провалы. Картину дополняли длинные сальные волосы и неопрятно заросшая шея. Так что, совладав с первой вспышкой ужаса, Малколм пришел к более реалистичному выводу – "какой-то бомж хочет украсть мой ноутбук!" Нож словно сам собой оказался в руке юноши, вынырнувшей из мешка. Незнакомец все так же молча повернулся и бросился наутек, растворяясь в тумане.

Малколм свесился со скамейки и поспешно проверил прислоненный к ножке рюкзак. Тот был застегнут, и ноутбук оказался внутри, целый и невредимый. Рядом на земле валялась белая крышка от пузырька, которую Малколм машинально счел обычным мусором, но затем вспомнил и сунул руку в карман, который оказался полон высыпавшихся таблеток.

Теперь он, наконец, проснулся окончательно и сообразил, что если кто тут и похож на бомжа, то именно он, ночевавший на скамейке в парке. А мужик, которого он напугал, просто страдает какой-то кожной болезнью – но при этом может быть всего лишь очередным любителем ранних пробежек (что особенно понятно при его внешности – наверное, он не любит попадаться на глаза прохожим). Допустим, он свернул к озеру перевести дух и увидел тут довольно странную для середины октября картину, а в эту самую минуту звонит копам – "тут в парке какой-то бомж угрожал мне ножом..." И надо как можно скорее уносить отсюда ноги.

Однако, уже шагая прочь со всей возможной поспешностью, Малколм вновь изменил свое мнение. Нет, не походил тот тип на законопослушного обывателя, который, чуть что, бросается звонить в полицию. И на помешанного на спортивном образе жизни бегуна тоже не походил. И дело тут не в его болезни и даже не в неопрятных волосах и щетине. Главным был его взгляд. Горящий взгляд на худом до изможденности лице, безумный взгляд фанатика, нездорового и физически, и душевно...

Или все-таки нет? Или ему померещилось? Ведь Малколм видел его всего пару секунд, спросонья и сквозь туман... Может, и весь этот тип был лишь последним отголоском сна? Уж слишком быстро и беззвучно он исчез. Впрочем, туман, говорят, вообще скрадывает звуки...

Но нет. Слишком легко и недальновидно списывать все на игру воображения. Малколм практически не сомневался, что уже видел этого парня. Только в прошлый раз – со спины. Волосы, по крайней мере, такие же.

Человек, соскобливший имя Тревора.

Увидев его глаза, Малколм понял: этот – вполне мог, и вряд ли ему была так уж необходима рациональная причина. Чье имя он пришел уничтожить на этот раз? А возможно – не только имя. И если бы Малколм вовремя не проснулся...

Теперь юноша с опаской шагал сквозь туман, тщетно всматриваясь в дымку и вслушиваясь в тишину пустого парка. В какую сторону убежал этот тип? Вроде бы в северную, в то время как сам Малколм пошел от скамейки на юг, но незнакомец вполне мог успеть сменить направление и теперь поджидать его где-нибудь здесь в засаде... Малколм даже вновь взял в руку нож, пряча его под полую куртки.

Однако никто не попытался напасть на него из-за утопающих в призрачном мареве деревьев слева и справа от аллеи, не выскочил из тумана прямо по курсу, вообще не попался навстречу. Вероятно, даже ранние бегуны в это утро решили подождать прояснения. Малколм без помех добрался до выхода и зашагал через парковку, которая на сей раз была не совсем пустой – в тумане угадывался силуэт автомобиля в правом дальнем углу. Малколм почти не обратил на него внимания, но, пройдя еще несколько ярдов, различил характерное сочетание черного и белого на корпусе машины.

Полиция. Вот только их не хватало.

Неужели тот тип все-таки вызвал копов? И Малколм теперь топает напрямик к их машине, держа под полую куртки тот самый нож... Повернуть обратно? Слишком поздно, его наверняка уже заметили.

Спокойно, сказал себе Малколм. Самое глупое при встрече с полицейскими – показывать им, что ты не рад этой встрече. Не замедляя шаг, он осторожно, чтобы не порезать подкладку, сунул нож во внутренний карман куртки (не очень надежно, но если не наклоняться, не выпадет) и выпростал руку наружу. Он – законопослушный гражданин, совершающий утренний променад. Студент, после утренней прогулки спешащий на занятия. Ну да, с туристическим рюкзаком, а почему нет? До полиции ему нет никакого дела, и у них нет оснований к нему

прикапываться.

Он прошел в трех ярдах от полицейской машины – не настолько близко, чтобы копы решили, что он направляется к ним специально, и не настолько далеко, чтобы это выглядело как попытка держаться от них подальше. Никто не окликнул его. Скосив глаза, Малколм понял, что в машине никого нет.

У Малколма вдруг мелькнула мысль, что точно так же пусты окажутся и городские улицы, и корпуса универа. Потому что это был не простой туман. Все люди, которые попали в него, исчезли. А сам он уцелел только потому, что находился в другом мире... мире Джессики. Точнее – на границе миров, где живые встречаются с мертвыми.

Но стоило ему пройти пару кварталов, как туман рассеялся (а может, в городе, вдали от озера, его и вовсе не было), а с ним рассеялась и иллюзия. На улицах появились машины и прохожие. К тому времени, как Малколм добрался до общаги, Рика там уже не было – возможно, уже ушел на занятия, а может, тоже ночевал в другом месте. Малколм переоделся, торопливо зачихал в рот пару пончиков, запивая их водой из бутылки, сменил охотничий рюкзак на свою сумку и тоже поспешил на лекцию.

Теперь Малколм старался внимательно слушать профессора и не отвлекаться ни на что другое. Вероятно, поэтому он не обратил внимание на отсутствие в аудитории Рика. Но когда его сосед не появился и на семинаре, Малколм, наконец, это заметил.

Станным образом его это обеспокоило. Казалось бы, ему было наплевать на Рика, и если бы тот исчез надолго, а лучше – *очень* надолго (но только так, чтобы на его место не заселили кого-нибудь еще), Малколм был бы просто счастлив. Да и, скорее всего, отсутствие Рика объяснялось самым обыкновенным прогулом. Небось, отсыпается на квартире какой-нибудь очередной "классной девчонки" после чересчур бурной ночи. И тем не менее сквозь привычную презрительную брезгливость Малколма, когда он думал о таких вещах, пробивались совсем иные гипотезы. Что, если Рик, не удовольствовавшись объяснениями Малколма, затеял свое собственное расследование – через свои контакты в братстве и прочие знакомства, которыми он обзаводится с такой легкостью? И нарвался в итоге на кого-то, кто счел его любопытство опасным. Опасным настолько, чтобы заткнуть назойливого первокурсника любой ценой. А перед этим, возможно, еще и допросить – в соответствующих условиях и соответствующими методами – с кем он еще общался на эту тему и кто вообще пробудил у него интерес к таковой...

Некстати вспомнилось и то, как сам Малколм назвался именем Рика, представляясь Гертруде. Что, если некие... чистильщики, заметающие следы, добрались и до нее?

Малколм вспомнил и как Кевин хвастался своими связями в полиции. Что, если Рика еще вчера прямо по дороге на очередную тусовку тормознула такая же – или даже *та же* – машина, какую он видел сегодня утром? "Мистер Тэлтон, у нас к вам пара вопросов..." А сам он утром разминулся с этими типами только чудом...

Что за чушь, сердито одернул свою фантазию Малколм. Мы живем в Америке, а не в какой-нибудь диктатуре третьего мира. У нас, конечно, тоже попадают продажные копы, но люди, задержанные полицией, не пропадают бесследно. И никакое студенческое братство, какие бы должности ни занимали его бывшие члены, не может претендовать на роль всемогущей тайной организации, способной безнаказанно убивать кого угодно...

Послать, что ли, Рiku e-мэйл для спокойствия души? (Найти его телефон Малколм так и не удосужился.) А под каким предлогом? Дать ему возможность для мстительного ответа "а вот это уже не твое дело" или очередных плоских шуточек? Нет уж, перетопчется. Малколм постарался выкинуть мысли о соседе из головы и снова сосредоточиться на учебе.

Вернувшись в общагу, он первым делом раскрыл свой ноутбук и занялся тем, чем ему хотелось заняться с самого утра – изучением проектов разного рода домиков на озере и стильных павильонов в парках, а заодно и всяческих интерьеров. Собственная фантазия – это хорошо, но неплохо посмотреть на творения профессиональных архитекторов и дизайнеров. А

потом объединить то и другое...

Звук открывающегося замка оторвал его от этого занятия.

Только теперь Малколм вспомнил о Рике и скосил глаза от монитора. На миг вдруг вернулись утренние опасения и мелькнула мысль – а что, если это не Рик, а некто, забравший его ключ?

Но Малколм даже не успел обругать себя параноиком, как дверь открылась, и вошел, разумеется, Рик и не кто иной. Однако, взглянув на лицо соседа, Малколм вдруг понял, что успокоился рано.

Рик снял куртку, прошел, не разуваясь, в комнату и уселся на кровать напротив соседа, бурявая того тяжелым взглядом. Малколм несколько секунд ждал, что тот скажет, потом, не дождавшись, снова вернулся к сайту паркового дизайнера.

– Малколм, – произнес Рик наконец, – скажи, что ты не имеешь к этому отношения.

– Не имею отношения к чему?

– Кевин.

– Что Кевин? – Малколм вдруг почувствовал, как у него холодеет в животе.

– Ты правда не знаешь? – Рик попытался заглянуть ему в глаза. – А, ну да, ты же не получаешь рассылку братства... Сегодня ночью его сбила машина. У входа в парк на озере. Тот самый, где он встречал тебя раньше.

"Не может быть! Это же был просто сон!"

– У меня нет машины, если ты об этом, – холодно произнес он вслух. – Что он там делал вообще в такое время?

– Катался на велосипеде. Как и в тот раз.

– Он... жив?

"Видимо, нет, – тут же ответил себе Малколм, – иначе он бы уже рассказал полиции, кто именно его сбил. Хотя – что он мог успеть разглядеть? Только вырвавшийся из ночной тьмы старинный черный автомобиль с погашенными фарами?"

– Да, – ответил Рик, – но в очень тяжелом состоянии. Я только что из больницы.

– Он ездил в шлеме, – тупо произнес Малколм.

– Шлем не защищает от перелома шеи. Он полностью парализован. Не может ни говорить, ни даже дышать самостоятельно. Может разве что двигать глазами. И... они говорят, что это теперь навсегда.

– А водитель, я так понимаю, скрылся?

– Да. Полиция, конечно, его ищет, но шансов найти... – Рик беспомощно пожал плечами.

Малколм вывел на экран фото "Роллс-Ройса", сделанное им несколько лет назад. "Я мог бы даже сообщить полиции его номер, – подумал он. – Интересно, если бы они решили проверить его, что бы они обнаружили? Очевидно, что он всю ночь простоял в гараже у себя – где там? – в Вермонте, и, естественно, не имеет ни малейших следов столкновения. Он же не мог телепортироваться сюда, а потом обратно! Просто потому, что он мне приснился!"

И тут ему пришло в голову кое-что еще, во что он как-то не вдумывался прежде. Модель машины. "Серебряный призрак", "Роллс-Ройс" выпускал их с 1946 по 1958. Но если чуть-чуть изменить название, получится "Призрак Сильвер". Или даже "Гнев Сильвер"¹⁴.

Если этой ночью он внимательно осмотрит корпус, то, возможно, обнаружит именно такой вариант надписи.

Да нет, чушь, конечно же. "Я же не Фредди Крюгер, и она тоже..."

Но ведь именно Джессика просила у него информацию о Кевине? После того, как он сам попросил ее защитить их от его вмешательства. Он-то имел в виду, чтобы она всего лишь разбудила его, если Браунфилд появится. Но у проблемы, конечно, имелось и более эффективное

14 Silver's Wraith и Silver's Wrath, соответственно

решение...

– Где именно это произошло? – спросил он вслух. – Ты сказал – у входа... снаружи или внутри парка?

– Снаружи, конечно, – удивленно ответил Рик. – Внутри машины вообще не ездят, ты же знаешь. Там только пешеходные и велосипедные дорожки. Он буквально считанные ярды не доехал...

Малколм почувствовал огромное облегчение. Ну разумеется, всего лишь совпадение и не более чем! Какой-нибудь пьяный, гнавший домой с поздней вечеринки в полной уверенности, что дороги в этот час пусты...

– Ну так и при чем тут я? – спросил он вслух.

– Ну... – смешался Рик, – ты так настраивал меня против него... говорил, что он в чем-то замешан...

– Я говорил, что он *может быть* замешан, – возразил Малколм. – И что доказательств у меня нет, просто на всякий случай не надо говорить ему лишнее. У меня и сейчас против него ничего нет. И, в любом случае, сбить я его не мог чисто физически.

– Да я не имею в виду! – заторопился Рик. – Просто... тебя тоже ночью не было дома... может, у вас там, к примеру, была назначена встреча...

– С какой стати мне встречаться с твоим Кевином, да еще ночью в парке?!

– Ну я не знаю... однажды вы ведь уже... может, он за тобой следил, или ты за ним... может, ты что-то видел...

– Ничего я не видел и не знаю, – отрезал Малколм.

– Но ты по крайней мере можешь сказать, где ты был этой ночью?

– На свидании с девушкой, – усмехнулся Малколм.

– Ладно, – скривился Рик, совершенно очевидно принявший это за отговорку, – не хочешь, не говори... Прости, если я наговорил тебе лишнего. Просто, ну, понимаешь, я до сих пор в шоке. Кевин был не просто моим куратором в братстве – он был моим другом...

– У тебя в друзьях пол-универа, – вновь усмехнулся Малколм.

– Не до такой степени. Он действительно был отличным парнем.

– "Был"?

– Ну... – смутился Рик, – и есть, конечно... Но – полный паралич на всю жизнь! А мозг при этом в порядке и все понимает! Ты только представь себе, какой это ужас!

"Как у Мориса из "Трещины"", – подумал Малколм.

– Лучше бы он был без шлема, – продолжал Рик. – Тогда бы все кончилось сразу.

– Пожалуй, – согласился Малколм. – Иногда спасти жизнь – это хуже, чем убить.

"Интересно, что он все-таки расскажет, если полиция найдет способ его допросить? Не наведет ли их на мой след? Нет, конечно, машина, сбившая его, не имеет ко мне никакого отношения. Но в парк он почти наверняка ехал, чтобы проверить скамейку! – подумал Малколм со злостью. – Он не катался там с вечера, как в первый раз, а специально приехал туда посреди ночи – зачем бы еще? И в ту ночь, когда я следил из кустов, это тоже наверняка был он! Вот ведь неймется некоторым, лишь бы влезть туда, куда их никто не просит! Вот и получают соответственно... – Малколм понял с холодным спокойствием, что участь "отличного парня" не вызывает у него никакой жалости. – С другой стороны, что могут предъявить мне копы? Я не совершал ничего противозаконного. Ну, если не считать того, что несколько раз оставался в закрытом на ночь парке. Но что, если они теперь удумают бороться как раз с этим? Мол, у студентов появился какой-то новый ритуал, связанный с ночью в парке, надо их оттуда гонять! Прежде им было плевать, а теперь будут каждую ночь посылать патрули обходить парк и, главное, проверять нашу скамейку? Вот *это* было бы катастрофой!"

– У него ведь остались родственники? – спросил Малколм вслух.

– Да, родители и сестра, я виделся с ними сегодня там, в больнице. Тоже в полном шоке,

конечно, мать чуть сама концы не отдала, лекарствами откачивали...

– Они могут принять решение об отключении аппаратуры?

– Нет, конечно, – покачал головой Рик, не удивившись и не возмущившись вопросом. – Вот если бы он был "овощем", тогда да. А если мозг работает, это будет убийство. По закону. Эвтаназия запрещена в нашем штате. Она вообще почти везде запрещена.

– Идиоты, – произнес Малколм, имея в виду противников эвтаназии. – Самих бы их поместить на его место.

– Это точно, не помешало бы, – угрюмо согласился Рик.

Малколм вернулся к изучению архитектурных сайтов. У него уже появилась идея, как именно должен быть устроен их домик на озере. Интересно, понравится ли она Джессике?

Но Рик все не отставал.

– Так ты точно не говорил с Кевином о своих подозрениях? Что "Фи Дельта Омега" причастно к неким странным смертям? Не расспрашивал его об этих прошлых членах братства, которыми интересовался Карсон?

– Делать мне больше нечего, – фыркнул Малколм. – С какой бы стати мне говорить с ним об этом, если я его и подозревал?

– Ну как, полиция же расспрашивает подозреваемых.

– У меня нет таких полномочий, как у полиции.

– Просто я подумал – вдруг ты натолкнул его на мысль, что в братстве и в самом деле что-то нечисто. Я уже говорил, если бы это было так, Кевин первым захотел бы во всем разобраться. И, может быть, он действительно что-то нашел. Что-то или кого-то...

Малколм вспомнил, как утром подумал то же самое в отношении самого Рика. Но, очевидно, у секретаря братства было больше возможностей добраться до каких-то тайн, чем у неофита-первокурсника...

– Никуда я его не толкал, – сказал, тем не менее, Малколм вслух. – Ни на мысль, ни под машину. Это был просто несчастный случай.

– Да, наверное, – вздохнул Рик. Но его тон был не очень убежденным.

На сей раз, разумеется, Рик не ушел ни на какую тусовку, и Малколму пришлось собираться в парк у него на глазах.

– Опять уходишь на всю ночь?

– Да, – Малколм не видел смысла врать.

– На очередное свидание?

Малколм промолчал, вскидывая рюкзак на плечи. Он не обязан отвечать этому надоедливому типу, не так ли?

– С охотничьим рюкзаком? – не унимался Рик. – Только не говори, что у тебя там презервативы.

Малколм фыркнул от возмущения.

– Уж я-то точно не собираюсь говорить подобную чушь! А ты бы мог воздержаться от плоских шуток хотя бы в день... – "смерти", чуть не сказал он, но вовремя поправился: – несчастья, случившегося с твоим другом.

Рика это, кажется, и впрямь пристыдило.

– Ладно, я понял, – пробурчал он. – Не мое дело. Только скажи, что делать, если утром ты не вернешься? Звонить копам и передавать им файлы Карсона?

Малколм хотел ответить, что с ним ничего уже не может случиться, но осекся, вспомнив грязноволосого типа в тумане. Кевин, видимо, больше не проблема, но вот этот субъект может оказаться похуже Кевина... Малколм подумал, что сглупил спросонья – надо было выхватывать не нож, а мобильник, и сделать фотографию. С другой стороны, нож обратил чужака в бегство, а вот телефон... Впрочем, и без фотографии у этого типа имеется особая примета.

– Не думаю, что со мной может что-то случиться, – сказал Малколм. – Поднимать панику

раньше времени уж точно не надо. Но если вдруг... я не появлюсь и со мной не будет никакой связи... пусть ищут человека с кожной болезнью на лице. Экзема, псориаз, что-то такое – не знаю, я не доктор. У него длинные волосы и многодневная небритость. Хотя это он как раз при желании может быстро изменить, а вот свою кожу вряд ли. Я не знаю, кто он такой, – добавил Малколм в ответ на невысказанный вопрос Рика. – Я просто увидел его... на улице, – незачем лишний раз привлекать внимание Рика к парку, подумал Малколм, – и он странно на меня смотрел. Скорее всего, просто какой-то псих, и вряд ли на самом деле опасный.

– И ты думаешь, что можешь встретиться с ним ночью?

– Надеюсь, что нет.

– А если это и есть тот тип? Причастный к смертям всех остальных... ты знаешь, кого... а теперь, быть может, и к покушению на Кевина?

– Нет, – уверенно ответил Малколм, – я так не думаю.

"Чистильщик братства, заматающий следы? Только не с такой рожей..."

– А... тебе обязательно идти, куда ты идешь? – не унимался Рик.

– Никто меня не принуждает, если ты об этом, – холодно ответил Малколм, направляясь к двери, пока к нему не пристали еще с каким-нибудь вопросом. – Ладно, пока.

На сей раз он подходил к парку с особой осторожностью, высматривая полицейских. Но парковка снова была пуста. Проклиная свет фонарей – сейчас бы он предпочел темноту – Малколм быстро пересек ее и нырнул в парк.

А вот к тому времени, как он добрался до скамейки (опять же соблюдая меры предосторожности на случай, если где-то там ошивается этот волосатый урод), Малколму уже не хотелось темноты. Он помнил слова Джессики, что на самом деле время в мире сна может быть любым, а вовсе не обязательно соответствующим времени его засыпания. Поэтому, устроившись в мешке и закрыв глаза, он принялся старательно представлять себе солнечный день. Не полдень с его вылинявшими красками и короткими тенями – середина дня на Земле не нравилась Малколму так же, как и на Луне – а время, когда солнце уже клонится к вечеру, но до заката еще далеко. Он лежал, представляя себе все детали – синее небо, золотой круг солнца, отражающийся в темно-синем озере, просвеченная насквозь желтая и красная листва (пусть это будет пора, когда листья еще не облетели!) – и надеялся, что мысленно выстроенная картина вот-вот превратится в реальность, но это все никак не происходило. "Придется, наверное, снова пить снотворное", – подумал он с досадой и открыл глаза.

И увидел солнечный свет.

– Привет, Малколм, – весело сказала Джессика. – Ты так долго жмурился, что я уже чуть было не испугалась, что ты не рад меня видеть.

– Никак не привыкну, что... переход происходит так незаметно, – смутился Малколм. – Всякий раз мне кажется, что я все еще там.

Он встал со скамейки и огляделся по сторонам. Все было так, как он и хотел – синее небо, желтое солнце, синяя вода, желтые листья, еще не сорванные холодными ветрами. Яркие, насыщенные краски, которые он всегда любил. Плазменная панель стояла на своем уже привычном месте. И черный "Роллс-Ройс" тоже – именно там, где он запарковал его в прошлый раз.

Малколм обошел вокруг машины. Она была безупречно чистой, словно только что из музея. Хромированные детали сверкали на солнце так, что хотелось зажмуриться. Малколм высматривал надпись – название модели, но ее не оказалось ни сзади, ни сбоку. Впрочем, кажется, этой надписи нигде не было и на фотографиях оригинальной машины.

– Хочешь еще покататься? – спросила Джессика.

– Потом, – решительно сказал Малколм, снова возвращаясь к ней. – Он ведь теперь никуда не денется, верно? Я тут сделал кое-какие наброски нашего дома. Вот смотри, – он достал из рюкзака изрисованные листы бумаги, и Джессика заинтересованно склонила голову. –

Ты не можешь покинуть скамейку, поэтому у нас может быть только одна комната. Но при этом нам хочется разных стилей, чтобы не надоедало, так? Сначала я хотел сделать многогранную призму. Скажем, семь стен, каждая в своем стиле. Одна – как в рыцарском замке, другая – как в викторианском особняке, третья – как в японском домике, четвертая – как на космическом корабле, какими их изображали в фильмах шестидесятых, с большим круглым иллюминатором... ну и так далее. И вся эта конструкция поворачивается вокруг центральной оси, то есть на передний план можно вывести любую из стен. Но потом я понял, что это плохая идея. Количество стен ограничено, и соседние будут попадать в поле зрения – получится аляповатая безвкусица. Вращение – это правильно, это повысит разнообразие, но надо добавить еще одно измерение! Дом будет представлять собой гигантскую четырехгранную башню, стены которой способны погружаться в землю и подниматься обратно, соответственно. На каждом уровне – своя комната в своем стиле, способная, когда она находится выше уровня земли, поворачиваться вокруг своей оси независимо от остальной конструкции. В центре пола каждой комнаты – большое круглое отверстие, сквозь которое проходит скамейка. Если опустить башню до предела вниз, крыша раздвигается, пропуская скамейку, стены полностью уходят в землю, и мы снова оказываемся на улице. Если у нас возникнет идея для новой комнаты – просто достраиваем еще один этаж. Поскольку в средствах и ресурсах мы здесь не ограничены...

– Здорово! – оценила Джессика.

– Инженерный подход, – гордо ответил Малколм. – Да, я знаю, студент с факультета искусств просто менял бы интерьер взмахом волшебной палочки. Но, по-моему, это все равно что строить из песка. Слишком эфемерно и несерьезно. Иллюзия. Декорация. Не воспринимается, как настоящий дом. А мой проект – солидный и основательный. И при этом оставляющий полный простор для фантазии.

– Да, классно придумано, – еще раз согласилась Джессика. – Но, надеюсь, для того, чтобы это все появилось – то есть чтобы в это поверить – тебе не нужно, чтобы прямо вокруг нас копали шахту землеройные машины? Мы ведь оглохнем, – улыбнулась она.

– Нет, – решительно качнул головой Малколм. – Все сделают нанороботы. Как только мы согласуем интерьер очередного этажа, он будет просто подниматься из земли. Думаю, тут где-то должен отыскаться пульт с кнопками "вверх", "вниз", "влево" и "вправо"...

– Он уже есть, – ответила Джессика. – Это пульт управления плазменной панелью. Только надо нажать там кнопку "Home".

Малколм сомневался, что на пульте плазменной панели прежде была кнопка "Home", но тут же понял, что она непременно там имеется.

– Но сначала нам надо обсудить интерьер комнат, – напомнил он. – Смотри, – он развернул ноутбук, – я тут скачал из интернета варианты...

Они принялись рассматривать и обсуждать различные интерьеры – аристократическая гостиная с картинами, охотничий домик с камином и ружьями на стене (только трофейные головы животных на стене Джессика отвергла, сказав, что это зрелище всегда казалось ей варварством – даже если головы и ненастоящие), рыцарский зал со щитами и знаменами на стенах и латниками по углам, восточный дворец с коврами и мозаикой, желаемый Малколмом звездолет в стартрековском стиле, бамбуковая хижина... и даже обычная гостиная современного американского дома – почему бы и нет, надо же чем-то оттенять экзотику. А потом Малколм, отогнав назад "Роллс-Ройс", нажал кнопку на пульте, земля задрожала, и по периметру вокруг скамейки, вздыбив почву, начал подниматься верхний этаж.

– Стоп! – сказал Малколм вдруг, отпуская кнопку. – Дерево. Мы совсем забыли. Надо обрезать ветки.

Он задрал голову и посмотрел вверх без особого энтузиазма. Не хотелось ни вызывать садовника, который может оказаться не лучше курьера "UPS", ни лазить по лестнице самому.

– Я видел на "ютубе" квадрокоптер, способный поднимать человека, – произнес он

выжидательно.

– Что такое "квадрокоптер"? – не поняла Джессика.

– Ну фактически обычный дрон, только большой. Плюс система стабилизации, позволяющая управлять отклонением тела...

– В каком смысле "дрон"¹⁵?

– А, – сообразил наконец Малколм, – в твое время их, кажется, еще не было... Ну, в общем, такая платформа с четырьмя винтами по углам, как у вертолета, только не такими большими, конечно, двигатели электрические, стабилизация, очевидно, на базе гироскопа, с отдельной регулировкой тяги каждого пропеллера... вот только не знаю, оборотами или шагом винта?

– Не очень представляю себе эту штуку, – виновато улыбнулась Джессика. – А летающий скейт из "Назад в будущее" тебя не устроит?

– Ты еще скажи – световой меч джедая вместо бензопилы, – усмехнулся Малколм.

– Почему бы и нет.

– Ты серьезно? Хочешь сказать, эти штуки действительно будут работать?

– Если ты в это поверишь.

– Так чье все-таки воображение создает все эти вещи? Мое или твое?

– Наше общее. Я делаю так, чтобы они появились. Но ты должен поверить в них, чтобы ими пользоваться. И лучше не думай об этом, как о воображении!

– Да, конечно, – поспешно поправился Малколм. – Они такие же реальные, как эта скамейка, – он для убедительности постучал по сиденью. – Так где они?

– Загляни под скамейку.

Под скамейкой оказалась длинная картонная коробка, на сей раз почему-то уже вскрытая и без какой-либо картинки. Внутри лежала пластиковая доска, похожая на обычный скейтборд, только шире, вдвое толще и без колес, и нечто вроде серебристого фонарика с рубчатой рукоятью. Малколм поднес "фонарик" к глазам и вдруг разочарованно рассмеялся:

– Тут написано "сделано в США" и логотип "Lucas Films"! Ты меня разыграла! Это игрушка!

– Нет, он настоящий.

– Тогда почему не написано "Сделано в Галактической Республике" или "в Империи"?

– Потому что в твоём представлении световые мечи – это разработка "Lucas Films".

Малколм поднялся, выставил руку вперед и нажал кнопку. Со свистящим гудением выдвинулся багрово-красный плазменный клинок.

– Значит, я темный джедай, – удовлетворенно произнес Малколм. – Ну что ж, мне всегда больше нравилась темная сторона, несмотря на все стремление авторов выставить их злобными придурками. У темных, по крайней мере, есть стиль. Пам-пам-пам, па-па-пам, па-па-пам! – напел он имперскую тему и взмахнул мечом над головой.

Послышался сухой треск, но рука Малколма не ощутила ни малейшего сопротивления, так что упавшая сверху ветка, больно стукнувшая его по макушке, стала для него неожиданностью.

– Круто! – тем не менее, восхитился Малколм, потирая ушибленное место. – Интересно, насколько хватает заряда. И как потом подзаряжать.

– Там, в коробке, зарядное устройство, – вздохнула Джессика. – Втыкается в обычную розетку.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Малколм, выключая клинок. – Теперь скейт... честно говоря, никогда не катался даже на обычном. Надеюсь, что не свалюсь сверху тебе на голову...

"Что, интересно, произойдет в этом случае? – подумал он с беспокойством; боль от удара

15 Исходное значение слова drone – трутень, в прямом и переносном смысле

веткой была вполне реалистичной. – Я просто проснусь? Или – "если ты умираешь в Матрице, умираешь на самом деле"?"

Но Джессика не выглядела встревоженной и лишь смотрела на него с улыбкой, когда он становился на доску, так что Малколм решил, что ему ничего не грозит.

Послышалось легкое гудение, и скейт приподнялся на несколько дюймов над землей. Малколм постоял на нем, проверяя равновесие – поверхность под ногами оказалась вполне устойчивой, а не такой зыбкой, как он опасался – а потом решил слегка наклониться вбок. Доска послушно заскользила по воздуху в том же направлении. Вскоре Малколм освоил основные принципы: чтобы двигаться влево или вправо, надо наклонить тело в соответствующую сторону, при этом, если передний конец выше заднего, скейт набирает высоту, а если ниже – спускается. Угол наклона, естественно, регулирует скорость. Возможности вертикального подъема и спуска Малколм не нашел, так что подниматься вокруг дерева ему пришлось по спирали – но, стоило выпрямиться, как скейт зависал на месте высоко в воздухе так же легко и устойчиво, как и над самой землей. Впрочем, лишь пару первых веток Малколм срезал, стоя на месте; дальше он осмелел и носился вокруг дерева кругами, на лету рубя ветви джедайским мечом. "Ни один Диснейлэнд не предложит ничего подобного! – подумалось ему. – Ни один военный тренажер стоимостью в миллионы долларов! Ни одна лаборатория НАСА!"

Наконец, когда крона дерева обрела более-менее цилиндрическую форму, Малколм съехал по спирали вниз и лихо спрыгнул на землю прямо перед Джессикой. Доска проскользила по воздуху еще пару ярдов и, более не чувствуя веса наездника, тоже легла на грунт. Вокруг валялись покромсанные ветки и листья.

– Хм, – он впервые обратил внимание на весь этот мусор, – надо, наверное, все это убрать...

– Это... съедят... жуки, – отмахнулась Джессика. – Давай уже наконец смотреть "Пиратов", а то не успеем!

И они стали смотреть четвертый фильм, предварительно подняв из земли свой новый дом до соответствующего уровня, стилизованного под пиратское логово, с "веселым Роджером" и скрещенными саблями на стенах. В одном углу стояла небольшая короткоствольная пушка, в другом – сундук с золотыми дублонами. За этим сундуком, однако, скрывалась самая прозаическая розетка, куда Малколм и подключил плазменную панель.

Когда начались титры, Малколм поспешно промотал их (бесспорное преимущество компьютера перед кинотеатром!) Наконец пошла финальная сцена – Анжелика, сперва спасенная, а затем преданная своим любимым Джеком Воробьем, оставленная им на необитаемом острове, находит прибитую волнами куклу вуду с его лицом, и на ее устах возникает улыбка, не предвещающая Джеку ничего хорошего...

– С чувствами героев они тут явно перекрутили, – неодобрительно заметил Малколм. – Он ее спас, но бросил одну на острове, потому что боялся, что она его убьет, несмотря на то, что любит... зачем тогда спасал, спрашивается? Нет, я понимаю, что у людей на этой почве мозги обычно переключиваются, но должно же быть хоть какое-то психологическое правдоподобие...

Джессика ничего не ответила, и, повернув голову, Малколм увидел, что ее уже нет. "Рассвет, – понял он. – Проснуться! Немедленно проснуться!" Он с досадой вспомнил, что так и не успел рассказать Джессике про типа с обезображенным лицом. Правда, интуиция подсказывала ему, что теперь, пока Джессика с ним, чужаки уже не подберутся незамеченными, но когда она исчезает, он, вероятно, становится уязвим...

Малколм распахнул глаза, боясь увидеть прямо перед собой того заросшего урода, возможно, на сей раз вооруженного, причем чем-то посерьезней ножа. Но предутренний парк вокруг был пуст. Над озером стелилась белесая дымка, но не такой густой туман, как накануне; над землей не было даже и ее, так что Малколм мог быть уверен, что никто к нему не подкрадывается – и даже не бежит прочь, заметив его пробуждение. Он быстро собрал свой

рюкзак, вскинул его на плечи и зашагал в сторону аллеи. На ходу посмотрел с печальной усмешкой на неповрежденный дерн, который во сне был взрыт поднимающимся из-под земли домом, на неизменный шатер веток над головой...

Или не такой уж неизменный? Осенняя непогода прошлых дней уже лишила дерево значительной части его листвы, но еще накануне листьев было гораздо больше. Сейчас их не осталось практически совсем. Желтые листья сохранились лишь на нескольких молодых побегах, ответвившихся от старых суков ближе к стволу.

Вписывающихся в некий круг, а точнее – цилиндр, очерченный вокруг скамейки.

За пределами этого контура земля была покрыта ковром опавших листьев, и они не были желтыми, как следовало бы ожидать от опавших недавно. Они были черными, гниющими, уже почти разложившимися.

Малколм протянул руку вверх и взялся за одну из веток, простиравшихся за пределы контура. Его пальцы погрузились в сырую гниль. Ветка почти беззвучно переломилась все по той же цилиндрической границе, и ее внешняя часть упала на землю, развалившись от удара на несколько трухлявых кусков. Среди трухи копошились черви – точнее, видимо, личинки каких-то насекомых.

"Их съедят жуки".

Может быть, ему только приснилось, что он проснулся? Может, он все еще *там*?

Малколм вытащил нож и провел кончиком по пальцу левой руки. Было больно, и выступила кровь. Он слизнул ее, почувствовав соленый привкус. Чертовски реально. Хотя боль от удара по голове во сне тоже казалась реальной... Нет, не может быть! Там он знал, что это сон! А теперь точно так же знает, что не спит!

Но окончательно он уверился в этом только к середине первой пары. Его подсознание не могло выдать столь продолжительную и связную лекцию на ранее неизвестную ему тему. И Джессика этого тоже не проходила.

Рика он вновь не застал утром в общежитии, однако видел на занятиях. Говорить с соседом в перерывах Малколм, впрочем, не стал; тот тоже не подходил к нему. После, однако, Рик в общежитии не появился, и Малколм подумал, что он снова отправился в больницу к Кевину. Сам Малколм, накануне весь вечер занимавшийся интерьерами, нехотя заставил себя сесть за учебу, поставив тем временем на скачивание седьмые "Звездные войны". Этот фильм он тоже не смотрел, сочтя, что сюжет полностью исчерпан предыдущими фильмами, и все дальнейшие продолжения и дополнения – просто тупое выдаивание денег из фанатов, не понимающих, когда нужно остановиться. Но Джессике, наверное, будет интересно, раз уж она подарила ему джедайский меч. Тем более что это у него есть выбор – что смотреть, а что не смотреть. А она может смотреть только то, что принесет ей он...

"А ведь я – единственный зритель "Звездных войн", державший в руках настоящий световой меч! – подумал он, отрываясь от тетради. – Ну то есть как настоящий? Приснившийся, конечно... или все-таки не совсем?" Ему снова вспомнилось, что стало с ветвями дерева, отрубленными им во сне. Если бы в эту ночь рядом оказался свидетель, он бы, конечно, не увидел парня, летающего со светящимся мечом вокруг дерева. Он бы увидел парня, мирно спящего на скамейке. Но с деревом случилось то, что случилось. А что случилось бы наяву с человеком, которого он рубанул бы во сне таким мечом? Сердечный приступ? Рак? Болезнь Альцгеймера?

В зависимости от характера и места удара, возможно.

И что все-таки видел Кевин за миг до катастрофы? Не нанести ли тоже ему визит? Просто чтобы проверить, не расширятся ли его глаза от ужаса при виде Малколма...

В окно опять забарабанил дождь. Проклятье, подумал Малколм и полез на метеосайт. Ну да, сплошные тучи, ползущие с Атлантики и сулящие дожди, с перерывами, почти до утра. Прости, Джессика, но, кажется, сегодня "Звездные войны" отменяются. В их виртуальном доме

есть крыша, но вряд ли она поможет его физическому телу, остающемуся под дождем на скамейке. Спального мешка тут мало – нужна палатка, а ее на скамейку не поставишь, особенно так, чтобы не привлекать внимания со стороны. Ну ладно, Джессика понимает, что это из-за погоды, и не обидится. Она же не хочет, чтобы он опять простудился. Но... Малколм уже настроился на скорую встречу, а теперь придется ждать еще больше суток. И неизвестно, какая погода будет следующей ночью (метеосайт пестрел прогнозами дождей вперемешку с прояснениями до понедельника, но прогнозы больше, чем на сутки, не отличаются большой точностью). Обычной девушке можно было бы хотя бы позвонить...

"А ты подумай, каково приходится ей! – одернул себя Малколм. – Ты-то, если не идешь на свидание, всегда можешь найти себе другое занятие, за компьютером и вообще... А она без тебя только и может, что сидеть там и ждать. Ночью и днем, в любую погоду, под дождем и ветром... хотя она, похоже, не чувствует холода и сырости, но все равно – созерцать эту унылую картину, не имея возможно даже сдвинуться с места..."

Ему стало так жалко Джессику, что захотелось тут же сорваться с места и бежать в парк, невзирая ни на какую непогоду. Но это было неразумно. Если он действительно заболит, да еще и испортит под дождем свой ноутбук, это не пойдет на пользу никому из них.

"Я люблю тебя, Джессика!" – сказал он про себя, а затем повторил это вслух. – Надеюсь, ты это слышишь.

Рик все не появлялся, и Малколм, рассудив, что больничные часы посещения уже истекли, понял, что в который раз подумал о человеке лучше, чем тот заслуживает. Очевидно, уже на следующий день после аварии Рик забыл о страданиях своего злосчастного друга и сейчас вовсю отрываясь на какой-нибудь вечеринке или в компании очередной девки. Хорошо, что он по крайней мере не таскает своих девок сюда – хотя, пожалуй, скоро начнет, рассудив, что сосед все равно не ночует "дома" и, стало быть, "хата свободна"... Вот будет номер, если он заявится с подобной шлюхой прямо сегодня, не зная, что как раз в эту ночь Малколм никуда уходить не собирается!

Рик объявился через два часа, когда Малколм уже ложился спать (ночные свидания с Джессикой уже начали вырабатывать у него привычку засыпать вскоре после наступления темноты, а не глубоко за полночь, как прежде). К счастью, Рик был один. Но спиртным от него разило за милю.

"Так я и думал! – подумал Малколм с отвращением. – Не хватало еще, чтобы он стал тут блевать посреди ночи!"

Рик протопал в комнату, не снимая грязных ботинок и мокрой куртки, и тяжело плюхнулся задом на кровать. Некоторое время он молча сидел, свесив руки между коленями и глядя в пол.

– Ты хоть раздеться сам сможешь? – брезгливо поинтересовался Малколм. – Учти, я не собираюсь стаскивать с тебя ботинки и штаны.

Рик ничего не ответил, и Малколм, который к этому времени сам уже разделся, пошел и выключил свет.

– Сходи в туалет, прежде чем ложиться, – посоветовал он, забираясь под одеяло. – Чтобы ночью не было никаких... сюрпризов. От тебя и так пахнет не розами.

Сосед снова не ответил, как не пытался и встать или зажечь светильник над своей кроватью, так что Малколм отвернулся от него к стене. Лежать на мягком матрасе, а не на жесткой даже сквозь спальник скамейке оказалось неожиданно приятно, и, хотя Малколм упрекнул себя за эту мысль, он начал засыпать почти сразу. В голове замелькали обрывки бессмысленных фраз...

– Малколм, – донеслось вдруг из темноты за его спиной.

"Ну что тебе еще", – подумал Малколм, не открывая ни глаз, ни рта.

– Я убил Кевина.

Голос Рика звучал неожиданно трезво.

Малколм все-таки открыл глаза в темноте.

– Что? – переспросил он, думая, что ему послышалось, а может, и приснилось.

– Я, наверное, идиот, что признаюсь тебе в этом, – продолжал Рик, – но я должен поделиться хоть с кем-то. А ты, наверное, последний, кто стал бы об этом болтать. Из тебя обычно слова клещами не вытянешь.

– Что ты сделал? – еще раз спросил Малколм, садясь на кровати.

– Ты не представляешь себе, как это просто. Достаточно надеть халат, взять в руку планшетку с бумагами и идти по коридору с озабоченным видом. Никто не станет тебя останавливать и выяснять, кто ты, к кому и зачем. Тебя просто считают интерном. Я просто вошел в его палату и... прилепил его датчики к собственной груди, чтобы раньше времени не поднялась тревога. А потом отсоединил его дыхательную трубку и стал дышать в нее сам. И вернул все обратно, когда все уже точно было кончено. Мозг умирает без кислорода за шесть минут. Это были самые длинные шесть минут в моей жизни... Как только зазвенел сигнал тревоги, я спрятался в туалете в той же палате и сидел там, пока все не разошлось. Те, кто пытались его реанимировать. Ну, это было недолго, они быстро поняли, что бесполезно. Потом я спокойно ушел. Меня никто не видел, – Рик помолчал. – Он сам этого хотел, Малколм. Он просил меня. Сегодня он ни на что не реагировал, я так понимаю, они ввели его в искусственную кому, так, кажется, это называется... Но вчера он несколько раз показывал мне глазами на аппаратуру. И я спросил его: "Ты хочешь..." – то есть не вслух спросил, там рядом были его родные, а сделал жест пальцами, как ножницами – и он снова показал мне: "Да". Никто, кроме меня, не мог сделать это для него, Малколм. В конце концов, он был моим куратором в братстве. И это было его последнее поручение, – Рик снова помолчал. – Ну что? Пойдешь теперь доносить на меня в полицию?

– Нет, Рик, – ответил Малколм. – Я думаю, ты все сделал правильно. Надеюсь только, что ты не оставил отпечатки пальцев. И что пил ты уже после.

– Нет, про перчатки я не забыл, конечно... И все делал трезвый. Я и не думал напиваться. Не думал, что мне будет так хреново. Ведь я действительно все сделал правильно. Но я убил собственного друга. И теперь буду жить с этим всю жизнь.

– Где ты взял спиртное? – требовательно спросил Малколм. – Ведь тебе нет двадцати одного.

– С моими знакомствами можно достать что угодно, – усмехнулся Рик.

– Но я надеюсь, больше ты ни с кем не говорил об этом? С тем, кто тебя угостил, или пил с тобой вместе...

– Нет, конечно. Я все-таки не настолько идиот. Я ушел с бутылкой и пил один. Потом пришел сюда.

– Ну тогда, думаю, все будет в порядке. Может, ты завтра даже и не вспомнишь об этом. Просто узнаешь, что Кевин умер в больнице, а все остальное тебе приснилось. А я подтверждаю, что этого разговора не было.

– Нет, Малколм. Теперь я это никогда не забуду, – Рик еще помолчал и добавил: – Я найду его.

– Кого?

– Убийцу Кевина. Настоящего виновника его смерти. Теперь для меня это дело принципа.

– Рик, – вздохнул Малколм, – ты снова говоришь, как герой дешевого боевика. Если даже у полиции нет шансов его найти, что сможешь сделать ты? Это был просто несчастный случай. Забудь.

– Нет, – твердо возразил Рик. – Почему он удрал? Почему бросил Кевина умирать без помощи?

– Просто испугался. Он... или она. Какая-нибудь девчонка, только что получившая

водительскую лицензию и ехавшая домой с вечеринки, где она выпила пару банок пива. Может, даже не превысившая ни скорости, ни допустимой дозы алкоголя, а всего лишь не уверенная, превысила она или нет. Ты же понимаешь, как это бывает. Это подло, конечно, и по закону это преступление. Но никто не собирался убивать Кевина специально.

– Ты-то откуда знаешь? – в голосе Рика послышалось подозрение.

– Просто это наиболее вероятный вариант.

– После всех твоих разглаговольствований о заговоре в братстве?

– Я же сказал – мне так и не удалось ничего найти. Все, кого я подозревал, мертвы. Дело закрыто.

– Значит, я продолжу его без твоей помощи.

– Ладно, Рик, – вздохнул Малколм. – Ложись спать. Возможно, утром, на трезвую голову, ситуация представится тебе иначе.

Утром пятницы Рик не сказал ни слова о том, что произошло накануне. Ему было вообще не до разговоров – он мучился похмельем. Малколм ушел на занятия, оставив его страдать.

Днем, шагая из корпуса в корпус мимо штаб-квартиры "Фи Дельта Омега", Малколм заметил вывешенный возле входа портрет Кевина с траурной лентой. Под ним на сыром асфальте мокли несколько букетиков, смотревшихся, на взгляд Малколма, довольно жалко. Ему вдруг вспомнилась фотография из какой-то хроники Второй мировой войны, изображавшая могилу солдата – связанный из двух палок крест с надетой на него каской – и представилась такая же, только с велосипедным шлемом. "Не лез бы ты не в свое дело, Кевин. Ведь это же так просто – не лезть не в свое дело! Для этого не надо предпринимать ровно никаких усилий... Почему люди предпочитают тратить энергию только для того, чтобы осложнять жизнь себе и другим?"

Вечером, в перерыве между дождями, Малколм ненадолго сходил в парк – пообщаться с Джессикой хотя бы односторонне и извиниться, что из-за погоды их очередное ночное свидание вновь откладывается. На сей раз он рассказал ей о том типе, что напугал его после пробуждения во вторник. Он даже постарался, закрыв глаза, как можно более отчетливо представить себе этого субъекта, чтобы передать образ Джессике – как представил в свое время Кевина. Правда, она вроде бы говорила, что для лучшей передачи информации нужен физический контакт... но, возможно, это все же не обязательно. Дотрагиваться до него Малколму определенно не хотелось – еще подцепишь какую-нибудь заразу...

Открыв глаза, Малколм посмотрел на то место, где по ночам сидела Джессика, точно напротив мемориальной таблички – и впервые осознал, что она не просто слышит его... откуда-то, словно по телефону, а что она *и сейчас* сидит там, на расстоянии протянутой руки. Что, интересно, будет, если он сядет на *то же самое* место? Хотя – он ведь и так пересекает это пространство, когда ложится, и не чувствует ни холода, ни прикосновения, вообще ничего. Но если он именно сядет на место Джессики, она, возможно... увидит его изнутри, в самом буквальном смысле? Вряд ли это зрелище доставит ей удовольствие. Хотя, конечно, она училась на врача и не должна чувствовать безглизивость... но все равно, он совершенно не желал представать перед ней в *таком* виде. Все физиологическое отвратительно. Даже если врачи так не считают, достаточно, что так считает он сам. И нет, от того, что отвратительное необходимо, оно менее отвратительным не становится. Впрочем... так ли уж необходимо? Существование Джессики в ее нынешнем виде доказывало обратное...

Малколм задумался, готов ли он отказаться от *всех* физиологических удовольствий ради бестелесного бытия. От еды, например. Гурманом он не был, недавно так и вовсе без особых проблем прожил пару дней на двух самолетных сэндвичах и пакетике чипсов, но все же периодически вознаградить себя чем-то вкусным было приятно – особенно после продуктивной работы, будь то учеба, сборка очередной модели или даже большая уборка комнаты. Но ведь удовольствие от еды вызвано всего лишь потребностью тела восполнить потраченные на работу

калории. Если нет тела, не будет и аппетита. Зато – возможность силой одного лишь разума создавать в собственном мире то, что недоступно или попросту не существует в физической реальности – от роскошных автомобилей до летающих скейтов и световых мечей... Но – если платой за это является необходимость всегда оставаться на одном и том же месте, не только в реальном мире, но и в призрачном? С другой стороны, необходимое ли это условие?

Снова закапал дождь, и Малколм, с сожалением попрощавшись с Джессикой, поднялся и пошел прочь, ступая по отгнившим и упавшим с дерева веткам. Скоро, наверное, крона наяву окончательно обретет тот же вид, что и во сне. Но насторожит ли это кого-нибудь? Вряд ли. Всякий, наверное, решит, что ветки обрезал тот, кто имел на это право. Санитарная обрезка, что-то в этом духе. Тем более что это по сути так и есть – отвалившиеся части поражены личинками.

Рик, тоже куда-то уходивший вечером пятницы, куда-то умотал и с утра в субботу; Малколм, как обычно, не спрашивал, куда он идет, но позже подумал, что, наверное, на похороны Кевина. Правда, не возвращался Рик как-то очень долго – но, быть может, братство устроило длительную прощальную церемонию в память о своем секретаре. Самого Малколма, в любом случае, отсутствие соседа, как всегда, только радовало. Отдав некоторое время учебе, он принялся лазить по различным сайтам, ища, как еще можно украсить и обустроить их с Джессикой дом, а также какие фильмы и аудиокниги можно для нее скачать. Искал он, конечно, то, что можно было скачать бесплатно; "я бы охотно заплатил вам пиратскими дублонами из сна, – думал он с усмешкой, – и это было бы вполне справедливо, поскольку смотреть и слушать мы тоже собираемся во сне."

Рик вернулся, когда уже стемнело, и посмотрел на соседа странным взглядом, словно удивляясь, что тот все еще здесь. Малколм и в самом деле собирался наконец увидеться с Джессикой, но погода все еще не благоприятствовала – метеосайт обещал прояснение только к полуночи. "Вот и хорошо, – подумал про себя Малколм, – уйду, когда он уже ляжет спать." Однако Рик, за все время с их ночного разговора обменявшийся с соседом лишь парой ничего не значащих фраз, тоже засел за свой компьютер и, похоже, совершенно не собирался ложиться пораньше, для чего накануне воскресенья не было и повода.

Малколм сидел и все больше злился, хотя внешне, как обычно, не подавал виду. "Я могу встать и уйти в любой момент, – говорил он себе. – Я не обязан перед ним отчитываться или от него прятаться. Сейчас только октябрь, а мне с ним жить до июня. И что ж мне теперь – каждую ночь дожидаться, пока он заснет? Только потому, что он вбил себе в голову, что должен расследовать смерть Кевина, а я ему сказал, что свое расследование закончил? Чушь это все. Даже если я буду уходить позже, а приходиться раньше, он все равно заметит, что я не ночую здесь. Ну и наплевать, не его это дело. А я не должен показывать, что меня это хоть сколько-нибудь заботит!"

Но, едва он собрался решительно встать и пойти одеваться, как Рик закрыл свой ноутбук и принялся расстегивать рубашку.

– Тебе еще нужен свет? – спросил он, вернувшись из ванной.

– Можешь выключать, я тоже скоро пойду спать, – ответил Малколм и подумал, что это даже и не ложь. Он ведь не уточнил, куда именно пойдет.

Рик отвернулся к стенке и, похоже, быстро заснул. Малколм некоторое время прислушивался к его ровному дыханию, а затем, стараясь двигаться беззвучно, стал собираться. Свернув и отправив в рюкзак свой собственный ноут, он выскользнул из темной комнаты, аккуратно закрыв за собой дверь, придерживав ручку, чтобы не щелкнул замок, а затем плавно повернув ее.

В парке еще чувствовалась сырость, но небо наконец-то полностью очистилось, и в его космической черноте ярко сияла полная луна, озаряя аллею призрачным голубоватым светом. Где-то в лесу позади хрустнула ветка, и Малколм с усмешкой подумал, что, согласно суевериям, сейчас самое время для появления какого-нибудь оборотня. Разумеется, он не почувствовал даже

мимолетного испуга – он любил ночь и к суевериям относился неизменно презрительно, даже шагая на свидание с мертвой девушкой. А может быть, как раз благодаря этому. На Джессику, по крайней мере, фаза луны, похоже, никак не влияла. Откуда вообще взялся у людей этот нелепый страх перед полной луной, которая светит так ярко и красиво? Логичнее было бы, наоборот, бояться темных ночей новолуния...

Тем не менее, подходя к скамейке, он внимательно огляделся по сторонам, затем, уже разложив спальный мешок – еще раз. Станным образом этот яркий свет создавал у него ощущение незащитности, словно он собирался спать днем, у всех на виду. Но в парке в такую пору, разумеется, не могло быть никого, кроме мелких ночных животных. Малколм забрался в мешок и постарался максимально расслабиться, дыша медленно и размеренно. Ему надо уснуть поскорее и нельзя прибегать к помощи таблеток – сегодня он пришел слишком поздно и, если примет снотворное, не успеет проснуться до рассвета...

– Я уж боялась, что ты и сегодня не придешь.

– Ну что ты, Джесс! – воскликнул Малколм, радуясь, что видит ее снова. Ее лицо казалось неестественно белым в лунном свете. – Как только кончился дождь...

– Дождь кончился уже давно.

– Рик, – нехотя проворчал Малколм. – Мой сосед. Я ждал, пока он заснет.

– Он становится проблемой? – неприязненно осведомилась Джессика. – Пытается помешать нашим встречам?

– Да нет... он, правда, любопытствовал, куда я хожу по ночам...

– И что ты ответил?

– Честно сказал, что на свидания с девушкой, – усмехнулся Малколм, – но я успел создать себе такую репутацию, что он мне не поверил.

– Ну и хорошо.

– Да, но сейчас он слишком озабочен смертью своего друга и склонен совать нос, куда не надо. Не хотелось бы, чтобы он как-нибудь увязался за мной.

– Не хотелось бы, – согласилась Джессика и после короткой паузы произнесла: – Малколм, ты ведь хочешь жить один?

– Нет, я хочу жить с тобой! – автоматически ответил он.

– Я имею в виду – там. В общежитии.

– Конечно, но.. – до него, наконец, дошло. – Джесс, я не хочу, чтобы с Риком... что-то случилось. Он, конечно, бывает несносен, но...

– Совсем-совсем ничего? С людьми случаются разные вещи. Особенно с теми, которые делают неправильный выбор. Иногда они попадают в больницу... на несколько месяцев. Потом он мог бы вернуться к учебе... но это будет уже на следующий год. Когда тебе уже не придется жить в общежитии.

Малколм несколько секунд обдумывал это предложение. Его первым импульсом было согласиться. Это всего лишь больница, это же не убийство! Ничего непоправимого. Но – несколько месяцев на больничной койке? Это должно быть что-то очень серьезное. Слишком суровое наказание для человека, который, объективно говоря, не хотел, да и пока еще не сделал ему никакого зла.

– Ничего, – покачал головой он, – как-нибудь потерплю Рика до конца года. А то еще поселят вместо него кого-нибудь еще хуже... "Мириться лучше со знакомым злом..."

– Не поселят, – возразила Джессика. – Когда кто-то выбывает в середине семестра, обычно уже не подселяют. Новых студентов-то уже нет.

– Все равно. Не надо. Он не заслужил.

– Люди нередко получают совсем не то, что заслужили, – горько произнесла Джессика. – Ну как знаешь, Малколм. Просто хотела сделать тебе еще один подарок.

– Спасибо, Джессика, я ценю, но – правда, не надо. Я разберусь с Риком сам. Давай

лучше кино смотреть! – поспешил сменить тему он. – Я принес седьмые "Звездные войны"!

– Давай! – обрадовалась Джессика.

Малколм взял пульт и поднял из земли дом, остановившись на сей раз на "космическом" этаже, а затем запустил фильм. "Любопытно, – подумал Малколм, глядя на экран, – в "Звездных войнах", несмотря на все звездолеты и высокие технологии, тоже есть загробная жизнь. По крайней мере, для наиболее продвинутых джедаев. Хотя, конечно, "Звездные войны" – это больше сказка, чем научная фантастика..."

Но Джессика сказкой не была. Уж точно нет.

После кино они продолжили обустройство своего дома, окружив его, по идее Малколма, высокой чугунной оградой с острыми пиками поверху и табличкой "Частная собственность. Проход запрещен" на тяжелый кованых воротах. Малколму всегда хотелось жить в доме с такой оградой (а не символическим штакетником, как у дома его родителей) и такой надписью. Затем Малколм вспомнил о своем намерении развесить на ветвях дерева модели самолетов. Поначалу он собирался лишь воспроизвести модели, украшавшие его комнату в родительском доме, но быстро сообразил, что теперь может позволить себе куда более крупный масштаб и большее разнообразие. И то, что когда-то пришлось бы клеить несколько дней, теперь возникало за секунды. Создавать новые предметы было все проще – подсознание материалиста по-прежнему не могло представить их появляющимися прямо в воздухе, но достаточно было отвернуться и подумать (а еще лучше – услышать слова Джессики) о том, что они находятся там, где должны находиться.

Джессика, в свою очередь, на вопрос Малколма, какие фильмы и книги из составленного им списка она хочет посмотреть и послушать, ответила: "Все!"

– Ну, этого нам хватит надолго, – рассмеялся Малколм.

– А разве мы куда-то спешим? – улыбнулась Джессика.

Однако вовсе игнорировать ход времени не могла и она, ибо близился рассвет. Вскоре она вынуждена была попрощаться с Малколмом, и через несколько секунд тот проснулся в своем ставшем уже привычным спальном мешке.

Торопливо собрав вещи, юноша двинулся в сторону аллеи, без всякого удовольствия окидывая взглядом скучную реальность. Никакого дома с вращающимися комнатами, никакого "Роллс-Ройса", никакой ограды, никаких самолетов. Только сырой и холодный осенний парк, гниющие листья, мокрая земля под ногами...

Внезапно Малколм остановился; нечто, замеченное боковым зрением – и на что он, вероятно, не обратил бы внимания в другое время – словно бы неприятно царапнуло его, заставив повернуть голову.

В грязи у подножья дерева справа от него четко отпечатались человеческие следы. Малколм подошел и присел на корточки, рассматривая их. Рубчатые подошвы могли указывать на спортивную обувь, и все же едва ли это были следы очередного бегуна. Бегуну нечего делать на таком расстоянии от аллеи. Даже если бы он захотел передохнуть – и даже если бы он сошел с дорожки, чтобы справить нужду, когда туалеты уже закрыты – он не стал бы стоять за деревом в такой позиции: ноги вместе, практически упираясь животом в ствол, спиной к аллее, откуда его вполне можно было заметить, лицом к скамейке Джессики. Такая позиция хороша лишь для одной цели – прячась за стволом, наблюдать сбоку за скамейкой. К тому же следы были совсем свежие. Вне всякого сомнения, они появились этой ночью, иначе их размыл бы дождь. А ночью, даже в полнолуние, в парке не бывает бегунов.

Малколм продолжал разглядывать следы, стараясь рассуждать, как эксперт-криминалист. Очевидно, этот парень (а следы, судя по размеру, принадлежали мужчине) простоял тут достаточно долго и несколько раз переминался с ноги на ногу. Тяжелым громилой он, видимо, не был, хотя совсем уж мелким хлюпиком тоже. Все тот же урод с неухоженными волосами? Или...

Куда он девался потом? Увы, трава вокруг, в отличие от пяточка открытой почвы, не

сохранила заметных впечатков. Вернулся на аллею, скорее всего... Во всяком случае, ближе к скамейке он не подходил. Малколм вспомнил, где проходила возведенная во сне ограда и понял, что ночной соглядатай остановился как раз перед ней. Было ли это простым совпадением? "Вот тебе и оборотень в ночь полнолуния!" – усмехнулся Малколм про себя, а затем спросил вслух: "Джесс, ты видела его? Ты знаешь, что это за тип? Это ты не позволила ему подойти ближе?"

Ответа он, конечно, не получил и продолжил свой путь "домой", то есть в общагу. Впрочем, никогда раньше он не считал общежитие своим домом в меньшей степени, чем теперь. Даже дом, в котором он вырос, был для него теперь не более чем "домом родителей". В конце концов, даже там в его полном распоряжении находилась лишь одна комната, по инерции именованная "детской", даже когда ему исполнилось восемнадцать. Его настоящий дом здесь, на озере, с Джессикой, там множество комнат на все стили и случаи и высокая ограда, охраняющая их приватность от всего чужого мира...

Рик еще спал, как и положено студенту, которому решительно некуда торопиться рано утром в воскресенье. Остановившись под вешалкой, Малколм поднял с пола его кроссовки и внимательно осмотрел подошвы. Размер, пожалуй, совпадает. И рисунок тоже. Что, конечно, ничего не доказывает – такие кроссовки выпускаются и продаются тысячами. А вот маленькие комочки влажной земли, налипшие во впадинах рифления... Могли ли они остаться со вчерашнего вечера, или они куда свежее? Малколм даже понюхал обувь и брезгливо поморщился.

"Если это был ты, Рик, то это твоя большая ошибка, – мрачно подумал он. – Очень большая ошибка. Но я знаю, как тебя остановить."

Словно услышав его мысли, сосед зашевелился на кровати. Когда Малколм вошел в комнату, Рик лежал на спине и внимательно смотрел на него. Малколм демонстративно проигнорировал этот взгляд, не сказав даже "привет".

– Как там на улице? – осведомился Рик. Малколм уже снял уличную одежду и рюкзак, но Рик, очевидно, не сомневался, что он не просто выходил в прихожую из комнаты.

– Холодно, но ясно, – ответил Малколм. – Днем, вероятно, будет тепло.

– Это хорошо, – откликнулся Рик. – У тебя какие планы на сегодня?

– А что?

– Да так. Хочу кое-куда тебя пригласить и кое с кем познакомиться.

– С очередной классной девчонкой? – презрительно усмехнулся Малколм.

– Почти. С сестрой подруги одной классной девчонки.

– Ты же знаешь, что мне это неинтересно, – Малколм уселся с ноутбуком на свою кровать. Надо поставить на скачивание фильмы и книги для Джессики...

– Потому что у тебя уже есть девушка? – не отставал Рик, и насмешливый оттенок этой фразы вызвал у Малколма внезапное желание встать и придушить соседа подушкой. Он ничего не ответил, желая прекратить разговор.

– Но думаю, что эта тебя заинтересует, – продолжал Рик и добавил уже совсем серьезно.

– Это бывшая подруга Карсона, – а когда Малколм не прореагировал и на это, закончил: – И она знает, кто его убил.

– Откуда? – Малколм оторвал взгляд от ноутбука и посмотрел на соседа. – Хочешь сказать, что она же это и сделала?

– Нет.

– Тогда она ничего не может знать. Если она была свидетельницей его смерти, она должна была обратиться в полицию. Как минимум, вызвать "скорую", когда ему стало плохо в парке. Если она этого не сделала, она либо сама виновна, либо ничего не видела и не знает.

– Она не видела, как он умер, – согласился Рик, – но она знает.

– Он оставил ей письмо типа "в моей смерти прошу винить...?" – Малколм вложил в свой тон максимум сарказма

– Вот потому я и прошу тебя выслушать ее рассказ, – ответил Рик. – Мне ты все равно не поверишь.

– Не вижу, почему я должен верить ей, – пожал плечами Малколм.

Вместо ответа Рик встал и пошел в ванную. Вернувшись, поставил чайник и принялся одеваться.

– Чай будешь? – спросил он Малколма.

– Пожалуй, – согласился тот, обдумывая, стоит ли спрашивать Рика напрямую "ты следил за мной ночью?" Что, если на самом деле все-таки нет, но окажется, что Малколм подал ему идею?

– Так что? – осведомился Рик, выдавливая в чай лимон. – Пойдешь сегодня со мной к Лайзе?

– Не вижу смысла терять время на чьи-то фантазии или розыгрыши, – ответил Малколм.

– Я вообще не думаю, что у Карсона была девушка.

"По крайней мере, по имени Лайза."

– Нигде в интернете нет упоминаний об этом, – добавил он вслух для убедительности.

– Я уже говорил тебе, Малколм – поиск в интернете не заменяет общения с живыми людьми. Особенно когда проводишь расследование, затрагивающее... чьи-то тайны. Не всю информацию выкладывают онлайн. Про тебя тоже любой сказал бы, что у тебя нет девушки, не так ли? Но я знаю, что она есть. Знаю, что ты ходишь к ней почти каждую ночь. И я знаю ее имя.

– Вот как? – Малколм иронично приподнял бровь и сделал глоток чая.

– Джессика Сильвер.

Рик пристально смотрел на соседа, но его голос прозвучал спокойно, тоном простой констатации известного обоим факта.

Малколм почувствовал, как его сердце забилось быстрее, но сохранил свою обычную внешнюю невозмутимость.

– Джессика Сильвер умерла десять лет назад, – холодно сказал он.

– Я знаю, – спокойно ответил Рик.

– В таком случае, что означает эта чушь? Ты что, возмнил меня каким-то... некрофил-ом-гробокопателем? Хотя через десять лет, наверное, даже в гробу уже мало что остается...

– Малколм, – поморщился Рик, – давай не будем, как ты сам говоришь, терять время на ритуальные фразы. Мы оба прекрасно знаем, о чем речь. И именно поэтому я прошу тебя выслушать рассказ Лайзы.

Малколм отхлебнул из чашки и поставил ее на стол.

– Кто она такая вообще? – спросил он первое, что пришло в голову. – Студентка?

– Нет, она не училась в нашем универе, но работала тут библиотекарем.

– А, такая, с лицом, похожим на баклажан? – криво усмехнулся Малколм. – Не удивлюсь, если это именно она придумала себе мертвого бойфренда за невозможностью найти настоящего.

– Нет, это не та, что работает сейчас. Лайзу уволили три года назад. За то, что она дала Карсону доступ к библиотечному серверу, а он запустил туда вирус.

– Час от часу не легче! – рассмеялся Малколм. – Не знаю, какие там счета она пытается свести со своим давно покойным дружкой и что ради этого напридумывала...

– Малколм, – вздохнул Рик. – Еще раз прошу, не надо терять время на притворство. На самом деле, это в твоих интересах. Ты можешь этого не понимать, как поначалу не понимал Карсон, но ты в опасности. В *большой* опасности.

– Из-за чьих-то бредовых фантазий?

– Мне самому ее рассказ поначалу показался полным бредом, – ответил Рик. – Любому бы показался. Но... я кое-что видел. Сегодня ночью.

– Так ты все-таки следил за мной! – обвиняюще воскликнул Малколм.

– Я должен был проверить, бред это или нет! И я увидел одного знакомого парня,

который глубокой ночью в холодном пустом парке сидит на скамейке в спальном мешке с ноутбуком на коленях и смотрит фильм. Судя по саундтреку, это были "Звездные войны". Ну, конечно, почему бы и нет, почему бы кому-то не пойти ночью в парк, отмахав пешком больше трех миль, с единственной целью посмотреть там "Звездные войны" с собственного ноутбука, сказал я себе. Но дело в том, что ты смотрел фильм... с закрытыми глазами. Света от экрана и от луны и... моего бинокля было достаточно, чтобы это разглядеть. Твои губы периодически шевелились, но глаза оставались закрытыми. Да, конечно, я знаю, что такое сомнамбулизм. Но все-таки до этого мы с тобой больше месяца спали в одной комнате. И я знаю, что когда ты спишь здесь, с тобой не происходит ничего подобного.

– Ну, допустим, время от времени у меня бывают приступы, – произнес Малколм с видом человека, вынужденного поделиться стыдным диагнозом. – И что? Они совершенно безобидны. У меня нет болезни сердца, как у Карсона. Это совершенно другое.

– Все-таки упорствуешь, – констатировал Рик. – Ну а если я скажу, что я был не единственным, кто следил за тобой там? Все еще чувствуешь себя в полной безопасности?

Малколм, уже почти успокоившийся, снова почувствовал холод в животе.

– И кто это был? – спросил он.

– Я не знаю, – покачал головой Рик. – Он заметил меня раньше, чем я его, и убежал прежде, чем я смог его рассмотреть. Но ему явно что-то было от тебя надо... и вряд ли это был твой ноутбук. Так что, возможно, этой ночью я спас тебя.

"А я тебя!" – чуть было не вырвалось у Малколма, но он вовремя прикусил язык.

– Какой-нибудь бомж, – пожал он плечами. – Я по-прежнему не понимаю, при чем тут твоя Лайза и... девушка, умершая десять лет назад.

– Было и еще кое-что, что убедило меня в правоте рассказа Лайзы, – нехотя произнес Рик. – После того, как этот тип сбежал, и я некоторое время наблюдал за тобой издали... потом я, конечно, захотел подойти к тебе и разбудить. Как когда-то Кевин. Но... я не смог этого сделать. То есть физически мне ничто не мешало. Но я чувствовал, что нельзя делать ни шага вперед. Влево, вправо, назад – сколько угодно, но только не вперед! Я, конечно, сказал себе, что это игра воображения, и шагнул. И тут на меня накатило... это было такое отвращение и такой ужас, какого я не испытывал никогда в жизни. Словно... – он скривился, – словно меня обнимает и целует труп, разложившийся уже до такой степени, что непонятно, мужской он или женский, его гнилая вонючая плоть прижимается к моему лицу, кожа рвется и расползается, из-под нее выдавливается омерзительная жижа, смрад забивает мне ноздри, его распухший язык, кишачий червями, лезет мне в рот, эти черви ползут мне в горло... Я бросился бежать, чуть не обделавшись. Хотя, какое там чуть... я реально насрал в свои трусы! Когда я, наконец, смог соображать достаточно, чтобы остановиться, мне пришлось снять и бросить их там, и подмываться ледяной водой из озера... Где-то там на берегу до сих пор валяются обосранные трусы Рика Тэлтона. Как по-твоему, стал бы я рассказывать тебе такое, если бы просто хотел приколоться? – Рик несколько секунд помолчал и добавил: – Думаю, если бы у меня было больное сердце, со мной случилось бы то же, что с Карсоном.

– Какие приятные разговоры за завтраком, – пробормотал Малколм и все же отправил в рот крекер.

– Вот, крепкий чай с лимоном пить могу, а есть, как это вспомню, до сих пор не тянет, – ответил Рик, и Малколм сообразил, что тот и в самом деле не съел ни крошки. Малколм впервые задумался о том, на что могли быть похожи кошмары, терзавшие убийцу Джессики. Возможно, то, что увидел и почувствовал Рик, было еще далеко не худшим вариантом... причем для него это длилось лишь пару секунд, пока он не покинул запретную зону, и он при этом не спал. А во сне ощущения, несомненно, были сильнее, реалистичнее и намного дольше...

– Так что? – вновь спросил Рик. – Сходишь со мной сегодня к Лайзе? Я предварительно договорился с ней вчера, что она все тебе расскажет. Но тогда я еще не был уверен. А теперь...

– Ну ладно, – с видимой неохотой произнес Малколм. На самом деле он уже давно понял, что выслушать Лайзу необходимо – хотя бы для того, чтобы понять, что она знает и насколько может помешать их встречам с Джессикой. Кевин больше не опасен, на Рика есть управа, а вот эта неведомая Лайза... – Ты ведь все равно иначе не отвяжешься... Когда?

– После полудня. Я ей брошу сообщение, что ты согласен, она мне перезвонит, когда будет готова. Идет?

– Ладно.

Еще не так давно Малколм с нетерпением ждал бы возможности услышать рассказ, проливающий свет на гибель Карсона. Теперь же он не ждал от разговора с Лайзой ничего приятного, а в таких случаях ожидание еще невыносимей, чем в предвкушении радостного события. Малколм бесцельно ползал по интернету, желая убить время, затем завалился на кровать в наушниках и вскоре задремал под музыку – все же этой ночью он спал меньше обычного. То есть, на самом деле, смотря что считать "обычным" – еще пару недель назад он как раз старался не тратить на сон больше шести часов в день, и обычно ему этого хватало. Но за последнее время он быстро привык спать намного дольше, практически от заката до рассвета, в то время как ночь с каждым днем незаметно, но неизменно становилась все длиннее...

Разбудил его телефон Рика, звонок которого пробился даже сквозь успокаивающую музыку в наушниках.

– Ну что, Малколм, ты готов? Лайза нас ждет.

– Далеко это? – проворчал Малколм, садясь на кровати.

– Пара миль отсюда. Ничего, погода хорошая, прогуляемся.

Выйдя с территории кампуса, они оставили позади длинную туристическую улицу с ресторанами и небольшими, но фешенебельными магазинами, перешли через площадь, на которую с одной стороны выходил островерхий католический собор в неоготическом стиле, а с другой – модернистская синагога, прошли через несколько кварталов утопавших в зелени богатых каменных домов в два-три этажа, некоторые из которых походили на замки в миниатюре, миновали огромное здание школы с прилегающими к нему стадионом и спортивными площадками, пересекли федеральное шоссе (в черте города именовавшееся Двадцатой улицей) с его торговыми центрами, бензоколонками и автосервисами, вновь углубились в жилые кварталы, но уже попроще – здесь стояли деревянные дома, главным образом простые одноэтажные под пологими двускатными крышами либо двухэтажные на 6-8 сдающихся в аренду квартир, прошли мимо старинного громоздкого здания масонского храма под большим куполом, давно стоявшего заколоченным, и вышли на очередную деловую улицу, где ютились, тесно прижимаясь друг к другу, комиссионные магазинчики, прачечные самообслуживания, ломбарды, дешевые бары и тому подобный мелкий бизнес, не рассчитанный ни на туристов, ни на обладателей толстых бумажников. Вся улица состояла из маленьких двухэтажных домиков без каких-либо архитектурных изысков, где на первом этаже располагался собственно бизнес, а на втором, как правило, жили его владельцы или арендаторы. Рик уверенно прошагал мимо тату-салона с мигавшей в витрине неоновой вывеской, китайской продуктовой лавки, откуда тек тяжелый дух сырых и, похоже, не самых свежих морепродуктов, груды набитых мусором черных пластиковых мешков, сваленных прямо на тротуаре, пустого здания с окнами в мутных разводах, из-за которых тщетно зывали написанные от руки призывы "Сдается в аренду!", "Вьетнамской католической церкви" (точно такого же домика, в котором ничто, кроме этой надписи на двух языках, не выдавало культового сооружения), табачного магазинчика, сулившего "самые низкие цены, разрешенные законом штата" – и за ним, наконец, свернул налево, к дому, который, несмотря на свои небольшие размеры, имел два входа, каждый для своего арендатора. Справа располагалась парикмахерская, способная, очевидно, обслуживать лишь одного клиента за раз, но, тем не менее, занимавшая в ширину две трети здания, а слева – узкая дверь без сопутствующей витрины, с одной лишь табличкой, за которой,

по всей видимости, находился коридор, уводящий вглубь дома, либо лестница на второй этаж. Именно эту дверь Рик уверенно потянул на себя. За дверью было темно, но где-то в глубине этой темноты мелодично звякнул колокольчик.

Однако прежде, чем шагнуть во мрак вслед за соседом, Малколм задержался и прочитал надпись на табличке.

ЯСНОВИДЯЩАЯ ЛАЙЗА

Ежедневно с 2 до 8, кроме воскр.

– Это еще что?! – возмущенно воскликнул Малколм. – Куда ты меня притащил?

– Идем, – прошипел Рик, бесцеремонно хватая его за руку и втаскивая внутрь.

– Я не собираюсь терять время на какую-то шарлатанку! – Малколм вырвал руку.

– Каждый зарабатывает на жизнь, чем может. Но ее профессия не имеет значения. Мы здесь не в качестве ее клиентов.

– Ты говорил, что она библиотекарь! – продолжал возмущаться Малколм, не двигаясь с места.

– Бывший библиотекарь. А если бы я сказал, чем она занимается сейчас, ты бы точно со мной не пошел.

Малколм вынужден был признать справедливость последней сентенции. В любом случае, поворачиваться и уходить сейчас было бы уже глупо, так что он все же нехотя пошел за своим провожатым, думая про себя: "Из работников университетской библиотеки в гадалки, какое падение... хорошо еще, что он не притащил меня в какой-нибудь стрип-клуб!"

За дверью оказалась не лестница наверх, а узкий коридор, единственным источником света в котором было маленькое окошко в оставшейся за спиной двери. Коридор упирался в простую деревянную дверь без каких-либо надписей или номеров. Рик подошел к ней и постучал, крикнув вдобавок: "Лайза, это мы!" Ответа Малколм не расслышал, но Рик уверенно потянул дверь на себя и вошел. Малколм последовал за ним.

Они оказались в маленькой прихожей, также полутемной; ее освещал лишь тусклый, темно-красный свет, струившийся из двух стеклянных шаров, установленных на высокие вертикальные металлические подставки (в голове Малколма всплыло слово "шандал") по обе стороны от прохода в комнату, отделенную от прихожей не дверью, а одними лишь бамбуковыми занавесками. В воздухе стоял густой аромат каких-то восточных благовоний. "Входите!" – донесся женский голос из-за занавесок.

Они вошли, раздернув занавески с сухим рассыпчатым стуком, и оказались в еще одном темном помещении. Некогда это была обычная квадратная комната, которая вполне могла служить офисом мелкому страховому агенту, но теперь все окна в ней были завешены плотными черными шторами без единого просвета, а стены – тяжелыми портьерами из темно-багрового бархата (или, по крайней мере, материала, призванного изобразить таковой). На высоте человеческого роста на этих портьерах были вышиты золотистые китайские и египетские иероглифы, руны и каббалистические знаки. Малколм не сомневался, что все эти надписи представляют собой совершенно бессмысленную тарабарщину.

В середине помещения стоял круглый стол, в центре которого был водружен большой хрустальный шар, светившийся изнутри голубоватым светом. Он и был единственным источником света в помещении; по периметру стола стояли еще семь высоких свечей, но они не горели. Малколм бросил взгляд на потолок, но не увидел там никакого плафона, лампы или люстры.

За столом, лицом к вошедшим, сидела женщина в парчовом халате, расшитом китайскими драконами. Длинные черные волосы, спадавшие на плечи, закрывали ее лоб и почти полностью скрывали щеки, в то время как ее глаза были скрыты большими черными очками, так что из всех черт ее худого вытянутого лица были видны лишь узкий длинный нос, тонкие губы, подведенные очень темной помадой, резко выделявшейся на бледной коже, и острый

подбородок. "Словно бы здесь и без того недостаточно темно! – подумал с раздражением Малколм о ее очках, с первой же минуты сытый всей этой пошлостью, но затем до него дошло, что означают очки и почему здесь так мало света.

Слепая. Ясновидящая Лайза была слепа.

– Садитесь, – сказала она. – Кому-то придется на табуретку, второго стула у меня нет – клиенты приходят ко мне по одиночке...

Малколм обратил внимание на стул с высокой резной спинкой и круглый табурет, придвинутые к столу с "клиентской" стороны. Рик тут же оседлал табуретку, предоставив более "престижный" стул товарищу – словно боялся, что иначе тот точно плюнет и уйдет. "Ну нет, – подумал Малколм, – раз уж я сюда приперся, посмотрим на этот балаган до конца. Может, будет потом о чем рассказать Джессике. Будет над чем посмеяться."

Он опустил на стул и агрессивно уставился на Лайзу. У него возникло сильное желание соорудить ей рожу, проверяя, действительно она слепая, или это такой же цирк, как все эти светящиеся шары и иероглифы.

– Ты Малколм, – сказала она, слегка повернувшись к нему, хотя он не произнес ни звука.

– Очень трудно это узнать, – усмехнулся он. – Рик, конечно, и словом не обмолвился о моем имени.

– Твоего отца зовут Вильям Клайв, он инженер-электрик, – невозмутимо продолжала она.

– Твою мать – Джоана. Твой любимый цвет – синий. В детстве ты ненавидел человека по имени Боб Гроув. У тебя никогда не было собаки.

– Хмм, – на миг смешался Малколм; ничего этого он Рикю не рассказывал. – Ну, положим, сведения о моих родителях – тоже не военная тайна... Найти через интернет кого-то, знающего мою семью – это "Гугл", а не ясновидение, – закончил он вновь с уверенной усмешкой. Само собой, пользоваться интернетом может даже слепой, есть специальный софт...

– Почти угадал, – неожиданно согласилась Лайза. – Правда, сейчас люди обычно не склонны рассказывать о своих соседях незнакомцам в интернете. Но это и не требуется. Твой родной город есть в сведениях о тебе в списке студентов на сайте университета. Это маленький городок, там совсем немного Мартинсонов, – на сей раз ее тонкие губы улыбнулись. – Так что профиль твоего отца на LinkedIn вряд ли может принадлежать кому-то другому. Там только деловая информация, нет сведений о семье, но, зная имена мужа и сына, не так уж трудно найти в сети и страничку нужной миссис Мартинсон. Понятно также, какую школу ты закончил – в твоем городке она только одна. И нетрудно найти, кто был капитаном школьной футбольной команды, когда ты там учился. "Ботаники" вроде тебя всегда ненавидят капитана школьной футбольной команды.

– А синий цвет? – заинтересовался Малколм.

– Твоя собственная сетевая страница. Ты там почти ничего не пишешь о себе и почти ничего не постишь. Видимо, завел ее только для того, чтобы читать страницы других. Но в настройках профиля ты выбрал вариант с синим фоном.

– Ты не слепая! – выпалил Малколм.

– Вообще-то даже слепой может открыть исходный код страницы и прочитать настройки. Слово "синий" присутствует там в названии стиля, не говоря уже про атрибуты.

– Ты знаешь HTML? – удивился Малколм.

– Не настолько, чтобы зарабатывать веб-дизайном, если ты это имеешь в виду. Тем более – не с моим зрением.

– Ну конечно, – ядовито произнес Малколм, – куда проще обманывать доверчивых посетителей.

– Почему обманывать? – пожала плечами Лайза. – Например, я говорю человеку: "Вам будет сопутствовать удача в задуманном, если вы проявите достаточно настойчивости, но воздержитесь от безрассудного риска и будьте особенно осторожны в следующий четверг."

Никому не повредит, если он будет осторожен в четверг. Равно как, разумеется, и в любой другой день недели... Или, например, женщины часто спрашивают меня, изменяет ли муж. Я всегда отвечаю – пока нет, но это непременно случится, если вы не измените свое отношение к нему. Если такой вопрос возник, значит, в семье уже неладно, не так ли? Но если жена перестанет во всем винить мужа и взглянет критически на себя, у нее еще есть шанс спасти брак. И тогда, даже если измена и была, она об этом не узнает. А если ничего не выйдет – ну, значит, она старалась недостаточно, хотя, возможно, оно того и не стоило. Но в любом случае, предсказание сбудется. Но если, например, у меня спрашивают о медицинском диагнозе, особенно опасном, я всегда говорю, что с этим надо обращаться к врачу, а не ко мне. По сути, я оказываю ту же помощь, что и всякие психологи и психотерапевты, только беру дешевле. А верят моим словам больше, чем этим дипломированным специалистам, как это ни парадоксально. Те, конечно, кто приходит сюда обычно. Не скептики вроде тебя.

– А мне ты, стало быть, решила выложить всю подноготную.

– Это единственный способ завоевать твое доверие. Я слышала, как ты возмутился в коридоре, – Лайза вновь невесело улыбнулась. – Проблемы со зрением обостряют слух, ты в курсе, а дверь тут совсем хлипкая... Я просто хочу, чтобы ты понял, что я не собираюсь грузить тебя всякой дешевой мистической чушью, на которую ты настроился.

– А чем тогда?

– Правдой, – вздохнула Лайза. – Как бы она ни звучала.

– Кстати, насчет собаки, – припомнил Малколм. – То, что ни я, ни мои родители никогда не упоминали о ней в интернете, еще не доказывает, что ее не было. Просто угадка? Расчет на то, что людей, у которых нет собаки, больше, чем тех, у кого она есть?

– Не совсем. Просто интроверты и социофобы вроде тебя... ты ведь не станешь спорить с таким определением?

– И горжусь этим, – холодно ответил Малколм.

– Окей. Так вот они делятся на две категории. Одни избегают людей, предпочитая им домашних животных. Но это, так сказать, "не тру"¹⁶. Эти всего лишь боятся и не хотят равноправных отношений. Им нужен некто, находящийся в их полной власти. Это не обязательно означает садизм или жестокость, вовсе нет, просто им нужна гарантия, что их не бросят и не предадут. И вообще не поставят их перед проблемой, которую они не могут контролировать. Ну а вторая категория – это те, кому действительно не нужен совсем никто. Или, по крайней мере, они так думают. Людей они презирают, а заботу о животных, не приносящих практической пользы, считают бессмысленной глупостью. Не говоря о том, что у них вызывает отвращение запах, фекалии, слюнявые языки и вся прочая... физиология.

Малком едва не вздрогнул, услышав слово, которое и для него самого было синонимом всего омерзительного.

– Они предпочитают иметь дело с машинами, – продолжала Лайза. – Или вовсе с какими-нибудь абстракциями, от математики до искусства, лишь бы не с живыми... существами. Я, конечно, могла ошибиться, но мне показалось, что ты как раз из этой категории, – она помолчала несколько секунд и добавила: – Том был такой же.

– Том Карсон? – Малколм вспомнил, ради чего он здесь. – Видимо, все же нет, если он и в самом деле... сошелся с тобой. Или он просто использовал тебя, чтобы получить доступ к серверу?

– В первый момент, может, и так, – спокойно согласилась Лайза, – хотя меня он заинтересовал еще до этого. Видишь ли, работая библиотекарем, учишься разбираться в людях. Если, конечно, не относиться к своей работе как к чисто механической обязанности – выдал книгу, принял книгу, не глядя на клиента... То, что человек читает – и насколько активно он это

¹⁶ Выражение "тру" (true – настоящий) на жаргоне субкультур означает "истинный приверженец" (определенных взглядов или стиля), в отличие от "позера" (poser)

делает – способно рассказать о нем очень много, не так ли? Даже если это учебная литература – а уж тем более если нечто, выходящее за рамки его специализации. И вот мне стало любопытно, что это за симпатичный, но нелюдимый и неразговорчивый парень, которого весьма интересовали довольно специфические книги...

– По программированию?

– По оккультизму.

– В нашей библиотеке и такое есть? – удивился Малколм.

– Есть, все есть. Это же университетская библиотека. Подобные темы изучают, например, на кафедрах истории, антропологии, религиоведения. Хотя обычно все же не на первом курсе. И чаще какие-нибудь компилятивные обзоры, нежели оригинальные сочинения. А Тома Карсона интересовали именно они. В том числе редкие старинные издания, которые не выдаются на руки. Поэтому он часами просиживал в читальном зале, до самого закрытия. Довольно трудно не обратить внимание на парня, которому приходится чуть не каждый день говорить "извините, мы закрываемся", – улыбнулась Лайза. – Притом, что я, конечно, проверила, с какого он факультета. В гуманитарии, увлекшемся мистикой, не было бы ничего странного. Но для IT-шника это довольно необычное увлечение. Я-то сама тогда считала любую мистику полной чушью. Но ведь не обязательно разделять взгляды человека, чтобы им заинтересоваться? Скорее наоборот – добавляется некая загадочность...

– Лично мне неинтересны люди, чьи взгляды по принципиальным вопросам отличаются от моих, – отрезал Малколм. – И я не вижу никакой загадочности в глупости. Хотя, конечно, если человек изучает некую глупость, это еще не значит, что он в нее верит...

– Ну... мы с тобой разные люди, – констатировала Лайза. – И потом, как я сказала, он был симпатичный парень. Не из тех красавчиков, на которых девчонки вешаются пачками. Нет – из тех, что не вышли ни ростом, ни статью, имеют худшие оценки по физкультуре, сутулятся, вечно сидят в самом дальнем углу и вечно ходят в худи,¹⁷ не снимая капюшон даже в помещении. Но если под капюшоном разглядеть лицо, понимаешь, что в нем что-то есть. Что-то куда более интересное, чем у капитанов футбольных команд.

– То есть тогда у тебя со зрением было все в порядке, – понял Малколм.

– Конечно, иначе как бы я работала библиотекарем... Лучше бы не было, – сказала вдруг Лайза. – Лучше бы мне никогда не вглядываться в его лицо, пока он сидел в углу над очередным фолиантом. Ни одному из нас это счастья не принесло. Впрочем, он, видимо, был обречен в любом случае... Так вот, я уже подумывала, как бы поаккуратней к нему подкатить, чтобы не нарваться на реакцию "тебе еще что от меня надо?" И тут он топает ко мне сам. Чуть ли не белый от злости. И спрашивает, почему не работает интернет.

– Зачем ему был так нужен интернет, если он читал бумажные книги?

– Искал там всякие пояснения, кажется, даже пытался переводить тексты на латыни. А у нас в этот вечер действительно случился какой-то глюк, сеть повисла. Ну я ему и говорю – так и так, наш сисадмин уже ушел и будет только завтра, так что, к сожалению... – и улыбаюсь виноватой улыбкой слабой девушки, которая и рада бы помочь, но никак. А он мне – я сам компьютерщик, могу решить проблему, только покажи мне ваш сервер. Естественно, это запрещено, давать доступ к серверу посторонним. Но... я нарушила инструкцию.

Малколм презрительно дернул уголком рта. Женщины... вот Джессика наверняка не стала бы пренебрегать должностными обязанностями ради какой-то симпатичной мордашки... хотя – что все-таки было между ней и Карсоном?

– Сама я тогда почти ничего в компьютерах не понимала – ну, кроме чисто пользовательских навыков, нужных по работе, и там почту отправить или в "твиттер" написать... Так что, когда он по-хозяйски уселся в серверной и велел мне "не стоять над душой", я даже не

¹⁷ Трикотажный свитер с капюшоном.

пыталась возражать – все равно бы я не поняла, что он там делает. Минут через пятнадцать он вышел и сказал, что все работает. И добавил с усмешкой, чтобы я передала нашему сисадмину, что записывать пароль на обратной стороне клавиатуры – не лучшая идея. Я, конечно, ничего не передала, иначе как бы я объяснила, откуда это узнала... Как потом оказалось, Том не только восстановил работу сети, но и установил хакерскую программку, которая давала ему удаленный доступ к серверу и позволяла творить там, что угодно – не только смотреть, кто какие книги берет, или помечать невозвращенные как возвращенные, но и переводить книги из одной категории в другую. Скажем, из "только в читальном зале" в "выдается на руки" или вообще в списанные за ветхостью. Конечно, он понимал, что подставляет меня. Но ему было плевать. А я тогда ни о чем не догадывалась и только подумала "вот он, мой шанс". И сказала, что давно хочу повысить свою компьютерную грамотность, и было бы просто чудесно, если бы такой классный специалист, как он, со мной позанимался. А я бы взамен могла приносить ему книги, которые не положено выдавать на дом. Примитивная уловка, да. Тем более что он и так уже обеспечил себе возможность брать такие книги. Но он согласился.

– Любовь с первого взгляда? – усмехнулся Малколм.

– Нет, не думаю. Скорее он просто счел, что я еще могу быть ему полезной. Хотя, конечно, он уже тогда искал способ избавиться от... Но поначалу он действительно учил меня компьютерной науке. Те познания, которые тебя впечатлили – это от него. И не то чтобы я считала их совсем лишними, но, конечно, моя цель была другая. А поскольку я была старше и опытнее его... в некоторых вопросах, то уже на пятом нашем занятии...

– Ты его соблазнила, – обвиняюще произнес Малколм.

– Не смотри на меня взглядом инквизитора, – усмехнулась Лайза. – Да, если угодно. Заманила невинного мальчика в свои похотливые сети и лишила его девственности прямо на глазах у компьютера. Впрочем, за это страшное преступление я уже наказана в полной мере, если тебя это утешит.

Малколм промолчал.

– И вот только после этого, – продолжала Лайза, – там, в моей постели, он рассказал мне все. До этого он лишь отнекивался на мои вопросы, почему у крутого компьютерщика вдруг проснулся такой интерес ко всем этим жутким старинным книгам про неупокоенных мертвецов, призраков, некромантию, проклятия и загробный мир. Разумеется, рассказ начинался с фразы "ты мне все равно не поверишь..." – она замолчала.

– И что же он рассказал? – поторопил ее Малколм, когда пауза затянулась.

– Думаю, ты знаешь, – спокойно ответила Лайза. – Ты ведь не первый у Джессики. Том был до тебя. Не знаю, были ли еще кто-то до него. Мне не удалось найти сведения о предшествующих смертях, но это еще ничего не доказывает... Одиноким мальчик, избегающий сверстников, не имеющий ни друзей, ни подруги, в самом дальнем и редко посещаемом углу парка встречает прекрасную девушку, которая никогда не обманет, не предаст, не потащит в постель или под венец. У которой не бывает ни критических дней, ни прыщей, ни лишнего веса, которая не потеет, не сморкается и не пердит. Потому что существует только в виде портрета на спинке скамейки. Идеал. Мечта. И он начинает общаться с ней, как с живой. Доверять ей то, что никогда не доверил бы живой женщине. Придумывать за нее ответы. А потом понимает, что она отвечает ему по-настоящему... Именно так у тебя все и было, не правда ли? Это не дар ясновидения, как ты знаешь. Это рассказ Тома.

– И ты ему поверила? – криво усмехнулся Малколм.

– Конечно, нет. Я ведь уже сказала, как я тогда относилась к мистике. То есть я не сомневалась, что он мне не врет. Но не врать еще не значит говорить правду. Это значит всего лишь верить в то, что говоришь. И я, разумеется, считала, что ему просто снятся сны, которые он принимает за чистую монету. Хотя он приводил мне доказательства – как узнал от Джессики то, что не мог узнать естественными путями. Но... это опять-таки было с его слов. Может, на

самом деле знал, но запомнил. Фокусы подсознания. Ты знаешь, как ученые всегда объясняют такие вещи.

– И ты даже не гордилась победой над мертвой соперницей? – насмешливо осведомился Малколм.

– Честно говоря, там не было особой победы с моей стороны. Охлаждение Тома к Джессике началось раньше. Может быть, я лишь поставила финальную точку, не более чем. Или же он бросился ко мне, подсознательно пытаясь убежать от нее. Именно этим объяснялся его интерес к оккультизму. Не стремлением понять ее природу или укрепить их связь. А желанием, наоборот, защититься, а потом и полностью освободиться от нее. Он боялся ее, Малколм. На тот момент, когда он все рассказал мне, он был просто в ужасе – и, полагаю, именно это, а не секс, подвигло его на откровенность. Это был ноябрь 2013, и к тому времени он уже отлично знал, как прекрасная непорочная Джессика умеет мстить. Он видел того парня, Каттериджа, буквально через минуты после его смерти. Ты ведь знаешь, о ком я? Парень, который, надеясь вымолить ее прощение, сперва резал себя по частям, а когда это не помогло – зашил себе рот и нос. Так вот, судя по выражению его лица, это тоже не сработало. Так, по крайней мере, сказал Том.

– Было бы странно увидеть умиротворение на лице человека, умершего от удушья на фоне сильной боли, – заметил Малколм. – И потом, никакая идиотская ревность тут ни при чем! Каттеридж и остальные получили по заслугам. Они были виновны в смерти Джессики!

– Может быть, – не стала спорить Лайза. – Но Том не имел к ее смерти никакого отношения. Тем не менее, от меня он снова уходил в ночь к ней. Не смел не идти. Хотя она, наверное, все знала – он был уверен, что знает. Но ни словом об этом не обмолвилась и продолжала вести себя, как ни в чем не бывало. Словно специально заставляя его чувствовать себя предателем и подлецом. По его словам, это было невыносимо. Ему было одновременно и страшно, и стыдно – причем и перед ней, и передо мной. Но это было далеко не самое худшее. Хуже, что Джессика начала... меняться внешне. Как только его любовь к ней стала угасать, на ее прекрасном лице появились признаки разложения. Чем дальше, тем больше. Как она выглядела во время их последних встреч, он даже не пытался мне пересказывать. Говорил, что это последнее, что я хотела бы увидеть. Причем сама она, похоже, об этом не догадывалась... И это тоже еще не все. Том говорил, что замечает изменения и в своем собственном здоровье. Словно она... высасывает из него жизнь. Я, конечно, считала, что это всего лишь следствие стресса и проблем со сном. Я все еще была уверена, что это только сны – а Каттеридж, конечно, просто псих, и та наркоманка, что зарезала своего бывшего парня, тоже – и пыталась посоветовать Тому побеседовать с врачом, но он приходил в ярость – "ну вот, и ты мне не веришь, и ты считаешь чокнутым!" А Джессика просто пыталась заполучить его целиком, без остатка. Перетащить его к себе. *Туда*. И больше не делить ни со мной, ни вообще с миром живых. Навечно. Вечная любовь, да, в самом буквальном смысле.

– Да очень ей нужен какой-то лживый сексуально озабоченный трус! – вырвалось у Малколма. – Уверен – если бы он набрался смелости все ей честно рассказать, она бы послала его на все четыре стороны! – "как я Кэтрин", добавил он мысленно.

– Ну да, ну да, – печально кивнула Лайза. – Именно это я в конце концов ему и посоветовала. Точнее, потребовала. Я тогда, раз уж невозможно было загнать его к врачу, сама принялась штудировать всякие статейки в стиле "популярная психиатрия для чайников". И там постоянно встречался этот совет. Если у вас фобия – идите навстречу своему страху. Сделайте то, чего больше всего боитесь, и фобия уйдет. Если у вас галлюцинация – пройдите через нее насквозь, и она развеется. И он согласился. Я даже предложила ему пойти вместе и посидеть рядом с ним ночью на скамейке, пока он будет спать. Может, даже подержать его за руку. Но он сказал – не надо, тогда она просто не появится, и объяснение не состоится. Может, он и в самом деле так считал, а может, хотел уберечь меня от опасности... Так или иначе, приняв решение, он как будто даже успокоился. Словно бы подтверждая правоту тех статей. Повторял, что

Джессика умная девушка, абсолютно не склонная к истерикам, и что она, конечно, понимает, что глупо пытаться удержать мужчину или друга страхом или силой. Да, всего пару месяцев назад он ляпнул, что будет с ней всегда, но мало ли влюбленных болтают подобное, всякий разумный человек понимает, что такие клятвы нельзя принимать всерьез... А ночью – как раз когда он собирался встретиться с Джессикой в последний раз – мне позвонила сестра, ей тогда было всего 15, и сообщила, что наша мать попала в больницу с инсультом. Отца у нас не было, вообще никого больше из близких родственников не было, сестренка была в полной панике и не знала, что делать. И я, конечно, прямо с утра взяла отпуск и помчалась туда, в свой родной город, почти двести миль отсюда. Мама умерла через три дня. И мне нужно было не только заниматься похоронами, но, главное, оформлять опеку над сестрой и решать, что нам вообще делать дальше – мне бросать работу и возвращаться в родную депрессивную дыру, где нет никаких перспектив, или же перетаскивать Линду сюда, для чего, конечно, нужно найти жилье попримечнее той конуры, что я тут снимала, притом, что здешние цены не чета тамошним... В общем, на какое-то время мне стало совершенно не до Тома с его фобиями, которые я по-прежнему считала не более чем блажью. Несколько раз я ему звонила и слала SMS, но отсутствие ответов меня только злило, а не пугало. Я решила, что он меня бросил, и, как и в случае с придуманной Джессикой, трусливо уклоняется от финального объяснения. Ну а когда я, наконец, вернулась на работу – мы с Линдой решили, что она переедет сюда после рождественских каникул – то узнала, что работы у меня больше нет. Сисадмин нашел вирус – или не вирус, а как там правильно называть эту программу – и понял, через кого он туда попал. А я была не в том состоянии, чтобы убедительно отбрехаться. Я вышла оттуда с конвертом со своей последней зарплатой, готовая убить Карсона. И вскоре узнала, что – уже. К этому времени он был мертв уже почти месяц. Ты знаешь, что Джессика сделала с ним? Сначала паралич, а потом крыса, заживо съевшая его изнутри. Он все чувствовал, но не мог ни шевелиться, ни кричать.

– Мне говорили, что все же не заживо, – заметил Малколм. – Да это и невозможно, наверное. Он бы задохнулся, еще когда крыса протискивалась через его горло. А если бы даже нет, смерть от внутреннего кровотечения тоже наступила бы быстро.

– Она училась на врача, – жестко возразила Лайза. – Она знала, как растянуть агонию. И моя мама... поначалу я не связала эти события. Но потом поняла, что этот инсульт тоже не был случайностью.

– И после этого ты поверила? – Малколм по-прежнему хранил скептический тон.

– Нет, – ответила Лайза, – после этого.

Она сняла очки, а затем потянула за свои черные волосы, и парик, соскользнув, упал ей на колени. Малколм невольно вздрогнул от открывшегося зрелища и сглотнул, борясь с подступившей тошнотой.

Голова Лайзы была лысой, тошнотворных красных оттенков, почти лишенной кожи, если не считать левой стороны лица, которая смотрелась неестественной мертвенно-бледной заплаткой на розово-багровом фоне. Все остальное представляло собой жуткое месиво блестящих келоидных рубцов, между которыми на макушке и по бокам кое-где пробивался седой пушок. Правой ушной раковиной не было вовсе, как и правого глаза. Левый все-таки поблескивал из безбровых глазницы.

– То есть тогда я уже начала верить, но все еще не до конца, – спокойно продолжала Лайза, и ее голос, обычный голос молодой женщины, дико контрастировал с обликом чудовища, казавшегося лишь омерзительной пародией на человека – словно монстр из ужастика налепил на свою морду кожу, содранную с лица жертвы. – И я решила, что сожгу ее чертову скамейку, вне зависимости от того, правда все это или нет. Если нет, если это лишь череда несчастливых совпадений, как все еще подсказывал мне здравый смысл – я была слишком зла, чтобы к нему прислушиваться, и жаждала выместить свою злость. Пусть даже это будет бессмысленный акт

вандализма, плевать. Так что я купила канистру бензина и пошла в парк – естественно, ночью. Темной безлунной зимней ночью, когда меня точно никто не мог там увидеть. Что произошло дальше, ты можешь догадаться. Не дойдя до скамейки несколько сотен ярдов, я поскользнулась и упала. Ногу пронзила дикая боль. Винтовой перелом со смещением, как мне сообщили впоследствии. Канистра грохнулась, и из нее вылетела пробка. Не знаю, как такое возможно – я сама ее закручивала. Но она вылетела, словно не была завинчена, и в считанные секунды я оказалась лежащей в расплывающейся луже бензина. Я очень быстро убедилась, что не могу не то что встать, а хотя бы шевельнуть правой ногой без того, чтобы от боли не перехватывало дыхание. А значит, на таком морозе, к утру, когда в парке кто-нибудь появится, мой труп успеет промерзнуть насквозь. Так бы оно и случилось, если бы дело происходило лет тридцать назад. Но в наше время, разумеется, у меня был с собой мобильник. Я его достала, набрала "9-1-1" и поднесла к уху. И стрельнула искра.

– Откуда? – удивился Малколм. – У аккумулятора мобильного слишком слабое напряжение...

– Они говорят, электростатика. У меня были очень пышные, воздушные волосы – сейчас не скажешь, да? – и такой мохнатый свитер. И вот когда манжета свитера, высунутая из рукава куртки, соприкоснулась с волосами... Ничего сверхъестественного, как и во всей этой гребаной истории. Просто сердечный приступ, просто инсульт, просто перелом, просто незакрученная пробка, просто электростатика. Мою голову охватило пламя, и не только голову, весь правый бок. Дальше не помню, действовала на одних инстинктах. Горя заживо, с переломанной ногой, я сумела доползти на руках до обочины и сунуть голову в снег, потом заползти туда целиком. А телефон все-таки успел соединиться, в службе спасения приняли мой сигнал и даже услышали мои вопли. Запеленговали положение, приехали, когда я уже совсем отдавала концы... Девять месяцев по больницам... родилась заново, да, – Лайза провела рукой перед ужасной правой половиной своего лица. – Кисть руки, как видишь, почти не пострадала. Я ее как-то сразу отдернула от бензина, поэтому ожог был, но не такой сильный. И левый глаз мне спасли, так что я все-таки не совсем слепая. Примерно 4% зрения. Отличаю свет от темноты, и это практически всё... Можно было бы сделать побольше, но нужны деньги, которых у меня нет. А вот такой я была, – она достала из кармана халата и положила на стол фотографию миловидной улыбающейся девушки с пышным облаком светлых кудрявых волос вокруг головы. Малколм уставился на фото, не желая переводить взгляд на нынешнее обличье Лайзы, но та вынудила его сделать это, снова убрав фото в карман. – Ну что, насмотрелся? – спросила она с кривой усмешкой, вновь встретившись с юношей взглядом. – Что под халатом, показывать не буду, но можешь мне поверить, там тоже мало хорошего. Надеть парик снова? Не будешь убеждать себя, что увиденное тебе просто померещилось из-за слабого освещения?

– Не буду, – пробормотал Малколм. Лайза надела парик и очки, тщательно расправив волосы, чтобы оставить открытой только неизуродованную часть лица.

– Это сделала твоя Джессика, – напомнила она.

– Это действительно может быть просто совпадением, – возразил Малколм. – Все, что ты рассказала.

– Ты сам-то в это веришь? – усмехнулась Лайза. Малколм видел, как двигаются ее губы – нормальные человеческие губы, пусть и накрашенные, чего он терпеть не мог – но теперь даже сквозь парик ему чудился тот ужас, в который огонь превратил ее голову. Ему хотелось уйти отсюда как можно скорее.

– Что ты от меня хочешь? – резко спросил он.

– Предупредить тебя, только и всего, – пожала плечами она. – Хотя, скорее всего, уже слишком поздно. Она не отпустит тебя. И найдет везде, куда бы ты ни попытался скрыться. Те четверо разбежались по всей стране, но она достала их всех. Твой друг сказал мне, что и последнего из них тоже. Уже после смерти Тома.

"Он мне не друг!" – хотел возразить Малколм, но сообразил, что это будет слишком недипломатично по отношению к сидевшему рядом Рикю.

– Я не обижал Джессику и никогда этого не сделаю, – сказал он вслух. – И уж точно не стану заводить... любовниц на стороне.

– Ты думаешь, этого достаточно? Она хочет быть с тобой.

"А я хочу быть с ней!" – чуть не вырвалось у Малколма, но он решил, что это излишняя откровенность.

– Значит, ты должен умереть, – продолжала Лайза. – Чтобы вас больше ничто не разделяло.

– Тебе не удастся запугать меня, – резко произнес Малколм. – Или настроить против нее. Если ты надеешься отомстить ей через меня...

– Мстить *ей*? Ну уж нет. Один раз я попробовала, спасибо. Мне хватило. Знаешь, каким было мое первое желание, когда твой Рик связался со мной? Послать его ко всем чертям. Предоставить тебя твоей собственной судьбе. Потому что, блин, я чертовски испугалась, что это *она* отомстит мне, если я снова попытаюсь встать между ней и ее возлюбленным! Первый раз был всего лишь предупреждением. Добрая Джессика обошлась со мной милосердно. Она позволила мне остаться в живых, и даже ходить, говорить и обслуживать себя самостоятельно. Страшно представить, что она может сделать со мной во второй раз... – Лайза помолчала, затем вдруг спросила: – Никто из вас не курит?

– Нет, – ответили Малколм и Рик почти одновременно.

– Правильно. Я тоже не курю. Но иногда чертовски хочется... Мне и сейчас страшно. Но я подумала, что... было бы слишком подло скрыть это от тебя. Что хотя бы ради памяти Тома я должна дать тебе шанс не повторить его судьбу. Хотя не знаю, есть ли у тебя еще этот шанс.

Она снова замолчала, и Малколм, решив уже, что это все, сделал движение подняться. Но Лайза заговорила опять:

– Когда я вышла из больницы, я попыталась... доделать то, что Том не успел. Найти управу на нее в оккультных книгах. Хотя теперь моя способность читать сильно ограничена. В электронном виде этих книг, как правило, нет – я про серьезные, а не про попсу на сатанистских сайтах – да и шрифтом Брайля они тем паче не издавались, к тому же я его так толком и не освоила... Мне читает вслух Линда, когда удается что-то найти. Я ей не рассказывала никаких подробностей. Она знает про Карсона и что он умер почти одновременно с нашей мамой, но не про Джессику. Она думает, что мне это нужно для работы. Собственно, на идею моей нынешней работы меня действительно навели эти книги... Но я до сих пор не нашла ничего полезного. В этих книгах, разумеется, тоже очень много чепухи. Наверное, 99% там – это чепуха... Но не всё, полагаю. Например, в одной из них сказано, что нельзя нарушать слово, данное мертвецу. Именно поэтому люди всегда старались в точности исполнить завещание, а если кто-то хотел отрезать себе путь к отступлению, он давал клятву не живым, а покойным родным и друзьям. Но там не сказано, как может спастись нарушитель. Даже если он попытается подставить кого-то вместо себя, это все равно не поможет. В другой сказано, что тот, кого преследует мертвец, должен выкопать его останки и залить глазницы воском, вытопленным из церковных свечей. Тогда мертвец якобы потеряет способность его видеть. Но я сомневаюсь, что это работает. Слишком уж примитивно, в духе детских страшилок... да и во всю эту церковно-христианскую чушь я не верю. Это ни хрена не помогает. Ну или еще есть версия – полностью уничтожить останки, до последней косточки. Это звучит убедительней, но и слишком просто, по-моему. Я чувствую, что здесь есть какой-то подвох. Скажем, если окажется, что где-то до сих пор хранятся ее молочные зубы...

– Если ты найдешь что-то еще, – глухо спросил Рик, – ты дашь нам знать?

– Да, – кивнула Лайза, – у меня есть твой номер.

– Хорошо, – согласился Малколм, – только не пытайся сделать ничего сама.

– Все беспокоишься, как бы я не повредила твоей ненаглядной Джессике? – усмехнулась Лайза. – Я уже все сказала на сей счет.

На сей раз, видимо, разговор был окончен; Рик поднялся, за ним встал и Малколм.

– Спасибо, Лайза, – сказал Рик. – Хорошего дня.

– И вам, – вновь усмехнулась она. – И хороших ночей, особенно. День – это как раз не проблема.

Студенты вышли на улицу, жмурясь от солнечного света, показавшегося им ослепительно ярким, и зашагали в обратную сторону. Некоторое время они шли молча. Наконец Малколм спросил:

– Ты действительно во все это поверил?

– Мне кажется, под конец и ты уже перестал притворяться, – пробурчал Рик. – И лучше не начинай снова.

– Мне казалось, ты материалист, – усмехнулся Малколм.

– Я агностик. Я не люблю упертых догматиков, вне зависимости от конкретного набора догм. Я ни во что не верю без доказательств, но и ничего не отвергаю наотрез, – он чуть помолчал и добавил: – В данном случае доказательства кажутся мне убедительными.

– Случайные совпадения.

– Если бы я знал только о Карсоне или только о тебе, я бы еще мог так считать. Но когда два парня, не связанные друг с другом, начинают ходить по ночам в один и тот же парк, спать там на одной и той же скамейке и видеть одинаковые сны...

– Ты не знаешь, какие сны я вижу! – резко оборвал его Малколм.

– Малколм, – вздохнул Рик, – в последний раз тебе предлагаю: прекращай маскарад. Мы оба знаем, что...

– Окей, – неожиданно согласился Малколм. – Это даже хорошо, что ты не считаешь меня психом. Тогда запомни следующее: это не твое дело. Мне плевать, что там наговорила эта... особа. Я не лезу в твои отношения с твоими "классными девчонками", вот и ты не вздумай лезть между мной и Джессикой. Никому не позволено мешать нам. Никому, ты понял, Рик?

Тот вдруг как-то нехорошо напрягся, и Малколм сообразил, о чем он подумал.

– Я не убивал твоего Кевина, если ты об этом. И не знаю, кто это сделал.

– Зато я, кажется, знаю, – пробормотал Рик.

– Ну вот что, Рик, – Малколм шагнул вперед и развернулся, становясь у него на дороге. – В последний раз тебя предупреждаю: не пытайся причинить вред Джессике. Я не думаю, что ты смог бы, но даже не пытайся. Иначе...

– Иначе что?

У Малколма было два ответа на этот вопрос, и он выбрал более материалистический.

– Иначе полиция узнает, кто убил Кевина на самом деле. То есть с юридической точки зрения.

У Рика распахнулись глаза от возмущения. Такого удара он не ожидал.

– Ты не сделаешь этого!

– Нет, если ты навсегда забудешь о Джессике.

– Блин, я же пытаюсь спасти тебя, идиот!

– Теперь ты заговорил, как достающий людей проповедник. Еще предложи мне брошюру.

– Вспомни, что стало с Карсоном!

– Я не Карсон. Да и с ним она такого не делала. Джессика не какая-нибудь ревнивая злобная стерва. У него были проблемы с сердцем, вот и все. А он валил свое ухудшение здоровья на Джессику.

– Откуда ты знаешь? Это говорят твои чувства, а не твой разум. Ты не в состоянии оценивать ее критически.

– Всякий любитель секса и вечеринок с алкоголем будет учить меня рационализму? –

холодно произнес Малколм. – Зато твоя Лайза, конечно же, объективный источник! Да она с самого начала ненавидела Джессику как соперницу, вот и винит ее во всех бедах! А после того, как она по собственной дури и неуклюжести сама себя подожгла, у нее и вовсе поехала крыша на этой почве! А Джессика всегда была хорошей, светлой, доброй девушкой. Это не мои фантазии – почитай в интернете, как отзывались о ней все ее знакомые. Если эти качества не спасли ее убийц, это очень хорошо и правильно. Не все люди заслуживают доброты и милосердия. Но мне она уж точно не сделает ничего плохого.

– Может, десять лет назад она такой и была, – проворчал Рик, – но, знаешь ли, люди меняются. Особенно под воздействием сильных потрясений. Смерть, как мне кажется – довольно сильное потрясение.

– О, да ты у нас эксперт по потустороннему миру?

– Знаешь восточную сказку про джинна, которого заточили в бутылку? Первую тысячу лет он думал, какими благами одарит своего освободителя. Но никто его не освобождал, и вторую тысячу лет он стал придумывать, каким казням подвергнет своего освободителя. Просто за то, что тот не приходил так долго. Просто чтобы сорвать злость, копившуюся все эти годы...

– Джессика – не джинн в бутылке, – сердито возразил Малколм. "Но покинуть скамейку она не может, – мысленно признал он, – и, конечно, вот так сидеть на одном месте десять лет, причем с перспективой, что это может продолжаться *вечно* – такое может повлиять даже на самое ангельское терпение..." – И вообще, – резко произнес он вслух, обрывая эту мысль, – кому я должен верить – девушке, которую знаю уж куда лучше, чем ты или Лайза, или каким-то выдумкам арабских сказочников?

– Ты сам не замечаешь, как она постепенно овладевает тобой. Ты уже запустил из-за нее учебу...

– Подумаешь, пропустил пару занятий и завалил одну контрольную. Я уже наверстываю и пересдам. Можно подумать, ты ни разу ничего не прогуливал!

– А тот тип, который следил за тобой ночью? – сделал последнюю попытку Рик. – Он тебя не беспокоит?

– Ты же не смог подойти ко мне? Он тоже не смог и не сможет. Я нахожусь под куда лучшей защитой, чем твоя, – прибавил Малколм самодовольно. – А теперь давай закончим этот разговор и будем вести себя так, как будто его никогда не было.

– Ладно, – вздохнул Рик. – Только один последний пункт. Как ты представляешь себе свою дальнейшую жизнь? Каждую ночь теперь ходить спать на скамейке? Зимой? В каникулы? После окончания универа? Всю жизнь?

Гм, подумал Малколм. Об этом он как-то не задумывался. Конечно, люди, живущие обычными семьями, ездят в командировки и даже отпуска, оставляя супругов дома – особенно если те не могут путешествовать из-за ограниченных возможностей. И те понимают и не обижаются. Но если он собирается постоянно работать на Космическом Побережье... вряд ли Джессике понравится, если он будет приезжать к ней только в отпуск. А в этом городе попросту нет никаких авиакосмических компаний. То есть, наверное, он мог бы и здесь найти работу для дипломированного инженера, но это не будет работа его мечты...

– Так или иначе, это не твои проблемы, Рик, – пробормотал он испытанный ответ.

"Может быть, организую свою собственную компанию. Как Илон Маск. Почему бы и нет?"

Они прошли весь оставшийся путь молча и больше не обменялись ни словом до конца дня. Рик куда-то уходил вечером, но вернулся еще засветло, и у Малколма мелькнула насмешливая мысль, что, возможно, отныне его сосед заработал никтофобию¹⁸ и будет бояться выходить ночью из дома. И хорошо, коли так.

18 Боязнь темноты, ночи

Когда стемнело, Малколм принялся одеваться, уже не пытаясь как-либо маскировать свои намерения от Рика. Тот смотрел на него долгим взглядом и ничего не говорил (что, по правде говоря, раздражало), и лишь когда Малколм молча направился к двери, решился открыть рот:

– Один вопрос можно?

– Ну? – Малколм остановился, глядя на него через плечо.

– Если утром ты не вернешься – может быть, не сегодня, а через неделю или через месяц – что мне делать? Как я понимаю, старые просьбы насчет полиции больше неактуальны.

– Естественно, ты можешь сообщить полиции, что понятия не имеешь, куда подевался твой сосед по комнате, но это имеет смысл делать не раньше чем через несколько дней. Если ты попытаешься поднять тревогу слишком быстро, не только меня искать не станут, но и тебя заподозрят в том, что ты что-то знал. Но, разумеется, – поспешно добавил Малколм, – это чисто теоретические рассуждения. Ничего со мной не случится. И, – он со значением посмотрел на Рика, – я надеюсь, ты хорошо понял, что не надо больше за мной ходить, следить или как-то еще вмешиваться в эту историю. Так будет лучше для всех, и для тебя в первую очередь.

– Да понял, понял, – буркнул Рик.

Малколм вышел за дверь. А не хотел бы я оказаться на его месте, думал он, спускаясь по лестнице. Жить в одной комнате с парнем, который регулярно ходит на свидания с мертвецом... Я-то знаю, что Джессика – это не какой-то зомби из ужастиков, но со стороны, наверное, это должно восприниматься достаточно жутко, особенно для того, кто прежде в такое не верил. Хотя, если вдуматься – чем это отличается от жизни с христианином, регулярно ходящим в церковь, чтобы пообщаться там со своим любимым Иисусом? Ведь тот подходит под понятие живого мертвеца¹⁹ даже лучше, чем Джессика... Впрочем, разница, конечно, есть. Иисус – выдумка, а вот Джессика – реальность.

"А ведь Рик может быть опасен, – внезапно понял Малколм. – Я думаю, что достаточно запугал его своей угрозой, но... человек, которому угрожают, может ведь, вместо покорности, захотеть устранить источник угрозы? Как ни крути, а одно убийство Рик уже совершил. Пусть это была эвтаназия, но он переживал это, как настоящее убийство, и, стало быть, уже преодолел психологический порог. А теперь у него имеется целых два мотива – избавиться от угрозы разоблачения и отомстить за Кевина, к смерти которого он может считать меня причастным. И я сам только что посоветовал ему, как вести себя с полицией в случае моего исчезновения..."

Но я могу сыграть на опережение, подумал он. Причем так, что никакая полиция никогда мне ничего не предьявит.

Нет, это паранойя, тут же сердито одернул он сам себя. Рик никогда не решится...

С другой стороны – никогда не говори "никогда". Разве не сам Рик сказал – "люди меняются"?

Парк, как всегда в это время, был темен и пуст. Однако, прошагав несколько сотен ярдов по аллее, Малколм вильнул в сторону и спрятался за дерево, проверяя, нет ли за ним "хвоста". Он прождал так, наверное, почти полчаса, но никто так и не появился, так что Малколм вновь обозвал себя параноиком и продолжил свой путь.

– Ты говоришь с ней? Я знаю, что говоришь!

Голос прозвучал из темноты, когда Малколм уже подходил к скамейке. Юноша резко обернулся, осознавая, что нож лежит в рюкзаке за спиной, и быстро достать его не получится...

Луна уже поднялась на востоке над деревьями, однако светила чужаку в спину, так что в первый момент Малколм различил лишь выступивший из тьмы силуэт. Однако по его длинным неухоженным волосам Малколм сразу понял, кто это. Тот самый урод с большими глазами фанатика. И его хриплый горячечный голос, кстати, вполне отвечал этому образу.

Малколм невольно сделал шаг назад.

¹⁹ В оригинале undead; что соответствует русскому "нежить", но буквально имеет противоположный смысл – "немерть"

– Не бойся меня, – сказал незнакомец, не трогаясь с места. – Я не угроза. Выслушай меня, это все, о чем я прошу. От этого зависит жизнь... не твоя, не бойся.

– Кто ты такой? – спросил Малколм, отнюдь не чувствуя себя уверенней.

– Фред Пеппино, – на сей раз в голосе чужака послышалась усмешка.

– Мне это ни о чем не говорит, – ответил Малколм.

– Разумеется... Я все тебе расскажу, только обещай мне, что выслушаешь меня до конца. И не станешь бросаться на меня с кулаками, с ножом или что там еще у тебя есть. Твоя жажда мести и так будет утолена, это я тебе гарантирую.

– Вы меня с кем-то путаете, – предположил Малколм. ("Не хватало только случайно впутаться в какие-нибудь мафиозные разборки!") – Я не знаю никакого Пеппино и не собираюсь никому мстить.

– Я же сказал, я все объясню. Только пообещай мне.

– Ну ладно, ладно, обещаю. А это обязательно обсуждать здесь и сейчас? До утра подождать не может?

– Нет.

– Ну хорошо, – Малколм спустил рюкзак на землю, но не двинулся в сторону скамейки. Интуиция противилась идее сесть на скамейку Джессики вместе с этим типом. – Итак?

Незнакомец шагнул вперед, тут же поднимая руки в знак отсутствия агрессивных намерений. Малколм встал так, чтобы рюкзак оставался между ними. Теперь лунный свет падал на чужака сбоку, косо освещая его обезображенное болезнью лицо, которое при таком освещении само походило на изрытую кратерами лунную поверхность. Малколм с усмешкой вспомнил, что в старину на Востоке "лунолика" считалось комплиментом. Вот до чего доводит отсутствие научных знаний... Но следующая фраза чужака заставила его забыть о древних арабах.

– Когда-то меня звали Ник Брант. И думаю, что это имя тебе известно.

Если бы Малколм увидел это лицо впервые сейчас – ночью, в лунном свете – он бы, пожалуй, мог поверить, что говорит еще с одним мертвецом. Но он уже видел этого человека при солнечном свете и знал, что тот вполне жив и реален. Хотя даже после того, как он назвал свое подлинное имя, в нем было крайне трудно узнать самоуверенного красавца – капитана футбольной команды и президента студенческого братства, чьи фото Малколм видел в интернете.

– Допустим, – холодно произнес Малколм. Кто же, в таком случае, похоронен в Южном Бронксе? Возможно, Брант убил настоящего Пеппино, чтобы присвоить его личность? Не говоря уже о его роли в убийстве Джессики! Считать этого типа неопасным явно преждевременно...

– Она говорила тебе о нас? О том, что мы сделали?

– Готов выслушать твое собственное признание, – все так же холодно ответил Малколм. Кто такая "она", он, однако, уже не сомневался.

– Впервые я увидел ее... Джессику на лекции по математике на третьем курсе, – начал рассказывать Брант. – Она была тогда на первом. Я сам не брал математику на первом²⁰, честно говоря, всегда ее терпеть не мог. Я и на экономический пошел только под давлением родителей, мне все это казалось ужасной скукой, меня интересовал только спорт... вот и пришлось на третьем наверстывать с первачками. И там я ее увидел. Ну и, конечно, запал. Ну то есть как

20 В американских университетах студенты не делятся на учебные группы с фиксированным расписанием – вместо этого каждый имеет возможность составить свой собственный учебный график. Для получения диплома необходимо пройти определенное количество обязательных и факультативных дисциплин, но порядок их прохождения может варьироваться. Некоторые переносят предметы, в норме сдаваемые на младших курсах, на более поздний срок, хотя хорошие студенты так обычно не делают. Возможна также ситуация, когда студенты с разных факультетов записываются к одному преподавателю, если его программа соответствует минимальным требованиям для каждого из них.

запал? Ничего серьезного я не планировал. Для меня тогда серьезные отношения вообще не были темой. Просто хотел затащить ее в постель. Ну и она меня отшила. Вежливо. Она всегда отшивала вежливо. Может, если бы она сделала это грубо, до меня бы дошло... и ничего бы не было. А так я словно взбеленился. Я тогда считал себя героем-победителем. Я не привык к отказам. Я знал, что девчонка может ломаться для вида, но не допускал и мысли, что какая-то из них может на самом деле меня не хотеть. Ну, разве только если она лесби, но Джессика не была. Хотя я сам пустил о ней такой слух, ну, надо же было мне как-то оправдаться за неудачу. Но ей было наплевать. К ней никакие слухи не прилипали. Она была... словно принцесса из сказки, да. Только никакие принцы ей не требовались. Я пытался подкатывать к ней несколько раз – с тем же результатом. Потом сказал себе – "Да ладно, черт с ней! Она сама не понимает, что теряет. Мало, что ли, других девчонок?" Мало их не было, это точно, особенно после того как меня избрали президентом "Фи Дельта Омега". В летние каникулы мне казалось, что я уже совсем ее забыл. А потом, в сентябре, я снова ее увидел. И понял, что ни хрена не забыл. Главное, у нее по-прежнему не было парня, и вот это меня бесило больше всего. Если бы она уступила не мне, а кому-то другому, это было бы досадно, но оставалось бы в рамках нормального порядка вещей – так, как я его понимал. В конце концов, всех баб не перетрахает. А так... этой своей неприступной непорочностью она словно бросала вызов не только мне, но и всему мужскому полу. И ладно бы еще она была какой-нибудь страшной феминисткой-мужененавистницей или зажатой религиозной фанатичкой. Тогда можно было бы сказать: "Это ее собственные комплексы". Но она не боялась и не ненавидела парней. Она была дружелюбной со всеми. Ей просто не нужен был секс. А с моей точки зрения это воспринималось, как утонченное издевательство. Типа все вы грязные животные, а я непорочная принцесса, готовая терпеть ваше общество только из милости. Ну и чтобы вы смотрели на меня и мучились, понимая, что вам ничего не светит... Так я это воспринимал. Да, теперь я понимаю, что был просто сексуально озабоченным идиотом, которому тестостерон заменял мозги. Но тогда... я поклялся поставить ее на место, причитающееся женщине. Лишить оснований взирать на нас с чувством собственного превосходства. Не изнасиловать, нет. Во-первых, это уголовщина, а я совсем не хотел в тюрьму. А во-вторых, даже изнасилованная принцесса все равно остается принцессой и может позволить себе презирать тех грубых мужланов, которые это с ней сделали. Ей не в чем себя упрекнуть – она сопротивлялась до конца! Нет – надо было, чтобы она приползла сама, умоляя, чтобы ее трахнули, и не я один, а несколько парней...

Несмотря на данное обещание, Малколм почувствовал, как у него сжимаются кулаки и ногти впиваются в ладони – ощущение, совсем не характерное для парня, всегда ненавидевшего драки. Но он заставил себя слушать дальше.

– Ну и... план был, в общем-то, несложный, и случай представился быстро. У нее была подруга, бывшая соседка по комнате, Триша. А у Триши был парень, Тревор. К этому времени, правда, все эти отношения уже изрядно подпортились, но мне это оказалось только на руку... Они все учились на медицинском, как и мой друг Эдвин. Этот самый Тревор на первом курсе пытался вступить в наше братство, но провалил задание. Тогда для новичков-медиков такую глупость придумали – попробовать на вкус мозги, извлеченные из головы трупа в анатомичке. И мозги-то были, разумеется, не настоящие, это такой специальный торт из магазина приколов, а голова – учебный муляж, но по виду, если не знать, действительно не отличишь, особенно при тусклом освещении, а это все ночью в полумраке при свечах делалось, такой типа средневековый ритуал... Так вот он отказался наотрез, и не из страха стать каннибалом, а потому что он, видите ли, вегетарианец! Потом ему объяснили, что к чему, чтобы он, чего доброго, в полицию не побежал, но в братство он, соответственно, не попал. О чем ужасно жалел и на втором курсе снова стал добиваться, чтобы его приняли. Ну и Эдвин согласился стать его поручителем, только задание для него на сей раз было строго приватным: подговорить свою подругу, у которой как раз близился юбилей, чтобы она пригласила туда Джессику и угостила

там одним специальным коктейлем. Джессика не пила спиртное, это все знали – непорочность во всем, да – но Эдвину, который уже проходил практику в больнице, не составило труда добыть один сильнодействующий препарат, который мы добавили в колу. Братство, с моей подачи, помогло с организацией вечеринки в клубе, где уже не раз проводились подобные мероприятия. Помимо общего зала, где происходит основное веселье, там имеется несколько комнаток на втором этаже... В одну из них Триша отвела Джессику, когда та выпила напиток – она еще могла переставлять ноги, но уже ничего не соображала. А там уже ждали я, Эдвин и Тревор. Я и Тревор появлялись на вечеринке, а потом ушли так, чтобы нас видели, и вернулись через служебный вход. А Эдвин сидел там с самого начала, из гостей его никто не видел. Ну и... как я уже сказал, мы ее не насиловали. Даже в общем-то и не лапали, чтобы не оставить никаких улик. Только раздели – в хирургических перчатках, да! – и обнимали во всех мыслимых ракурсах и позах. Это делал Эдвин, фотография была его хобби... Триша при этом не присутствовала, она сразу вернулась к гостям. Никто из них ничего не заметил, большинство были уже пьяные или под кайфом... Глубокой ночью, когда все разошлись, мы, все так же в перчатках, отвезли Джессику домой – адрес, естественно, был в ее водительской лицензии – уложили на кровать, зашли в интернет с ее компа – там даже не было пароля, ей не приходило в голову, что кто-то чужой может влезть на ее комп – и залили все, что отснял Эдвин, в интернет. С ее IP, да – никто не доказал бы, что это сделала не она сама. Но не в открытый доступ, а в запароленный. Ссылку мы ей добавили в "Избранное", с указанием пароля в описании. Пароль, конечно, только на просмотр, не на изменение. Ну и все, выключили комп и оставили ее отсыпаться. Утром она, конечно, ничего не помнила. Пришла в универ, как ни в чем не бывало. А потом Тревор – это была финальная часть его задания – ей все объяснил. Какую ссылку ей стоит проверить на своем ноуте и что она должна делать, если не хочет, чтобы эти фото увидел весь интернет. Отдаться нам, всем троим. Тогда – если она как следует постарается и оставит нас довольными – мы, так и быть, скажем пароль для удаления. Он был, кстати, простой – "я грязная шлюха". Последний элемент унижения, мне хотелось, чтобы она ввела это своими руками, и на тот момент это было бы уже правдой...

– Это тоже чистая уголовщина! Ей надо было сразу пойти в полицию! – не выдержал Малколм.

– И что бы она сказала? По всем уликам выходило так – девчонка что-то приняла на вечеринке, оттянулась там вовсю, выложила все это в сеть – возможно, под кайфом, не соображая, что делает, но кто же, кроме нее, в этом виноват? – а с утра, естественно, не смогла вспомнить пароль. И теперь возводит поклеп на ни в чем не повинных ребят, которых на вечеринке в это время вообще не было, что подтвердит куча свидетелей. Кто снимал? А черт знает, может, это вообще селфи. А если даже и нет, на нас ничто не указывает. Эдвин тщательно следил, чтобы в кадр даже тени наши не попали, и, конечно, мета-данные с информацией о камере он тоже отключил. Слова Тревора, которых никто, кроме нее, не слышал? Типичное "ее слово против наших". Ну и потом – ведь тогда о ее позоре узнала бы куча народу! Ее изображения во всех позах увидели бы, как минимум, полицейские. А возможно, не только они. Она идет в полицию – и вскоре все это появляется в открытом доступе. И никто опять не докажет нашу причастность. Анонимный хакер пароль подобрал. Нет, для чистой невинной Джессики было невыносимо добиваться справедливости такой ценой.

– Какие же вы... – процедил Малколм, вновь стискивая кулаки.

– Спокойно, парень. Помни, что ты обещал. Я уже сказал – твоя жажда мести будет утолена. Ты, возможно, уже знаешь, как поплатились трое из нас? А я... я уже жалею, что не оказался на их месте. Но меня она оставила напоследок. Для самого худшего. И это, в общем, понятно...

– Так как же умерла Джессика? – перебил Малколм. – Выходит, это не было ритуальное убийство?

– Ритуальное? Нет, конечно. Триша на суде рассказала, в общем-то, правду. Тревор не говорил Джессике про нее, но та, конечно, легко поняла, кто ее опоил. И поняв, что выхода для нее нет – позор ждет в любом случае – явилась к Трише со скальпелем. И сказала ей – мол, тебе было так легко убить меня подло, исподтишка, чужими руками – теперь сделай это сама, глядя мне в глаза. Или убей себя за свое предательство. Что ты выбираешь? Триша, естественно, не выбрала ни того, ни другого и попыталась отобрать у Джессики скальпель. А та у нее на глазах перерезала себе горло. Триша, конечно, не ожидала такого. Никто из нас не ожидал. Мы хотели ее унижить, да, растоптать ее гордость, как выражаются в книгах – но мы не хотели ее смерти...

– Не понимаю, почему Триша вообще согласилась в этом участвовать, – пробормотал Малколм. – Ведь Джессика была ее подругой! А Тревор – ее парнем! И она была согласна, чтобы он... занялся сексом с другой? Неужели все это только ради шикарной вечеринки?

– Не только. Я уже говорил – к этому времени отношения Триши с ними обоими уже были подпорчены. Насчет Джессики она думала примерно, как мы – нечего, мол, выпендриваться и строить из себя мисс Непорочное Совершенство. А Тревор сам к ней охладел, и она была готова на все, чтобы заполучить его обратно. Если он при этом кого-то трахнет – ну что ж, пускай, лишь бы потом был с ней. Первая любовь, да. Потом она, конечно, заявляла, что не хотела, что это Тревор ее заставил... но было уже слишком поздно. Мы тогда ужасно перепугались, что она всех нас заложит. Все фото мы, конечно же, сразу удалили, как только узнали, что случилось – так что, если полиция и нашла ссылку на компе Джессики, там была уже только ошибка 404. Но если бы Триша дала на нас показания... Но она не дала. Тогда она выдержала. Это потом уже покатила – алкоголь, наркотики... мы тогда еще не знали, почему, а точнее – вовсе не интересовались, где она и что с ней...

– Разве не Тревор приобщил ее к наркоте?

– Ну, он ее, конечно, познакомил со стандартным молодежным набором – кислота, экстази, план²¹. Но ничего серьезного. До тяжелых она дошла уже самостоятельно. А когда и они перестали помогать, она отыскала Тревора и анатомировала его заживо. Надеясь таким образом вымолить прощение у Джессики. У нее не получилось. Думаю, со мной и с Эдвином она собиралась проделать то же самое, если бы ее не повязали на месте. Но сомневаюсь, что даже это ей бы помогло. Ты знаешь, как она умерла?

– Читал.

– Эдвин... он начал видеть кошмары предпоследним из нас. Я на тот момент все еще был самоуверенным сукиным сыном, убежденным, что держит бога за бороду. Хотя первое предупреждение я тогда уже получил, в виде травмы позвоночника и конца спортивной карьеры. Но я тогда еще не связывал это с тем, что мы сделали. Просто несчастливая случайность. Что меня не убивает, делает меня сильнее, как там у Джека Лондона...

– У Ницше, вообще-то.

– Ну, один хрен... Ницше, кажется, сдох в психушке? Прямо как Эдвин... но это было уже потом. А сначала Эдвин неправильно отрезал чьи-то сиськи... и, как я теперь понимаю, это тоже произошло отнюдь не случайно. Хотя можно задаваться вопросом, в чем была виновата его пациентка. Возможно, в том, что хотела быть сексуально привлекательной... для грязных животных вроде нас, – криво усмехнулся Брант. – Так или иначе, начался суд, ему нужны были деньги на адвоката, и он стал меня шантажировать, угрожая рассказать, что мы сделали с Джессикой и что это была моя идея. Я не был уверен, что ему удастся что-то доказать, но при том положении, что я тогда занимал, скандал мне был категорически противопоказан. Но свободных денег в нужном количестве у меня не было, и я... позаимствовал их со счетов своей компании. Естественно, их надо было вернуть, пока это не вскрылось. Способ подвернулся – кое-кто из наших конкурентов был готов хорошо платить за инсайдерскую информацию. Но на

этом мое везение закончилось. Меня поймали и в итоге посадили. Попутно вскрылась и моя связь с Люсиль, молодой практиканткой...

– Полагаю, именно она тебя и заложила, – мстительно произнес Малколм. – Из-за того, что ты не собирался уходить от жены.

– Нет! – произнес Брант потрясенно; похоже, такая мысль не приходила ему в голову. – Нет, только не Люсиль! – убежденно повторил он. – Ты просто не знаешь, о чем говоришь... Тогда, оказавшись в тюрьме, я думал, что потерял все, абсолютно все. От самоубийства меня удерживало только то, что я всегда считал это уделом слабаков... ну и мысль о родителях, точнее, о матери. Отец не желал меня видеть, он даже не пришел на последнее заседание суда. Я предал его надежды и опозорил его фамилию. Но мать... это всегда мать. И она бы не пережила, если бы я... Вот представь себе, – Брант вновь криво усмехнулся, – даже у таких подлецов, как я, бывают матери и чувства к ним. В общем, я думал, что хуже уже не будет, ибо некуда. А потом... начались кошмары. И даже тогда я не сразу понял, что они значат. Считал их естественной реакцией психики на все, что со мной случилось. И, кстати, может быть, так оно и было. Насколько я понимаю, у меня они были не такие страшные, как у других – во всяком случае, мне никогда не хотелось отгрызть себе язык или зашить нос и рот, лишь бы они прекратились. Может быть, потому, что у меня с детства была исключительно устойчивая психика в этом отношении. Многие годы я считал, что вообще никогда не вижу снов, пока мне не объяснили, что сны видят все, только не все их запоминают. И что как раз отсутствие таких воспоминаний – признак безупречного душевного равновесия. В тюрьме я таки начал их запоминать, пусть и не слишком хорошо – только общую атмосферу бесконечной тоски и страха... Может, это было все, чего можно было добиться от меня таким образом. А может, все дело было в том, что Джессика просто приготовила для меня кое-что покруче ужасов во сне... Потом умер мой отец. Внезапно, за обедом, уронив голову в тарелку. Легкая смерть. Сказать по правде, я не особо горевал по этому поводу. Тем более что в наши гуманные времена меня даже отпустили на похороны. Но моя мать пережила его всего на восемь дней. Видимо, это был последний удар, который оказался ей уже не под силу. А потом я прочитал про Тревора и Тришу. В тюрьмах есть свежие газеты, сам понимаешь. О кошмарах Тревора в свое время мне писал Эдвин. И вот тут до меня начало кое-что доходить. Хотя я никогда прежде не верил в призраков, проклятия и всякую потустороннюю муть. Но... в тюрьме, знаешь ли, можно поверить во многое. Особенно после того, как вся твоя жизнь пошла под откос, и ты понимаешь, что даже на свободе тебя не ждет ничто хорошее. Ничто и никто. А потом мне вдруг сообщили, что ко мне пришли на свидание. И это оказалась Люсиль, – Брант помолчал несколько секунд и продолжил: – Честно говоря, моей первой мыслью было, что она пришла насладиться моим унижением. Я ведь не общался с ней с тех пор, как в разгар инсайдерского скандала всплыла первая информация о нашей связи. Я тогда категорически потребовал от нее, чтобы она не писала мне и не звонила, потому что это меня подставляет. И она ответила: "Как скажешь, Ник" и повесила трубку. Тогда я еще все отрицал, это потом адвокаты посоветовали мне во всем признаваться и каяться – в том числе и в вещах, уголовно не наказуемых – чтобы произвести хорошее впечатление на суд. Фактически можно сказать, что я ее просто грубо вышвырнул, и вполне логично было бы, если бы она теперь пришла осведомиться: "Ну и как, помогло тебе то, как ты со мной обошелся?" И скажи, мол, спасибо, что я вообще не обвинила тебя в сексуальных домогательствах – я, кстати, был ее первым мужчиной... В общем, я хотел отказаться от этого свидания. Но все-таки пошел. И Люсиль сообщила мне, что у нас дочка. Я, разумеется, понятия не имел, что она беременна! – воскликнул Брант. – Я был уверен, что она принимает таблетки. И она мне ничего не говорила. Сказала, что хотела ребенка от меня, но не хотела на меня давить. И вот теперь, когда все уже состоялось, она пришла спросить, что я выберу. Если я хочу, она будет ждать меня из тюрьмы, мы поженимся и будем жить нормальной семьей. Ну а если нет – значит нет, она исчезнет с моего горизонта и никогда больше не побеспокоит. Признаюсь, я был поражен. Я всегда

рассматривал ее просто как инструмент для постельных утех, как, впрочем, и всех предыдущих моих девушек. Я даже не старался ей что-то там особо романтичное врать по этому поводу. А она оказалась единственным человеком, который не бросил меня и не предал. Который готов принять меня и связать со мной судьбу теперь, когда я не молодой бизнесмен с блестящими перспективами, а лузер, которого даже кассиром в "Dollar Tree" не факт что возьмут... Я спросил ее, понимает ли она это, и она ответила, что нам будет на что жить, даже если я не найду работу. Из моей бывшей компании ей пришлось уйти, но она нашла работу по специальности на севере штата, не такой хорошую, конечно, но приемлемую, особенно с учетом более низких провинциальных цен. Я сказал, что готов жениться на ней прямо сейчас – в тюрьмах это можно, ты знаешь – но она ответила, что не хочет, чтобы я принимал окончательное решение под влиянием давящей тюремной обстановки, ну и свадьба должна быть настоящей свадьбой, и медовый месяц тоже. Хотя забавно, наверное, говорить про медовый месяц, когда у женщины уже растет ребенок... но, в общем, на этом мы договорились. Что она будет ждать моего освобождения. И я испытал почти то же чувство, как когда после травмы спины налег на учебу. Что жизнь снова налаживается. И пусть я не достигну тех сияющих вершин, о которых мечтал, но и из полного дерьма тоже выберусь. И заживу нормальной жизнью среднего добропорядочного гражданина, чье имя не попадает в газеты – но и хорошо, что не попадает, ибо славой я был сыт уже по горло... И вот в этом, кстати, была проблема. Прежде, чем начать новую жизнь, я хотел полностью обрубить хвост, тянувшийся за мной из старой. Причем не только эту историю с инсайдом. Но и... – Брант неловко кивнул в сторону скамейки. – Возможность, опять-таки, представилась. Удивительно легко мне предоставлялись эти возможности, которые я считал спасительными, а оказывалось... У меня был сокамерник, которого посадили на пару лет раньше, но выпустить должны были практически одновременно со мной. Смешно, да – он получил втрое больше моего за какое-то мелкое мошенничество, в то время как я нанес ущерб куда серьезней. Но ведь у него не было денег на моих адвокатов... Так вот, за ним тоже тянулся хвост из прошлого, чрезвычайно его напрягавший. Он боялся человека, который поклялся с ним расправиться. Он ни разу не назвал имени этого человека – в тюрьме стараются не болтать лишнего – а называл его просто "этот сукин сын". По его словам, на тот момент "сукин сын" сидел и должен был сидеть еще лет десять. Но Фред – ты, наверное, уже догадался, моего сокамерника звали Фред Пеппино – был уверен, что тот и через десять лет постарается воплотить свою угрозу в жизнь. По поводу чего Фред даже всерьез обдумывал эмиграцию из страны, но даже это не казалось ему надежной гарантией. Ну а я предложил ему другой вариант. Обменяться личностями. То есть после освобождения каждый из нас отдает другому свои документы, мы расходимся и начинаем новую жизнь.

– И что, это можно сделать так просто? – удивился Малколм. – Ты не особо похож на итальянца.

– Он тоже не походил, – заверил Брант. – Итальянцем был его прадедушка сто лет назад, причем "Пеппино" – это его имя, а не фамилия, но из-за незнания английского он перепутал их местами, заполняя иммиграционный бланк... Такие истории мне Фред как раз охотно рассказывал. Конечно, за близнецов бы нас никто не принял, но ты удивишься, как легко проделать подобный финт. Снимаешь квартиру под новым именем, дожидаясь, пока начнут приходить счета, идешь с ними в DMV²² – "мне нужна новая водительская лицензия в связи с новым адресом". Фотка на твоей старой, конечно, не совсем похожа, но ничего такого, что нельзя объяснить "отпустил бороду/попысел/похудел", и кто там будет разглядывать эту маленькую картинку в лупу? У тебя просят доказательства, что ты живешь по новому адресу, ты предъявляешь счета, тебя тут же щелкают на новое фото и выдают новую лицензию с новым именем, новым адресом и твоей фотографией. И все, у тебя стопроцентно подлинное ID²³,

22 Department of Motor Vehicles – ведает выдачей водительских лицензий и регистрацией транспортных средств

23 Удостоверение личности

которое теперь можно рассматривать даже в лупу.

– Все равно, это же незаконно, – заметил Малколм.

– Ну, в принципе, да. Полиция легко бы нас разоблачила, ведь у нее есть наши отпечатки. Но если больше не конфликтовать с законом и вообще не попадать в ситуации, когда у тебя снимают отпечатки пальцев, то можно жить спокойно, не вызывая подозрений. Конечно, это означает некоторые ограничения – нельзя, например, получить лицензию на оружие...

– Почему этот Пеппино просто не попросил защиты у полиции? Есть же программа защиты свидетелей...

– "Сукин сын" хотел отомстить ему вовсе не за показания в суде. Фред опять-таки не пожелал посвятить меня в подробности их конфликта, но, видимо, это было дело такого рода, что рассказывать о нем полиции для Пеппино вышло бы себе дороже. Как я понимаю теперь, скорее всего это было что-то, связанное с сексом. Вероятно, Пеппино трахнул его жену, которая была согласна, но, будучи поймана мужем, заявила, что это было изнасилование, а скорее даже – несовершеннолетнюю племянницу или дочь. "Сукин сын", соответственно, тоже хотел разобраться с ним без помощи полиции, поскольку это "вопрос семейной чести".

– И ты не побоялся, что он разберется с тобой вместо него?

– Ну, во-первых, я исходил из того, что у меня в запасе десять лет, за которые с мстителем еще неизвестно что случится, а во-вторых – что если он все-таки придет меня убивать, то увидит, что я – не Фред.

– Мало ли как меняются люди за десять лет, – усмехнулся Малколм, глядя в упор на своего визави.

– Ну, в общем, да... у меня была мысль измениться еще сильнее. Впервые она возникла, когда мне только предъявили обвинение – изменить внешность и бежать. И я знал одного пластического хирурга, который мог бы помочь мне с этим. У него не было оснований мне симпатизировать, но и не было больше права оперировать законно, так что я был единственным клиентом, который согласился бы оплатить его профессиональные услуги, пусть и не так дорого, как ему платили прежде... Но мои попытки отыскать Каттериджа оказались безуспешными, а потом дергаться стало уже поздно. После выхода из тюрьмы я снова вернулся к этой идее – оказалось, что, пока я сидел, Эдвин сам отправил мне е-мэйл с приглашением приехать...

"Выходит, он все же просмотрел свой ящик уже после того, как там порылся Карсон", – понял Малколм.

– ..но, когда я туда добрался, он был уже давно мертв. И я узнал, *как именно* он умер. Сперва отрезал себе пальцы, которыми раздевал и снимал Джессику. Потом гениталии, которые подвигли его на это. А когда все это не помогло заслужить прощение...

– Я знаю, – перебил Малколм. – Но Гертруда не говорила мне о твоём визите. Только о Карсоне.

– Я дал ей 50 долларов за обещание никому обо мне не рассказывать, – усмехнулся Брант.

– Хотя я не уверен, что она сдержала бы слово, если бы ты угостил ее выпивкой. Но ты, полагаю, поспешил.

– У меня не было лишних денег, – холодно ответил Малколм, – и я терпеть не могу пьяных. Но я все же не понимаю, почему ни ты, ни Пеппино не попытались изменить имя легально.

– Потому что это можно отследить. И кроме того, каждый из нас, не афишируя это другому, надеялся не просто сбить со следа свою... Немезиду, но и направить ее на ложный след. Хотя с моей стороны это, видимо, было такой же наивной надеждой, как и вера Каттериджа в то, что Джессика не найдет его, если не пользоваться интернетом и телефоном... В общем, вскоре после моей неудачной поездки в Миссисипи мы с Люсиль поженились. Она, конечно, уже знала о моем новом имени, и ее это тоже устраивало. Новая жизнь без всяких ассоциаций с прежними скандалами. Без славы а la Моника Левински, пусть и далеко не такой громкой. Просто миссис

Пеппино. И мисс Грэйс Пеппино. Грэйс. Так она назвала нашу дочь. И я считал, что это очень подходящее имя²⁴, – Брант снова помолчал. – И в общем, все у нас складывалось хорошо. Я впервые понял, как можно жить спокойной простой жизнью, не деля всех людей на победителей и лузеров и не стремясь любой ценой оказаться в числе первых, без чего все прочее не имеет смысла. Просто жить и получать от такой жизни удовольствие. Даже кошмары, казалось, отступили. Не исчезли совсем, но... скажем так, у меня были плохие ночи и хорошие дни. И я нашел простой выход – устроился на ночную работу. Нет, я не думаю, что остальные трое до этого не додумались – спать днем, а не ночью. Наверное, в их случае это не работало. Или ночью они вместо страшных снов видели галлюцинации наяву. Или, даже хлебая кофе литрами, все равно отрубались с наступлением темноты. Но мне это действительно помогло. И я поверил, что действительно вырвался, приняв чужую личину и направив свою Немезиду по стопам Фреда, помоги ему бог...

– Не помог, – жестко произнес Малколм. – Он тоже умер.

– Да, теперь я это уже знаю, – кивнул Брант. – Может, конечно, это и совпадение. Хотя теперь я уже в них не верю. Ни в одно. А тогда... тогда я в итоге убедил себя, что нет никакой Джессики. Она умерла восемь лет назад, умерла и похоронена. А все, что случилось со мной и остальными тремя – это фокусы подсознания, случайности и самосбывающиеся пророчества. Ну знаешь, как когда неудача случается с человеком именно потому, что он психологически настроил себя на неудачу. И это именно свое подсознание, а не потустороннюю мстительницу, мне удалось обмануть, оборвав все связи с прошлой жизнью – все, вплоть до имени. Но, в общем, неважно, как это работает – лишь бы работало. Если моему подсознанию важно, чтобы я назывался Фредом Пеппино и не спал по ночам – окей, именно так я и буду делать, не пытаюсь его переубедить. Да оно и удобно было – жена работает днем, я ночью, в итоге мы оба приносим домой деньги и в то же время дома всегда кто-то есть, чтобы присмотреть за ребенком. Не надо тратиться на няню. В общем, я стал развозить по ночам газеты. Лучшей работы для "Фреда Пеппино" без высшего образования в провинциальном городке почти у самой канадской границы все равно не подворачивалось. Я специально взял два длинных маршрута, выходило примерно пять часов работы каждую ночь, вместе с ездой до центра выдачи газет и всеми проволочками там – шесть, иногда семь часов. Приносившие примерно полторы тысячи в месяц плюс чаевые. Не чета моей былой зарплате, конечно, но позволяло не чувствовать себя паразитом, сидящим на шее у жены, ну и деньги в семье с маленьким ребенком всегда не лишние. Одно плохо – работа без выходных, хотя иногда в уик-энд Люсиль меня подменяла. Ну и вот... был канун Рождества 2014 года. Почти год моей новой жизни. В ту ночь была метель, настоящий рождественский снегопад, который может радовать и умилять, если только тебе не приходится всю ночь ездить по заметенным им закоулкам и каждые три минуты бегать по колену в снегу, чтобы забросить газету на очередное крыльцо. Главные улицы в такую погоду чистят по несколько раз за ночь, а вот всякие переулки и подъездные дорожки... автору песни "Let it snow!"²⁵ следовало бы хотя бы пару таких ночей отработать курьером. Но ничего, хоть я и провозился на час дольше обычного, но управился, ехал домой, и на заднем сиденье у меня лежали коробки с подарками для Люсиль и Грэйс. И настроение, несмотря на усталость и мокрые ноги, действительно становилось праздничным, и даже эти песенки из приемника уже не раздражали... Когда я поднялся к себе на второй этаж – своего дома у нас, конечно, не было, снимали квартиру – на улице уже светало, но в квартире за задернутыми шторами было совершенно темно. Обычно в это время Люсиль уже вставала, собираясь на работу, но по случаю праздника, очевидно, решила как следует выспаться, так я подумал. И вошел в комнату,

24 Grace – милосердие, прощение

25 "Пусть идет снег!", популярная песня на слова Сэмми Кана и музыку Джуля Стайна, часто исполняемая на Рождество; фраза также часто используется в рождественских открытках и прочих сезонных декорациях. Что характерно, песня была написана во время калифорнийской жары в июле 1945 г.

не зажигая света и стараясь не шуметь. Первое, что меня насторожило – странный и неприятный запах. Потом мои ноги стали липнуть к чему-то, разлитому на полу. И прежде, чем я успел сообразить, что это значит, я споткнулся обо что-то... мягкое... – Брант вдруг как-то странно поджал губу, и Малколм с удивлением подумал – неужели этот тип собирается заплакать? Но тот пересилил себя и продолжал ровным тоном: – Только тогда я бросился включать свет. Люсиль лежала на полу на спине, совершенно голая, истекающая кровью. Ее изнасиловали так грубо, как это только было возможно, а потом пырнули ножом в живот и вырезали у нее на груди и на животе надпись: "Должок, Фредди!" С запятой и восклицательным знаком, да...

– "Сукин сын"? – понял Малколм.

– Очевидно.

– Но он же должен был сидеть еще... девять лет?

– Откуда мне знать, как он это устроил, – устало пожал плечами Брант. – Может, освободился досрочно. Может, адвокат добился пересмотра дела. Может, даже сбежал. Но скорее всего – просто организовал своих дружков прямо из тюрьмы. Насильников было четверо, так что, возможно, самого "сукина сына" среди них и не было. И если бы они застали меня дома – как, скорее всего, и планировали, потому и явились ночью, не зная, что я в это время работаю – то, вполне вероятно, просто убили бы, даже не вникая, что я не тот, кто им нужен. Но мне до сих пор кажется, что если бы я пришел домой пораньше, если бы не задержался из-за метели, то я успел бы им объяснить... Дверь, кстати, открыла им сама Люсиль, думая, что это я забыл ключи, так что, если бы я был дома... Хотя, конечно, это все чепуха. Все с самого начала было распланировано так, чтобы не оставить мне шансов. Чтобы я сам, своими собственными действиями загонял себя все дальше в ад и винил потом в этом только себя.

Малколм понял, что автором этого плана Брант считает вовсе не неведомого уголовника.

– От Люсиль я бросился к Грэйс и увидел, что ее нет в кровати, – продолжал рассказывать Брант. – Тогда я стал звонить – как сейчас помню, 9-1-1 мне удалось набрать только с третьего раза – и кричать в трубку, что моя жена убита, а дочь похищена... Но оказалось, что все это неправда. Люсиль была еще жива, хотя и без сознания. А Грэйс я нашел сам, спящей в ванной. Они заперли ее там, чтобы не мешалась, но не причинили никакого вреда. Как видно, хотели продемонстрировать, что они не отморозки-душегубы, а мстители за поруганную честь. Жена виновника под это мщение подпадала, но невинный младенец – нет.

– А ведь полиция должна была найти твои отпечатки пальцев по всей квартире и объявить Николаса Бранта в розыск, – сообразил Малколм.

– Ну, конечно, они взяли и мои отпечатки тоже, и мне пришлось признаться в этом обмене. Собственно, я это сделал даже охотно, потому что надеялся, что они выйдут на настоящего Пеппино, а через него – на "сукина сына". Но Фред к тому времени был уже мертв. Я так и не знаю подробностей его смерти... А меня за подмену пожурили и только. Составы преступления в моих действиях не нашли, поскольку я не использовал чужое имя для корыстного обмана. Если бы я брал хотя бы ссуду в банке, прикрываясь чужой кредитной историей, ко мне уже были бы претензии, но финансовыми вопросами в нашей семье ведала Люсиль... Мне даже позволили взять это имя официально, хотя, конечно, теперь уже какой смысл...

– Так преступников так и не поймали?

– Нет. Не помогли даже показания Люсиль, когда она пришла в себя. Четыре мужика в балаклавах, сделавшие все это молча, без единого слова... Но и новых попыток мести не было. Возможно, они таки поняли ошибку и нашли настоящего Пеппино – то есть выяснили, что его уже нет в живых. Но мне кажется, что "сукин сын" просто счел себя в расчете. Может, он и не планировал убивать Фреда – ведь и тот, как я понимаю, никого не убил. "Ты трахнул мою женщину, мы трахнули твою – все справедливо. Живи теперь с этим и мучайся." Мучайся, да. Когда врач сказал мне, что положение Люсиль серьезное, но надежда есть, я, дурак, радовался.

Лучше бы она умерла прямо тогда, не дождавшись "скорой" и не придя в сознание... В госпитале ей зашили раны, перелили кровь и сделали все, что положено делать в таких случаях, но прошло слишком много времени при таких повреждениях – органов брюшной полости, половых органов и прямой кишки. При таких ранениях содержимое кишечника попадает в кровь и разносится по всему организму, вызывая множественные осложнения. Сначала тяжелый синдром системного воспалительного ответа, так они это называют. Несколько недель Люсиль провела в интенсивной терапии, половину времени на искусственной вентиляции легких, ей сделали еще операции, но все это не смогло остановить процесс. Пошел сепсис, абсцессы печени, образование кишечных свищей. Инфекцию глушили антибиотиками, но, естественно, спустя какое-то время ее организм практически перестал на них реагировать. Врачи пробовали разные экспериментальные методы, я только и делал, что подписывал бумаги о согласии, понимая, что она для них – все равно что подопытная крыса, но не мог отказаться от надежды. Но все это давало в лучшем случае лишь краткое улучшение, а потом опять, все хуже и хуже, все новые проблемы во все новых местах... Бактериальный эндокардит, острая почечная недостаточность, хроническая почечная недостаточность, прогрессирующая полиорганная недостаточность – видишь, каких я терминов набрался, даром что кончал экономический, а не медицинский, как остальные... Гемодиализ, искусственная вентиляция легких, парентеральное питание, все новые операции, неделя за неделей, месяц за месяцем... честно, я не представлял себе, что человека можно так мучить столько времени, и он все еще будет жив. Я уже смотрел на врачей, как на садистов, которым лишь бы проверить очередную идею, готов был кричать "просто дайте ей наконец умереть!", но... время от времени возникали и периоды позитивной динамики, улучшения, надежды, даже почти уверенности в успехе – а главное, Люсиль очень хотела жить. Не хотела бросать меня и, конечно, Грэйс. Понимала, что я, в конце концов, взрослый, я справлюсь, а вот наша девочка... Ну а потом опять – развитие все новых тяжелых осложнений, почти безнадежная ситуация, потом снова позитивная динамика, потом... Все это тянулось почти 19 месяцев. Девятнадцать гребаных месяцев, ты можешь себе это представить?! Люсиль умерла в этом году, четырнадцатого июля. Знаешь, что это за дата?

– Нет.

– Годовщина нашего с ней первого свидания. Ну то есть первого секса, если называть вещи своими именами. Мы отмечали эту дату так же, как и годовщину свадьбы. То есть годовщину свадьбы, даже первую, мы отпраздновать так и не успели, только планировали, что будем отмечать обе эти даты... Можно, конечно, считать это совпадением. Или плодом теперь уже ее самовнушения. Но я не думаю, что она хотела бы омрачить мне именно этот день. Кто-то другой, возможно, но не она, – Брант сделал выразительную паузу и продолжил: – У меня осталась Грэйс. Точнее, Грэйс и... ах да, я забыл рассказать тебе об еще одном члене нашей семьи. Мэгги, любимая кошка Люсиль. Люсиль завела ее еще до нашего знакомства и души в ней не чаяла. Действительно очень милая кошечка, белая, пушистая, ласковая и игривая, как котенок, несмотря на свой уже не самый юный по кошачьим меркам возраст. Она даже меня очаровала, хотя прежде я относился к кошкам вполне равнодушно и не понимал людей, которые тоннами постят "фотки котиков" в интернете. И Грэйс, конечно, тоже ее обожала. Люсиль никогда не боялась позволять дочке играть с Мэгги, не боялась, что та поцарапает ребенка... И даже несмотря на то, что наше финансовое положение теперь совершенно катастрофическое – мы должны какие-то астрономические суммы по медицинским счетам, несмотря на страховку Люсиль, которая не покрывала столь длительное лечение, но дело даже не в этом, а в том, что зарплата Люсиль была главным источником дохода в нашей семье, а теперь осталось только детское пособие и мои случайные заработки – так вот даже несмотря на все это я не собирался избавляться от Мэгги. Хотя это была бы экономия. Но это бы значило предать память Люсиль и нанести удар Грэйс, которой я так и не решился сказать, что мама уже никогда не вернется из больницы... Но в день похорон Люсиль Мэгги пропала. Сама. Грэйс, конечно, была безутешна, я

ходил расклеивал объявления на столбах, "пропала кошка", понимая, что это бесполезно – Мэгги всегда была домашней кошечкой, и уж если какая-то нелегкая заставила ее убежать на улицу, то там она наверняка попала в беду. Скорее всего – под машину. Что на фоне смерти жены выглядело не самой большой трагедией, но ощущения безнадеги, того, что в моей жизни хорошего не будет уже ничего, очень эффективно добавляло. Но на тот момент я даже не догадывался, насколько это верное ощущение... В общем, кошка так и не нашлась, Грэйс в конце концов перестала плакать, хотя, конечно, все спрашивала меня про маму, а я все не знал, как ей сказать, ей же только три года... А в сентябре девочка вдруг стала вести себя странно – хныкать, отказываться от еды и от прогулок. Я сперва думал, что это просто капризы, спровоцированные всеми нашими несчастьями – я сам был слишком подавлен, чтобы рассуждать здраво и замечать что-то, кроме собственной депрессии – но когда увидел, как она шатаясь идет по комнате и падает, словно снова разучилась ходить, схватил ее в охапку и повез к врачу. Тот спросил, не играла ли она этим летом с какими-нибудь животными. Грэйс сказала, что играла с киской Мэгги, пока та не пропала. А не было ли такого, чтобы киска ее кусала, царапала или хотя бы лизала? К моему удивлению, Грэйс сказала, что да, Мэгги укусила ее за палец – чего раньше никогда не случалось – и тогда Грэйс ее ударила, а киска убежала, и с тех пор ее нет. И что она, Грэйс, просит у киски прощения за то, что ударила, и пусть та вернется... Ну ты уже понял, что все это значит?

– Я, конечно, не врач, – произнес Малколм, – но...

– Бешенство, – убито кивнул Брант. – Понятия не имею, где его могла подцепить кошка, не выходящая из дома. Но уже не удивлюсь, если это была летучая мышь, влетевшая в окно *ночью*, – он подчеркнул голосом последнее слово. – Вакцина от бешенства помогает только во время инкубационного периода. После того, как проявились симптомы, спасения нет. Гарантированная смерть.

Малколм обдумывал, стоит ли сказать: "Мне жаль". С одной стороны, как бы он ни относился к Бранту, трехлетняя девочка уж точно ни в чем не виновата. С другой – и пользы ей от его сожаления не будет ни малейшей, а сочувствовать ее отцу он не собирался.

– Точнее, – продолжил Брант, не дождавшись реакции, – так считали до 2004 года. Потом появился шанс. Правда, он совсем крохотный. За все время благодаря ему удалось спасти только пятерых пациентов. Все остальные умерли. Это так называемый Милуокский протокол. Основан на идее, что, раз вирус бешенства разрушает нервную систему, ее надо максимально отключить, пока тело борется с болезнью. Поэтому пациента вводят в искусственную кому и пичкают иммуностимуляторами. Существует две версии этой процедуры. Благодаря одной спаслись два человека, благодаря другой – три. Но это все, что у меня есть... то есть не у меня, к черту меня. Все, что есть у Грэйс.

На сей раз Брант замолчал так надолго, что Малколм не выдержал:

– Ну и что ты хочешь от меня?

– Они держат Грэйс в коме уже три недели. Говорят, что ситуация все еще неопределенная. Но с каждым днем шансов меньше. Впрочем, вполне может выйти и так, что первый результат будет обнадеживающим, а спустя несколько дней или недель после выхода из комы – все равно смерть. Так уже бывало с другими пациентами. Но в данном случае исход будет зависеть не от искусства врачей и даже, полагаю, не от сопротивляемости организма самой Грэйс.

– А от чего? – усмехнулся Малколм, прекрасно понимая, что имеет в виду Брант.

– От кого, – поправил тот, не обманув его ожиданий. – Я уже пытался вымолить у нее жизнь для Люсиль. Ничего не вышло, как видишь. Но когда Грэйс только поставили диагноз, я снова примчался сюда...

– Ты пытался заслужить прощение за смерть Джессики, просто соскребя имя Тренора с ее мемориальной таблички? – презрительно осведомился Малколм.

– Не прощение! Прощения мне нет, и я это знаю. Трое остальных не получили его, даже умерев мучительной смертью – не спрашивай, откуда я это знаю, – а их вина была меньше моей. Речь не обо мне. Речь только о Грэйс. Я пытался выяснить у Джессики, что она хочет за жизнь Грэйс. Но она не желает со мной говорить. Даже когда я провел здесь всю ночь под дождем. А с тобой говорит, я знаю. Я следил за тобой несколько ночей. Спроси у нее. Спроси, что я должен сделать.

– Не думаю, что Джессика имеет к этому какое-то отношение. Ты-то, конечно, ничего хорошего не заслуживаешь. Но ей не за что мстить маленькому ребенку. Это был просто несчастный случай.

– Да, – саркастически откликнулся Брант, – как и все, что случилось за эти годы со всеми нами. Каждое событие имело естественные причины и логически вытекало из предыдущих, да...

– Не говоря уже о том, – продолжал Малколм, – что что, интересно, ты мог бы ей предложить? Вернуть ей жизнь?

– Нет, конечно, – вздохнул Брант, – я могу отдать свою, но боюсь, что этого будет недостаточно. Ей нужно, чтобы я страдал, это понятно. Пусть скажет, как именно, я все исполню. Только пусть позволит поправиться Грэйс.

– Ты сказал, что Джессика не хочет с тобой разговаривать, – медленно произнес Малколм. – А раньше она это делала? В смысле, уже после того, как...

– Нет, – покачал головой Брант. – Ни с кем из нас, я так понимаю. Хотя, возможно, остальные не догадались, что это надо делать на ее скамейке. Но я догадался, а толку...

– Тогда с чего ты взял, что мое заступничество что-то изменит? – холодно осведомился Малколм. – И что я вообще стану работать твоим бесплатным адвокатом?

– Ты хочешь денег? Но я сказал, у меня их больше нет... могу отдать все, что у меня есть на обратную дорогу – если Джессику устроит моя смерть, они мне все равно уже не понадобятся... но это всего несколько десятков долларов... – Брант полез в карман.

– Не нужны мне твои деньги, – презрительно поморщился Малколм. – Джессика либо не хочет, либо не может ничего для тебя сделать, иначе это уже бы произошло. И я не хочу огорчать ее, поднимая тему, которая ей неприятна.

– Может быть, *тебя* она послушает. Ты же... ну, к тебе она относится совсем не так, как ко мне, верно? Ну что мне, на колени перед тобой встать? – Брант опустил на колени в холодную грязь. Затем вдруг снова торопливо полез в карман и вытащил потертый бумажник, но достал из него не деньги, а маленькую квадратную фотографию, и протянул ее Малколму. – Вот, посмотри! Здесь ей ровно три годика. Сейчас она лишь чуть-чуть старше.

В лунном свете трудно было разглядеть черты детского личика, но Малколм и не пытался.

– Я не люблю детей, – холодно проинформировал он, не беря фото. – Особенно маленьких.

– Но неужели ты хочешь, чтобы она умерла? Она же ни в чем не виновата! Просто попроси Джессику. Пусть скажет свои условия. Все, что угодно! Пожалуйста! Ради Грэйс!²⁶

– Ну ладно, – неприязненно произнес Малколм. – Я поговорю с Джессикой, но, естественно, ничего не могу обещать от ее имени. А теперь уходи. Я не хочу, чтобы ты стоял надо мной, когда я засну. Вообще уходи, совсем из парка! Жди меня утром на парковке у главного входа.

– Хорошо, – Брант поднялся, даже не попытавшись отряхнуть испачканные мокрой грязью брюки, дрожащими руками запихнул фото в бумажник, а бумажник в карман, и побрел прочь. "Слизняк, – подумал Малколм с отвращением. – Все они такие, эти альфа-самцы, когда прижмет... Но девочка действительно не виновата, что у нее такой папаша. И, конечно, даже

26 В оригинале игра слов: "ради Грэйс" и "ради милосердия"

если он останется в живых, он не должен ее воспитывать. Будет только справедливо, если Брант лишится всего, и дочка тоже, и больше никогда ее не увидит и ничего не узнает о ней, но сама она при этом не пострадает. Пожалуй, это оптимальное решение. Я предложу его Джессике."

Некоторое время он лежал на скамейке с открытыми глазами, поглядывая, не попытается ли Брант вернуться. У Малколма не было рациональных причин опасаться этого типа – в конце концов, он был единственной надеждой Бранта – но все равно решительно не хотелось, чтобы тот подсматривал за его встречей с Джессикой. А может, еще и Рик, несмотря на все предостережения, снова решит припереться посреди ночи... Но ночной парк, похоже, оставался безлюден. Однако беспокойные мысли и эмоции мешали Малколму заснуть, а принимать снотворное ему тоже не хотелось – он слишком задержался из-за разговора с Брантом, теперь с таблеткой он, пожалуй, не проснется вовремя... Наконец он заметил, что в парке светает, и почувствовал вспышку паники – неужели он так и пролежал впустую с открытыми глазами всю ночь?!

– Привет! – услышал он голос Джессики и вздохнул с облегчением. На сей раз в мире их встреч было раннее утро. В самом деле, почему бы нет? Утро ненавистно тем, кто вынужден бороться со сном, но может быть прекрасным, когда само является частью сна...

– Извини за задержку, – улыбнулся он. – Ты... слышала, с кем и о чем мне пришлось говорить?

– Не думаю, что он стоил потраченного времени, – нахмурилась Джессика. – *Нашего* времени, – подчеркнула она.

– Ну, – сконфузился Малколм, – я ведь не мог его просто прогнать. Он бы не ушел, пока я бы его не выслушал. И потом, честно говоря, мне было любопытно, что он расскажет...

– Что ж, если ты удовлетворил свое любопытство, может, займемся теперь чем-нибудь более интересным?

– Конечно, но... Джессика, как все-таки насчет этой девочки, Грэйс? Ты можешь ей помочь? Она ведь ни в чем не виновата.

– В этом мире сплошь и рядом невиноватые страдают из-за виноватых, – пожала плечами девушка. – В чем была виновата я? Только в том, что была слишком невинна? Что недооценила степень человеческой низости и подлости? Я училась на врача, как ты помнишь. Мечтала бороться с детскими болезнями. И мои преподаватели говорили, что из меня выйдет хороший врач. Правда, меня больше интересовали врожденные патологии типа ДЦП, а не вирусные заболевания, но, кто знает, как бы дальше пошла моя специализация... может, сейчас бы я и смогла спасти эту девочку. И не только ее. Других детей тоже. Однако ее отец сделал в свое время другой выбор. А теперь не желает принять его последствия. Но это уже его проблемы.

– Не только его, – вновь напомнил Малколм. – Он-то, разумеется, заслужил каждую секунду своих страданий. Но пусть девочка поправится, и ее удочерят какие-нибудь достойные люди.

– Это невозможно, Малколм, – вздохнула Джессика. – Я тебе уже говорила, я не всемогуща. Совсем, совсем не всемогуща. Я никого не могу вылечить, даже если очень захочу. Могла бы, если бы осталась в живых. Но не теперь.

– Но... – Малколму пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить, – наоборот – это сделала ты? Ты заразила ее бешенством?

– Я не кусала ее за палец, если ты об этом, – холодно ответила Джессика.

– Ты знаешь, о чем я говорю! – Малколм впервые почувствовал раздражение, говоря с ней. – Только не говори, что это был ее выбор – играть или не играть с больной кошкой! Ей всего три года, какой к черту выбор!

– Ее отец еще не потерял всего, – сказала Джессика; ее красивое лицо было спокойно. – Даже в случае его собственной мучительной смерти, даже если бы он знал, что никогда ее больше не увидит, ему была бы утешением мысль, что Грэйс останется жить. Останется после

него. Будет нести его гены... Он не заслужил утешения, Малколм. Он заслужил только бесконечное отчаяние, презрение и ненависть к самому себе от понимания того факта, что во всем этом виноват исключительно он сам. Не только в своих собственных страданиях.

– Ну ладно, Люсиль виновна в том, что спуталась с ним... но почему Грэйс должна страдать за чужие грехи? Это несправедливо!

– А справедливо, что у меня никогда не будет дочери, а у него будет? – резко ответила Джессика.

– Ты хотела иметь детей? – удивленно спросил Малколм. У него самого никогда не возникало такого желания.

– Не знаю. Я еще не решила... на тот момент. Беременеть и рожать – точно нет, – Джессика поморщилась. – Но, может, отдать свою яйцеклетку для искусственного оплодотворения. Или просто взять приемного – я на своих генах не помешана... Это не инстинкты, Малколм. Это действительно может быть интересно – воспитать новую личность, которая к тому же станет тебе другом. Я уже в какой-то мере проходила через это с Тедом, хотя тогда я еще сама не была взрослой, и с ним не всегда было просто из-за его болезни, но тем больше радости результатам... Но это и очень большая ответственность. Большинство людей заводят детей просто как каких-то кошечек и собачек. Так, конечно, делать нельзя. Я собиралась вернуться к этой теме лет в тридцать. Когда уже состоюсь, как профессионал, и смогу понять, нужны ли мне собственные дети и смогу ли я им быть достойной матерью, или достаточно тех, которых я буду лечить и кому я буду хорошим врачом... Но *он* и его дружки отняли у меня возможность выбора.

– Вообще-то, – заметил Малколм, – строго говоря... ты ведь тоже сама сделала выбор, не так ли? В смысле, что никто ведь не заставлял тебя... – он сделал движение рукой возле горла.

– А что я, по-твоему, должна была сделать? – она резко повернулась к нему, и ее глаза распахнулись от возмущения. – Ублажать этих подонков?!

– Нет, конечно же нет! Но полицейские, думаю, нашли бы на них управу. Заставили бы их удалить фото или сделали это с помощью собственных хакеров... у них ведь тоже есть специалисты по взлому, да еще какие... А то, что они сами бы увидели фото... ну, они же профессионалы. Это не более стыдно, чем осмотр у врача.

– Очень мило с твоей стороны, Малколм, – процедила она, – говорить мне об этом сейчас, когда ничего уже нельзя исправить. Ты на чьей стороне вообще?

– На твоей, конечно на твоей! Просто... истина... ну, ты понимаешь...

– "Дороже", – закончила за него Джессика. – Договаривай уж, – она помолчала, затем вымученно улыбнулась. – Истина, между прочим, состоит в том, что если бы я это не сделала, мы бы никогда не встретились. А еще через тридцать лет стала бы страшной старухой с кучей болячек.

– Тогда... – усмехнулся Малколм и решил, что лучше будет не продолжать. Но Джессика догадалась, что он хотел сказать.

– Тогда почему им не может быть прощения, если все так хорошо обернулось? – произнесла она с издевкой. – Во-первых, я не говорю, что все хорошо. Я просто стараюсь находить положительные стороны. А во-вторых, ну представь себе, что мы бы встретились во время войны, например. Ты бы меня спас из-под развалин, или я бы тебя выходила в полевом госпитале. И мы бы тоже полюбили друг друга. Но ведь это все равно не было бы оправданием тем, кто развязал войну, не так ли? Они-то отнюдь не стремились к такому результату.

– Они могли считать эту войну справедливой, – заметил Малколм. – И закрывать глаза на невинные жертвы. Такие, как Грэйс.

– Ты опять? – она произнесла это без гнева, скорее устало. – Ты сам сказал – ей всего три года. Она даже не успела толком ничего понять и испугаться.

– Значит, она не выживет? Я понял, что ты не можешь ей помочь, но... ты можешь хотя

бы не мешать? Все-таки этот Милуокский протокол иногда срабатывает.

Джессика не сочла нужным ответить. Некоторое время они сидели молча, глядя на озеро.

– Ладно, – вздохнул Малколм, – у меня другой вопрос. Что ты сделала с Карсоном?

– Тебя интересуют физиологические подробности? – неприязненно откликнулась Джессика, не глядя в его сторону.

– Н-не думаю, – пробормотал Малколм, – но...

– Я просто помогла ему исполнить обещание, которое он дал по доброй воле, а потом пытался нарушить.

– Исполнить обещание?

– Он обещал, что никогда не покинет меня.

– Ты что же... – потрясенно произнес Малколм, до которого, наконец, дошло, – хочешь сказать, что он... все еще здесь?!

– В некотором роде.

– Прямо здесь?! – Малколм с ужасом глядел на скамейку.

– Он нам не помеха. Он не может ни видеть, ни слышать, ни говорить, если тебя это волнует.

– А я... могу его увидеть? Или как-то почувствовать?

– Ты очень этого хочешь?

– Н-нет, – пробормотал Малколм, – нет, не думаю.

– Вот и правильно. Тебе бы это не понравилось. От него, на самом деле, не так уж много осталось... Я же говорила, не стоит вспоминать о нем.

– Но з-зачем? Зачем он тебе... такой? Почему было просто не отпустить его?

– Не все решает одна лишь практическая полезность. Человек должен отвечать за свои слова.

– А... другие? Неужели все тоже здесь?

– Нет, – покачала головой Джессика. – Я так надеялась, что Тед... он действительно хотел быть со мной... но он так и не попал сюда. Никто из них не попал. Я не знаю, почему. Может, просто потому, что они умерли не здесь. Но ведь и я умерла не здесь.

– То есть вся твоя семья... это тоже сделала ты?!

– Нет, Малколм! То есть я не стремилась к этому специально. Я просто хотела быть с ними. Мне было так одиноко... Ты не представляешь себе, как одиноко *здесь*. Ты говорил, что любишь одиночество, но ни ты и никто другой *там, у вас* не знает, что такое *настоящее* одиночество...

Малколм молчал, шокированный. Конечно, он мог догадаться и раньше. Но подсознательно гнал от себя эту мысль.

– С теми четырьмя подонками, конечно, все было не так, – продолжила Джессика. – Но даже у них был выбор. В каждый очередной момент. Может, даже слишком много выбора. Триша, например, вообразила, будто оказывает мне услугу, убивая Хастингтона, а на самом деле она лишь снова подвела меня. У меня для него была заготовлена более продолжительная... программа.

– А Лайза? – вспомнил Малколм. – Любовница Карсона? Как я понимаю, это не был несчастный случай.

– И это был ее собственный выбор. В конце концов, я имею право на самозащиту.

– Да, – согласился Малколм, – разумеется. Те, кто сам виноват, заслужили. Но я не могу сказать так про всех, с кем ты... что-то сделала.

– Тебя все это огорчило? – она печально посмотрела на него. – Недаром я не хотела об этом говорить.

– "Ничто не сравнится с таким чудесным, заботливым, любящим и отзывчивым человеком, какой была наша Джесс", – процитировал Малколм с печальной усмешкой.

– Да, – согласилась Джессика. – Была. Прошедшее время. Но мне преподали урок. А я всегда была хорошей ученицей. Так что можешь передать... этому, который отказался даже от собственного имени, надеясь спрятаться от ответственности, что в мире таких, как он, нет места милосердию²⁷. Но, – поспешно добавила она совсем другим тоном и улыбнулась, – все это касается, разумеется, только врагов. А не нас с тобой. Не будем больше о них. С тобой я прежняя.

– Карсону ты говорила то же самое? – едко осведомился Малколм.

– Пока он этого заслуживал, – пожалала плечами Джессика. – С ним я ошиблась, признаю. Я слишком долго ждала... хоть кого-нибудь, и ухватилась за первого встречного, который меня услышал. Но ведь ты не такой, как он.

– Не такой.

– Ну вот и чудесно. Значит, нам не о чем беспокоиться.

– Вот насчет нас я как раз хотел поговорить... – нерешительно произнес Малколм после паузы. – Что мы будем делать, когда я окончу универ? Ты точно никак не можешь покинуть это место? Потому что я не могу всю жизнь оставаться в этом городе.

– Почему?

– Потому что здесь не строят космические корабли, – вздохнул Малколм. – Работа, о которой я мечтал всю жизнь. Я думал уже даже о том, чтобы организовать свою компанию... хотя, конечно, для этого надо сначала как-то заработать кучу денег... или можно открыть здесь филиал существующей, но для этого тоже надо уже быть конструктором с именем, а здесь мне им не стать... никто не возьмет на работу вчерашнего выпускника, если тот заявит, что согласен работать только через интернет из другого штата... но в любом случае, здесь невозможно проводить испытания. Здесь нет космодромов, и никто не станет их строить. Уже хотя бы потому, что космодромы следует располагать как можно ближе к экватору, дабы использовать по максимуму линейную скорость вращения Земли...

– Только-то и всего? – улыбнулась Джессика. – Мы можем построить космодром прямо здесь. На том берегу озера, если желаешь, и любоваться отсюда запусками твоих кораблей. Любых, какие ты только сможешь вообразить. Пожалуй, это будет красиво! И это не будет стоить тебе ни цента.

– Но... – растерялся Малколм, – это же не то... это не по-настоящему...

– Это лучше! Они полетят именно так, как ты хочешь. Без каких-либо накладок и аварий, которые непременно случались бы... в вашем мире.

– В том-то и дело! А мне надо, чтобы они летели в соответствии с реальными законами физики! Мне нужно знать, правильно я их спроектировал или нет – без этого все теряет смысл! Я не сказочник, я инженер! Нет, конечно, – поспешно добавил он, – я очень благодарен тебе за все твои подарки... летающий скейт, световой меч, "Роллс-Ройс" – это все очень классно, но это развлечения. А я сейчас говорю о деле моей жизни.

– И это дело тебе важнее, чем я? – печально произнесла она.

– Джесс, – поморщился Малколм, – ну давай не будем опускаться на уровень пошлых фильмов. Когда там в очередной раз жена главного героя произносит фразу "что тебе важнее – я или твоя чертова работа?", мне всегда хочется удавить эту дуру... я не имею в виду тебя, конечно, – торопливо добавил он. – Просто, ну, давай не уподобляться... я вообще не хочу выбирать "или-или". Я хочу, чтобы "и, и"! Но не знаю, как нам это устроить. Может быть, если я откручу твою табличку от скамейки и возьму с собой...

– Нет, не вздумай! – испуганно воскликнула Джессика. – Так ты сделаешь только хуже!

– А если всю скамейку целиком? Загрузить в трейлер...

– Я уже сказала, Малколм – я не могу покинуть это место. А ты... сам не понимаешь, что

27 В оригинале "no place for grace" – очередная игра слов

предлагаешь. Я бы... мы бы вообще не смогли общаться после этого.

– Ладно, я понял, – мрачно кивнул Малколм. – Тогда что? Неужели никакого выхода?

Джессика задумалась.

– Ну, – сказала она наконец, – если дело упирается в деньги, то выход есть. Тебе надо встретиться с каким-нибудь миллиардером.

– И попросить у него миллиард-другой на поддержку молодому дарованию? – усмехнулся Малколм.

– Неважно, о чем ты будешь с ним говорить. Достаточно, чтобы вы пообщались хотя бы пару минут, еще лучше – обменялись рукопожатием. Чтобы я могла... на него настроиться. А дальше в его жизни начнут происходить... всякие вещи. И какое-то время спустя он будет сам рад отдать тебе любые деньги, лишь бы это прекратилось.

– Но, Джесс! – ошарашенно воскликнул Малколм. – Это же преступление!

– Никакая полиция и никакой суд никогда не докажет твоей вины. Собственно, юридически ее и не будет.

– Дело не в полиции! Одно дело – когда ты мстишь подонкам, доведшим тебя до смерти... даже когда наказываешь тех, кто нарушил данное тебе слово... но тут – это же уже чистый рэкет! Без какого-либо морального оправдания! Я не бандит!

– Не ты ли рассуждал, что мораль – всего лишь навязанный социумом комплекс догм, которые разумный человек не может воспринимать не критически? И потом, что тут, собственно, такого? Речь не о том, чтобы отобрать последний хлеб у голодного. Сколько там миллиардов у того же Билла Гейтса – кажется, под сотню? Если он отдаст тебе два-три, он даже не заметит. Он за один день может потерять больше за счет колебания курса акций.

– Дело не в этом...

– А в чем? В том, что душевное спокойствие какого-то постороннего богача тебе важнее возможности быть со мной?

– Нет, конечно! Если бы он сам попытался помешать нам быть вместе – тогда, конечно, другое дело! Но мучить человека, который *совсем* ни в чем не виноват, просто ради вымогательства... не важно, сколько у него денег, тут дело принципа! Ты же сама говорила – человек должен быть верен своему слову, даже когда в этом нет практической пользы. Тут то же самое.

– Оказавшись *здесь*, – невесело произнесла Джессика, – на многое начинаешь смотреть по-другому. В том числе и на проблемы посторонних людей. Ты в любом одиночестве все еще ощущаешь некую общность с ними. Принадлежность к единому человечеству. Даже если не задумываешься об этом. А для меня они все теперь даже менее реальны, чем персонажи книг и фильмов. Которым все-таки можно сочувствовать. Даже менее, чем... юниты в компьютерной игре, которые все-таки воспринимаются, как "свои". Как я уже сказала, ты просто не представляешь, что такое *настоящее* одиночество... Ну ладно. Если ты отвергаешь мою помощь, чтобы создавать свои корабли здесь или получить деньги и строить их там, тогда что же остается?

– Не знаю, – вздохнул Малколм. – По крайней мере, ближайшие четыре года я буду учиться здесь. Не считая каникул – ты ведь не против, чтобы я навещал родителей в каникулы? А дальше... видно будет.

– Мне не нравится это выражение, – строго сказала Джессика. – Это была любимая поговорка Памелы – "там видно будет". Так говорят люди безответственные, пытающиеся спрятаться от проблемы вместо того, чтобы ее решать. Или просто трусливые и лицемерные, боящиеся сказать правду. Что, по-твоему, изменится за четыре года? Ты захочешь бросить меня?

– Ну, – Малколм криво улыбнулся, – может, это я тебе надоем.

– Нет, – серьезно сказала Джессика, – не думаю, что ты мне когда-нибудь надоешь. Ты действительно не Карсон, за которого я ухватилась от отчаяния.

– Даже когда я... стану старым? А ты будешь оставаться все такой же молодой?

– *Здесь* ты можешь быть молодым всегда.

"Ну да, – подумал Малколм, – если я могу ездить на воображаемом "Роллс-Ройсе" и смотреть фильмы на воображаемом экране, почему тот же принцип не может распространяться и на мое тело? Конечно, при возвращении в реальность все эти иллюзии исчезают... *до тех пор, пока я должен туда возвращаться*. Но если бы я остался здесь навсегда – разве не потерял бы для меня всякий смысл тот факт, что объективная реальность иная? Разве все *это* не стало бы единственной моей реальностью? И не является ли тогда вопрос о том, что считать реальностью, а что иллюзией, всего лишь выбором точки зрения? Как в той притче о китайце, которому снилось, что он бабочка, да..." От этой мысли ему почему-то сделалось жутко. Это был... не инженерный подход. Который требует ясности, объективности и однозначности.

Джессика тем временем стерла печальное выражение со своего лица и поинтересовалась, как ни в чем не бывало, будут ли они сегодня смотреть кино. Малколм, словно очнувшись от своих мыслей, охотно согласился, и они стали смотреть первую часть "Хоббита".

– Если бы в мой дом вломилась подобная толпа, – ворчливо заметил Малколм по поводу бесчинствовавших на экране гномов, – я бы вышиб их, во главе с Гэндальфом, ко всем чертям. И уж точно не позволил бы взять меня на "слабо". Вообще меня всегда поражала тупая покорность всех этих персонажей, готовых бросить свою спокойную налаженную жизнь и переться навстречу черт знает каким опасностям и лишениям, стоит первому попавшемуся проходимцу сказать: "Ты Избранный, иди решать чужие проблемы!" Да с какой, собственно, радости?

– Если бы они рассуждали так же рационально, как ты, и сюжетов бы не было, – заметила Джессика.

– Все зависит от того, что это за персонаж и какая у него мотивация. Если у него это профессия, тогда другое дело. Скажем, к Индиане Джонсу у меня претензий нет. А вот все эти Бильбо Беггинсы, Люки Скайволкеры... А особенно те недоумки, которые готовы бросить все и бежать на край света по первому слову какой-нибудь смазливой девки, которую они видят впервые в жизни. Если бы я был писателем, написал бы рассказ, как к такому вот обычному парню является прекрасная принцесса из другого измерения и заявляет – "Мне нужна твоя помощь, силы зла захватили мое королевство" и все такое, ну, стандартное начало всех этих историй. А он ей – "Это твои проблемы, дорогуша. Дверь там. А если ты сейчас же не уберешься с моей собственности, я вызову полицию." Конец истории. Я назвал бы ее, скажем, "Похвала здравомыслию".

– И это говорит парень, который связался с... такой девушкой, как я, – улыбнулась Джессика.

– Это совсем другое дело. Ты не заявляла мне, что я Избранный, который должен кого-то там спасать, хочет он или нет.

– Но ты избранный, – вновь улыбнулась Джессика. – Мной.

– А ты мной, – согласился Малколм. – Но это был обоюдный и постепенный процесс. И к тому же ты не требуешь, чтобы я убивал для тебя драконов.

"Ты и сама неплохо с этим справляешься", – добавил он про себя.

– А если бы потребовала... ну, точнее, попросила? – это прозвучало уже не так шутливо, как предыдущие реплики.

– Я всегда рад тебе помочь, Джесс, но – в пределах моей компетенции и возможностей. Я бы постарался найти профессионального драконоборца, но не полез бы в пасть дракону сам. В конце концов от того, что он бы меня съел, ни я, ни ты бы не выиграли.

– Логично, – согласилась Джессика, – хотя и не слишком романтично.

– Логика и романтика вообще плохо совместимы. Но, по-моему, создавать новые машины – это куда интереснее, чем рубить мечами каких-нибудь монстров, с чем может справиться даже самый тупой громила. Убийство, даже убийство дракона – это всего лишь повышение энтропии,

в то время как труд конструктора, наоборот... – он вдруг оборвал свое теоретизирование, глядя на нее. – А что, Джессика, есть что-то такое, в чем я могу тебе помочь?

– Просто будь со мной, – сказала она, как когда-то. – Это все, что мне нужно.

К концу их встречи Малколм практически забыл о неприятном разговоре, с которого она началась. Но, вынырнув из иллюзорного утра в реальное, снова обо всем вспомнил. В том числе и о Бранте, дожидаящемся своего приговора.

Малколм не чувствовал никакой неловкости при мысли о том, что должен объявить ему. Он не ощущал ни малейшего сочувствия к этому человеку. Эмоций по отношению к Грэйс он тоже не испытывал – как можно испытывать их по отношению к чужому незнакомому ребенку? На планете каждый день умирают тысячи детей (и десятки тысяч взрослых), все это знают и никого это не колышет – ахать и ужасаться принято лишь над единичными историями, которые попадают в газеты... И по-своему месть Джессики была даже красивой: "Ты не дал мне стать врачом, теперь твоя дочь умрет от болезни". И все же... красиво еще не значит правильно.

Тем не менее, когда он подошел к выходу из парка и заметил унылую фигуру, ссутулившуюся на каменной скамье под крышей павильона, на лице Малколма не осталось никаких признаков сомнения и неодобрения. Сейчас он был герольдом. Ангелом с огненным мечом. Вот, кстати, кто без малейших колебаний убивал детей за грехи их родителей (а то и без таковых, как в случае с детьми Иова), так это добрый христианский бог. Ответственный, если исходить из канонов, вообще за все смерти и страдания на свете...

Брант торопливо вышел ему навстречу, не смея ничего спрашивать и лишь глядя выжидательно-заискивающим взглядом.

"А ведь этот человек ждет, как именно ему будет приказано умереть, – подумал Малколм. – Какой *мучительной* смертью. Сжечь себя заживо? Спрыгнуть в вольтер с крокодилами? Выпить кислоты? Стоит мне сказать ему это, и он это сделает. И даже поблагодарит за то, что ему *позволили* это сделать. Но это не то, чего хочет Джессика..."

– Она сказала, что для таких, как ты, не может быть милосердия, – холодно сообщил Малколм. – От тебя не должно остаться ничего, включая твои гены. Твоя дочь умрет, и винить в этом ты должен только самого себя.

– Нет! – в отчаянье воскликнул Брант, вскидывая руки к изуродованным болезнью щекам.

"Как театрально", – подумал Малколм с отвращением. – И не приходи сюда больше. Никогда, – добавил он вслух и пошел прочь.

Однако по мере того, как он удалялся от парка, вновь таяла и его уверенность. И позже в этот день, сидя на лекции, он в очередной раз потерял нить рассуждений профессора и застыл в раздумьях над пустой страницей конспекта. Пока он смотрел на прекрасное лицо Джессики и слышал ее милый голос, ему хотелось соглашаться с ней и находить для нее оправдания. Но вдали от нее к нему вновь начала возвращаться способность рассуждать объективно.

"Она убийца, – сказал он про себя, тут же испугался собственной формулировки, но снова заставил себя повторить: – Да, это правда, Джессика убийца, это называется именно так. Это вышло далеко за пределы оправданного возмездия. Она убила всю свою семью, кроме Памелы – хорошо, пусть неумышленно. Но Грэйс? Но Карсон? Но мать Каттериджа? Но мать Лайзы? Хотя последнее, конечно, может быть и просто совпадением..." Но он уже и сам не особо верил в совпадения в контексте этой истории. А сегодня Джессика и вовсе предложила ему чистую уголовщину! Ради того, чтобы он получил деньги на свою мечту... и мог встречаться с ней дальше. И если бы гипотетический миллиардер проявил неуступчивость – а миллиардеры вряд ли легко сдаются, иначе они не стали бы миллиардерами – то скольких его близких Джессика готова была убить, прежде чем он сломается?

"Я и сам убил Кевина, – напомнил себе Малколм. Он не знал, как именно это произошло в физическом мире, но уже не пытался отрицать собственную вину. – Но я не хотел..." Впрочем, так ли это? Разве, жалуясь Джессике на назойливого старшекурсника, пытающегося помешать

их встречаю, он не допускал в глубине души и такого исхода? И разве потом первой его мыслью не было "так ему и надо, нечего было совать нос в чужие дела?"

"И что теперь, мы будем, как Бонни и Клайд?" – подумал Малколм с кривой усмешкой. Но нет, конечно, это была совершенно неподходящая аналогия. Впервые с тех пор, как он начал общаться с мертвой девушкой, Малколм почувствовал, что Джессика пугает его. Хотя, казалось бы, сама идея такого общения должна была повергнуть в ужас любого, а особенно материалиста, прежде отвергавшего саму возможность какой-либо мистики. Но он ни разу не чувствовал страха прежде, а вот теперь... Как должен эволюционировать характер девушки, чувствующей себя преданной и обманутой в своих самых светлых идеалах, лишившейся всего, что ей было дорого в прежней жизни – вместе с самой жизнью! – но получившей взамен возможность карать, не ограниченную ни юридическими, ни физическими законами? Никаких потусторонних судей, очевидно, тоже не существует – Джессика не раз говорила о своем полном одиночестве *там*, и, стало быть, все эти годы она, вопреки завету романского права, является единственным судьей в собственном деле, в то время как мир живых и абсолютное большинство его обитателей, как она сама сказала, значат для нее теперь даже меньше, чем вымышленные персонажи, а потому не заслуживают сочувствия. Значение для нее имеют ныне лишь те, к кому она еще испытывает чувства. И что она сделает с теми, кто встанет на пути у ее чувств – или хотя бы просто не оправдает ее ожиданий? Участь Карсона была наглядным ответом на этот вопрос... Малколм сказал ей, что даже ради принцессы не полезет в пасть дракона – но что, если его принцесса *и есть* дракон? "Я ведь тоже обещал ей! – вспомнил он. – Обещал, что никогда ее не брошу. Люди редко задумываются над истинным значением слов "никогда" и "навсегда". Обычно в их устах они означает лишь обозримое будущее. В крайнем случае – "пока смерть не разлучит нас". Но в данном случае, похоже, даже смерть не сможет этого сделать. Я дал ей обещание *навечно*, в самом буквальном смысле..."

И вот тут он почувствовал, как холод ужаса разливается в его животе.

Но разве он сам больше не любит Джессику? Разве не хочет быть с ней?

Малколм снова представил себе ее лицо, которое по-прежнему казалось ему самым прекрасным из когда-либо виденных. Хотя дело было, конечно, не только во внешности. Ее личность, ее интеллект... И даже то, что она сделала с другими... после того, что произошло с ней самой, он мог понять это, пусть и не одобрить. "Поступай с другими так, как они поступили с тобой", м-да. Между Джессикой и совершенно чужими ему людьми, умершими из-за нее, он все-таки выбрал бы Джессику, и пусть какие угодно гуманисты осуждают его за это. Но он всегда презирал ту любовь, которую описывают в романтических книгах. Добровольное (а то и непреодолимое!) рабство, узы, унижительное поклонение "богине", за которым скрывается самая обыкновенная грязная похоть. Нет, для Малколма его чувство было неотделимо от свободы и равенства. Свободный выбор их обоих. Но если в их отношениях появится страх... если он будет бояться прогневать Джессику... если будет знать, что не имеет права уйти... И все это *навсегда*, даже не просто на всю жизнь, но и после таковой!

Он принялся лихорадочно переписывать формулы с доски. Он не понимал того, что пишет, ему просто нужно было как-то отвлечься от охватившего его ужаса.

В конце этого дня, шагая после заката по направлению к парку, Малколм впервые чувствовал, что идти туда ему не очень-то хочется. Что он, пожалуй, предпочел бы, чтобы пошел очередной дождь, который избавил бы его от этой необходимости. Но увы – небо оставалось безукоризненно ясным.

"Между нами не должно быть недомолвок, – думал он. – Надо объяснить ей, что любовь не требует клятв – там, где она есть, они не нужны, там, где они нужны, ее уже нет, а стало быть, и в поддержании ее видимости уже нет смысла. Да, я сказал ей, что никогда ее не брошу, но это было то, как я чувствовал себя в тот момент, а не нерушимое обязательство на всю вечность..." Но он догадывался, какую реакцию вызовут подобные объяснения: "Значит, ты собираешься

меня бросить? Значит, ты ничем не лучше Карсона?" "Да нет же, – мысленно возражал он, – я и сейчас хочу быть с тобой, но важно, чтобы это было именно свободное желание, а не обязанность! Обязанность убивает желание!" Но и на это она может ответить: "Значит, ты пытаешься заранее выстроить себе путь к отступлению? Чтобы уехать на это свое Космическое Побережье и больше не возвращаться ко мне? Ты вел к этому еще вчера со своим "там видно будет"?" Он может, конечно, сослаться и на то, что сама она ему никаких обещаний не давала, а это неравноправие, но если она тут же поклянется *никогда его не оставит*, это будет еще хуже... Малколм не мог придумать, как убедить Джессику освободить его от опрометчиво данного обещания, чтобы при этом она не сочла, что он хочет таковое нарушить. "Зачем тебе право, которым ты не собираешься пользоваться?" – ну да, формальная логика, и ответ "из принципа!" звучит не очень убедительно. Потому что, да, если говорить откровенно, он допускает, что когда-нибудь воспользуется этим правом, и, возможно, еще при жизни – но это совсем не значит, что он хочет сделать это сейчас! Они будут вместе столько, сколько им будет хорошо друг с другом – обоим, иначе это бессмысленно. Джессика умная девушка, она же должна понимать... но разве не так же рассуждал и Карсон? Конечно, он променял чистые отношения с Джессикой на сексуальную грязь с другой, чего Малколм уж точно делать не собирался (и в этом он и впрямь готов был дать клятву на всю жизнь) – но достаточно ли критично для Джессики это различие? Или ей не столь уж важно, куда и к кому может уйти ее парень – да хоть в монастырь, главное, что он уйдет *от нее*? И она снова останется совсем одна там, где так одиноко, как не может вообразить ни один живой...

Погруженный в эти мысли, Малколм сам не заметил, как дошел уже почти до скамейки. Внезапно он вспомнил, как накануне практически на этом же месте его перехватил Брант – и остановился, пристально вглядываясь в темноту между деревьями, кое-где прорезанную косыми бледными лучами поднимающейся на востоке луны. Но, кажется, на сей раз – насколько можно было различить в переплетении лунных теней – никто не поджидал его в засаде. "Надеюсь, Рик, ты тоже больше сюда не сунешься, для твоего же блага", – подумал Малколм и зашагал к скамейке, так и не придумав, что именно скажет Джессике.

Но не беспокойство об этом, а некая иная смутная тревога заставила его остановиться во второй раз, когда он уже обогнул дерево, чья крона окончательно обрела цилиндрическую форму. Тень, понял он. Тень под самой скамейкой была слишком уж густой...

И, стоило ему подумать об этом, как подозрительная тень зашевелилась и резким движением выбралась из-под скамейки, позволив луне осветить себя.

– Ты...! – возмущенный голос Малколма пресекся, когда лунный свет сверкнул на полированном металле изогнутого ножа с хищным острым концом. С опозданием юноша понял, что так и оставил собственное оружие в рюкзаке, хотя думал прошлой ночью, что надо будет переложить его во внутренний карман куртки... Впрочем, после последнего утра он думал, что больше не увидит Бранта.

Он ошибся.

– Спокойно, – хрипло произнес Брант, поднимая левую руку; в правой он по-прежнему сжимал нож. – У тебя есть с собой мобильник?

– Да! – ответил Малколм и сунул руку в карман. – И я прямо сейчас звоню в полицию, если ты немедленно не уберешься!

– Не сейчас, – криво усмехнулся Брант; теперь уже не только брюки, но и вся его одежда была в грязи, что его, похоже, совершенно не заботило. – Чуть позже. Ты в самом деле думаешь, что меня еще можно напугать полицией?

Малколм попятился. "Он спятил, – мелькнуло в голове у юноши. – Ему уже действительно нечего терять, вот и..."

– Я знаю, что *ей* надо, – продолжал Брант, не двигаясь с места; он стоял прямо над скамейкой Джессики. – Она не хочет моей смерти. Она хочет, чтобы я жил и мучился. Так,

Джессика? – повысил он голос. – Хорошо, так и будет. Я знаю – как именно. Видишь ли, я всегда считал себя красавчиком. Не то чтобы я был патологическим нарциссом, но, в общем, дорожил своей внешностью. Хотя сейчас в это трудно поверить, я понимаю. Не помню, когда я в последний раз был у парикмахера... И я думал, что это, – он провел левой рукой над своим обезображенным лицом, – часть моего наказания. Хотя врачи говорят, что это просто дерматит на нервной почве. Что звучит вполне убедительно, поскольку это появилось во время болезни Люсиль... Но это, на самом деле, ерунда. Это, наверное, даже можно вылечить, если бы у меня были на это деньги... Это нож для снятия шкур. Сейчас я полностью срежу себе лицо. Прямо здесь. Пусть смотрит и наслаждается. Глаза оставлю, чтобы до конца своих дней видеть в зеркале... то, что получится. Меня, конечно, признают опасным психом и лишат права воспитывать дочь. Я больше никогда ее не увижу, да и она не должна видеть меня... таким. Но пусть Грэйс останется в живых! Разве это плохая сделка, Джессика? А ты, – он снова обратился к Малколму, – как только я это сделаю – но не раньше! – звони 9-1-1. Я боюсь, что у меня может не хватить сил сделать это самому. А мне – то есть не мне, а ей – обязательно нужно, чтобы меня спасли. Не дали умереть от болевого шока, потери крови или чего там еще.

– Ты сумасшедший, – пробормотал Малколм.

– Да, так они и скажут, – повторил Брант. – Не волнуйся, у тебя не будет проблем. Ты просто скажешь, что услышал мои крики и прибежал. Но никогда раньше меня не видел и понятия не имеешь, кто я и почему это сделал. Я действительно буду громко вопить, честно говоря, несмотря на весь свой спорт, я всегда боялся боли...

Нет, подумал Малколм, проблемы очень даже будут. Во-первых, полиция захочет знать, что я делал в закрытом на ночь парке. Само по себе это не преступление, но в контексте того, что здесь произойдет, совсем не факт, что они легко поверят в мою непричастность. Пусть даже на ноже будут только его отпечатки пальцев, все равно трудно поверить, что один человек сделал такое с собой сам, в то время как другой чисто случайно оказался рядом в такое время и в таком месте. А во-вторых, полиция начнет расследование, оградит тут все вокруг своими желтыми лентами, и в ближайшие дни свидания с Джессикой станут невозможными – а хуже того, как уже думал Малколм, они могут стать невозможными и впоследствии, если полицейское начальство решит, что ночами в тихом парке происходит слишком много странных и зловещих событий (смерть Кевина, могут припомнить и давнюю смерть Карсона на этой же скамейке, и обгоревшую неподалеку Лайзу), и начнет еженощно посылать сюда патрули!

– Делай это днем, – сказал Малколм, – и пусть тебе вызывают "скорую" здешние бегуны, которые действительно ни о чем не знают.

– Они могут мне помешать до того, как я закончу, – ответил Брант, – и, главное, я не могу ждать дня. Сегодня вечером состояние Грэйс ухудшилось. Это последний шанс. Слышишь, Джессика? Я уверен, что слышишь и знаешь! Если она умрет, я тоже не буду жить! Если хочешь растянуть мои мучения, прими мое предложение!

"Она не может, – подумал Малколм. – Грэйс, наверное, уже ничего не может спасти – ни в этом мире, ни в том..." Но вслух он этого не сказал, задавшись новым вопросом: а почему Джессика вообще позволила Бранту прийти сюда? Рик ведь не смог подойти ближе существующей в том мире ограды, а этот тип забрался прямо под скамейку! Может, все дело в том, что Брант пришел и спрятался здесь еще до заката, когда Джессика не так сильна? Или он уже в том состоянии, когда его не может остановить никакой кошмар? Или ограда возникает только во сне Малколма? Или же, наконец, Джессика пропустила его специально, потому что хотела, чтобы он сделал то, что собирается?

Пока он думал об этом, Брант резким движением поднес нож к лицу и вонзил его острый загнутый конец себе под подбородок – а потом потянул вверх. Лезвие легко углубилось под кожу щеки, отслаивая ее от челюстных мышц – Малколму даже показалось, что он услышал, как металл скрипнул о зубы, а может, и о кость – и кровь из-под обвисшей безвольным лоскутом

щеки обильно закапала на грязный воротник Бранта. Тот начал кричать, но не прекратил своего занятия. Даже уже зная (но лишь с чужих слов), что сделали с собой Триша и Каттеридж, Малколм смотрел, с трудом веря собственным глазам – он знал, как трудно сознательно причинить себе даже пустячную боль. Но нож, вошедший в плоть почти по самую рукоять, двигался все выше; Малколм видел, как лезвие движется под кожей, натягивая ее изнутри – скула (кровь текла уже не только из разреза сбоку, но и из орущего рта, куда, видимо, стекала с ножа), потом висок (блестящий от крови конец ножа высунулся из глазницы, но не повредил глаз, пройдя сверху), потом лоб у самых корней волос (нож снова высунулся над глазом, затем над другим, а потом больше половины лица, разом отделившись с влажным звуком, повисло бесформенным кровавым тряпьем, выворачиваясь наизнанку со лба), другой висок и скула (Брант продолжал истошно орать, и Малколму казалось, что этот крик слышен по всему городу), затем острый конец ножа вновь высунулся из-под испарившейся кожи и одним резким движением срезал нос, затем лезвие двинулось дальше, отсекая вторую щеку и обнажая коренные зубы (то, что некогда было лицом Бранта, обвисало все ниже и теперь уже коснулось его груди) – и, наконец, нож завершил свой путь, срезав подбородок вместе с нижней губой. Бранту не удалось на ощупь попасть в тот же разрез, с которого он начал, поэтому вывернутая наизнанку кровавая маска повисла на тонком ремешке растянувшейся кожи. Брант, не переставая вопить, зажал свое бывшее лицо в кулак и рывком разорвал этот ремешок – а потом отшвырнул то, что сжимал в кулаке, в сторону Малколма, который едва успел отпрыгнуть. Срезанное лицо упало к его ногам. "Самый радикальный способ борьбы с дерматитом", – мелькнуло в голове у юноши.

Брант перестал кричать и стоял, покачиваясь, с ножом во все еще поднятой руке. Впрочем, это был уже не Брант и даже не Пеппино, а безымянное и безликое чудовище. Жуткое месиво ободранных и рассеченных мышц и кровоточащих сосудов казалось в лунном свете практически черным, и Малколм был рад, что такое освещение не позволяет рассмотреть детали. Впрочем, он отчетливо видел треугольную дыру с вертикальной перегородкой на месте носа (оттуда сочилась кровавая слизь) и чудовищный, буквально от уха до уха, оскал беззубого рта с необычайно длинными, торчащими из голых десен зубами, блестящими от крови и слюны.

– Зони, – хрипло потребовал Брант.

"Ну уж нет, – подумал Малколм, – надо убираться отсюда поскорее. Если эти крики кто-нибудь слышал, то наверняка уже вызвал полицию. А если этот тип тут сдохнет, то туда ему и дорога!"

Малколм сделал еще один шаг назад, потом еще. Брант пошатнулся; казалось, он сейчас упадет.

"А если не сдохнет сам, добить и спрятать тело, – мелькнуло в голове Малколма. – Нечего копам совать сюда нос. Если только они и в самом деле не мчатся уже сюда. Как далеко разносятся крики над водой?"

Малколм обернулся и бросил взгляд через озеро, словно пытаясь разглядеть огни полицейских мигалок на том берегу. Нет, если оттуда кто-то и услышал, то едва ли мог понять, откуда именно донеслись крики. Полиция не станет прочесывать все окрестности по звонку "до меня донеслись какие-то крики издалека". Значит...

Малколм одновременно услышал шорох и уловил движение краем глаза, но среагировать уже не успел. Брант, казавшийся уже теряющим сознание, вдруг молниеносным броском подлетел к нему, шмыгнул за спину и обхватил левой рукой за грудь, а правой прижал окровавленный нож к горлу Малколма. Рюкзак, по-прежнему висевший за спиной у юноши, был не настолько толстым, чтобы этому помешать.

– Джессика! – закричал Брант. – Он нужен тебе? Еняю! Его жизнь на жизнь Грэйс!

"Он совсем спятил, – подумал Малколм. – Даже если бы Джессика согласилась, каким образом она дала бы ему это знать?"

Он явственно чувствовал запах крови и пота Бранта. И остроту ножа, да. Тот был чертовски острым.

– Ты так ничего не добьешься, – выдавил из себя Малколм, стараясь сохранять полную неподвижность.

– Заткнись, – рявкнул Брант, прижимая нож еще сильнее; на сей раз, кажется, лезвие разрезало кожу. Впрочем, он тут же переменял решение: – Скажи ей, что я ерережу тее глотку, если она не согласится!

– Джессика, он правда это сделает! – послушно крикнул Малколм и добавил про себя: "Ну, чего же ты медлишь? Убей его скорее! Сердечный приступ или что там! К черту его мучения, убей его ПРЯМО СЕЙЧАС!"

Настала удивительная после всех только что звучавших криков – хотя и куда более естественная для осеннего ночного парка – тишина. И в этой тишине вдруг заиграла музыка.

"Мобильник, – сообразил Малколм. – Не мой. (Рингтон был незнакомый.) Кто-то звонит ему..."

И тут произошло невероятное. Человек, только что срезавший подчистую собственное лицо и теперь прижимавший тот же самый нож к горлу другого человека, отвлекся от всего этого, чтобы ответить на звонок.

Рука, обхватывавшая Малколма поперек груди, скользнула назад, очевидно, в карман Бранта. Вторая рука еще прижимала нож к шее юноши, но и она на миг как-то расслабилась, и Малколм воспользовался этим моментом, чтобы вцепиться в нее обеими руками, стиснув кулак с ножом и запястье своего врага. Двумя руками он без большого труда отогнул руку Бранта и вывернулся из-под нее, разворачиваясь к нему лицом и не ослабляя собственную хватку. Брант продолжал бороться с ним, пытаясь вырвать руку с ножом и в то же время поднести к уху мобильник. Получалось у него не очень хорошо, ибо большинство людей плохо умеют выполнять качественно разные действия двумя руками одновременно. Основное внимание Бранта сосредоточилось на телефоне – ему удалось, наконец, нажать кнопку и сказать "да"; правую руку с ножом, направленным в прежнюю сторону – туда, где еще недавно была шея Малколма – он продолжал машинально тянуть на себя, противостоя усилиям юноши, старавшегося отогнуть ее еще больше. Как только это усилие Бранта достигло максимума, Малколм резко сменил направление своей собственной силы на противоположное. Среагировать Брант не успел. Нож мелькнул в воздухе, направляемый силой сразу трех рук, и вонзился в кадык своего владельца.

Теплая кровь брызнула Малколму на руки (и без того уже перепачканные ею же), и он машинально разжал пальцы и отступил. Брант выронил мобильник и попытался выдернуть нож из собственного горла. Со второй попытки ему это удалось; кровь тут же ударила пульсирующим фонтаном. Брант сделал, словно пьяный, шаг вперед, затем назад и рухнул навзничь.

Кровавый фонтан брызнул еще несколько раз, с каждым разом все слабее, и иссяк. Все было кончено.

Малколм вдруг почувствовал, как к горлу подступает тошнота, но, сглотнув несколько раз, сумел удержаться от рвоты. "Хорошо, – подумалось ему. – Не стоит оставлять здесь свои... биологические следы. Хотя следов тут, наверное, и без того... он меня хватал, я его... на ноже вроде бы моих отпечатков быть не должно, но все равно... Нет, с моей стороны это, конечно, самооборона, и вообще он в общем-то сам себя зарезал. Но каково будет убеждать в этом полицию? Тут уже даже не скажешь, что просто случайно проходил мимо и услышал крики..."

У Малколма вдруг мелькнула мысль, что его ситуация напоминает ту, в которой оказалась Триша после самоубийства Джессики, только стороны поменялись местами. И пусть даже его в итоге оправдают, он совершенно не хочет проходить через то же, что и МакМердон. Кажется, она провела в тюрьме больше полугода... Нет, вмешивать полицию не следует категорически!

Значит, надо, как он уже подумал, избавиться от тела. Закопать его где-нибудь в лесу не получится – у него нет лопаты, и ночью негде ее раздобыть. Тогда остается утопить в озере, и лучше подальше отсюда. Рано или поздно, конечно, труп все равно найдут – но спустя недели или месяцы в воде на нем не останется уже никаких следов, позволяющих выйти на Малколма... Если разложение пойдет достаточно далеко, то и личность самого мертвеца вряд ли определят, несмотря на то, что у полиции есть его отпечатки пальцев. Хотя это как раз не критично – Брант, по всей видимости, не знал даже имени Малколма, и никаких документов или свидетельских показаний, связывающих этих двоих, не существует. Надо просто не допустить, чтобы полиция начала расследование по горячим следам и именно в районе скамейки Джессики.

Малколм сгрузил свой рюкзак на землю и присел на корточки рядом с трупом, думая, надо ли забрать документы Бранта. Пожалуй, все-таки нет: если копы установят его личность, то скорее станут искать кого-то из прошлого Бранта, нежели никак с ним не связанного студента местного университета. Однако надо все-таки обшарить его карманы и убедиться, что у него нет при себе ничего, указывающего на Малколма. Скажем, фотографии, сделанной во время слежки из-за деревьев... хотя – кто в наше время делает бумажные фотографии? Мобильник – вот где могут быть снимки!

Малколм принялся озираться в поисках упавшего телефона, и тут же, словно в ответ на его мысль, среди гниющей листвы засветился сиреневым маленький экранчик и мгновением спустя заиграла уже знакомая мелодия. Малколм поднял мобильник и прочитал имя звонящего – "Д-р Блюменштраусс". Надо же, мелькнуло в голове у Малколма, он вбил такое длинное имя в контакт-лист полностью, не прибегая к сокращениям – впрочем, о почтении Бранта к доктору куда наглядней говорил тот факт, что именно желание безотлагательно выслушать звонок от него стоило Бранту жизни. Если, конечно, тот звонок тоже был от него – но, скорее всего, Блюменштрауссу был выделен персональный рингтон...

Не особо задумываясь, не станет ли это лишней уликой, Малколм поднес трубку к уху и нажал кнопку приема.

– Фред? Фред, вы меня слышите? Это доктор Блюменштраусс.

В трубке возникла выжидательная пауза, и Малколм вынужден был буркнуть что-то утвердительное, надеясь, что по этому короткому звуку абонент не поймет, что говорит с другим.

– Я только что звонил вам, но связь оборвалась... Фред, боюсь, у меня плохие новости. Я уже говорил вам, сегодня вечером состояние вашей дочери резко ухудшилось и... мы сделали все возможное, но, к сожалению, она умерла, Фред. Мне очень жаль. Но я с самого начала предупреждал вас, что шансов у нас не очень много, – доктор помолчал, дожидаясь реакции, но, так и не дождавшись, произнес: – Фред, вы поняли, что я сказал?

Малколм разорвал связь.

"Спасибо, Джессика, – подумал он. – Это было очень вовремя."

Телефон в его руке, как он уже убедился, был не смартфоном, а какой-то простой и дешевой моделью – видимо, из тех, которые, как рассказывала Герти, раздают малоимущим. Фотографировать им было нельзя. "Вот и замечательно", – подумал Малколм и выключил телефон. Прежде, чем экранчик погас, юноша обратил внимание на собственные кровавые отпечатки на экране и корпусе. Все это надо будет тщательно смыть, прежде чем засунуть мобильник в карман владельца... Перчаток у Малколма с собой не было – он привык, что в спальном мешке тепло и без них. Но вода, конечно, все смоет...

Шею все-таки саднило, и по ней стекало что-то мокрое – то ли пот, то ли кровь. Малколм машинально потрогал, затем посмотрел на свою руку. Это ничего не прояснило – рука и так уже была в крови, но вроде бы заметно больше этой крови не стало. "Все-таки этот гад меня порезал, но, кажется, не сильно. Просто царапина..." Тем не менее, это заставило его вспомнить о необходимости умыться. Он присел на корточки возле воды и долго тер руки, лицо и шею, а затем постарался, как мог, оттереть пятна на куртке. Потом подышал на заочевенные пальцы и

вновь вернулся к трупу, брезгливо поморщился – проклятая физиология! – но удовлетворенно отметил, что желания блевать у него больше не возникает. Вероятно, этому способствовало слишком слабое лунное освещение, не позволявшее различать цвета и детали. Стараясь, тем не менее, не смотреть на ободранную голову Бранта, Малколм принялся обшаривать его карманы.

Ничего опасного для себя или примечательного он там не обнаружил. Не было даже ключей от машины и от чего-либо похожего на номер в мотеле. Должно быть, Брант приехал в город на автобусе, а спал... может быть, и на автовокзале, если не здесь же в парке. Во всяком случае, его внешний облик и запах немытого тела – еще до того, как он учинил свое кровавое жертвоприношение – вполне соответствовали такому предположению. В уже знакомом Малколму облезлом бумажнике обнаружилось, помимо фотографии Грэйс, водительское удостоверение (вероятно, на имя Фреда Пеппино, хотя в темноте было не разглядеть) и несколько долларовых купюр с мелочью. Никаких кредитных карт. Мгновение поразмыслив, Малколм отправил наличные в свой карман. Почему нет? Бранту они все равно больше не понадобятся, а наследников у него не осталось.

Прочее Малколм запихал обратно, сунул во внутренний карман Бранта окровавленный нож и со вздохом поднялся. Теперь самое трудное и неприятное. Оттащить труп как можно дальше отсюда и утопить его в ледяной воде как можно дальше от берега. Причем просто волоочь его за руки или за ноги не годится – на земле останется характерный след. Значит, придется, вот же черт, взгромоздить его на спину и так донести до асфальта, а там уже дальше можно и волоком... Малколм еще раз посмотрел через озеро, всматриваясь и вслушиваясь в ночь. Нет, никаких полицейских сирен. Он вновь наклонился, натянул куртку мертвеца на его освежеванную голову и туго затянул завязки воротника. Не то чтобы куртка была идеально герметичной, но можно надеется, что, пока он тащит тело, кровь не успеет просочиться наружу.

Малколм ухватил труп под мышками и попытался поднять, но вроде бы худой Брант (превосходивший, впрочем, Малколма ростом) оказался неожиданно тяжелым. После нескольких неудачных попыток поставить его вертикально, дабы потом взвалить на спину, Малколм все же оттащил его волоком к скамейке, благо это было всего в нескольких шагах, и свалил туда. "Извини, Джессика, – пробормотал юноша. – Сегодня, сама видишь, у нас ничего не получится. Когда я разберусь с ним, мне еще надо будет добратсья до общаги и привести себя в порядок, пока ночь и меня никто не видит..." Он усадил мертвеца на скамейке (тот все норовил завалиться то вперед, то вбок) и, наконец, из такой позиции, закинув мертвые руки на плечи, как ляжки рюкзака, сумел с усилием подняться и, наклонившись вперед, потащил труп на себе в сторону аллеи. "Как же от него воняет", – думал Малколм с отвращением, переставляя ноги и надеясь не запнуться о какой-нибудь корень.

Он благополучно добрался до аллеи и, пройдя еще несколько ярдов в прежнем режиме, все же свалил труп на асфальт, дабы дальше уже волоочь его за руки по дорожке. "Не хватало сейчас только Кевина №2 – любителя кататься на велосипеде по ночам, – мрачно думал он. – Джессика, если ты меня слышишь, не пускай никого сюда! Делай с ними что угодно, но пусть никто не пройдет в парк, пока я не закончу!"

Если это все-таки случится, мне придется его убить, подумал Малколм. У меня просто не будет другого выхода. Малколм даже попытался представить, как именно он это сделает. "Я наткнулся на раненого парня, а у меня нет с собой телефона. Вот тащу его к выходу. Вы очень кстати, помогите мне..." Ночной гуляка, конечно, скажет, что тащить больше нет никакой необходимости, потому что у него-то мобильник есть. И полезет за таковым. И пока он отвлечен этим, Малколм выхватит из кармана мертвеца нож... или даже скажет так: "О, какая удача! Посветите сюда, я не могу понять, что у него с лицом" И когда тот парень наклонится и сдернет куртку с головы Бранта, можно не сомневаться, на пару секунд он потеряет дар речи и способность замечать, что творится у него за спиной.

А потом придется топить уже два трупа, да.

Малколм поймал себя на том, что обдумывает это вполне серьезно и хладнокровно, вовсе не испытывая морального ужаса перед такой перспективой. Ну да, он ведь уже убийца. Он убил Кевина, хотя это было непреднамеренно. Убил Бранта, хотя это была самооборона. И если ему придется убить случайного свидетеля... это тоже будет, по сути, самооборона. Да, субъективно тот человек не будет хотеть ничего плохого, но объективно он будет представлять смертельную угрозу. Джессика права – мир несправедлив, в нем часто умирают невинные, которые просто оказались не в том месте не в то время. Если бы, например, на Малколма бежал человек, больной... скажем, тем же бешенством, разве застрелить его не было бы законной самозащитой? Хотя больному не виноват в том, что он болен. Но его укусы представляют смертельную опасность. Или, скажем, решение сбить пассажирский лайнер, захваченный террористами, если они собираются протаранить небоскреб. Это ни разу не делали на практике, но после 9/11 стало ясно, что это верное решение, хотя пассажиры и не виноваты – но если поступить иначе, жертв будет еще больше. Ну или банальная ситуация, когда из двух можно спасти только одного – единственный спасательный круг, единственное место в вертолете и все такое – кого бы ты ни выбрал, по отношению ко второму становишься убийцей. Так что какие претензии к Малколму – и какие у него самого претензии к Джессике? Он, между прочим, спас Рика, хотя мог бы этого и не делать... и, может быть, напрасно все-таки спас. С воскресенья Рик ведет себя именно так, как всегда хотелось Малколму – старается вообще не общаться с соседом, но кто его знает, что он там про себя думает... а может, и тайком предпринимает. Раскопал ведь эту Лайзу... хоть она и уверяет, что зареклась пытаться вновь отомстить Джессике, но она бы наверняка это сделала, если бы только знала – как. Вряд ли она, конечно, что-то извлечет из своих колдовских фолиантов... а впрочем, уверенность Малколма, что все это – чушь, шла из его прошлых представлений о мире. В которых свидания с мертвой девушкой были такой же абсолютно невозможной чушью. Но если последнее оказалось неверным, то, возможно, какие-то из этих средневековых магических фокусов тоже работают... Зря все-таки Джессика позволила Лайзе остаться в живых. Это же азы, которые можно почерпнуть из любого триллера: оставлять врага раненым, но недобитым – очень большая ошибка...

Но никто не появился навстречу, никто не догнал сзади, и Малколм, наконец, решил, что отошел достаточно далеко от скамейки. Усмотрев между деревьями проход к озеру, он свернул направо, прислонил труп спиной к древесному стволу, а затем втащил его выше и снова взвалил себе на плечи. Так он дошел до тропинки, а затем по ней – до того места, где она подходила вплотную к воде. Малколм свалил мертвеца спиной в воду; грязные ботинки Бранта остались на берегу, а куртка надулась пузырем из-за оставшегося внутри воздуха, удерживая верхнюю часть тела и голову на плаву. Малколм знал, что дно здесь пологое, так что ему придется затащить труп в воду достаточно далеко от берега. Между вариантами "лезть в ледяную воду в одежде, что будет несколько теплее, и потом возвращаться мокрым насквозь" и "раздеться и сохранить одежду относительно сухой" (полностью сухой она, конечно, не останется, ибо вытереться ему нечем) он не без содрогания выбрал второе.

Он снял с себя все, включая трусы, но в первый момент, благодаря адреналину и физическим усилиям по перетаскиванию трупа, ночной воздух и даже земля под босыми ногами не показались ему особенно холодными. Как теперь сделать, чтобы Брант не всплыл? Дно было каменистым – это Малколм тоже знал – так что он, наклонившись к воде, принялся выковыривать эти мелкие камни из ила и пихать их в карманы мертвеца. Пальцы почти сразу занемели от холода, но не в этом была главная проблема. Почти сразу Малколм понял, что этот план не работает. Те несколько камешков, что помещаются в карманы, не удержат тело под водой, когда оно раздуется от трупных газов, это было очевидно. А ничего достаточно большого и тяжелого, что можно было бы привязать к трупу, поблизости не было.

Малколм посмотрел на тело, лежавшее у его ног. На выглядывавший из-под задранной куртки и рубашки бледный волосатый живот. Газы при разложении, вероятно, скапливаются в

первую очередь в брюшной полости. А если ее вспороть... И напихать туда камней, да! Вот такой "карман" уж точно удержит мертвеца на дне.

Малколм поспешно вытащил нож Бранта, все еще липкий от крови, и только тут, от этого липкого мерзкого прикосновения, осознал в деталях, *что именно* собирается сделать. К горлу снова подступила тошнота, но он сделал несколько глубоких вдохов и сказал себе: "Тебя же не тошнило, когда Герти потрошила курицу? Это абсолютно то же самое. Даже проще – мне не надо доставать все органы, просто нафаршировать его живот камнями."

Он затащил труп подальше в воду, чтобы на берегу не осталась кровь; для этого ему пришлось зайти в озеро по середину голени, отчего ноги сразу заломило. Зато, впрочем, онемевшие ступни почти не чувствовали боли от острых камней. Это всего лишь озеро, это не море, где волны гладко обтачивают гальку...

Малколм наступил одной ногой на грудь мертвеца, заставляя тело погрузиться; забулькали пузыри, вырываясь из-под куртки. А в самом деле, сообразил он, совсем не обязательно стоять на острых камнях, можно делать это *прямо на нем*, и ноги тогда будут в воде не больше чем по щиколотку... Он встал на грудь трупа обеими ногами, лицом к животу, затем сел на корточки. Задрал мокрую одежду мертвеца еще выше, оголив его живот, покрытый тонким слоем воды, от паха до нижних ребер. А затем с силой вонзил нож чуть ниже пупка и потянул на себя.

Снова забулькали пузыри, и в воздухе расплылась отвратительная вонь кишечных газов. "Тьфу ты, скотина!" – подумал Малколм, чувствуя особенное омерзение от того, что вода, в которую сейчас исторгается содержимое кишечника Бранта, омывает его собственные голые ноги. Но тут уж выбора не было, надо было довести дело до конца. Дыша ртом, Малколм распорол живот трупа от паха до солнечного сплетения, затем постарался концом ножа максимально раздвинуть края разреза. В воде расплылась бурая муть (казавшаяся при слабом лунном освещении совершенно черной), закрыв "операционное поле", словно дымовая завеса. Но Малколму это было уже без разницы, он действовал на ощупь. Снова встав рядом с трупом, он хватал со дна камни вместе с илом и пихал их во вспоротый живот. Жидкость внутри еще не успевшего остыть тела была теплее ледяной воды вокруг, и у Малколма с его окоченевшими руками это вызывало отвращение и удовольствие одновременно.

Наконец Малколм решил, что достаточно, да и пихать новый груз было уже практически некуда. Он еще раз обшарил карманы мертвеца, обтирая тканью под водой все предметы, на которых могли остаться его отпечатки, и затем понял, что ножа среди них нет. Малколм решительно не мог вспомнить, куда его дел перед тем, как начал обеими руками сгребать камни и ил. Он осторожно пошарил по дну, но так и не нашел ничего похожего на нож. Возможно... тот даже остался *внутри*.

Ладно, решил Малколм после некоторого раздумья. Даже если нож все-таки валяется на дне и кто-то заметит с берега блеснувшую под водой сталь, из-за этого не вызовут полицию. Это всего лишь нож, не так ли? Труп будет не здесь, а гораздо дальше. Там, где сквозь мутную озерную воду совершенно точно никто ничего не разглядит.

И Малколм, вновь ухватив мертвеца за руки, поволок его прочь от берега, сам с каждым шагом погружаясь все глубже в обжигающе холодную воду. Когда та поднялась выше пояса, у Малколма перехватило дыхание. Но, восстановив способность дышать, он заставил себя идти дальше, пока не погрузился по грудь. Оглянувшись и оценив расстояние до берега, он решил, что этого будет достаточно. Отпустив проклятый труп, он развернулся и двинулся к берегу со всей возможной скоростью, помогая себе руками, которыми загребал, как при плавании.

Выбравшись, наконец, на берег, Малколм, чьи зубы выбивали непрерывную дробь, а конечности, кажется, уже совершенно потеряли чувствительность, принялся, все еще голый, скакать и бегать взад-вперед, размахивая руками. Когда он уже начал чувствовать, что согревается, где-то поблизости хрустнула ветка. Малколм испуганно замер. Ему вдруг

представилось, как сейчас из-за деревьев выйдет Рик и скажет: "Ну что, теперь, кажется, и я могу кое-что рассказать о тебе полиции?"

Но никто не появился. Парк был по-прежнему пуст. Малколм торопливо натянул одежду и обувь, затем потратил несколько минут на то, чтобы застегнуть пуговицы и молнии – пальцы все еще не слушались. Свалится ли он теперь с простудой? Не исключено, хотя все-таки он провел в воде не так много времени... сильное, но короткое переохлаждение лучше, чем слабое, но долгое... Так, где его рюкзак? Черт, да ведь он так и оставил рюкзак со своими вещами, включая ноутбук, на видном месте возле скамейки! Рядом с кровью и прочими следами борьбы на земле! Если бы туда и в самом деле заявились полицейские или кто еще... Избавиться от трупа, конечно, было важно, но сначала надо было минимально прибраться на месте убийства!

Малколм со всех ног побежал обратно, что, впрочем, после ледяного купания было ему только на пользу. Но, разумеется, возле скамейки Джессики все было по-прежнему. Никто не слышал криков Бранта, и никакие незваные гости не объявились расследовать таковые.

Малколм достал собственный мобильник и прошелся с ним, подсвечивая землю и уничтожая следы. Пятна крови он или затапывал, или собирал окровавленные листья и бросал их в озеро. Оставшиеся в земле колеи там, где он волок Бранта к скамейке, он тоже затапал и набросал сверху опавших листьев. На саму скамейку тоже попала кровь, образовав два пятна на сиденье, и Малколм стер их, для чего пришлось несколько раз ходить к озеру, нося воду пригоршнями. Ну вот, кажется, и все. Еще раз оглядевшись по сторонам и попрощавшись с Джессикой – "завтра непременно, если все будет в порядке!" – он вскинул на плечи рюкзак и зашагал прочь.

Он прошел по аллее уже пару сотен ярдов, прежде чем остановился, словно налетев на столб.

Лицо! Лицо Бранта! ГДЕ ОНО?! Каким же идиотом надо было быть, чтобы совсем забыть о нем! Ну да, он закрыл голову Бранта курткой и старался вообще не думать о том зрелище, которое открылось ему в лунном свете, а потом... а потом, когда он уничтожил следы возле скамейки, срезанного лица нигде не было. Хотя он точно помнил, что оно должно было валяться в паре ярдов от скамейки.

Малколм бросился назад и принялся, ползая на четвереньках с мобильником, осматривать землю под скамейкой, вокруг дерева и дальше, расширяющимися кругами. Но, даже добравшись до воды с одной стороны и аллеи с другой, он так и не обнаружил окровавленной кожаной маски.

Малколм, уже достаточно согретый, почувствовал ледяной холод в животе. Ему ясно представилось, что именно здесь произошло. Кто-то все-таки следил за ним. Может быть, Рик, может, кто-то еще – даже Лайза, хотя она почти слепая и боится снова соваться к скамейке Джессики, но, во-первых, все это известно лишь с ее слов, а во-вторых, она могла кого-нибудь попросить... И этот некто все видел, а потом, когда Малколм ушел, унося труп – прихватил самую главную улику. И теперь... Что теперь? Будет его шантажировать? Во всяком случае, не вымогать деньги, это было бы смешно. Потребуется чего-то? Перестать встречаться с Джессикой? Как-то навредить ей?

Пусть только попробуют. Они не понимают, с кем связались, мрачно подумал Малколм, и при этом он имел в виду не себя.

Он проверил свой рюкзак. Непохоже, чтобы туда лазил кто-то посторонний, но, с другой стороны, знающему его это было и ни к чему. Затем обошел все ближайшие к скамейке деревья, высматривая следы неведомого соглядатая, но тоже ничего не обнаружил. Хотя это тоже ничего не доказывало...

– Джессика, – спросил он вслух, – здесь кто-то был? Ты знаешь, кто унес его лицо?

Но чтобы получить ясный ответ на этот вопрос, ему нужно было заснуть, а при нынешнем возбуждении он бы точно не смог сделать это без снотворного. А со снотворным, в

свою очередь, не смог бы вовремя проснуться, чтобы вернуться затемно. Все-таки он очистил свою одежду от крови лишь очень приблизительно...

Это было просто какое-то животное, подумалось ему. Был ли это ответ от Джессики или его собственная догадка, но он почувствовал облегчение. Действительно, это куда более вероятно, чем тайная слежка. Крыса... нет, для крысы добыча, пожалуй, великовата... тогда, к примеру, опоссум. Они, кажется, жрут все подряд и водятся и в этой местности тоже.

Ладно. Приятного аппетита тебе, опоссум, и постарайся съесть эту дерматитную дрянь без остатка.

Шагая через темный парк, Малколм вновь почувствовал себя в безопасности, но, выйдя не улицы города, ощутил себя почти голым под светом уличных фонарей. Он как-то не обращал внимания на них прежде, но сейчас каждый фонарь казался ему мощным прожектором, призванным продемонстрировать всем желающим парня с рюкзаком (что уже само по себе довольно подозрительно ночью на городской улице – не грабитель ли тащит свою добычу?), в одежде с плохо замытыми пятнами крови и с все еще кровоточащей (как он уже имел неудовольствие убедиться) раной на шее. Если его в таком виде заметит полицейский патруль (а они разъезжают по ночным улицам довольно регулярно), его остановят 100%. И даже какой-нибудь страдающий бессонницей обыватель, увидев его в окно, может позвонить копам.

Поэтому Малколм постарался выстроить свой маршрут по самым темным улочкам, где не было или почти не было фонарей – пусть в этом случае путь и получался заметно длиннее. Кое-где в таких местах датчики движения, уловив его приближение, автоматически включали лампу на чьем-нибудь крыльце, заставляя Малколма каждый раз вздрагивать. На одной из этих улочек он услышал сзади шум приближающейся машины и увидел свет ее фар. "Ну вот, – обреченно подумал он, – это полиция, наверняка это полиция, кто еще будет разъезжать в такое время! Не оборачиваться, никак не показывать беспокойства, может, и пронесет, со спины я выгляжу не так уж страшно... А если нет – что я им скажу? Что поранился о... какую-нибудь торчащую железку, которую не заметил в темноте, и мне не нужна помощь? Я сейчас больше похож на жертву, чем на преступника, у них нет законных оснований меня задерживать! Но они проверят мои документы и запишут данные, а вот это плохо..."

Машина нагнала его и остановилась. Малколм метнул испуганный взгляд влево, но увидел однотонный темный корпус, а не черно-белую полицейскую расцветку. Правый поворотник мигал, и Малколм сообразил, что как раз переходит чью-то подъездную дорожку. Едва он закончил переход, машина свернула и въехала во двор, оставшийся за его спиной.

Наконец Малколм все же добрался до общаги, так никем и не остановленный. Войдя в комнату, он прямо во всей одежде потопал в ванную. Рик наверняка проснется от шума воды (если он, конечно, вообще спит, а не притворяется), но – плевать.

Первым делом он снова вымыл запачканную кровью шею и осмотрел перед зеркалом порез. Тот оказался в добрых три дюйма длиной, но не настолько глубокий, чтобы требовать наложения швов или оставить шрам. Однако кровь, наверное, будут просачиваться по чуть-чуть еще много часов, надо заклеить пластырем – вот только из всех медикаментов у него, кажется, имелся только аспирин (ну и теперь снотворное). Топать в круглосуточную аптеку? Ладно, потом... Воротник рубашки был, разумеется, перепачкан кровью (и скорее всего – не только его собственной), это в стирку... и брюки на всякий случай, да и нижнее белье тоже... Пятна на куртке, и в самом деле все еще заметные, он оттер мылом и щеткой сам. Затем полез под горячий душ. Это было ему сейчас нужно по многим причинам, включая необходимость уничтожить любые следы от контакта с трупом.

Когда он, наконец, вышел из ванной в достаточно оригинальном виде – куртка на голое тело и ботинки, которые он тоже постарался отмыть, а все остальное – в мешке под мышкой – в комнате горел свет. Рик даже не пытался делать вид, что спит – он сидел на кровати и смотрел на соседа прокурорским взглядом. Малколм молча прошел мимо и принялся рыться в своих вещах,

доставая чистую одежду.

– Что-то пошло не так? – язвительно спросил у него за спиной Рик.

– Все так, – буркнул Малколм.

– Что у тебя с шеей?

– Порезался при бритье, – усмехнулся Малколм, даже не пытаясь быть убедительным.

Кстати, побриться ему бы как раз не помешало – в последний раз он делал это утром в воскресенье...

– А брился, очевидно, мачете, – в тон ему откликнулся Рик.

– Раз уж мы об этом заговорили, – Малколм быстро натянул трусы под куртку, затем расстегнул ее и принялся натягивать джинсы, – у тебя не найдется пластырь?

– Найдется, – Рик поднялся с кровати и полез в свой шкафчик. – Вот, – он достал белый рулончик, подцепил ногтем край и отмотал нужную длину. Малколм тем временем снял куртку и надел рубашку. – Давай заклею.

– Спасибо, я сам, – Малколм протянул руку. Рик пожал плечами и вложил в нее катушку с пластырем. Малколм вновь сходил в ванную, протер рукавом запотевшее зеркало, наклеил пластырь и вернулся. – Спасибо, – повторил он, возвращая катушку Риду.

– Это становится серьезнее, чем ты думал, а, Малколм? – осведомился Рик, и на сей раз в его тоне не было ни намек на насмешку. – Не надо, не отрицай и не делай вид, что не знаешь, о чем я, – добавил он поспешно. – Сегодня ночью кто-то напал на тебя. И я не думаю, что такую царапину можно сделать ногтем. Это было что-то куда более опасное.

– Я польщен твоим вниманием, – холодно произнес Малколм, – но о моей безопасности есть кому позаботиться, – он подхватил тюк с грязной одеждой и направился к двери. Стиральные машины находились в подвале.

– Ты в этом уверен? – крикнул ему в спину Рик. – Что, если Лайза права, и мертвый ты ей нужнее, чем живой?

Малколм раздраженно шагнул за дверь, и тут на него обрушилось понимание.

Блюменштраусс никак не мог позвонить Бранту сразу же после смерти Грэйс. Сначала врачи должны были убедиться, что смерть наступила и реанимационные мероприятия бесполезны. Отключить аппаратуру. Внести соответствующую запись в документы. Затем, вероятно, доктор перевел дух и пару минут готовил себя к неприятному разговору – наверняка не первому в его практике, но все-таки, наверное, каждый раз тяжело сообщать родителям о смерти их ребенка. И вот только потом...

То есть Грэйс не могла умереть непосредственно в момент схватки Бранта с Малколмом. Это произошло, по меньшей мере, на четверть часа раньше. Еще до того, как Брант напал – и даже до того, как он вонзил нож в собственное лицо. Его жертва была заведомо бесполезной, да...

А это значит, что это не Джессика остановила сердце Грэйс, дабы отвлечь Бранта от Малколма – Грэйс умерла сама и раньше. И остановить сердце Бранта, когда он приставил нож к горлу Малколма, Джессика тоже не пыталась. Она вообще не вмешивалась. Неужели ее действительно устраивал любой результат? Или даже – больше устроил бы другой результат? Поэтому она и позволила Бранту прийти туда? Что, если после их последнего разговора у нее появились сомнения в будущей верности Малколма, и она решила сделать так, чтобы он уж точно никогда ее не покинул? Ни после какого окончания универа? Если бы он умер прямо на ее скамейке, как и Карсон...

Малколм почувствовал, как им вновь овладевает колючий ледяной страх. Страх даже не перед неприятным разговором с Джессикой (который, кстати, так и не состоялся), а перед ней самой.

К тому времени, как стиральная машина закончила работу, до рассвета оставалось всего ничего, и, конечно, никакой возможности хоть как-то выспаться у Малколма не было. Так что он

решил вовсе не ходить на занятия, тем более что по вторникам там эта проклятая физкультура. Поднявшись в комнату, он разделся и влез под одеяло, чуть не застонав от удовольствия – так хотелось спать. Но, едва он заснул (как ему показалось), как его принялся расталкивать Рик.

– Отвали, – промычал Малколм, не открывая глаз. – Я не пойду сегодня на занятия.

– Занятия, вообще-то, кончились, – насмешливо поведаль Рик. – Сейчас пять часов вечера.

А ты, стало быть, все это время так и дрыхнешь? Я уж решил проверить, живой ли ты.

– Что? – Малколм распахнул веки. – Хочешь сказать, что я сплю уже 12 часов?!

– Посмотри, если не веришь, – Рик продемонстрировал время на своем смартфоне. – Можешь свериться со своим, если думаешь, что я прикалываюсь.

– Ладно, ладно, – Малколм сел на кровати и зевнул. Он и впрямь пристрастился в последнее время спать подолгу, но то было время, проведенное с Джессикой, а сейчас – просто потерянное впустую. Однако вместо того, чтобы возмутиться, он лениво подумал: "Ну и черт с ним". – Что нового в универе?

– Физкультуры сегодня не было, – сообщил Рик. – Тренер руку сломал.

– Как удачно я туда не пошел, – пробурчал Малколм, и тут же в его мозгу мелькнула мысль: "Случайность ли это? Говорил ли я Джессике, как ненавижу физкультуру? Конечно, говорил, и не один раз!" Тут он почувствовал, что мочевого пузыря, деликатно дождавшись пробуждения хозяина, теперь решительно напоминает о своих правах, и поплелся в ванную. Впрочем, сонливость быстро отступала. Ни горло, ни голова не болели, насморка тоже не было – похоже, благодаря адреналину и долгому сну он все же благополучно пережил ледяное купание, воспоминание о коем, впрочем, сразу же подпортило ему настроение. Умываясь перед зеркалом, он рассматривал пластырь на шее. Пожалуй, хорошо, что никто, кроме Рика, не видел его в таком виде.

– Но это еще не самое интересное, – продолжал Рик, когда Малколм вернулся в комнату и принялся одеваться. – У медиков настоящий шухер с связи с сегодняшней находкой в парке. Ах да, ты ведь не в курсе? Представь себе, сегодня с утра одна бойкая пожилая леди выгуливала там свою собачку. Ну, она всегда так делает. И вдруг эта собачка срывается и убегает в кусты. Хозяйка, конечно, подумала, что она погналась за каким-нибудь бурундуком, что эта псина тоже делала уже не раз, никого так и не поймав, ибо она сама не сильно крупнее бурундука...

– Короче! – Малколм, у которого снова похолодело в животе, потерял терпение.

– Короче, на сей раз она притащила из кустов кое-что поинтереснее, чем бурундук, – сообщил Рик, пристально глядя на соседа. – Сначала старушка подумала, что это какая-то маска к Хэллоуину. Но это оказалось самое настоящее лицо. Человеческое. Срезанное ножом с головы. Ты представляешь? Старушка чуть сама не отдала концы, когда поняла, что именно отобрала у своей любимицы. Потом, конечно, бросилась звонить 9-1-1. Ее отпоили лекарствами, а лицо увезли на экспертизу.

– И при чем тут медицинский факультет? – спросил Малколм, надеясь, что его голос звучит достаточно равнодушно.

– В прошлом уже случались подобные шутки, когда кто-нибудь из студентов похищал из анатомички части тел. Иногда – чтобы попугать кого-то, или изготовить себе сувенир, типа настоящий череп, как у врачей средневековья. Иногда в качестве задания для вступления в братство, хотя официально оно подобные вещи не одобряет, но фантазия некоторых кураторов выходит за рамки правил... Тем более, лицо все в язвах от какой-то болезни, так что похоже, что именно от медиков утечка. Но в этот раз полиция особенно зла, потому что бросать такие вещи в парках – это хуже, чем просто утаскивать их из морга. Бабу, по правде говоря, и в самом деле чуть инфаркт не хватил – не будь у нее с собой лекарства, приезда медиков могла и не дожидаться... Да и если бы играющие дети такое в кустах нашли, тоже приятного мало. В общем, начальник полиции гневно звонит декану медфака – мол, уймите, наконец, своих шалопаев, тот, особо не разбираясь, тоже, в свою очередь, устраивает разнос... сделавшему это предлагают

сознаться самому, иначе отчисление... никто, естественно, не сознается... но дальше самое интересное. Труп или голову со срезанным лицом ищут в анатомичке и не могут найти. Ну это ладно, подобные материалы не хранят вечно, могли уже списать и кремировать... Но вот буквально полчаса назад один парень скинул в нашу закрытую рассылку инфу от копов, пока неофициальную, разумеется... Короче, в тканях лица не найдено никаких признаков бальзамирования, как было бы с учебным пособием. И срезано оно не с трупа. А с живого человека. Вот так, – закончил Рик и вновь пристально уставился на Малколма.

– И что ты на меня так смотришь? – не выдержал тот.

– Ну как, – пожал плечами Рик. – Сопоставим факты. Каждую ночь ты ходишь в парк... ну да, ты ходишь туда встречаться с духом мертвой девушки, но эту часть мы опустим. Важно, что вчера, точнее, уже сегодня ты возвращаешься гораздо раньше обычного. С порезом на полщеи. Тут же, среди ночи, бросаешься мыться и стирать всю свою одежду. А утром в том же парке находят... часть тела человека, которого заживо кромсали ножом. Примерно таким, какой лежит у тебя в рюкзаке. Уж извини – пока ты дрых, я туда заглянул, не удержался. При этом некоторое время назад ты говорил, что в случае твоего исчезновения надо искать человека с кожной болезнью на лице. И как раз такое лицо и находят в парке. Что я должен обо всем этом думать, Малколм? А главное – что об этом должна думать полиция?

"Черт тебя подери, Рик! – тоскливо подумал Малколм. – Надо было согласиться на предложение Джессики!"

– Это не тот нож, – сказал он вслух, радуясь, что может уцепиться за безусловную правду. – Я купил его недавно в местном охотничьем магазине и ни разу им не пользовался. Любая экспертиза это подтвердит.

– Значит, где-то есть и *тот* нож? – прищурился Рик.

– Ну разумеется, есть! – фыркнул Малколм. – Если с парня срезали кожу, должно существовать и орудие, которым это сделали. Но ко мне все это не имеет никакого отношения.

– В таком случае, что с тобой произошло этой ночью, Малколм?

Он молчал. Придумывать что-то на ходу – лучший способ запутаться в показаниях. В конце концов, он ведь не обязан отвечать, не так ли?

– Я тебе помогу, – предложил Рик. – Едва ты в очередной раз расположился на скамейке, на тебя напал какой-то маньяк с ножом. Но ты сумел от него отбиться. Тогда он отправился искать другую жертву... и в конце концов нашел. Так все было?

Малколм испытал сильное искушение сказать "Да!", но удержался. Эта удобная версия слишком походила на ловушку. Если он дрался с маньяком, значит, может его описать полиция, более того, должен это сделать...

Вновь не дождавшись ответа, Рик произнес, понизив голос:

– Это был тот парень, который тогда следил за тобой, ведь так? Только вы двое ходили туда ночью. Это *она* велела тебе сделать это с ним?

– Никто мне ничего не велел! – взорвался Малколм. – И ничьих лиц я не резал! – это звучало лучше, чем "я никого не убивал"; Малколм все же предпочитал правду лжи, насколько это возможно. – Но и отчитываться перед тобой не обязан! А если ты хочешь приплести полицию, то вспомни, что им и с тобой есть о чем поговорить!

– Уверен, что и о смерти Кевина ты знаешь больше, чем говоришь, – прямо заявил Рик. – То есть, о *настоящей* причине его смерти. Ты, конечно, не мог убить его сам, у тебя нет машины, и ты не стал бы подставляться, беря для этого чужую. Но *она* как-то подстроила его смерть, – Рик чуть помолчал и добавил: – Ее надо остановить, Малколм. Рано или поздно она убьет и тебя – подумай хотя бы об этом, если тебе наплевать на других.

Малколм хотел резко ответить, но что-то удержало его. Возможно, то, что слова Рика пересеклись с его собственными опасениями.

– Я расскажу тебе, – внезапно сказал он после паузы, – если ты пообещаешь сохранить

это в тайне.

– Я не могу обещать, не зная, о чем речь, – возразил Рик. – Если мое молчание поставит под угрозу чужие жизни...

– Нет. Наоборот.

– Н-ну допустим, обещаю, – пробурчал Рик после короткого раздумья.

– Это действительно был тот тип с кожной болезнью, тот тип, что следил за мной, и он же – Брант, последний и главный из виновников смерти Джессики. На самом деле он не умер... то есть не умер тогда, просто спрятался под чужим именем. Он надеялся, что это ему поможет спастись от возмездия Джессики... зря надеялся. Теперь он пытался вымолить у нее прощение через меня, а потом решил, что сможет искупить свою вину, срезав собственное лицо, которым некогда гордился. Полиции было бы трудно в такое поверить, но ты-то уже знаешь, что сделали МакМердон и Каттеридж... Когда же он понял, что даже это не помогло, то совсем обезумел и бросился на меня с ножом. Мы боролись, и в итоге его нож воткнулся ему же в горло. Вот и все. Это был последний враг Джессики, и он получил по заслугам. Больше никто не умрет.

"Надеюсь!", – добавил Малколм мысленно. Возможно, этим рассказом ему хотелось успокоить не столько Рика, сколько самого себя...

– Где его тело? – спросил Рик.

– Не имеет значения, – отрезал Малколм. "Я уже и так рассказал слишком много, и если ему вдруг все-таки вздумается сделать анонимный звонок в полицию..."

– Но он точно мертв?

– Мертвее не бывает.

Рик некоторое время молчал, затем задумчиво произнес:

– Интересно, а он не может мстить после смерти?

– Насколько я понимаю, нет, – ответил Малколм. – Никто из них не может. То, что произошло с Джессикой после смерти, уникально. Ну, может, не в буквальном смысле, но, по крайней мере, такое случается очень редко. Одного лишь насильственного характера смерти недостаточно, тут еще какие-то факторы...

Интересно, какие, подумал он. Неужели эта смехотворная глупость с кровавой пентаграммой, о которой никто даже и не думал, все-таки сработала? И вышло так, что девственница, перерезавшая себе горло в центре пентаграммы, принесла в жертву сама себя – и обрела в результате особые посмертные способности? Или ключевую роль сыграло что-то еще? Какая-нибудь генетическая особенность? Хотя у ее ближайших родственников такое не проявилось... Ответа на этот вопрос, похоже, не знала даже сама Джессика.

– Не ходи туда сегодня, – сказал Рик, помолчав какое-то время.

– Я и не собираюсь, – искренне ответил Малколм. – Не хочу столкнуться там с полицией. Особенно после заката. Если они считают, что в парке орудует маньяк, вполне могут оставить там наблюдение.

– Вот и правильно, – одобрил Рик.

– Тебя так волнует моя безопасность? – криво усмехнулся Малколм.

– Если тебя арестуют, меня, как твоего соседа, тоже будут допрашивать. Оно мне надо? – пожал плечами Рик.

"Очень хорошо, – подумал Малколм. – Понимание взаимной выгоды куда надежней всяких там товарищеских чувств."

Как он узнал позже, зайдя на сайт городских новостей, полиция вообще закрыла весь парк "в связи со следственными действиями". Ищут тело, догадался Малколм. Или... может быть, даже живого Бранта – у них ведь нет доказательств, что человек, лишившийся лица, мертв. Они даже могут считать, что маньяк держит свою изувеченную жертву где-нибудь на территории парка – в каком-нибудь сарае с инвентарем или в специально выкопанной землянке...

Полиция нашла труп на следующей день, когда Малколм сидел на занятиях, в очередной

раз пытаюсь отвлечься от посторонних мыслей и сосредоточиться на учебе. Получалось у него не очень хорошо, поэтому он то и дело вылезал в интернет со своего телефона и смотрел новостной сайт. Оттуда он узнал, что полицейские обследовали берег озера с собаками и нашли место, где тело затащили в воду ("Моих следов там тоже хватало", – обреченно подумал Малколм). Дальнейшее было уже делом техники. Представитель полицейского департамента подтвердил, что личность убитого установлена, но от прочих комментариев отказался, заявив лишь, что следствие прорабатывает разные версии. Парк вновь был открыт для публики, но Малколм вновь не решился соваться туда даже в дневное время.

История о зверском убийстве в любимом многими горожанами парке, понятно, наделала много шума и еще несколько дней оставалась в центре внимания общественности; так что полиции, до сих пор не имевшей подозреваемых, пришлось-таки озвучить официальную версию (это было сделано в пятницу). Мистер Пеппино, постоянно проживавший в штате Нью Йорк и ранее сам отбывший тюремное заключение, предположительно стал жертвой мести со стороны криминальных кругов. В результате их предыдущего нападения погибла его жена, а теперь преступники добрались и до него самого. Полиция продолжает розыск подозреваемых, однако, скорее всего, те уже покинули территорию города и штата. Были даже приведены приметы (весьма скудные) четырех мужчин, некогда составленные, как понял Малколм, со слов Люсиль.

Настоящее имя Бранта публике сообщено не было (хотя, разумеется, полиции не составляло труда его установить). Версий, связанных с университетом, соответственно тоже не прозвучало.

– Ну естественно, – прокомментировал это Рик, сидя с ноутбуком на своей кровати; на сей раз он не переключал звук на наушники, понимая, что Малколм захочет услышать этот репортаж. – Им выгодней представить общественности дело как некие разборки между залетными членами итальянской мафии, которые никак не касаются честных жителей города. Убийцы сделали свое дело и убрались, наш замечательный город и парк по-прежнему безопасны.

– Но это отнюдь не значит, что полиция и в самом деле считает эту версию основной и сняла наблюдение за парком, – вяло возразил Малколм. Он валялся на кровати, глядя в потолок; в последние дни, несмотря на, казалось бы, куда более комфортные условия для сна, нежели на скамейке в холодном парке, он никак не мог нормально выспаться, когда бы ни ложился. Сперва он подолгу не мог заснуть, мучительно ворочался, то и дело переворачивая слишком теплую подушку (но пользоваться снотворным все-таки не хотел, боясь, что тогда вообще разучится спать без таблеток), а потом никак не мог заставить себя проснуться, кое-как выползал из кровати с тяжелой головой и тошнотой в груди и потом клевал носом на лекциях. "Должно быть, – рассуждал он, – я уже так привык спать на холоде, что в помещении мне теперь слишком жарко и душно." Он бы открывал на ночь окно полностью, но Рика подобное едва ли привело бы в восторг. В эту пятницу он проснулся с головной болью и сжевал таблетку аспирина, которая вроде бы помогла, но к концу занятий голова разболелась снова. Добредя до общаги, он принял еще одну таблетку и теперь ждал, когда она подействует; пока же мысль о любом действии, в том числе и чтении с экрана, вызывала у него отвращение.

– Да уж, лучше тебе туда не соваться, по ночам, во всяком случае, – охотно согласился Рик и вдруг, оторвавшись от монитора, пристально уставился на соседа. – У тебя кровь.

– Это была само... – раздраженно начал Малколм, в контексте предыдущего воспринявший слова Рика как напоминание о совершенном убийстве, но тут до него дошло, что сосед говорит буквально. – Где? – он потрогал шею, хотя порез затянулся еще два дня назад, и сейчас рука тоже осталась чистой.

– Из носа.

Малколм провел пальцем над губой и на сей раз ощутил теплое и влажное. Палец, поднесенный к глазам, оказался весь в крови.

– Давай быстрее в ванную, – продолжал Рик, – а то всю кровать перепачкаешь.

Малколм, прижав ладонь к носу, последовал совету. По пути в ванную, однако, кровь несколько раз все же капнула между пальцами на пол. Когда он наклонился над раковиной, кровь закапала туда с частотой весенней капли в день резкого потепления.

– Промой холодной водой и задери нос повыше, а потом затолкай туда вату, – инструктировал из комнаты Рик. – У тебя есть вата?

– Нет, – промычал Малколм, открывая холодный кран на полную мощность.

– Вот, держи, – объявил Рик через полминуты, объявляясь на пороге с ватными тампонами.

Остановить кровь удалось только минут через пять.

– Ты как, в порядке? – обеспокоенно спросил Рик, когда Малколм, наконец, решился отойти от раковины. Вата торчала из его ноздрей наподобие бивней, но уже не окрашивалась красным – во всяком случае, не прямо на глазах.

– Лучше, чем было, – проворчал Малколм. – Голова, кажется, проходит, наконец. Стравил давление.

– У тебя что, повышенное давление? Может, вызвать врача?

– Да все со мной нормально! Лопнул какой-то сосуд, только и всего.

– А раньше у тебя такое бывало?

– Вроде нет, – признал Малколм. – Но я сегодня выпил две таблетки аспирина. Он вроде как может спровоцировать кровотечение...

– Только не говори мне, что это были первые таблетки аспирина в твоей жизни.

Малколм, все еще державший нос кверху, опустил голову и посмотрел на Рика в упор: – Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, что я имею в виду, – ответил Рик, не отводя взгляд. – Карсон тоже никогда не жаловался на здоровье. А потом у него началось...

– Чуть это все! – резко ответил Малколм и добавил более спокойным тоном: – Ни при чем тут Карсон. Я не делаю того, что делал он.

"Ага, только с начала недели не встречаюсь с Джессикой... Но ведь по уважительной причине! Или... под благовидным предлогом?"

– Чуть так чуть, – пожал плечами Рик. – Ладно, сегодня у нас пятница, намечается классная тусовка. Так что я пойду. Тебя, разумеется, не приглашаю... или все-таки пригласить?

– Ага, прямо с этими штуками в носу, – усмехнулся Малколм. – Нет, разумеется. Не нужны мне никакие тусовки. Ничего не изменилось, Рик, и не надо пытаться найти для меня альтернативу Джессике.

"Карсон уже нашел, – добавил он мысленно. – А может, Рик на такой исход и рассчитывает? Его дружелюбие подозрительно. Он ведь должен ненавидеть меня из-за Кевина, разве нет?"

– Ну, как знаешь, – равнодушно ответил Рик. – Надеюсь, ты тут не помрешь в одиночестве. Очень бы не хотелось вернуться и найти тут твой труп в луже крови.

Малколм, не отвечая, уселся с ногами на кровать и потом долго смотрел на закрывшуюся за Риком дверь.

Как бы там ни было, а он действительно чувствует себя не слишком хорошо с тех пор, как не встречается с Джессикой. Причем чем дальше, тем хуже. Проблемы со сном, потом головная боль, а теперь еще и кровотечение... хотя, конечно, каждый последующий элемент может быть просто следствием предыдущих. Его сон... может, дело и не в свежем воздухе парка, а в изменении ритмов. Ведь обычно человек спит циклами, где быстрый сон чередуется с медленным, и сны у него при этом разные – в медленной фазе их часто вообще нет. Но его ночное общение с Джессикой не выглядит прерывистым – значит ли это, что он видит один сплошной быстрый сон многочасовой протяженности? И переход к этому режиму вполне

безболезненный, а вот возвращение к обычному сну, даже на время...

Однако может ли быть, что Джессика наказывает – или предупреждает – его специально? Но ведь она знает про полицию, она должна понимать, что сейчас он не может... С другой стороны, у других все обычно начиналось с проблем со сном. Не только у ее врагов с их кошмарами. Ее любимый брат умер во сне. Ее мать, предположительно, заснула за рулем. Ее отец все увеличивал дозу снотворного, пока таковая не стала смертельной... "Я просто хотела быть с ними", вспомнилось ему. А сейчас она хочет быть с ним...

Но все-таки он не пойдет сегодня в парк. Он ходит на разведку завтра еще засветло. Попробует оценить, насколько велика вероятность нарваться там на полицию ночью. Может быть, переночует на земле, прячась среди деревьев и кустов по ту сторону аллеи и высматривая патруль, как когда-то, когда выследил Кевина. И только если убедится, что полиция и впрямь потеряла интерес к этому месту...

К ночи Рик так и не вернулся, и Малколм подумал – какого черта, лягу спать так, как привык, а этот любитель вечеринок пусть потом ругается по поводу выстуженной комнаты, плевать. Он погасил свет, по максимуму открыл окно²⁸, не разбирая кровать, разложил спальный мешок поверх одеяла и забрался в него в одежде. Джессика, хоть я и не могу пока прийти к тебе, но мысленно я с тобой... Некоторое время он лежал, глядя из темноты комнаты на более светлый прямоугольник окна, выходящего как раз в сторону парка, и внезапно ему вспомнились слова Бранта: "Я не удивлюсь, если это была летучая мышь, влетевшая в окно." Может, так оно и было? Может, среди ночи Грэйс, сама не понимая, что делает, подчиняясь лишь нежному девичьему голосу из своего сна, вылезла из кровати, открыла пошире окно и выпустила свою смерть? Вампиры в легендах могут войти, только если их впустят добровольно... хотя, конечно, вирус бешенства не имеет никакого отношения к вампиризму... да и хватило бы у трехлетнего ребенка сил поднять тяжелую раму? У самого Малколма, во всяком случае, сил на это хватило – и кого теперь он приглашает в дом таким образом? Он никогда, даже в детстве, не боялся ночи – и уж тем более это смешно было бы после всех его ночевок в парке – но вот теперь вдруг почувствовал себя неудобно. Рик еще куда-то запропастился... вот уж чье отсутствие Малколма всегда только радовало, но теперь и это обстоятельство усиливало его дискомфорт. Хорошо, конечно, если он просто загулял на своей вечеринке, а если... Малколм помнил, что Джессика предлагала сделать с его соседом, помнил и свое мимолетное сожаление, что отговорил ее от этого. Быть может, Джессика уловила эту его мысль или сама решила все-таки устранить лишнюю помеху? И кто, в таком случае, станет следующим? Преподаватель, поставивший ему неуд (заслуженный!) за контрольную? Какой-нибудь покупатель в магазине, набравший слишком много товаров в свою тележку и вызвавший раздражение у Малколма, стоящего в очереди позади него? "Мой подарок тебе." А может быть... потенциальный работодатель с Космического Побережья? Всякий, кому он отошлет свое резюме и кто будет готов ответить согласием? "Тебе не нужно покидать город, ты все равно не найдешь работу за его пределами. А если все же попытаешься, люди, готовые разлучить нас, умрут." Или даже его собственные родители – ну, чтобы ему не к кому было уезжать отсюда на каникулы? Джессика, кажется, так и не ответила на вопрос, не возражает ли она против таких поездок... "Тебе никто не нужен, кроме меня. Я подарю тебе все, что ты захочешь – в моем мире оно будет, как настоящее, и даже лучше – только будь со мной!"

Малколм вздрогнул и открыл глаза. В окно светила уполовиненная луна, подымавшаяся уже довольно высоко. Последние слова еще звучали у него в ушах. Они ему приснились, это ясно. Но был ли это просто сон, вызванный предыдущими невеселыми мыслями? До сих пор он никогда не видел и не слышал Джессику, если спал не на скамейке. Не было в этот раз и той четкой ясности воспоминаний, которая оставалась после их свиданий – в противовес обычным

28 Американское окно обычно состоит из неподвижной верхней и сдвигающейся по вертикали нижней половины, поэтому открыть его "нараспашку" невозможно

сновидениям, которые сразу же истаявают из памяти. Но... кто знает?

Кровать Рика по-прежнему была пуста. На луну напозло полупрозрачное облако, похожее на клочок савана, подсвеченный изнутри. Малколм повернулся набок и снова закрыл глаза.

Он уснул легко, без всякой ворочаний, но сны его были тяжелыми, тусклыми и мучительно тягучими – возможно, теперь его мозг в порядке компенсации все время оставался в медленной фазе. Малколм снова брел по серой пустыне, но теперь она была не совсем пуста. То тут, то там на больших расстояниях друг от друга торчали неподвижные фигуры, занесенные песком по колени, по пояс, по грудь или еще выше. Они были не живые, но и не мертвые. Когда Малколм, увязая в песке, добрал, наконец, до одной из них, она открыла глаза и рот. Но оттуда лишь посыпался сухой песок. И, глядя на струйки песка, текущие из пустых глазниц по щекам, Малколм понял, что смотрит на свое собственное лицо...

Он почувствовал, как песок засасывает его, опутывая руки и ноги, и попытался выбраться, пока его не затянуло с головой, но все было тщетно. Он дергался снова и снова, напрягая все силы, но лишь увязал все глубже. Наконец песок хлынул ему в нос и рот, Малколм понял, что не может больше дышать, и рванулся из последних сил, разрывая, кажется, уже собственное тело в единственной оставшейся попытке освободиться. Он почувствовал, как лопаются кожа и хрустят, разламываясь, кости – а затем он вырвался, но понял, что не возносится вверх, а проваливается вниз, в темноту. Ужас падения перехватил его крик, а затем он ударился о дно пропасти...

И снова пришел в себя в своем спальном мешке, в какой-то странной, необычно высокой комнате с огромной мебелью, возносившейся над ним. Через несколько секунд он сообразил, что просто лежит на полу, свалившись во сне с кровати. Он видел унылый свет пасмурного утра, ощущал холод воздуха и твердую плоскость пола под спиной, однако по-прежнему не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, и даже не потому, что ему мешал мешок. Его тело попросту отказывалось повиноваться. "Я умер? – метнулась паническая мысль. – Или, может, сломал позвоночник при падении?" Ему хотелось кричать, но даже этого он не мог. Вспомнилась участь Мориса из "Трещины". "Неужели со мной то же самое? Рик придет... нет, он не придет, он уже мертв... но кто-нибудь же должен прийти... может, через несколько дней, а я так и буду лежать тут... и они наклонятся надо мной, будут говорить что-то вроде "надо же, такой молодой", а я никак не смогу дать им знать, что все вижу, слышу и понимаю..."

Но затем, на самом пике ужаса, он вдруг почувствовал, что его пальцы шевелятся. Все мышцы казались сделанными из ваты, но в них возвращалась жизнь. Малколм несколько раз заставил себя сжать и разжать кулаки, и с четвертого или пятого раза это вышло уже без проблем. Он вытащил руки из мешка и сел на полу.

"Сонный паралич, – вспомнил он. – Я же когда-то читал, что так бывает у совершенно здоровых людей. Сознание просыпается, а тело еще нет. Внезапное пробуждение при падении, очевидно, особенно способствует..."

За его спиной шелкнул дверной замок.

– Что тут за холодильник? – осведомился Рик. – Ты что, решил устроить себе парк в миниатюре? Ты бы еще палатку на полу поставил!

– По крайней мере я, кажется, нормально выпался, – пробурчал Малколм, догадываясь, насколько смешно выглядит на полу в спальном мешке. – Ты где был? Я уж думал, ты... с тобой что-нибудь случилось.

– Не ты один можешь не ночевать дома, – ухмыльнулся Рик. – Хотя я все-таки предпочитаю несколько более живых девушек.

Малколм, ощутивший было облегчение по поводу того, что Джессика не причинила никакого вреда Риду, вновь почувствовал раздражение по адресу соседа. "Когда-нибудь ты дошутишься!" – подумал он. Но вслух ничего не сказал. Он ненавидел конфликты, да.

Он думал об этом в начале вечера, шагая в парк. Еще недавно мысль о конфликте с Джессикой показалась бы ему совершенным абсурдом, но теперь... он уже не был ни в чем уверен. Сможет ли он объясниться с ней так, чтобы больше никто не пострадал – ни он сам, ни какие-либо иные люди, которых она когда-нибудь сочтет актуальной или потенциальной помехой для их отношений? Погода отнюдь не поднимала настроения – было пасмурно и холодно, но, в то же время, дождя не было и не прогнозировалось, так что не было и благовидного предлога для дальнейшего откладывания визита и объяснения. Если только таковой не создаст полиция... На подходе к парку Малколм увидел едущую навстречу полицейскую машину и почувствовал мгновенный укол страха, но тут же отругал себя за глупость. Конечно же, она просто едет мимо, и он не представляет для копов никакого интереса. На нем были новые ботинки – он купил их после того, как узнал, что полиция нашла труп и следы в том месте, где тело затаскивали в воду. Хотя вероятность, что кому-то придет в голову заподозрить именно его и проводить экспертизу его обуви, была бесконечно близкой к нулю – во всяком случае, днем. Но вот если он все-таки напорется на патруль после заката, могут, наверное, на всякий случай и проверить... Но пока до заката еще далеко, и даже его туристический рюкзак (который он взял на всякий случай, еще не зная, останется на ночь или нет) не дает полиции оснований до него докапываться. Нож Малколм решил с собой не брать – пусть тот и был совершенно чист во всех смыслах, незачем, опять-таки, давать кому-то повод для лишних вопросов, если в этом нет необходимости. А необходимости, очевидно, не было – едва ли после смерти Бранта на него мог напасть в парке кто-то еще.

На парковке перед входом в парк стояло несколько машин – все-таки суббота, пусть погода и не лучшая – но полицейской среди них не было. Едва Малколм миновал знак, запрещающий въезд моторизованному транспорту, и свернул на аллею, как его обогнала пара бегуний. Их забранные в хвост волосы ритмично мотались влево-вправо в такт их движениям. Непохоже, чтобы жуткие находки этой недели особо напугали горожан, подумал Малколм с усмешкой. Хотя, конечно, полиция заверила их, что прочесала весь парк, и больше никакая собака не притащит хозяину куски человеческой плоти... Впрочем, детских воплей, обычных в это время, что-то не слышно, возможно, мамы и впрямь еще не отошли от шока – "такой ужас в нашем мирном, спокойном городе..." Это только бегунов ничто не берет – даже погода похуже этой, а не то что какие-там обезличенные трупы... Вот кто настоящие маньяки, подумал про себя Малколм. Бегуны оставались за гранью его понимания. Как можно по доброй воле подвергать себя подобной пытке?! Даже ради пользы для здоровья – можно совершать долгие прогулки, можно ездить на велосипеде, но это... сердце колотится, дыхания не хватает, во рту мерзкий железистый привкус, хочется просто рухнуть и лежать, мучает жажда, а из всех пор льет омерзительный пот! Малколм ненавидел потеть. Будь у него возможность, он бы вообще избавился от своих потовых желез ("выжег бы их каленым железом!", порою думал он с раздражением, оказавшись в жару вдали от кондиционера или на этой проклятой физкультуре), даже понимая их роль в терморегуляции. Плохое, очень плохое инженерное решение! Где это видано, чтобы хоть одна машина охлаждалась таким безобразным, затратным и грязным способом?! Охлаждающая жидкость должна циркулировать по замкнутым трубкам внутри корпуса, а не сочиться из дырок по его поверхности! Не говоря уже о том, что при повышении температуры надо просто переключаться с теплокровного на холоднокровный режим и черпать энергию из внешней среды, а не пытаться греть и охлаждать тело одновременно... Чертова физиология, да. Ни один здравомыслящий конструктор не создал бы подобное убожество.

Размышляя таким образом, он миновал место, где затаскивал труп Бранта в воду, но не поддавшись искушению сойти с аллеи и подойти к озеру, а направился дальше и вскоре добрался до скамейки. Никаких следов полицейского расследования здесь не было – хотя что он, собственно, рассчитывал увидеть? Обрывки ограждающих желтых лент? Уж наверное стражи порядка, снимая ограждение, не должны мусорить. Но интересно, обследовали ли они вообще

это место или ограничились тем пятачком на берегу. По логике, даже уже найдя труп, все равно должны были прочесать все с этими своими собаками, а уж те, несмотря на все усилия Малколма, обязаны были унюхать следы крови. Но скамейка и земля вокруг, присыпанные гниющими листьями, выглядели вполне заброшенными – так, словно здесь с его последнего визита не было вообще никого, ни полиции, ни простых гуляющих...

Малколм обошел скамейку вокруг, сам не зная, что ищет, затем снял рюкзак, стряхнул листья и опустился на сиденье. "Привет, Джессика", – сказал он и некоторое время смотрел на ее портрет – все такой же улыбающийся и безмятежный фотопортрет девушки, не знающей, что жить ей осталось несколько месяцев... Само собой, фотография совершенно не изменилась, хотя Малколм почти ожидал увидеть укор в ее взгляде. У него мелькнула мысль, не пуститься ли в объяснения сейчас, не дожидаясь ночи – ведь Джессика должна его слышать, но не сможет возразить или перебить, и он выскажет ей все насчет свободы, насчет неуместности клятв и насчет того, что никто больше не должен пострадать... Однако, уже почти решившись, он отказался от этой мысли. Если Джессика не сможет возразить ему словами, она может сделать это... как-то еще, и он не хотел проверять, как именно. Карсон все еще здесь, вспомнилось Малколму – или то, что от него осталось. Возможно, прямо на том же месте, где сидит Малколм. Невидимое и неосязаемое для живых, неспособное ни слышать, ни говорить, но... очевидно, не окончательно мертвое...

"Джессика не может сделать такого со мной! – возмущенно подумал Малколм. – Она же любит меня!" Но тут ему вспомнился еще один афоризм Мориса из "Трещины": "Любовь – это вовсе не симпатия. Любовь – это жажда обладать." Поэтому, рассуждал далее Морис, нет ничего удивительного в том, что любимых убивают и чинят им всякое прочее зло, если обладание оказывается под угрозой. Любовь, часто рядящаяся в тогу бескорыстия, на самом деле – самое эгоистичное из всех чувств.

Свинцово-серые воды озера, откуда тянуло холодом, навевали самые безрадостные мысли, и даже не успевшая еще облететь с деревьев разноцветная листва не скрашивала унылой картины промозглого осеннего парка. Малколм подумал, как все-таки сильно меняет пейзаж и настроение простой факт наличия или отсутствия солнца. Осенние краски Новой Англии чудесны под солнечными лучами, но сейчас парк больше походил на... разлагающийся труп с постепенно оголяющимися костями древесных ветвей. Даже ощущение полного безлюдья, обычно столь приятное Малколму, сейчас как-то не доставляло удовольствия. Он вдруг понял, что ни разу не слышал птиц, сидя на скамейке Джессики. В других местах парка кто-нибудь постоянно чирикал и пересвистывался в ветвях, и даже в общаге, открыв окно днем, практически всегда можно было услышать с улицы птичьего голоса. Малколм вспомнил и фото птиц, сделанные в парке самой Джессикой, когда она была еще жива... Но теперь – нет. Почему-то разлапистые ветви дерева над скамейкой пернатых не привлекали. Никогда не шуршали там и белки. Возле скамейки Джессики всегда стояла тишина, более кладбищенская, чем на самих кладбищах, которых птицы и прочая мелкая живность отнюдь не избегают...

Может, и полицейская собака предпочла ничего здесь не вынюхивать, а держаться подальше отсюда, пренебрегая служебными обязанностями? А офицер-кинолог, конечно, не понял, почему его четвероногий коллега столь настойчиво натягивает поводок, и решил, что пес учуял что-то вдали, а вовсе не спешит убраться с этого места... Впрочем, быть может, подсознательно что-то могут чувствовать и люди. Может, эту скамейку посещают так редко не только потому, что она находится в самом удаленном от входа в парк месте.

Словно опровергая мысли Малколма, в жухлой траве послышался шорох. Малколм повернул голову на звук и встретился взглядом с большой коричневой крысой. Она остановилась среди почерневших листьев в каком-нибудь ярде от скамейки и уставилась на юношу – как ему показалось, выжидательным взглядом. "Пошла прочь!" – крикнул Малколм и махнул ногой в ее сторону. Крыса дернулась, но осталась на месте, и лишь когда он привстал,

развернулась и скрылась в траве.

Никогда еще Малколм не чувствовал себя здесь так неудобно. Заняться было решительно нечем; он воткнул в уши наушники, запустил на плеере режим "все песни вперемешку", скрестил руки на груди для пущего тепла и прикрыл глаза. На его плеере было под тысячу композиций в разных стилях, от классики до готики и даже тяжелого рока, так что слушать все это можно было долго. Он не заснул, но постепенно погрузился в некий транс, в котором не чувствовал хода времени – пока вдруг что-то не коснулось его плеча.

Малколм испуганно вздрогнул и резко повернул голову, открывая глаза. Над ним в тусклом свете сгущавшихся сумерек стоял человек в униформе. Его губы шевелились, но Малколм не слышал слов и потянул за провод, вытаскивая наушник. Сердце юноши бешено колотилось в иррациональной уверенности, что сейчас ему зачитают его права и предложат вызвать адвоката.

– Сэр, парк закрывается, – повторил полицейский (или это был парковый рэйнджер? Малколм не был уверен).

– Да-да, – поспешно произнес Малколм, поднимаясь, – я уже как раз собирался уходить.

Человек в форме не удовлетворился одними лишь словами и проследил, как Малколм, вскинув на плечи рюкзак, проследовал к аллее, но не стал конвоировать его до самого выхода. Малколм, выйдя на асфальт, присел якобы поправить развязавшийся шнурок и посмотрел, куда пойдет охранник, дабы самому избрать противоположное направление. Тот двинулся вправо, закономерно избрав чуть более короткий путь к выходу; Малколм, соответственно, пошел влево.

"Вот и ответ, – думал он про себя. – Они теперь патрулируют парк, и оставаться здесь по ночам нельзя.. по крайней мере, еще какое-то время." И к стыду своему он понял, что вместо грусти из-за продолжения разлуки с Джессикой это обстоятельство вызывает у него облегчение.

Точнее говоря, не то чтобы "вместо". Скорее, вместе. Ему действительно все еще хотелось быть с Джессикой – той, которую он знал (или думал, что знает) раньше, той, которой она действительно была когда-то. Светлой и чистой девушкой, мечтавшей лечить людей (тоже ведь, если вдуматься, инженерная задача!) А не беспощадной карательницей, готовой без колебаний устранять любую помеху, независимо от воли и степени вины последней. "С тобой я прежняя", – говорила она. Ага – до тех пор, пока твое поведение меня устраивает. Но если устраивать перестанет... Тюрьма может быть настолько комфортной, что узник может даже не догадываться о своем пленении – пока не попытается выйти.

Он дошел до северного конца озера, пройдя, таким образом, полпути до выхода, когда почувствовал, что у него свербит в носу, и громко чихнул. Брызги вылетели из носа, и Малколм полез в карман за платком, думая, что это сопли от холода. Однако, когда он отнял платок от лица, то увидел в свете ближайшего фонаря кровавое пятно.

Ну то есть не то чтобы большое пятно – так, пятнышко. От напряжения при чихании лопнул сосудик, ничего страшного...

– Значит, так, Джессика? – произнес Малколм вслух. – Ты хочешь, чтобы я вернулся? Ты ведь понимаешь, что если меня тут арестуют, мы можем не увидеться... очень долго?

Само собой, никакого ответа он не получил. То есть мысль, что он должен идти назад, была вполне четкой, но была ли это его собственная мысль или нет? Так или иначе, он повернулся и пошел обратно. Боясь встречи с патрулем, он свернул с аллеи и стал пробираться между деревьями и кустами. Не самое приятное занятие, особенно в темноте; леса Новой Англии – это не южные джунгли, но и там попадаются плотные колючие заросли, сквозь которые лучше даже не пытаться продрасться напрямую. Малколм оцарапал щеку и замучился выдирать из цепких объятий то рукав, то рюкзак, несколько раз ему приходилось поворачивать назад, отыскивая другой путь – однако он похвалил себя за осторожность, когда услышал со стороны аллеи шум мотора. Он тут же присел и замер, хотя едва ли кто-то мог разглядеть его сквозь заросли – как и он сам не смог разглядеть медленно проехавшую машину, но это,

конечно, могла быть только полиция. Малколм просидел, скорчившись, минут двадцать, опасаясь, что патрульные захотят сделать еще один круг, и досиделся до момента, когда в парке погасили фонари, чей свет, пробивавшийся между ветвями, служил ему ориентиром даже в глубине зарослей, так что выбираться дальше ему пришлось в полной темноте – луна еще не взошла...

Но в конце концов он все-таки добрался до скамейки и устало плюхнулся на нее. Его сердце все еще учащенно билось – и от физических усилий, и, главное, от страха перед полицией. Вполне возможно, что за ночь патрульная машина объедет парк еще не один раз. Правда, с аллеи увидеть человека, лежащего на скамейке, невозможно – спинка его полностью загораживает. Но если он сядет во сне – Рик, помнится, говорил, что он смотрел ноутбук сидя...

Но, по крайней мере, кровь из носа у него больше не шла.

"Надеюсь, Джессика, ты знаешь, что делаешь", – проворчал Малколм, забираясь в мешок.

– Тебя так долго не было, – сказала она из темноты (на сей раз в мире сна царил такая же тьма, что и в реальности). Ее слова не были сказаны холодным обвинительным тоном, каким она говорила о Карсоне, но в них звучал явный и недвусмысленный упрек.

– Но, Джесс, здесь же рыщет полиция! – воскликнул Малколм. – Если они меня застукают, вряд ли просто выдворят из парка. Наверняка захотят проверить, не причастен ли я как-нибудь к убийству, и не знаю, что им удастся накопать...

– Полиция тебе не опасна.

– Тебе легко говорить, – пробурчал Малколм и тут же устыдился своих слов. Ну да, "тебя-то не арестуют, ты всего-навсего мертва..."

– Когда ты здесь, они не смогут преодолеть ограду. Кстати, давай уже поднимем какую-нибудь комнату. Лучше ту, что с камином.

– Да, – Малколм нашарил пульт. Стены дома поднялись от земли и остановились на нужном этаже. В камине справа от Джессики уже горел огонь, но никакого другого света в помещении не было. Малколм видел ее безупречный профиль на фоне колеблющегося пламени.

– И что им помешает? – спросил он. – Как это будет выглядеть в их мире? Им померещится кошмар? Не думаю, что это остановит офицера полиции. Или... им станет плохо?

– Во-первых, они не заметят, что здесь кто-то есть, во-вторых, у них просто не возникнет желания подойти и проверить.

– Рик заметил, – припомнил Малколм и запоздало прикусил язык – возможно, не стоило лишней раз напоминать Джессике о Рике.

– Он тебя выслеживал и знал, что ты здесь. Это не невидимость. На то, что внутри ограды, просто не обращают внимания, если не знать заранее. Но даже он не смог войти на нашу территорию, не так ли?

– А Брант? – теперь уже тон Малколма стал обвинительным. – Почему, в таком случае, ты впустила его?

– Я же сказала – все это, – Джессика обвела рукой вокруг, – работает, только когда ты здесь. А он пришел и залез под скамейку еще засветло.

Карсон, подумалось Малколму. Просидевший на скамейке шесть дней, прежде чем его откопали... ну ладно, пусть два дня, дальше в парке уже никого не было из-за метели. Но неужели все эти два дня он оставался жив, неспособный пошевелиться, но продолжающий помимо воли генерировать стены собственной тюрьмы, а люди ходили мимо, попросту не замечая его? Как долго он прожил с крысой внутри?

Однако история с Брантом волновала Малколма еще больше.

– Но почему ты не остановила его потом? – возмущенно спросил он вслух. – Он же меня чуть не зарезал! Почему ты не сделала с ним... того же, что с другими?

– Это не так просто и быстро, Малколм, – покачала головой она. – Я не знала, что он собирается делать, и ничего не могла за считанные секунды. Очень хорошо, что ты справился

сам. Теперь нам уже больше никто не помешает.

– Но откуда мне было знать, что полиция меня здесь не заметит? Ты не говорила, что эта ограда... так хорошо работает.

– Ты не спрашивал. А мог бы. И мне бы не пришлось сидеть тут одной всю неделю, тщетно ожидая тебя.

– Раньше не пришло в голову, а теперь... Мне ведь нужно было заснуть тут, чтобы спросить тебя! Точнее – чтобы быть уверенным в ответе. А как я мог узнать заранее, опасно это сейчас или нет?

– Ты мог бы больше доверять мне, Малколм, – печально произнесла Джессика. – Неужели ты думаешь, что я бы не предупредила тебя, что тебе нельзя оставаться здесь на всю ночь, если бы это было опасно?

– Но и ты могла бы больше доверять мне, – сердито сказал Малколм. – Совсем не обязательно было заставлять меня прийти сюда с помощью кровотечений!

– Кровотечений? – недоуменно переспросила Джессика.

– Ты хочешь сказать, что у меня болела голова и шла кровь из носа... не из-за тебя? Не потому, что ты на меня злилась?

– Нет, Малколм! – Джессика, казалось, была шокирована подобным предположением. – Как ты мог такое подумать! Я...очень скучала тут без тебя, но я бы не стала причинять тебе вред! Только не тебе!

– Да? – обрадовался он. – Прости, Джесс. Кажется, я становлюсь параноиком...

– Паранойя – это весьма серьезное хроническое заболевание, – заметила она строгим медицинским тоном. – Не стоит бросаться словами, если не имеешь в виду то, что они значат на самом деле.

"А может, это и не совпадение, – подумал меж тем Малколм. – Может, тут виновата не она, а я сам. Психосоматика. Самовнушение. Чувство вины за то, что я долго не прихожу к ней, и страх, что она накажет меня за это... Надо покончить со страхом и недомолвками, раз и навсегда!"

– Раз уж мы заговорили о доверии... и о словах... – произнес он поначалу не очень уверенно, но затем набрался твердости: – Я понимаю, Джесс, что больше всего ты боишься предательства. Что тебя уже предали сперва МакМердон, потом Карсон. Но ты ведь понимаешь, что я – не они. И то, что я хочу тебе сказать, вовсе не означает, что я хочу тебя бросить. Но... – и он принялся излагать ей свои идеи о бессмысленности клятв, и свободе как необходимом условии любви, которая не может держаться на принуждении, какие бы формы таковое ни принимало – страха или чувства долга, и о том, что такое принуждение на самом деле контрпродуктивно, то есть ведет к противоположному результату... Джессика слушала его монолог, не перебивая, а когда он замолчал, спросила лишенным выражения голосом:

– То есть ты хочешь, чтобы я освободила тебя от обещания никогда меня не бросать?

– Да, – выдохнул Малколм и замер, не зная, что за этим последует.

– Хорошо, – ответила Джессика после крохотной паузы. – Было бы и в самом деле нелепо заставлять тебя быть со мной, если ты не хочешь.

– Я хочу! – торопливо возразил Малколм. ("Вот так просто! Все оказалось так просто, и зря я психовал, наслушавшись Лайзу и Рика...") – Я имею в виду, что, как бы я ни хотел этого сейчас, глупо принимать на себя обязательства на всю оставшуюся вечность. С моей стороны, конечно, это было безответственно, тем более что я сам предпочитаю точность терминологии, но в тот момент...

– Я поняла, – перебила Джессика. – Не надо оправдываться, а то я подумаю, что ты и в самом деле собираешься бросить меня прямо сейчас. Давай лучше займемся чем-нибудь более интересным.

– Вторая часть "Хоббита"! – вспомнил Малколм, желая поскорее уйти от этой темы.

– Вот именно. Вот за это я действительно была зла на тебя, Малколм Мартинсон – показать мне первую часть и потом исчезнуть на неделю! – на сей раз она явно шутила, или, по крайней мере, пыталась это сделать.

Глядя, как Бильбо, пользуясь Кольцом всевластия, ускользает от эльфов, Малколм подумал: "Вот так и мы незаметны для патрулей. Хотя трудно поверить, что можно не заметить свет от монитора среди темноты ночного парка. Может, из машины на аллее не слышно звук, но свет должен быть заметен издали. Но если Джессика говорит..." Затем, однако, его мысли переключились на другие свойства Кольца, постепенно порабошающего своего обладателя и разрушающего его тело и личность. Малколму никогда не нравилась эта идея, когда могущественный артефакт провозглашался злом, который надлежит уничтожить вместо того, чтобы научиться контролировать. Он смотрел экранизации Толкина ради спецэффектов (ну и теперь – за компанию с Джессикой), совершенно не разделяя при этом идеологию автора. Толкин был, по сути, антиинженером: машины и вообще что-то новое у него создавали только злодеи, а у положительных персонажей царил сплошной застой и, хуже того, регресс. Но сейчас Малколму вдруг подумалось, что воздействие Кольца весьма напоминает обычную наркоманию. И что, если – думал Малколм, уже практически не воспринимая происходящее на экране – и его отношения с Джессикой тоже своеобразный наркотик? Что, если ему потребуется проводить во сне с Джессикой все больше и больше времени? Что, может, и не будет напрягать, пока продолжительность светового дня сокращается, а вот весной... Карсон не дожил до весны, на его опыт не сошлешься. И головная боль и носовые кровотечения – лишь первые проявления ломки...

А может, даже не ломки, а болезни сродни химическому отравлению или радиоактивному поражению, прогрессирующей по мере накопления дозы. Действительно ли для живого безопасно общаться с мертвым? Эффект одной беседы, может, и не заметен, но когда это общение происходит постоянно... Кто и когда исследовал этот вопрос? Никто и никогда, разумеется. Кроме, может, чернокнижников из фолиантов Лайзы, но они шарлатаны. Во всяком случае, авторитетных источников на эту тему не существует.

А сама Джессика? Что, если ее "всевластие" действует на нее как раз так, как описано у Толкина? Постепенно превращая чудесную девушку в... назгула? Горлума? Она сказала, что ни за что не повредит Малколму. Ну да, ей не нужен второй Карсон. Карсона она покарала, когда тот был ей уже бесполезен, а Малколм ей пока что полезен, и она, конечно, постарается его не отпугивать. Она умная и сама все понимает про контрпродуктивность. Но где гарантия, что она сказала ему правду?

И главное – насколько она сама способна контролировать то, что делает? Малколму снова вспомнилась участь ее родных. "Я просто хотела быть с ними." "Я очень скучала тут без тебя." Найдите десять отличий. Найдите хоть одно... Что, если Лайза и Рик все-таки правы? Если Джессика – и тут уже даже не столь важно, вольно или невольно – убивает его своей любовью, в самом буквальном смысле?

Малколм скосил глаза на девушку, сидевшую справа от него. Та, хотя и продолжала следить за событиями на экране, поймала его взгляд и улыбнулась ему. Свет от экрана падал на ее лицо – в фильме как раз началась какая-то ярко освещенная сцена – и в этом свете Малколм заметил небольшое темное пятно на скуле у Джессики. Его первым побуждением было сказать ей, что она испачкалась, но он тут же сообразил, что как раз она нигде испачкаться не могла в принципе. Ему даже показалось, что он различает на поверхности этого пятна что-то вроде... плесени.

Малколм похолодел. Он вспомнил, что Лайза рассказывала о Карсоне. *Какой* он видел Джессике в их последние встречи.

Разложение.

Джессика поняла значение его взгляда, и ее улыбка сползла, превратившись в

испуганную гримасу.

– Мое лицо? – спросила она. – Что-то не так с моим лицом?

– Н-нет, – выдавил из себя Малколм. "Это только мое собственное воображение. Это же мой сон! Мне нужно просто поверить, поверить, что с ее лицом все в порядке..." – Твое лицо, как всегда... – произнес он, но не смог заставить себя сказать "прекрасно".

Джессика закрыла лицо ладонями.

– Нет! – воскликнула она. – Только не опять!

– Джесс, – мягко произнес Малколм. – Это просто моя иллюзия. Дурацкая ассоциация из фильма, – он нажал кнопку на пульте, останавливая показ. – Ты тут ни при чем.

– Я же старалась дать тебе все! – она, казалось, не слушала. – Все, что ты мог пожелать! Чего у тебя никогда бы не было... там! Почему, Малколм? Разве нам не было хорошо вместе?

– Было, и... почему в прошедшем времени... – пробормотал он.

– Ты больше не любишь меня, – покачала головой она, не отнимая рук от лица. – Это верный признак.

Малколм растерянно смотрел на нее. Только что он думал об опасности – смертельной, а возможно, и *хуже чем смертельной*, исходящей от Джессики – и в ужасе глядел на первые признаки разложения на ее лице. Но сейчас, глядя на хрупкую девушку, в отчаянии прячущую лицо в ладонях, он снова чувствовал лишь горячее желание утешить, успокоить, защитить ее. Если он и испытывал в этот момент злость, то только на самого себя, который так расстроил ее и подвел.

– Джесс, ты неправильно все поняла... Это всего лишь стресс... я, ты понимаешь, боялся, что... кто-нибудь еще пострадает... но это вовсе не значит, что я...

– Я же освободила тебя от твоего обещания, – доносилось из-под ее ладоней. – Все, как ты хотел. Что не так? Что я еще могу сделать?

– Ничего, Джесс. Все в порядке. Все хорошо... – "Это самая большая ложь, какую люди говорят друг другу", тут же подумал он и поправился: – Все будет хорошо, – "А это – ложь №2!"

Ему невольно захотелось успокаивающе обнять ее за плечи, он даже уже протянул руку – но в последний момент испуганно отдернул, вспомнив ее предупреждение: "Ты не должен прикасаться ко мне!" Он не знал, заметила ли она этот жест.

– У всех бывают... сложные моменты в отношениях, – продолжал он вслух, в то время как холодный критик в глубине его разума не унимался: "До чего пошлая фраза. Ты вычитал ее из женской колонки в газете?" – Это совсем не значит, что все кончено.

Джессика молчала. Она не всхлипывала (у Малколма мелькнула мысль, что она больше не может плакать, ведь это тоже физиология), но и не открывала лица.

– Нам надо... как-нибудь развеяться, – нерешительно произнес он. – Сменить обстановку...

– Достроить еще одну комнату? – осведомилась Джессика с грустной иронией.

– Жаль, конечно, что ты не можешь покинуть это место, – сконфуженно пробормотал Малколм, поняв, что ляпнул глупость.

– Но ты можешь, – возразила она, неожиданно ухватившись за эту мысль. – Тебе, наверное, скучно все время сидеть тут со мной. Давай, сходи прокатись, если хочешь. Или полетай на скейте. Или... хочешь что-нибудь еще? Чтобы к этому берегу подошла яхта, к примеру?

– Боюсь, это озеро маловато для прогулок на яхте, – усмехнулся Малколм, – к тому же я понятия не имею, как ей управлять. В смысле той, которая с парусами. Но на "Роллсе" я бы, пожалуй... только ты не обидишься, что я оставляю тебя здесь одну?

– Нет, конечно. В конце концов, зачем подарки, если ими не пользоваться?

Малколм вышел из дома (дверь наружу имелась в каждой комнате) и направился к автомобилю, который стоял уже не на траве, как поначалу, а на мощеной булыжником стоянке

под стилизованным под старину фонарем – часть их с Джессикой благоустройства. В свете фонаря он внимательно осмотрел машину. У него были опасения, что он и здесь обнаружит пятна ржавчины или что похуже (по этой причине он не рискнул пользоваться летающим скейтом). Однако "Роллс-Ройс" все так же безупречно сиял хромом и полировкой и завелся с пол-оборота. Малколм включил фары (он уже разобрался, как это делать), нажал кнопку, открывающую ворота, и выкатился на усыпанную тонким белым песком подъездную дорожку (также отсутствовавшую в реальном мире), которая вела к опоясывающей озеро аллее.

"Вдоль дорожки тоже надо сделать подсветку, – подумалось ему. – Голубые плафоны на уровне земли. А лучше даже – меняющие цвет. А во дворе разбить клумбы, хватит уже с нас этой дикой природы. И парочку статуй, почему нет? А может, и фонтан, так, чтобы его хорошо было видно Джессике..."

Он чувствовал себя солидным господином, выезжающим на собственном "Роллс-Ройсе" за ворота собственного особняка и спокойно, по-хозяйски размышляющим о дальнейшем обустройстве своего имения – и это чувство было чертовски приятным. И у него снова мелькнула мысль – а так ли плохо остаться здесь навсегда? В мире, где он может получить в буквальном смысле все, что способен вообразить, и где не надо больше беспокоиться ни о чем – ни об учебе, ни о работе, ни о деньгах, ни об экономических, политических и прочих кризисах и проблемах... Ни даже о собственном здоровье, старении и смерти. Остаться вечно молодым, как Джессика и вместе с ней. А что до всех прочих людей, то разве ему не хотелось всегда жить так, чтобы общаться с ними как можно меньше?

Но Малколм тут же напомнил себе, как опасно забывать про истинный смысл слова *навсегда*. Исследовать потусторонний мир было бы, наверное, не менее интересно, чем реальный – если бы он был столь же бесконечен и столь же объективен. Но если все, что здесь есть – это лишь продукты собственного воображения, то это приестся достаточно быстро. Даже сейчас они с Джессикой смотрят фильмы из мира живых и обсуждают происходящие или происходившие там события. А если этот источник новизны прекратится... И к тому же – если все *это* существует лишь пока он видит это во сне, то что будет после его смерти? Не выйдет ли так, что все эти дома, машины и прочие воображаемые сокровища исчезнут, а он будет обречен *вечно* сидеть рядом с Джессикой, не имея возможности сдвинуться с места?

Малколм проехал половину пути вокруг озера, но на сей раз свернул направо, к выезду из парка. Теперь он должен был узнать, что там. Как далеко простирается этот мир.

Пустая парковка выглядела так же обычно, как и в реальности, но дальний ее край тонул в тумане, сквозь который, впрочем, еще можно было различить огни фонарей. Малколм сбросил скорость и поехал туда, где должна была начинаться улица, ведущая в сторону университета.

Поначалу он и впрямь видел фонари по бокам (правда, не мог различить очертания домов за ними), сырой асфальт в свете фар и даже ярко вспыхивающие желтые светоотражатели на разделительной полосе. Но туман становился все гуще, светлые пятна фонарей тускнели и расплывались в его мареве, и лучи фар вязли в сплошной клубящейся пелене уже в нескольких ярдах от капота. "Мне нужно просто поверить, что его нет, – сказал себе Малколм. – Сейчас он развеется, и я увижу впереди широкое, прекрасно освещенное шоссе, уходящее к... сияющему городу на холме."

Он постарался представить это себе как можно более отчетливо, но это не помогло. Видимость стала уже такой плохой, что в реальном мире продолжать движение, даже с черепашьей скоростью, было бы самоубийственной глупостью. А может быть, и не только в реальном.

Малколм остановил машину и закрыл глаза. Может быть, так ему будет легче представить, что туман рассеялся.

С четверть часа он старательно воображал залитое светом шоссе, для достоверности насыщая картинку все новыми деталями – светящиеся вывески бензоколонок, мотеля,

придорожного ресторанчика... Представив все это себе с точностью до последней буквы, он открыл глаза.

Ничего. Только тьма и туман, спереди подсвеченный фарами, однако окутавший машину так плотно, что Малколм не видел уже даже крылатой фигуры на носу. Других источников света снаружи больше не было. Совсем.

Малколм опустил левое стекло, затем, не глуша двигатель, открыл дверцу и вышел наружу. Он словно шагнул в чернильную мглу, выпущенную гигантской каракатицей. Он чувствовал твердую поверхность под ногами, но не видел ее. Покрутив головой по сторонам, он не увидел даже самых слабых проблесков фонарей. Ничего, кроме непроглядной темноты. Малколм осторожно прошел к носу машины, касаясь пальцами капота, словно боясь, что, если потеряет тактильный контакт с автомобилем, то уже не сможет вернуться обратно за руль. Зайдя спереди, он убедился, что даже в свете фар видимость составляет не больше пары футов. Вытянув руку, он не видел своих пальцев. Казалось, что туман уже съел его конечности, и ему приходилось шевелить руками и притоптывать, чтобы развеять эту иллюзию.

– Эй! – заорал вдруг Малколм во весь голос, стоя в крохотном островке слабого света посреди бесконечной темноты. – Меня кто-нибудь слышит?!

Конечно же, ему никто не откликнулся. Малколму вспомнился "Туман" Стивена Кинга, и он испугался, что из мрака могут явиться какие-нибудь чудовища. Но затем он понял, что *этот* туман гораздо страшнее того. Чудовища были хоть какой-то жизнью. Хоть каким-то разнообразием. Здесь же не было вообще ничего. Абсолютное, неизменное *ничто*, бесконечное в пространстве и времени.

Как теперь вернуться отсюда в парк? И можно ли вообще теперь вернуться?!

Малколм, перебирая руками по капоту, бросился обратно в машину, налетел в тумане на дверцу, и та захлопнулась. Он ощутил невыразимый ужас при мысли, что теперь не сможет попасть внутрь (ключ-то остался в зажигании, а второго не было!), сменившийся невыразимым облегчением, когда он вспомнил, что оставил стекло опущенным. Просунув руку в салон, он открыл дверцу, торопливо забрался внутрь и поднял стекло. Казалось, за то время, пока машина стояла открытой, видимость ухудшилась даже в салоне – циферблаты приборов светились более тускло и менее четко.

Спокойно, сказал себе Малколм. Без паники. Он ехал прямо, никуда не сворачивая. Нужно просто развернуться назад и ехать так же прямо. Но как определить в этом непроглядном мареве, что он развернулся именно на 180 градусов, не больше и не меньше? У него нет ни компаса, ни GPS, да и сомнительно, что они работали бы здесь. Если эта... плоскость под колесами, которая едва ли уже была асфальтом, тянется в бесконечность во все стороны, то при ошибке всего в несколько градусов он промахнется и уедет уже с концами. Так и будет колесить во мраке и пустоте, пока не кончится бензин... хотя – кончается ли здесь бензин? Ты хотел кататься на "Роллс-Ройсе", вот и катайся теперь *вечно*...

Да и подчиняется ли это пространство законам евклидовой геометрии? Даже если он сумеет поехать точно назад, приедет ли он в парк? Когда он остановился, фонари еще были видны – если не впереди, то по бокам точно. Значит ли это, что, пока он сидел с закрытыми глазами, просто туман стал еще гуще – или же теперь он уже находится в другом месте?

Спокойно, еще раз напомнил себе Малколм. Ведь это же только сон! Мой сон! Я могу проснуться прямо сейчас! Пусть Джессика извинит его за прерванное свидание, может быть, за брошенный "Роллс-Ройс", которого в следующий раз не окажется на стоянке возле их дома, но...

Он попробовал. У него не получилось. Может, это и был сон, но выбраться из него было не проще, чем из самой реальной реальности. Щипки и пощечины тоже не помогали, хотя он исправно чувствовал боль.

У него нет другого выхода, кроме как отыскать путь в парк, понял Малколм. И он должен сделать это до рассвета. Иначе... он останется здесь навсегда. Там, во внешнем мире, найдут его

тело и объявят, что он замерз насмерть на скамейке. Или констатируют глубокую кому и поместят его в палату с другими такими же "овошами", которые никогда уже не придут в себя. А он будет блуждать здесь, во тьме и пустоте, всегда один, даже без Джессики.

Малколм не смог бы ответить, почему он в этом так уверен. Но лучше не пытаться проверить, прав он или нет.

Если он не может точно развернуться, не имея никаких ориентиров, значит, надо ехать назад задним ходом, следя за ровным положением руля. Но на практике невозможно поставить колеса идеально прямо. Небольшое отклонение будет накапливаться, уводя его вбок. Если бы не туман, он мог бы выкладывать себе ориентиры на земле. Два предмета на линии курса. Ехать так, чтобы они оставались точно один над другим, пока не пропадут из вида. Потом выложить следующие предметы (какие? да хоть собственную одежду, если больше нечего!) Но в этом тумане он потеряет их из вида раньше, чем тронется с места. Значит...

Значит, ему остается положиться только на удачу. На то, что он не успеет отклониться слишком сильно – все-таки он ехал не так уж долго и не мог уехать слишком далеко (если, опять-таки, обычные представления о времени и пространстве здесь применимы). Никакие иные идеи не приходили в голову.

Малколм включил заднюю передачу и позволил машине катиться назад, даже не нажимая акселератор. Если он не видит фонарей только из-за тумана, но на самом деле они все еще здесь, тогда, возможно, какое-то время спустя он врежется в столб. И это будет хорошо, а не плохо – на такой скорости он не разобьется, зато получит ориентир. Впрочем, можно ведь проскользнуть и между столбами и уехать опять-таки в бесконечность. А скорее всего, никаких столбов здесь вообще нет. Фонари были лишь иллюзией, порожденной его верой в них, которая развеялась по мере его удаления от парка. Удаления не только в пространстве, но и во времени.

Малколм не знал, сколько он уже так едет, точнее, пятится задом в темноте, нарушаемой лишь подсветкой приборов в кабине и размытыми пятнами впереди, там, где туман рассеивал и поглощал свет фар. На приборной панели не было часов, и в отсутствие всяких ориентиров Малколм полностью потерял ощущение времени – может быть, прошло лишь десять минут, а может – час или два. В какой-то момент он понял, что у него ноют мышцы предплечий, и осознал, что слишком сильно сжимает руль, пытаясь не дать ему повернуться ни на долю градуса. Плохая идея, так он скорее добьется обратного результата – надо, наоборот, расслабить кисти... Едва он это сделал, как его нога начала неосознанно придавливать педаль акселератора – постепенно, но все сильнее и сильнее. Он понял это, лишь когда услышал почти оглушительный рев двигателя и обратил внимание на стрелку тахометра, ушедшую далеко за пределы нормальных оборотов. "А мне плевать! – подумал Малколм и вдавил педаль до упора. – Гнать так гнать, врежусь так врежусь! Пусть здесь будет *хоть что-нибудь*, во что можно врезаться!"

Стрелка указателя топлива, кстати, и впрямь не двигалась с места, несмотря на столь неэкономичный режим езды. Вечно полный бак, вечно пустая дорога, никакой полиции – мечта автомобилиста...

– Джессика! – закричал Малколм во все горло. – Вытащи меня отсюда!

Ничего не изменилось. Могла ли она его услышать отсюда? А если даже и да, могла ли ему помочь?

Потом – прошли еще минуты или часы, мотор все так же ревел, развивая максимальную для задней передачи скорость, но вокруг не было ничего, позволяющего хотя бы удостовериться, что машина движется, а не буксует на месте – Малколм, все время смотревший то на руль, то в зеркало заднего вида, заметил боковым зрением что-то слева. Сперва ему показалось, что это отражение подсветки приборной панели в боковом стекле, но потом он сообразил, что прежде его там не было, и резко повернул голову.

Да, за окном, где-то, как ему показалось, далеко-далеко от его курса, сквозь туман пробивалось еле различимое пятнышко света.

Была это еще одна иллюзия, которая заманит его неведомо куда, окончательно лишив надежды выбраться? Выбора у Малколма не было. Он остановился, повернул на свет и погнал машину туда, наконец-то нормальным образом, а не задним ходом.

Он быстро выжал сотню миль в час – совершенное безумие для езды во тьме и тумане, да – но пятнышко не становилось ярче и не приближалось. В какой-то момент ему даже показалось, что оно удаляется. Малколм уже практически уверился, что это какая-то обманка, что-то вроде блуждающего огня, может быть, фокус его подсознания, создающего иллюзорный свет в сплошной темноте – но продолжал жать на педаль, вцепившись в руль. И вдруг в тумане впереди резко возникли светлые пятна – куда более крупные и близкие, чем то, что служило Малколму маяком, обозначились смутные силуэты, и в следующий миг "Ролс-Ройс" на полной скорости влетел на освещенную фонарями стоянку перед парком.

Малколм тут же вдавил тормоз с такой же силой, с какой только что жал газ, колеса завизжали, но тяжелая машина насквозь пролетела парковку, промчалась через главный вход, пересекла аллею, чудом разминулась с павильоном для пикников, пропахала траву и, наконец, остановилась почти на самом берегу озера.

Малколм выдохнул и медленно расслабил руки на руле. Огонек, за которым он гнался, по-прежнему оставался далеко впереди. На другом берегу озера. Но теперь Малколм понял, что это такое. Это был свет в окнах верхнего этажа их дома-башни.

Он медленно развернулся и поехал туда.

Малколм входил в дом с надеждой и страхом, не зная, что увидит. Внутри по-прежнему горел лишь один камин; свет в комнате наверху погас за миг до того, как Малколм открыл дверь. Профиль Джессики на фоне пламени оставался темным, не позволяя различить детали.

– Ты так долго, – сказала она, поворачиваясь в его сторону, но он увидел лишь отсветы пламени на ее волосах,

– Я... немного заблудился, – Малколм попытался произнести это шутливым тоном, но у него не очень получилось – руки дрожали до сих пор. – Черт, я еле выбрался оттуда! Почему ты не сказала мне, что нельзя уезжать из парка?

– Ты пытался уехать...? Мне... просто не приходило в голову! Там же ничего нет! Зачем?

– Я думал, там за туманом что-то есть, – вздохнул Малколм, опускаясь на скамейку. – Или, по крайней мере, будет, если я это вообразу, – и тут же он усомнился, что ей и в самом деле "не приходило в голову". Может, она просто не хотела говорить без необходимости, насколько мал и ограничен этот мир, в котором Малколм "может получить все, что пожелает"?

– Нет, – покачала головой Джессика. – То, что я вижу отсюда – это практически предел. Прости, я должна была тебя предупредить. Ты, наверное, испугался, да?

– Не без этого, – проворчал Малколм. – Я ведь.. мог застрять там навсегда, да?

– Рано или поздно ты бы, наверное, нашел дорогу сюда.

– Свет в окнах, да. Это меня и спасло. Но... это только дорога *сюда*, так? А во внешний мир я бы уже не вернулся? Если бы не успел до рассвета?

– Малколм, ты что, в чем-то меня обвиняешь?

Обида в ее голосе показалась ему наигранной.

– Просто рассуждаю вслух, – ответил он. – Тебя бы вполне устроило, если бы я остался здесь с тобой навсегда. Поэтому ты и предложила мне покататься. И не предупредила, что будет, если укатиться слишком далеко.

– Я... не собираюсь удерживать тебя ни силой, ни хитростью, – Джессика постаралась произнести это с максимальной твердостью, но ее голос дрогнул. Однако она столь же решительно добавила: – Можешь уйти прямо сейчас, если хочешь.

– Да, – ответил Малколм, – возможно, именно так мне и следует поступить.

Он поднялся со скамейки и пошел к выходу. Он не был уверен, что произойдет, если он выйдет за дверь – Джессика всегда уходила, точнее, исчезала на рассвете первой, после чего он

просыпался. Если же он попытается прервать свидание сам, не дожидаясь конца ночи.. по крайней мере, в машине у него проснуться не получилось...

– Малколм! – услышал он за спиной.

В этом крике было столько отчаяния, что он обернулся.

– Почему, когда у людей все хорошо, им надо все портить, глупо идя на принцип друг перед другом? – воскликнула она. – Кому от этого польза? Я была неправа, прости меня, пожалуйста. Только вернись. Ты так нужен мне! Я же люблю тебя, Малколм!

Он медленно пошел к ней, но не сел на свое привычное место слева (почему-то он всегда садился слева от Джессики, как в самый первый раз, когда она была для него всего лишь фотографией на спинке скамейки), а прошел мимо нее и опустился на скамейку справа, со стороны камина. Ему нужно было увидеть ее лицо. Джессика повернула к нему голову, и в ее взгляде читались те же чувства, с которыми только что вошел в эту комнату он сам – надежда и страх.

Нет, все оказалось не так плохо, как он боялся. Он не увидел гнилого мяса, свисающего с костей черепа, мутных белесых глаз, копошащихся червей и что там еще показывают в фильмах про живых мертвецов (может ли он, кстати, чувствовать запах в этом мире? пока не чувствовал ни разу – как, впрочем, и в обычных своих снах). Но пятно на левой скуле не исчезло и не стало меньше. Может быть – хотя он не был в этом уверен – оно даже чуть-чуть увеличилось.

Джессика поняла по его лицу, *что* он видит, и надежда в ее взгляде погасла.

– Все плохо, да? – обреченно спросила она.

На Малколма снова накатила горячая волна жалости. Но в то же время он не мог отвести взгляд от признаков разложения на ее лице.

– Совсем не все плохо, – сказал он. – Но... знаешь, Джесс, я думаю... нам надо какое-то время... – "пожить отдельно", вновь подсказал ехидный внутренний голос. "Прямо как в пошлых фильмах." – В общем, сделать перерыв, – сформулировал он. – А я буду каждый день смотреть на твое фото и думать, какая ты на самом деле. И тогда это... что я вижу сейчас... уйдет, и все будет, как раньше. Я надеюсь, – честно добавил он.

– И сколько мне придется ждать?

– Я не знаю, – пожал плечами Малколм. – Полагаю, пока я не соскучусь достаточно.

– Или наоборот, – печально произнесла Джессика. – С глаз долой – из сердца вон, так?

– Чего ты от меня хочешь, Джесс? Чтобы я опять пообещал тебе то, в чем не могу быть на 100% уверен?

– Я хочу, чтобы ты не уходил. Я боюсь, что если ты уйдешь, то уже не вернешься.

– Ну по крайней мере еще один раз я точно вернусь.

– Один раз?

"Черт, зачем я это ляпнул!"

– Я сказал – по крайней мере... ну, в том теоретическом случае, если все-таки все пойдет совсем плохо... но я не думаю, что будет так, я просто рассматриваю все ненулевые вероятности. Инженерный подход, ты же помнишь? – он улыбнулся. – Ну ладно, Джессика, я думаю, сейчас мне все-таки лучше уйти. Чтобы лишний раз не запоминать тебя... неправильной.

Он поднялся и шагнул мимо нее. Она сделала быстрое движение, пытаясь остановить и удержать его. Он видел ее руку и хотел отдернуть свою, но его удержала мгновенная мысль, что это будет выглядеть как демонстрация брезгливости. Подумать о том, что будет, если этого *не* сделать, он не успел.

Их руки соприкоснулись.

"Он вошел в нее." Сколько раз Малколм морщился и с отвращением закрывал книгу или текстовый файл, наткнувшись на эту мерзкую фразу и соответствующую ей сцену. Невыносимо пошлая сама по себе, эта фраза еще и лжива (как и практически все расхожие выражения на данную тему) – как действие, менее всего похожее на сон, не может называться словом "спать" (и

словом "любить"), так и засовывание в узкую щелку маленького отростка (да, маленького, что бы ни думали на сей счет все эти озабоченные дегенераты – его объем составляет жалкие доли процента от объема тела) не может называться словом "вошел". Вошел – это когда некто оказывается внутри весь целиком. И вот теперь с Малколмом произошло именно это, и это не имело никакого отношения к сексу.

Он понял, что оказался в сознании Джессики и видит и чувствует то же, что она. И это не было просто "вечное сидение на скамейке".

Он находился в некоем темном и тесном замкнутом пространстве, сдавившем его со всех сторон, словно узкий лаз в пещере, в котором застрял незадачливый спелеолог. Здесь было холодно... и совсем нечем дышать. Малколм силился вдохнуть и не мог. Он знал, что больше не нуждается в воздухе, но продолжал испытывать непрерывное удушье. Вокруг царил густой и вязкий коричневый полумрак, и лишь впереди виднелся более светлый прямоугольник – что-то вроде маленького окна или экрана, где серели предрассветные сумерки над озером. Малколм понял, что формой и размером это "окно" совпадает с фотографией на табличке. Под рукой у Малколма оказалось нечто, что он сперва принял в этом полумраке за большую уродливую куклу – но, коснувшись пальцами иссохшей кожи, туго натянувшейся на костях, понял, что это что-то вроде мумии. Мумии ребенка... или нет, скорее взрослого, каким-то непостижимым образом уменьшившегося в несколько раз. От конечностей остались лишь оборванные культы разной длины, из которых торчали сухие обломанные кости. Лицо представляло собой жуткую кожистую маску с провалами пустых глазниц и О-образной ямой разинутого в вечном крике рта, где не было ни зубов, ни языка. "Карсон? – в ужасе подумал Малколм. – Это и есть то, что осталось от Карсона? И... мне тоже уготовано место *здесь*?!"

Он отчаянно рванулся прочь оттуда – не физически, не усилиями мышц, ибо никакого осязаемого выхода не было, но предельным напряжением воли. И в какой-то момент у него стало получаться, стены вокруг – которые не были материальными стенами – начали утрачивать свою плотность, а его взгляд стал как бы раздваиваться, и вот уже он видел предрассветный парк и озеро не только в маленьком прямоугольнике, но и вокруг себя, проступающими сквозь коричневый полумрак, почувствовал, как в его легкие наконец вливается свежий воздух – а затем его со страшной силой потянуло назад, словно засасывая в омут.

– Нет, Джессика! – закричал Малколм. – Отпусти меня!!!

Но картина парка снова меркла, и снова наваливалась отовсюду давящая вязкая тяжесть. У Малколма не хватало сил, чтобы бороться. До рассвета оставались, наверное, считанные минуты, но ему не продержаться. Она не позволит ему уйти. Она слишком боится его потерять и уже не выпустит... Каким будет заключение патологоанатома, когда они найдут тело? Очередной сердечный приступ? Или что-то с органами дыхания? Ему *здесь* уже будет все равно...

– Джессика! – взмолился он. – Пожалуйста! Я не хочу умирать! Вспомни, *какой ты была!* Каким бы прекрасным ни был этот рассвет, ему не сравниться с таким чудесным, заботливым, любящим и отзывчивым человеком, как...

И вдруг его отпустило. Тугая коричневая теснота резко, рывком исчезла, и он распахнул глаза на скамейке, лежа на спине в своем спальном мешке и жадно глотая холодный утренний воздух. В вышине над ним плыли облака, подсвеченные снизу розоватыми лучами еще невидимого отсюда солнца.

"Меня все-таки спас рассвет? – подумал Малколм. – Или она сама опомнилась и выпустила... нет, скорее даже вытолкнула меня обратно в мир живых?"

Его все еще пронизывал до костей сковывающий холод, от которого не защищал теплый мешок, ибо он шел не извне, а изнутри. Однако он смог пошевелить оцепеневшими пальцами, сжать и разжать слабые кулаки, затем неуклюже выбраться из мешка. Жизнь постепенно возвращалась в его тело. Он несколько раз присел, подпрыгнул и почувствовал себя уже почти нормально. "Ладно, надо скорее убираться отсюда... – подумал Малколм. – Кажется, это была

самая кошмарная ночь в моей жизни... хорошо, если я не заработал и агорафобию, и клаустрофобию разом..."

Уходя, он даже не оглянулся на портрет.

Рик безмятежно дрых по случаю воскресенья, но проснулся, когда Малколм принялся отпаивать себя горячим чаем.

– На тебе лица нет, – заметил Рик, глядя на соседа, а когда тот проигнорировал это глубокомысленное замечание, добавил: – Я бы сказал, что ты выглядишь так, словно увидел привидение, но ты, вроде бы, видишь его так часто, что уже должен привыкнуть...

– Это не смешно, Рик, – Малколм зыркнул на него поверх чашки, сделал глоток, а затем неуверенно спросил: – Тебе... Лайза не звонила больше? Не говорила, что она там еще вычитала в своих... – Малколм проглотил уничижительный эпитет, – ...книгах?

– Вот оно как, – произнес Рик. – Значит, я все-таки был прав?

– Ты можешь ответить на вопрос? – буркнул Малколм.

– После того, как ты ответишь на мой.

Малколм помолчал, но больше обратиться ему было не к кому.

– Сегодня ночью она чуть не убила меня, – нехотя признал он. – И, кажется, даже дважды. Только, пожалуйста, воздержись от комментариев "я же предупреждал"!

Рик покорно воздержался.

– А еще, – продолжал Малколм, уже не в силах остановиться, – я видел, что *там*.

– Там? – переспросил Рик.

– В загробном мире. На том свете. Называй это как хочешь. Разумеется, это никакой не рай и даже не ад – в том смысле, как понимают ад религии. Каждый умирает в одиночку... это даже более верное выражение, чем считают. Загробный мир тоже у каждого свой, то есть он там единственный обитатель. Представь, что вся вселенная схлопнулась вокруг тебя до размеров каменного мешка. Или кокона, сдавившего твоё тело. И за его пределами нет ничего. Внутри него – тоже ничего. Только холод, удушье и вечное одиночество.

– Бррр, – поежился Рик, похоже, на сей раз и в самом деле напуганный. – Ты не разыгрываешь меня? Ты в самом деле это видел?

– Формально говоря, я видел это во сне, – криво усмехнулся Малколм. – Что, конечно, позволяет считать все это чепухой. Но я-то знаю, что это правда. Впрочем... не могу гарантировать, что каждого из нас ждет именно это. Единичный пример недостаточен для вывода общего закона. И... одиночество тоже не абсолютно. Мертвый может затащить к себе живого... в некоторых случаях. Далеко не во всех.

– Именно это она пыталась сделать с тобой? – понимающе кивнул Рик.

– Я не могу ее винить, – покачал головой Малколм. – Зная теперь, на что похоже ее... существование без меня. Я думал, то, что я вижу в снах там, в парке – я имею в виду, то, что я видел обычно – это и есть ее мир. А оказалось, что все наоборот: во сне не я приходил в ее мир, а она – в мой. Только в моих снах она обретает... хоть какое-то подобие нормальной жизни. Там есть свои ограничения, но все-таки. А все остальное время... я уже сказал, где она оказывается. Только теперь я понял, насколько я ей нужен. Лучше живой, конечно – мертвые не видят снов. Но даже и мертвый я мог бы разделить ее вечное одиночество.. там, в этом мешке. Для нее это лучше, чем потерять меня совсем. Хотя не представляю, как бы мы относились друг к другу, проведя там в буквальном смысле бок о бок тысячу лет – не говоря уже обо всей вечности...

– Но она отнюдь не беспомощна там, – жестко напомнил Рик. – Она может причинять зло живым, где бы те ни находились, ведь так?

– Джин в бутылке, как ты и говорил, – вынужден был согласиться Малколм. – Способный колдовать прямо изнутри, но не способный выбраться.

– Угу, единственное оставшееся ей развлечение, – пробормотал Рик. – Так теперь ты хочешь, чтобы Лайза помогла тебе уничтожить ее?

– Нет! – поспешно воскликнул Малколм. – Конечно, нет! Джессика не чудовище! Она... я совершенно уверен, что она не просто использовала меня. Она действительно меня любит! И сегодня она... могла оставить меня *там*, но отпустила. Точнее – вытолкнула оттуда! – он не был уверен в этом сразу после пробуждения, но теперь уже практически не сомневался. Страх и вызванный им гнев отступили, вновь уступив место жалости к несчастной девушке.

– Потому что ей все еще нужны твои сны, – холодно напомнил Рик.

– Не только! – возразил Малколм с несвойственной ему горячностью.

– Тогда чего же ты хочешь?

– Защиты на тот случай, если она передумает, – пробурчал Малколм. – Или если окажется, что она не может *это* контролировать.

– Лайза не связывалась со мной больше, – покачал головой Рик. – Но я, конечно, позвоню ей и спрошу. Хотя, сам понимаешь, невелика вероятность, что она нашла за последние дни то, чего не могла найти за предыдущие три года. Впрочем, какие-то советы она ведь дала...

– Раскопать могилу Джессики и залить ее череп воском? Или и вовсе растворить ее кости в кислоте? – Малколма передернуло. – Лайза сама сказала, что вряд ли это сработает.

– Попробовать можно, если нет других вариантов, – пожал плечами Рик.

– И угодить под арест за вандализм, – проворчал Малколм, хотя это была не главная причина. Он чувствовал себя предателем и чуть ли не насильником при мысли о подобном... надругательстве. Хотя, быть может, если он увидит ее кости, это поможет ему окончательно исцелиться от любви...

– Лучше всего делать это не ночью в тумане, как показывают в старых ужастиках, а прямо среди бела дня, – поучал его Рик. – Наденешь рабочий комбинезон, и никто даже не заподозрит, что ты делаешь не то, на что имеешь полное право. Могу даже помочь нанять парочку парней тебе в помощь.

– Просто позвони Лайзе, это все, о чем я прошу.

– Ладно, попозже. Она, насколько я знаю, не встает так рано...

Малколм допил чай, затем извлек из рюкзака ноутбук. Выведенный из спящего режима, тот продемонстрировал остановленный на середине фильм. "Она так и не досмотрела "Хоббита"", – подумал Малколм с такой грустью, словно это было самой большой проблемой мертвой девушки. Он все еще не мог разобраться в своих чувствах. Продолжаться их отношения не могут – он слишком хорошо видел, *чем* это может закончиться. Но и... "уничтожить ее", как сказал Рик (жаждущий, очевидно, отомстить за Кевина)? Он, Малколм, не поступит так с Джессикой! Вряд ли это, кстати, вообще возможно – сложно убить того, кто и так уже мертв. Хотя, быть может, окончательное небытие было бы для Джессики милосердием по сравнению с ее нынешним существованием... но он бы не сделал это, не спросив ее согласия. Ведь и она честно предупредила его, чтобы он не касался ее... правда, потом сама нарушила свой запрет – хотя, возможно, это произошло машинально? (А если встретаться с ней так, чтобы она заведомо не могла коснуться его? Нет, это не спасет – она все равно может уморить его, может, просто не так быстро. И если он умрет в общем с ней сней, то окажется *там*...)

Рик позвонил Лайзе, но она не брала трубку. Впрочем, Малколм и без Лайзы догадывался, что можно сделать помимо гробокопательства. Сама Джессика подсказала ему это – "если перенести табличку или скамейку, мы не сможем общаться!" И он помнил, как выглядит ее окно в мир живых и какой вид оттуда открывается. Фото на табличке, да. Перенести, а надежнее – уничтожить... Но, во-первых, "не сможем общаться" еще не означает, что Джессика потеряет возможность воздействовать на него... по-другому. Он просто не сможет больше с ней разговаривать, вот и все. Не сможет даже попросить прощения... хотя вряд ли Джессика простит очередное предательство. А во-вторых... если это *действительно* закроет ее единственное окно во внешний мир и навсегда замурует ее в этом жутком мешке... нет, это хуже любого убийства! Так Малколм уж точно не поступит, тем более – с ней!

За весь день Рiku так и не удалось дозвониться до Лайзы, и она, несмотря на оставленные ей голосовые и текстовые сообщения, не перезвонила в ответ. Рика это, похоже, обеспокоило.

– Должно быть, она сама уже жалеет, что рассказала нам все это, и больше не хочет с тобой говорить, – пожал плечами Малколм.

– Хорошо, если так, – мрачно пробормотал Рик.

– А что еще? Думаешь, она умерла очередной жуткой смертью? Что-то я не видел ничего подобного в городских новостях.

– Может, и не жуткой. Не настолько, чтобы попасть в новости. Или репортеры просто еще не знают.

– Ну, если тебя это так волнует, позвони этой... через кого ты там на нее вышел?

– Видишь ли, – неожиданно смутился Рик, – вот она точно сейчас не хочет со мной говорить. У нас с ней возникли... некоторые мировоззренческие разногласия на тему гендерных стереотипов в современном социокультурном контексте.

– Застукала тебя с другой? – с усмешкой перевел Малколм.

– Для девственника ты удивительно проницателен.

Малколм чувствовал себя странно, ложась в свою обычную кровать в эту ночь. Пусть это был отнюдь не первый раз со времени знакомства с Джессикой, когда он проводил ночь не с ней, но прежде это всегда было вызвано некой объективной и, главное, временной помехой. Теперь же... Он ждал кошмаров про серую пустыню или что-нибудь похуже, головной боли с утра, может, даже залитой кровью подушки. Но ничего этого не случилось. Проспав восемь часов – больше, чем в эпоху "до Джессики", но меньше, чем накануне – он проснулся вполне бодрым и полным сил. В окно почти по-летнему светило солнце; природа словно старалась скрасить утро понедельника настолько, насколько это вообще возможно.

"Она отпустила меня, – подумал Малколм. – Она поняла, что мы больше не сможем быть вместе. Спасибо, Джесс, я знал, что ты не захочешь причинить мне зло..." Самое время теперь полностью сосредоточиться на учебе...

И в этот первый день ему действительно удалось уйти с головой в учебу; после занятий он допоздна просидел в читальном зале и почти не вспоминал о Джессике, а когда, наконец, улегся спать, то чувствовал себя таким усталым, что отрубился сразу же, без всяких тоскливых ностальгических раздумий. Но потом... в следующие дни все оказалось не так просто.

Чем больше отдалялся и забывался пережитый им страх, тем острее становились чувство сожаления и потери, жажда вернуть все, как было, и ощущение нелепости, даже абсурдности принятого им решения. "Ведь мы же оба хотим быть вместе, почему же мы должны расстаться?!" Если бы Джессика предала его, как когда-то Кэтрин – оскорбила бы его лучшие чувства и принципы, показала бы, что абсолютно недостойна его уважения – его любовь к ней исчезла бы без остатка в доли секунды. Ровно столько, сколько требуется времени, чтобы данная информация распространилась по аксонам коры больших полушарий (никакое "сердце" тут, разумеется, ни при чем). Но этого не было. Оскорбительно даже сравнивать Джессику с той грязной шлюхой. Да, она опасна, даже смертельно опасна. Но разве надо разлюбить человека только потому, что он, к примеру, заболел заразной болезнью? Тем более – бросить ее совершенно одну, без всякой помощи, в таком ужасном месте, которое страшнее любого средневекового каземата... При мысли о том, что должна чувствовать в эти дни Джессика, оставленная им *там*, Малколм ощущал себя полным подонком.

В каждом фильме про зомби, напоминал он себе, есть какой-нибудь кретин, который, вопреки всем доводам разума, держит у себя дома на привязи свою мертвую жену, дочку или мамочку, подкармливая ее забредающими путниками. В своей идиотской любви неспособный принять, что дорогого ему человека больше нет, а есть лишь кровожадное чудовище, которое никогда уже не получится исцелить, трансформировать обратно. Но это опять была

оскорбительно неуместная аналогия. Джессика не зомби, не щелкающая зубами туша со сгнившими мозгами! Строго наоборот – она личность, свободная от всего телесного! Разве не о таких отношениях он мечтал?

В четверг Рик, умотавший, как думал Малколм, на очередную тусовку, вернулся неожиданно рано и мрачно сообщил, что, поскольку Лайза так и не ответила на все его звонки, он наведался к ней лично.

– И что она? – без энтузиазма осведомился Малколм, уже практически забывший о гадалке. Пожалуй, теперь бы он предпочел, чтобы она ничего не нашла. Джессика отпустила его сама, по доброй воле, разве нет? И он не мог сказать, что чувствует себя счастливым...

– Ничего. Там все заперто. Хотя сейчас ее приемные часы. Я стучался, наверное, минут двадцать. И заходил с обратной стороны, там, где окна. Все задернуто плотными шторами. В окна стучал тоже...

– Ты хочешь сказать, что она там за этими шторами лежит мертвая? Уже несколько дней? – перебил Малколм его драматическое повествование.

– Не знаю. Может быть. Запаха я не почувствовал, но все окна плотно закрыты...

– А по-моему, она просто куда-нибудь уехала.

– В отпуск на море? – усмехнулся Рик.

– Почему нет? Даже слепые и обожженные ездят отдыхать. Вряд ли, конечно, она станет загорать на пляже в ее нынешнем состоянии, но есть масса других...

– Тогда бы она оставила объявление на двери, – перебил Рик. – Мол, закрыто до такого-то числа.

– Возможно, бумажка отклеилась и упала на пол. Или она решила, что подобное объявление привлечет воров. Там не самый хороший район, так ведь?

– Я заходил к парикмахеру в том же здании. Он тоже ничего не знает. Сказал, что эта особа навевает на него жуть и что они не общаются.

– Вот именно. Вот если бы о ней ничего не знал лучший друг... а так – все это ровным счетом ничего не значит. У нее же есть сестра, она подняла бы тревогу.

– Мы еще не знаем, что могло случиться с сестрой.

– Этак ты виртуально уморишь половину города, лишь бы защитить свою гипотезу. Давай все-таки не множить сущности, как заповедовал Оккам.

– Ну, допустим, – вынужден был согласиться Рик. – Ты-то сам как?

– Живой, как видишь, – проворчал Малколм. Конкретизировать ему не хотелось, ибо с утра он чувствовал себя не лучшим образом. Ничего конкретно не болело, просто им владели общая вялость и апатия. Он мучительно боролся со сном на бесконечно тянувшихся лекциях и буквально заставил себя поесть в университетской столовой, практически не чувствуя вкуса, хотя обычно там готовили вполне неплохо. Малколм не знал, относить ли это к недосыпу (он все пытался вернуться к прежней шестичасовой норме и вечером накануне оставил себе на сон только семь часов) или же к своему психологическому состоянию. Он тосковал по Джессике, в этом не было никаких сомнений. Точнее говоря, сами по себе несколько дней разлуки не были бы для него проблемой, но вот мысль, что это теперь навсегда, вгоняла в депрессию. "Наверное, теперь бы я уже не увидел на ее лице никаких пятен", – думалось ему. Он больше не смотрел на ее фото (хотя и никак не мог заставить себя их удалить), но принцип "с глаз долой – из сердца вон" никак не хотел работать, хотя Малколм и говорил себе, что просто прошло еще слишком мало времени. Но тенденция скорее была обратной.

Утром пятницы Малколм проснулся с головной болью и тошнотой. Возможно, это от голода, вяло подумал он, поскольку накануне вечером так и не смог заставить себя поужинать – лишь выпил чаю. Сейчас его мучило при одной мысли о еде, так что его завтрак стал таким же – он лишь сыпанул в чай побольше сахара. Вместе с принятой таблеткой это, кажется, помогло – по крайней мере, промучившись первый учебный час и мало что восприняв из объяснений

преподавателя, ко второй половине пары Малколм почувствовал себя лучше. В обеденный перерыв он спустился в столовую и взял рыбу с печеной картошкой и стручковой фасолью. Прежде, чем он успел приступить к трапезе, к нему подрулил Рик. На его тарелке в окружении картошки фри покоился сочный кусок мяса, вид и запах которого вызвали у Малколма внезапное отвращение. Сам он воздерживался от мяса по сугубо рациональным соображениям, прочитав достаточно статей о его вреде для здоровья, но никогда прежде не испытывал эмоций в стиле "какая мерзость, вы едите куски расчлененных трупов!" Но вот теперь ему почему-то живо представились шевелящиеся в смачном куске на тарелке Рика черви, а красно-коричневый соус для барбекю казался жижей, выдавленной из гниющего кишечника. Ярko, словно это было час назад, вспомнился раздавленный Цербер...

– Я отловил Тину, – сообщил Рик. – Ну, ту девчонку, которая до сих пор на меня злится и не хочет разговаривать. Но я убедил ее, что это серьезно. Что Лайза пропала, и надо связаться с Линдой. И что я вовсе не придумал это для того, чтобы снова подкатить к ней, в смысле к Тине... и к Линде тоже. Она сказала, что не видела Линду уже несколько дней, но ей не приходило в голову беспокоиться. Типа, у нее своих проблем хватает... и я, надо полагать, одна из них, – самодовольно ухмыльнулся Рик. – Ну и вообще, они, на самом деле, не такие уж близкие подруги...

– Короче! – потерял терпение Малколм.

– Она позвонила Линде при мне. Та в ответ прислала сообщение, что все в порядке. Лайза куда-то уехала по делам.

– Ну вот видишь, – пожал плечами Малколм.

– Тина не видела Линду. Даже не слышала ее голоса. Все, что мы видели – это текстовое сообщение.

– Которое, конечно, послал убийца, завладевший мобильником жертвы, – усмехнулся Малколм. – Рик, кого ты подозреваешь? Если Джессику, то она неспособна слать сообщения на телефон, уж можешь мне поверить. А если кого-то еще, то кому это надо?

– Не знаю. Просто это довольно странно. Тина говорит, Лайза уже совершала подобные поездки – главным образом чтобы ознакомиться с очередным фолиантом, к которому можно получить доступ только в какой-нибудь библиотеке, или даже в частной коллекции. Но она всегда брала Линду с собой, ей же нужна зрячая помощница. А сейчас в сообщении было не "мы уехали", а "она уехала".

– Лайзе лучше знать, что ей нужно, – Малколм ковырнул вилкой свою еду и отправил в рот, давая понять, что считает тему исчерпанной.

И тут же его рот и нос наполнились вкусом и запахом тухлятины и гнили. Малколм вытаращил глаза, судорожно кашляя, и в следующий миг его вырвало прямо на стол.

К врачу он так и не пошел, несмотря на настойчивость Рика. "Замучают меня всякими обследованиями и ничего не найдут, – твердил Малколм. – Наверное, просто попался кусок несвежей рыбы." "В нашей столовой не бывает несвежей рыбы, – возражал Рик, – а если да, то это большой скандал. Но ту же рыбу ело множество человек, и никто больше..." "Ну, значит, психосоматика. Мясо на твоей тарелке заставило меня думать о разложившихся трупах, вот и..."

– Ты знаешь, что это значит, – заявил, наконец, Рик без обиняков. – Это *она*.

– Ну в общем то, что мы расстались, действительно... действует на меня депрессивно, – нехотя признал Малколм. – Психосоматика, как я и говорю.

– То есть, по-твоему, во всем виновато лишь твое самовнушение? – ядовито осведомился Рик. – Как и у всех тех, кто умер из-за нее?

– Она меня отпустила, – с нажимом повторил Малколм.

– Ты сам говорил – она может передумать.

– Ладно, Рик, ты в любом случае ни на что не можешь повлиять. И вообще, это не твое дело.

– Мое, если ты блюешь в мою тарелку.

– Извини.

– "Извини"? Это все, что ты хочешь сказать?

– Это было нечаянно. И, кстати, я ведь не просил тебя подсаживаться за мой стол.

Рик возмущенно фыркнул, но, наконец, отстал.

Вечером Малколм осторожно поел крекеров. Они не вызвали у него тошноту, напротив, он с аппетитом умял целую коробку. Мысли о рыбе тоже уже не вызывали у него отвращения, и Малколм почти убедил себя в том, что инцидент в столовой был лишь досадной случайностью, которая не получит продолжения. Ни в чем люди не убеждают себя столь охотно, как в этом.

В субботу, однако, он опять проснулся с тяжелой головой. Вяло протянув руку за лежавшим на тумбочке мобильником, он убедился, что проигнорировал все усилия будильника и снова проспал почти одиннадцать часов – так что разбитость была вполне естественной. Рика в помещении не было, как и его куртки на вешалке – что Малколма, как всегда, устраивало. Он выбрался из-под одеяла и поплелся под душ, надеясь, что ему удастся взбодриться без помощи таблетки от головной боли.

Малколм обрушил на себя холодную воду, от которой перехватило дыхание (некстати вспомнилось ночное озеро и труп со вспоротым животом – интересно, как там дела у следствия, все еще ищут неизвестных мафиози из Нью Йорка?), потом обжигаяще горячую, потом снова холодную, потом настроил приятно теплую. Самочувствие и впрямь стало лучше, и Малколм подумал, что надо бы сходить прогуляться (но не в парк, нет. Куда-нибудь в другое место, даже просто пройти по улицам.) Потом он вспомнил, что, кажется, со всеми этими неконструктивными эмоциями давно уже не мыл голову, и потянулся за шампунем, а затем, зажмурив глаза, принялся щедро намыливать волосы.

Старательно смыв шампунь, он осторожно открыл глаза – и увидел тонкие черные пряди собственных волос у себя на пальцах. Еще больше волос мокло у его ног на полу душа.

Черт!!!

Малколм испуганно высунулся из-за пластиковой занавески и поспешно обтер полотенцем запотевшее зеркало. Нет, он не увидел там Горлума с последней парой прядей на лысой голове. На фоне общей массы его волос потерянное им количество было незаметным. Но... да, конечно, человек постоянно теряет волосы – старые выпадают, новые отрастают, это естественный процесс, и если не мыть и не расчесывать голову достаточно долго, то может показаться, что за раз их выпало много. Но не настолько! Ему всего 18 лет, и ни его отец, ни дед не страдали ранним облысением...

Психосоматика?! Головная боль, тошнота, рвота, выпадение волос – что дальше? Он начнет терять зубы? Харкать кровью?

Кстати, не потому ли Карсон все время ходил в капюшоне?

"Я обещал ей вернуться, когда соскучусь, – подумал Малколм. – И обещал каждый день смотреть на ее фотографию. Правда, все это было до того, как она попыталась затащить меня к себе... но с чего я взял, что это отменяет обещания? Хотя она не может знать, что я их нарушил... или может? Она ведь знала, когда мне потребовалась помощь на контрольной..."

– Джессика! – крикнул он в пустоту комнаты. – Останови это! Не делай этого со мной!

Если она и впрямь может это остановить, подумалось ему. Коль скоро его собственная тоска и впрямь могла вызвать некоторые негативные психосоматические эффекты – которые он не в состоянии контролировать! – то на что может быть способна тоска Джессики?! И насколько эта тоска сильнее – там, в этом ужасном месте, где ей нечем утешиться и не на что отвлечься?

Едва натянув трусы, Малколм полез в интернет. Он почти ненавидел себя за то, что собирался сделать, но если у него не останется другого выхода...

"Пэм, где похоронена Джессика? Ответ поскорее, пожалуйста, это важно."

Уже отправив сообщение, он пожалел о второй фразе. Пожалуй, так он только

насторожит Памелу – "а что случилось, почему это тебе вдруг срочно понадобилось...", и ответ "просто захотел положить туда цветы" не будет выглядеть убедительно. Кстати, если полиция будет расследовать акт вандализма, то последней оставшейся в живых родственнице наверняка сообщат, и Памела может вспомнить об этом письме... Ну ладно, теперь уже поздно. Теперь только ждать... кстати, дома ли Памела в субботу утром? (Хотя какое утро, уже почти полдень!) Или куда-то повела свой выводок? Да и вообще, захочет ли отвечать? В последний раз она, кажется, намекала, чтобы он оставил ее в покое...

Но ответное сообщение шлепнулось буквально через пару минут.

"Нигде".

"Как это нигде?" – отстучал на клавиатуре Малколм.

На этот раз ответа пришлось подождать несколько дольше.

"Она не оставила формального завещания. Но как-то сказала, что не хочет, чтобы ее останки гнили в земле. А хочет, чтобы их сожгли, а прах развеяли. Все тогда, конечно, возмутились, зачем она говорит о смерти... В общем, так и сделали. Прах развеяли над озером на закате. Примерно там, где потом поставили скамейку."

Да, подумал Малколм, наверное, Джессика выбрала такой финал как более чистый и красивый. Ее тело не досталось ни мужчинам, ни червям. А может быть... может, она хотела гарантировать себя от судьбы Мориса из "Трещины", чей мозг медицина признала мертвым, но чье сознание, тем не менее, сохранялось в неподвижном теле...

Если так, то у нее не очень получилось.

И у него тоже не получится задуманное. Все эти рецепты из старинных гримуаров, как он и полагал – полная чушь.

Шлепнулось еще одно сообщение.

"На самом деле там оставалось уже не очень много."

"В смысле?" – не понял Малколм.

"Она была донором органов. Это же Джесс, всегда хотевшая быть полезной людям. Нам, конечно, не сообщали подробностей, но, думаю, из нее достали все, что можно. Молодая здоровая девушка. Настоящий клад для нуждающихся в трансплантации."

Ну да, сообразил Малколм, тело обнаружили всего через полчаса после смерти и всего в двух шагах от госпиталя при университете. Было еще не поздно. Причина смерти была очевидной, внутренние органы – не повреждены, и патологоанатому не было нужды их кромсать. Как только анализ показал, что в ее крови не было никакой отравы или инфекции...

А это значит, понял Малколм, что части ее тела существуют до сих пор. И это не мертвые кости в земле, а живые органы в живых телах. В каком-то смысле Джессика до сих пор еще остается в мире живых.

Ему представился сюжет, достойный триллера. Неведомый убийца выслеживает и убивает незнакомых и вроде бы не связанных друг с другом людей, вырезая у одного сердце, у другого почку, у третьего роговицу глаза... Но нет, конечно. Он никогда не сделает этого. Уже хотя бы потому, что отыскать этих людей невозможно. Этой информации нет не то что в открытом доступе – даже в их медицинских файлах, скорее всего, указано что-то типа "донор – белая женщина 19 лет, группа крови такая-то", но никаких имен и фамилий. Как не знали имени донора и врачи, проводившие операции...

"Черт, о чем я думаю? – оборвал себя Малколм. – А если бы я мог узнать, кому что пересадили, я бы что, действительно пошел убивать всех этих ни в чем не виноватых людей?!"

Чтобы спасти собственную жизнь. Твою собственную жизнь, Малколм.

"Нет!" – он сердито тряхнул головой. Должен быть другой способ.

Ну да, конечно. Снова наладить отношения с Джессикой. Но так, чтобы ее любовь не убила его.

Если это возможно.

– Джесс, – громко сказал он, – я тоже хочу, чтобы у нас все было, как раньше. Но это невозможно, если я буду тебя бояться. Ты ведь понимаешь это, разве нет? Дай мне время... обрести уверенность, что с твоей стороны мне ничего не грозит. Совсем ничего, независимо от того, встречаемся мы или нет.

"Я только что искал способ избавиться от нее навсегда, а теперь, раз уж не получилось, упрощаю ее – давай все будет, как раньше... Черт! И ведь самое интересное – я даже и не лгу. Я действительно хотел бы, чтобы все было по-прежнему..."

– Я должен прийти к тебе тогда, когда решу я сам, а не когда ты меня вынудишь, – еще раз повторил он вслух. – Иначе у нас ничего не получится.

"А если она не контролирует свою силу... что ж, пусть учится ее контролировать!"

До позднего вечера субботы Малколм то и дело с тревогой прислушивался к своим ощущениям, но собственный организм не преподнес ему новых пугающих сюрпризов, и Малколм вновь приободрился: Джессика поняла и приняла то, что он сказал... Он сделал то, что запрещал себе все последние дни (как жаждущий завязать алкоголик запрещает себе доставать припрятанную, но все-таки не выброшенную бутылку) – вывел на экран ее фотографию (ту, лучшую, цветной оригинал черно-белого портрета на скамейке) и долго смотрел на нее. Невозможно представить, что эта прекрасная девушка представляет для него смертельную угрозу! Даже после всего, что он уже узнал – когда он глядел на ее фото, он отказывался в это верить.

За этим занятием его и застал Рик, где-то пропадавший весь день; когда он вошел, Малколм вздрогнул и поспешно переключил задачи, убирая фото с экрана – хотя Рик не мог увидеть его монитор от входа и, скорее всего, именно по этому торопливому жесту догадался, что там было. Малколм, в свою очередь, догадался, что тот догадался, и зыркнул на соседа со злобой и вызовом. Рик дернул углом рта, но ничего не сказал.

Тем не менее, ночевать Малколм остался в общежитии. Надо было проявить твердость и убедиться, что Джессика действительно приняла предложенные им правила.

Эту твердость он проявлял и в воскресенье. Правда, когда после небольшого утреннего дождя вновь выглянуло солнце, он отправился "пройтись развееваться", и, что называется, сам не заметил, как ноги принесли его в парк. Но оставаться там на ночь он не собирался, у него и рюкзака с собой не было.

Первым, кого он увидел на входе в парк, был тираннозавр. Тираннозавр был всего пяти с половиной футов ростом и катил прогулочную детскую коляску, в которой сидел маленький зеленый гоблин. "Ну да, – вспомнил Малколм, – Хэллоуин же... уже сегодня, что ли? Нет, сегодня тридцатое, завтра. Но раз воскресенье, многие отмечают уже сейчас." Действительно, по парку с визгом носились черти, вампиры, зомби и прочая потусторонняя публика, а некий взрослый пират с повязкой на глазу и залихватскими усами вещал собравшейся вокруг него юной нежити о "мистических историях нашего города". "Я бы мог рассказать вам одну, – подумал с усмешкой Малколм, проходя мимо. – Интересно, кстати, слышали эти дети про отрезанное лицо и извлеченный из озера труп? Уж наверное слышали. Но все равно внимают придуманным байкам. Хотя, возможно, эти байки им рассказывают именно для того, чтобы они поскорее забыли про реальные страшные вещи. Да и, собственно, весь Хэллоуин придуман именно для этого..." С ветвей вдоль аллеи кое-где свисали лохмы гигантской искусственной паутины, а между деревьями виднелись туши огромных пауков (абсолютно нереалистичные) и фигуры вылезающих из земли мертвецов (а вот эти уже сделаны были получше и, пожалуй, в темноте и впрямь могли напугать человека, забывшего про Хэллоуин).

Однако Малколм не стал углубляться в аллею. Нет, не сегодня. Он решительно вернулся в центральную часть парка, всунув в уши наушники, чтобы не слышать детский визг, и неспешно побрел вдоль берега озера. Вот в этом самом месте ему, наконец, удалось остановить "Роллс-Ройс", едва не съехавший в воду... воспоминание было таким четким, что впору было

высматривать в стриженной траве следы пропахавших дерн колес – хотя Малколм понимал, что на самом деле их тут нет и никогда не было. Равно как и башни на противоположном берегу... но, всмотревшись, он смог различить отсюда дерево с цилиндрической кроной, а затем и черточку скамейки под ним – и почувствовал холодок в животе, глядя туда.

"Не сегодня, Джессика, – повторил он. – Тогда, когда я смогу смотреть на твою скамейку с радостью, а не страхом."

Постояв так, он повернулся и пошел к выходу, чуть ли не ожидая, что вот сейчас, когда она поймет, что он уходит, у него пойдет носом кровь, потемнеет перед глазами или случится еще какая-нибудь дрянь. Но ничего не случилось. Он благополучно вышел из парка и, побродив еще по украшенным тыквами, скелетами, бутафорскими могильными камнями и привидениями из марли улицам, через пару часов вернулся в кампус, где пообедал вполне с аппетитом и без негативных последствий.

Вечер он посвятил домашнему заданию, сроки сдачи которого уже поджимали; Рик, в очередной раз откуда-то явившийся, одобрительно хмыкнул и сказал, что займется тем же самым. Малколм меньше всего нуждался в его одобрении и компании, но вышло так, что они вполне конструктивно посидели вместе над примерами, совместным мозговым штурмом одолев самые сложные из них. Углубившись в математику (которая, черт побери, все же интересная наука, если не вести неравную битву со сном на лекциях и не думать о ней в категориях авралов и оценок за тест), Малколм весь вечер не вспоминал о Джессике, и лишь когда он стал укладываться спать без всякого намерения уйти в ночь, очередной одобрительный взгляд Рика вызвал у Малколма (который ненавидел драки, да) желание заехать соседу по его самодовольной физиономии.

– Завтра наше братство устраивает большую хэллоуинскую вечеринку, – сообщил Рик уже из темноты. – Вход для всех желающих, не только для членов. Не хочешь сходить?

– Рик, по-моему, я уже все объяснил тебе о своем отношении к вечеринкам.

– Ну... люди меняются, не так ли? Ну нет так нет, скучай дома. Или у тебя твой собственный Хэллоуин?

Малколм сжал зубы в темноте. Затем медленно и спокойно сказал:

– Это не смешно, Рик.

– А что такое? – невинно осведомился он. – Я просто подумал, вдруг ты идешь куда-то еще. Ну, мало ли где завтра будут праздничные мероприятия.

"Мы оба прекрасно знаем, что ты подумал", – зло произнес про себя Малколм, но промолчал.

– Кстати, знаешь, откуда пошел этот праздник? Я имею в виду еще в дохристианскую эпоху, конечно.

– Считалось, что этот день ровно посередине между летом и зимой, – ответил Малколм тоном человека, которому задают чертовски надоевший вопрос. – И соответственно – между жизнью и смертью. Якобы в этот день исчезает граница между миром живых и мертвых.

– Да, но почему? А просто в этот день забивали скотину на зиму. И приносили жертвы духам, чтобы они помогли пережить суровую зиму, – Рик чуть помолчал и добавил: – Я думаю, они там не только скотину забивали, кельты эти.

– Уж если люди празднуют приближение собственной смерти, то есть дни рожденья, то чем кельтские жертвоприношения хуже, – проворчал Малколм. – Разбуди меня завтра к первой паре, если сам не проснусь.

– Окей.

Однако он проснулся по первому писку будильника – не то чтобы преисполненный бодрости и энтузиазма, но, в общем, не в худшем состоянии, чем обычно просыпаются студенты утром понедельника. Заткнув верещащий мобильник, он выполз из-под одеяла и, зевая во весь рот, потопал в ванную, желая опередить Рика.

Он опустил сиденье унитаза и плюхнулся на него. Дурацкий предрассудок, что мужчина должен мочиться стоя, если можно подремать таким способом еще минутку... Сделав свое дело, он поднялся, с сожалением приоткрывая глаза, повернулся, чтобы спустить воду...

И, уже машинально нажав на рычаг, замер в ужасе, не желая верить увиденному.

Унитаз был полон крови.

Он наблюдал это всего пару секунд, прежде чем взревевшая и закружившаяся воронка унесла все в слив.

Перепуганное сознание тут же принялось подсовывать утешительные гипотезы: "Померещилось спросонья... на самом деле оно было не красным, а, ну, оранжевым, оранжевая моча – это нормально... там это уже было, я ведь не посмотрел прежде, чем садиться – Рик что-нибудь вылил и не смыл... это какая-то хэллоуинская шутка, реактив, меняющий цвет при контакте с мочой..."

Но проверить все эти версии было очень просто. Малколм оторвал бумажку и промокнул конец своего пениса.

На бумажке расплылось розовое пятно.

– Малколм? – голос Рика из-за двери вывел его из ступора. – Ты там заснул? На лекцию опоздаем!

Малколм механически вымыл руки и отпер дверь.

– Ты... – недовольно начал Рик и осекся, увидев его лицо. – Что с тобой?

Малколму не хотелось обсуждать это с ним, но он не чувствовал сил остаться со своим страхом один на один.

– У меня... кровь...

– Из носа?

– Хуже, – Малколм скосил глаза вниз.

– Черт... – понял Рик. – Слушай, это уже не шутки. Тебе надо к врачу.

– Никакой врач мне не поможет, – покачал головой Малколм. "Если, конечно, не считать одну недоучившуюся студентку с медфака..."

Хуже всего то, подумал он, что и она не может, собственно, *помочь*. Она не в состоянии лечить. Она может это остановить, но не откатить назад. Только если организм справится сам. Но если окажется, что нанесенный ему вред уже слишком велик...

– Тогда что ты собираешься делать? – требовательно спросил Рик.

Идти к ней, конечно же. Этой же ночью. К черту все эти игры в гордость и твердость.

Малколм запустил руку в волосы, провел пальцами по шевелюре, словно гребнем, потом посмотрел на них. Ну да. Волосы продолжали выпадать. Их было не так много, как в субботу, но это просто потому, что он недавно мыл голову.

Рик проследил направление его взгляда.

– Идти на лекцию, – выдавил из себя Малколм ответ на его вопрос. – С остальным... я разберусь... потом.

Он надеялся, что учеба поможет ему отвлечься от страха, но все выходило наоборот – страх отвлекал от учебы. Самая страшная книга на свете, подумалось Малколму – это не романы в жанре "хоррор", а медицинский справочник. Интересно все же, что бы сказал ему врач... несомненно, поставил бы вполне материальный диагноз, и вполне возможно, пока не особо пугающий. Что-нибудь, легко излечимое таблетками. Но в том-то и дело, что в его случае на каждую залеченную проблему будут возникать новые, еще худшие. Синдром джессикодефицита, да.

Обежать он в этот раз не отважился, да и желания не было. Лишь выпил пару стаканов сока. Рик к нему больше не подсаживался, а с последней пары вообще свалил – надо полагать, готовить костюм к своей мегавечеринке. Вернувшись в общагу (комната была пуста), Малколм снял верхнюю одежду и со страхом направился в туалет.

Открыв дверь, он чуть не налетел на мертвеца. Мертвец в черном костюме старомодного покроя и белой рубашке, заляпанной кровью, стоял перед раковиной, придирчиво изучая в зеркало свое полуразложившееся лицо. Повернув голову в сторону открывшейся двери, он хищно уставился на Малколма и зловеще провыл: "Мозги-и-и..."

– Да! – сердито ответил Малколм, в первый миг и впрямь оторопевший от этого зрелища. – Тебе бы они точно не помешали!

– Ты зацени грим! – гордо воскликнул Рик. – Целый час уже накладываю!

На полочке над раковиной, как теперь заметил Малколм, помимо обычных зубных щеток и пасты теперь красовались полдюжины каких-то баночек и флаконов, как в грим-уборной актрисы. Лицо Рика не было всего лишь разрисовано – гниющие язвы и свисающие клочья кожи выглядели вполне трехмерно и натурально.

– Потом еще час смывать придется, – ответил Малколм. – Актерам за такое хотя бы деньги платят.

– Просто ты не умеешь веселиться.

"Если бы ты видел то же, что и я, Рик, – подумал Малколм, – тебе бы не показалось, что это весело. Совсем бы не показалось." Но вслух он сказал лишь: – Выйди. Мне надо...

– Окей. Не опрокинь тут ничего, я еще не закончил!

Когда за Риком закрылась дверь, Малколм расстегнул джинсы, отчаянно надеясь, что на сей раз с его мочой все будет в порядке...

Увы.

Рик все понял по его лицу.

– Все плохо, да?

– Не хуже, чем утром, – буркнул Малколм.

– И что? Пойдешь сегодня к ней?

– Ты чертовски проницателен. Не пробовал зарабатывать, предсказывая будущее?

– Кстати, о предсказателях. От Лайзы так и нет никаких известий. Куда бы она ни уехала и как бы ни была там занята, могла бы ответить хоть одной фразой? Ну хоть "не доставай меня больше"? Я ей оставлял сообщение и голосом, и текстом – "просто отправь пару слов, что ты жива и в порядке". Ничего.

– А кто ты такой, чтобы она тебе отвечала? Ты ей не друг и не родственник.

– Ну, не знаю. Если на улице даже незнакомый человек с тобой здоровается, ты же ему отвечаешь? Это же несложно? Хотя, – добавил Рик, – ты, возможно, и не отвечаешь...

Малколм промолчал и завалился на свою кровать. Хорошо бы заснуть и проспаться, ни о чем не думая, до темноты... Рик тем временем вернулся в свою "гримерную". Удовлетворившись, наконец, степенью собственного разложения, он засобирился на выход.

– Святая вода не работает, – сказал он вдруг уже от двери.

– Что? – переспросил Малколм.

– Просто чтобы ты знал.

– Ты... – до Малколма дошло, – ты что, поливал ее скамейку святой водой?!

– Собственно, я и не верил, что из этого что-то выйдет. Но почему не попробовать?

– Какого черта, Рик?! Я что, просил тебя? Разрешал тебе?!

– Нет, конечно. Ей не в чем обвинить тебя. Это все только я.

– Дело не в этом!

– А, ну да. Ты все еще ее любишь. Ну извини за то, что пытался спасти твою жизнь, – Рик вышел.

Желание Малколма сбылось – некоторое время спустя он действительно уснул и проснулся уже в полной темноте. На мгновение его охватила паника – что, если он продрях не только весь вечер, но и всю ночь и не успеет в парк до рассвета? Но, сверившись с мобильником, он убедился, что еще нет полуночи. Как раз вовремя.

Перед выходом он проверил снотворное в кармане. Вероятно, сегодня ему придется им воспользоваться – вряд ли в ближайшие часы он сможет заснуть снова естественным путем. Впрочем, особо бодрым он себя тоже не чувствовал. Даже привычный уже рюкзак показался ему излишне тяжелым. Возможно, это все проявления того, что с ним происходит. Как там говорила Лайза о Карсоне? "Она высасывала из него жизнь." Нет, Джессика, ты не можешь так со мной...

На улицах перед фасадами домов то тут, то там светились изнутри оранжевым традиционные тыквы и мигала красными электрическими глазами надувная и пластмассовая нечисть. В одном из дворов ярко сиял даже робот R2D2 из "Звездных войн", и Малколм с усмешкой подумал, что Хэллоуин все больше теряет свой смысл – уж космические роботы-то какое отношение имеют к потустороннему миру... Все еще попадались и припозднившиеся компании ряженных детей, собирающих конфеты – в отличие от безмятежных былых времен, когда слово "педофил" встречалось только в специальной литературе, их непременно сопровождал кто-то из взрослых, как правило, тоже в костюме. Малколм подумал, не выглядит ли и он сам ряженным со своим рюкзаком.

Однако после того, как Малколм вышел на ведущую к парку деловую улицу, застроенную магазинчиками и офисами (более солидными, чем там, где работала Лайза, но сейчас, разумеется, закрытыми), всякие признаки праздника исчезли. Малколм очень надеялся, что не нарвется ни на кого и в парке. Детям там, разумеется, в это время делать уже нечего, но какие-нибудь великовозрастные балбесы типа студентов родного универа вполне могут устроить ночную тусовку...

Но парк в очередной раз встретил его тишиной, темнотой (фонари уже погасли) и полным безлюдьем. Жаждающие развлечений студенты, очевидно, отрывались на той же вечеринке, что и Рик, или на ее меньших клонах. Холодный пустой парк безлунной осенней ночью едва ли мог привлечь хоть кого-то, желающего веселья.

Даже на Малколма, обычно любившего ночь и одиночество, сегодня эта атмосфера действовала гнетуще, и прежде, чем проглотить таблетку снотворного, он пожелал, чтобы там его встретил ясный солнечный день. Закрыв глаза, он старательно воображал полуденное солнце (сейчас ему захотелось, чтобы это был именно полдень), голубизну озера, теплый летний ветерок в зеленой листве...

– Привет, – услышал он знакомый, но печальный голос и открыл глаза.

Тщательно представленный им летний день исчез, демонстрируя напрасность усилий. Вокруг по-прежнему была лишь холодная темнота. И в этой тьме он смутно различал силуэт на скамейке рядом. Как выглядит ее лицо, разглядеть было невозможно.

– Привет, Джессика, – ответил он наигранно бодрым тоном. – А нельзя тут как-нибудь включить свет?

– Это твой сон, а не мой, – ответила она.

"Я... видимо, я боюсь увидеть, какая она сейчас, – сообразил он. – Поэтому и... А если поднять дом и действительно зажечь светильники? Наверное, тогда у нас впервые возникнут перебои с электричеством. Ну ладно. Попробуем пока так."

– Ты знаешь, что... – ему вдруг стало стыдно конкретизировать, – что происходит с моим здоровьем? Ты можешь это остановить?

– Я пыталась, Малколм! – в ее голосе звучало страдание. – Меньше всего я бы хотела зла тебе! Но... я не могу без тебя. Это, наверное, очень пошло звучит... но не в нашем случае. Ты ведь знаешь теперь, на что похожа моя... мое существование, когда ты не со мной.

– Да уж! – поежился Малколм. – Но... что же нам, в таком случае, делать?

– Быть вместе, – ответила Джессика тоном констатации очевидного. – Разве не этого мы хотели с самого начала?

"Это безвыходная ситуация, – понял Малколм. – Сейчас меня убивает ее любовь. Я мог бы сделать что-нибудь... плохое, чтобы она разлюбила меня. Разочаровалась во мне. Но тогда

меня убьет ее гнев и презрение, как Карсона. Единственное, что могло бы меня спасти – это ее равнодушие, а вот этого-то как раз теперь уже не добиться..."

– И если я снова буду приходиться к тебе каждую ночь, мои проблемы со здоровьем прекратятся? – спросил он вслух. – Этого будет достаточно? Ты не будешь тосковать по мне днем?

– Ты не совсем понимаешь, – мягко возразила Джессика. – Дело не только во мне, но и в тебе тоже. Мы... слишком хорошо настроились на волну друг друга. Теперь это наша общая волна. Мы теперь действительно две половинки... опять пошлая фраза, да? Но опять верная, в нашем случае. Или, знаешь, как в физике есть запутанные частицы. Если что-то происходит с одной, то же происходит и с другой...

"Запутанные, да, – подумал Малколм. – Подходящий термин."

– Так сколько ты можешь выдержать без меня? – повторил он свой вопрос. – И... я без тебя, если на то пошло? И будет ли *это* прогрессировать? Как у наркоманов, которым нужна все большая доза?

– Так вопрос не стоит, – ответила Джессика. – Это не химическая реакция, где все можно просчитать. Одно дело – ждать, когда точно знаешь, что встреча будет. Совсем другое – мучиться в неизвестности. Хотя... слишком длительное ожидание, даже если знаешь, что все в порядке... Тебе, конечно, проще – ты можешь занять себя чем-то другим...

"Я уже никогда не уеду из этого города, – обреченно понял Малколм. – То есть, может быть, она будет отпускать меня на пару дней, ну максимум на неделю. Если это не будет прогрессировать. Но жить и работать мне придется здесь. И ходить в парк каждую ночь. До конца жизни. Иначе этот конец настанет гораздо раньше. И еще неизвестно, что *потом*."

Затем ему пришла в голову еще одна мысль: "Тебе еще повезло. У тебя останется свобода хотя бы в пределах города. Подумай, каково приходится ей..."

Джессика, должно быть, почувствовала нахлынувшие на него чувства.

– Не грусти, – сказала она. – Нам нельзя грустить, так мы сделаем друг другу только хуже. Лучше подумай, как мы можем быть счастливы вместе. Твоя радость – моя радость.

Малколм молчал. Одна часть его сознания не могла поверить, что все это действительно происходит с ним, что его жизнь отныне предопределена и поделат с этим ничего нельзя. Другая нашептывала утешительно: а может, все вовсе не так плохо! Вечная любовь, да. Настоящая, *чистая*, а не лицемерно-пошлая надстройка над наркотической химией половых гормонов...

– Ты принес "Хоббита"? – спросила Джессика другим, подчеркнуто беззаботным голосом. – Хотелось бы все-таки досмотреть, что там дальше. Знаешь, книжку я в свое время так и не прочитала – она мне показалась слишком детской, а фильм неплохо так снят...

– Представь себе, со мной та же история, – усмехнулся Малколм.

– Ну да. Родственные души, как и было сказано, – по голосу он чувствовал, что она улыбается.

– Я и "Волшебника страны Оз" не осилил, – добавил Малколм. – Мне даже маленькому про космос больше нравилось.

– А "Питера Пэна"?

– Еще один гимн застою, – поморщился Малколм. – Вот уж чего бы я точно не хотел, так это навсегда остаться ребенком. Лет 20 – это еще куда ни шло... – он осекся.

Джессика молчала несколько секунд, и ему даже представилось, как она ответит: "Это можно устроить. Если ты и в самом деле считаешь, что это так здорово."

– Ладно, давай смотреть кино, – сказала она вместо этого.

Малколм достал ноутбук, подключил его к плазменной панели, затем обернулся к скамейке в поисках пульта – и застыл в полусогнутом положении.

Позади скамейки кто-то стоял. Не прямо за спинкой, а дальше, за оградой, прижимаясь к

вертикальным металлическим пикам. В темноте Малколм не мог различить никаких деталей – лишь неподвижный силуэт, но почему-то эта фигура заставила его мгновенно похолодеть от страха. Не только потому, что здесь вообще не должно было быть никого, кроме них с Джессикой. Что-то в этом ночном пришельце было... неправильное...

Малколм нашарил рукой кнопку на плазменной панели и нажал ее. Экран вспыхнул ровным светом – не настолько ярким, как направленный свет фонаря или прожектора, но достаточным, чтобы Малколм понял, *кто* стоит за оградой и смотрит на него.

Это был Брант. Его срезанное лицо мокро блестело, особенно безгубые челюсти – а вот глаз совсем не было видно, их, должно быть, съели какие-нибудь рачки. На самом деле блестело не только лицо (точнее, месиво сырой плоти, оставшееся на месте лица) – он был мокрый весь, словно только что вышел из воды. Он стоял, нелепо растопырив ноги. Его живот был распорот сверху донизу, и оттуда до земли свисали кишки и сочилась вода, смешанная с грязью и слизью.

В правой руке он держал мобильный телефон. Очевидно, тот самый, на который пришло погубившее его известие о смерти дочери.

– Джессика! – выдавил из себя Малколм, наконец сообразивший, что надо выпрямиться.

– Ты видишь *это*? Он настоящий?

Джессика обернулась и с тревогой посмотрела назад.

– Да, – ответила она, и в ее голосе прозвучала тревога.

– А... ты можешь его отсюда убрать?

– Но это *ты* держишь его здесь, Малколм! Ты должен разобраться с ним!

Малколм крепко зажмурился, представляя себе, что никакого Бранта там нет. Затем медленно открыл глаза...

Мертвец стоял на прежнем месте, устремив безглазый взор на своего убийцу. Ну да. Малколм уже имел возможность убедиться, что так просто это не работает.

– Он ведь не сможет войти сюда? – уточнил юноша дрогнувшим голосом.

– Не должен, – ответила Джессика, – но...

– Но нечего ему стоять там и пялиться нам в спину, – закончил он за нее. Его страх быстро уступал место гневу. – Я разберусь. Покончу с ним раз и навсегда.

Малколм решительно извлек из-под скамейки световой меч. С низким гудением выдвинулось плазменное лезвие. Годится ли оно против зомби? Уж наверное годится не хуже, чем обычные рыцарские мечи, которыми рубят нежить в фэнтези!

Быстрым шагом он подошел к ограде. Он уже видел губчатые водоросли, запутавшиеся в мокрых волосах Бранта, и черных слизняков, сосущих его разбухшую, гниющую плоть. Но, когда Малколм уже занес меч для удара прямо между прутьями, мертвец вдруг сделал несколько шагов назад – и вновь остановился, слегка покачивая телефоном.

– Ах так! – воскликнул Малколм и сделал Z-образный взмах мечом, с легкостью перерубая прутья ограды. Плевать, восстановить их не составит труда... Он шагнул через проделанный проем; Брант снова отступил, уже поспешнее. У Малколма мелькнула мысль, что он вышел за пределы безопасного периметра, но с джедайским мечом ему ничего уже не было страшно. Даже хотелось поскорее опробовать оружие на чем-то поинтереснее древесных ветвей и металлических прутьев.

Малколм метнулся вперед, желая порубить зомби на мелкие куски. Мертвец вновь отпрянул, поднимая руку с телефоном, и его палец лег на кнопку вызова. Малколм понятия не имел, кому он собирается звонить (в полицию, ха-ха? или потревожит мирный сон доктора Блюменштраусса?), но интуиция почему-то подсказывала, что допустить этого никак нельзя. Малколм сделал прыжок, который, вероятно, заслужил бы ему похвалу ненавистного физкультурника, и сияющий багровым клинок с шипением пронзил мертвую плоть.

Но в тот же миг Брант все-таки сумел нажать на кнопку.

Вспышка озарила парк. Что-то сильно толкнуло Малколма в спину, и он полетел вперед

прямо на мертвеца...

– Малк... олм...

Страдальческий голос заставил его открыть глаза. Где-то позади трещал огонь, и в его неровных отсветах Малколм увидел лицо того, на ком лежал. У него было лицо зомби, но это не был Брант. И, судя по теплу его тела и пару частого прерывистого дыхания, он не был мертв.

Во всяком случае, пока.

Малколм сперва почувствовал горячее и мокрое под пальцами и лишь затем перевел взгляд на свою руку. Она сжимала рукоять оружия, вонзенного в грудь лежавшему. Конечно, это не был джедайский меч. Это был нож, и Малколм очень хорошо понял, какой именно.

Нож для снятия шкур. Тот самый.

– Рик... – потрясенно пробормотал он. – Я не хотел... Я думал...

– Я знаю, Малк... – Рик через силу попытался улыбнуться. – Ты видел не меня, а то, что она тебе показала... Но я не ожидал, что ты... так хорошо прыгаешь во сне...

Малколм соскользнул с него на землю, встав на колени, и сделал движение выдернуть нож, но Рик испуганно воскликнул:

– Нет! Не вздумай! Я истеку кровью! – это усилие заставило его закашляться, и изо рта полетели кровавые сгустки. – Звони 9-1-1... еще не поздно...

– Да, конечно, – пробормотал Малколм, оборачиваясь. Позади него пылали обломки скамейки. С левой стороны, там, где стоял его рюкзак, от нее не осталось, кажется, вообще ничего. Как и от самого рюкзака.

Первой мыслью Малколма было: "Мой ноут, блин, проклятье!!!", и лишь потом – "Джессика?!"

– Какого черта тут произошло? – снова повернулся он к Рикку.

– Бомба... в твоём термосе... *Она* бы не подпустила меня к скамейке ни с чем опасным... как Лайзу... это мог пронести только ты... не зная, что ты несешь...

"Слишком тяжелый рюкзак, да", – тупо подумал Малколм.

– Сегодня Хэллоуин... – продолжал Рик. – Когда граница... Сегодня ночью *она* была сильнее, чем обычно – но одновременно уязвимее... для оружия этого мира...

– Кто тебя просил?!

– Я должен был... спасти тебя... и... остановить... Вызови "скорую", пожалуйста!

– Ты чуть не урубил меня! – гневно воскликнул Малколм.

– Нет, я выманил тебя на безопасное... прежде чем...

– И мой ноутбук!

– Я куплю тебе новый, только позвони... скорее...

– Где ты взял бомбу? – прокурорским тоном осведомился Малколм.

– Ты не представляешь, как просто... большинство ингредиентов... в обычном хозяйственном... кое-что позаимствовал с химфака... А теперь, если твое любопытство... – Рик взгляделся в лицо Малколма, и его глаза расширились от ужаса. – Не позвонишь?!

– Я не могу, Рик, – Малколм покачал головой и снова взялся за рукоять ножа.

– Это из-за нее? Но она бы убила тебя! И ты это знаешь! – кровь снова выплеснулась на губы Рика.

– Может быть. Но что я скажу копам? Что *ты* им скажешь?

– Я скажу... что ты не виноват... что... я напугал тебя, и ты случайно...

– Уже второй человек, которого я режу ночью в парке этим ножом, – вновь покачал головой Малколм. – Никто не поверит ни в случайность, ни в самооборону. Прости, Рик, но я не хочу ни в тюрьму, ни в психушку. Тебе не надо было лезть в это дело. Я ведь предупреждал, – он выдернул нож.

Тот самый, да, с загнутым концом. Ну, он и не сомневался.

Рик пытался сказать что-то еще, но только кашлял, захлебываясь кровью. Ногти его рук в

агонии скребли землю. Ноги несколько раз судорожно дернулись. Затем всякое движение прекратилось. Малколм сидел над ним с поднятым ножом, ожидая, не придется ли нанести еще удар, но, кажется, это не понадобилось...

– Полиция! Бросьте нож!

Яркий луч электрического света ударил сбоку. Малколм испуганно обернулся. Ослепленный фонарем, он почти не видел лица копа, но ясно разглядел пистолет в его руке – той, что не держала фонарь.

Защита Джессики больше не действует. Возможно, этот патрульный уже несколько раз проезжал здесь, ничего не замечая – но только не теперь...

Однако он, похоже, один, и это дает шанс.

– Офицер... – пробормотал Малколм, лихорадочно соображая на ходу. – Я... только что нашел этого парня. Кто-то пырнул его ножом и убежал. Я пытался ему помочь... вытащил нож, но...

– Брось нож и подними руки!

– Да... – Малколм поднялся, поднимая руки, но по-прежнему держа в правой руке нож – брезгливо, двумя пальцами, не как оружие. – Я понимаю, как это выглядит, но тот тип, настоящий убийца, он может быть все еще где-то рядом... – говоря это, он медленно подходил к копу. – Вам бы лучше...

– Брось нож, я сказал!!! – рявкнул полицейский. – И стой на месте!

– Да... – Малколм остановился (далеко, черт, все еще слишком далеко!) – Вон он, вон, за деревьями! Позади вас! Берегитесь!

Очень избитый, очень примитивный трюк. Но когда ты один ночью в лесу (ладно, в парке) возле места преступления (и взрыва и пожара вдобавок), ты никогда не можешь быть уверен, что это трюк, не так ли?

На миг, на один только миг полицейский обернулся. Малколм бросился вперед, сжимая в кулаке нож. О, это был великолепный бросок. Смертельная опасность мобилизует все силы. Если бы ненавистный физкультурник увидел *это*, он бы предложил ему место в сборной.

Но коп все-таки оказался быстрее. Он развернулся и выстрелил уже практически в упор. Пуля вошла Малколму в левый глаз и вышла за левым ухом.

Звука выстрела он уже не услышал.

Доктор вздохнул, снял очки и принялся тщательно протирать их бархатной салфеткой. Это была его давняя привычка перед подобными разговорами. Говорят, медики циничны, и в значительной мере это так. Во время операции он не воспринимал больного, как личность – и иное было бы просто непрофессионально. Для него это было просто... операционное поле, совокупность тканей, оболочек, сосудов, с теми или иными патологическими изменениями, которые надлежало устранить или, по крайней мере, смягчить. И даже если все кончалось плохо... что ж, по крайней мере, пациент уже ничего не чувствовал.

Но его близкие чувствовали, и объясняться с ними было самой тяжелой частью его работы. Наверное, он никогда к этому не привыкнет. Но что уж тут поделаешь... медицина не всесильна, а он не бог. Даже если перед операцией на него и смотрят, как на бога.

Доктор надел очки и вышел к ожидающей его паре. Высокий худощавый мужчина, еще не старый, с суровым костистым лицом, обрамленным аккуратно подстриженной бородой, обнимал за плечи полноватую невысокую женщину с заплаканными глазами. Но сейчас она не плакала. Она смотрела на доктора с надеждой.

– Начну с хорошей новости, – бодрым голосом сказал он. – Его состояние стабилизировалось. По всей видимости... я не могу давать стопроцентные гарантии, я не господь бог, но, скажем так, с вероятностью 99% он будет жить.

Женщина выдохнула с облегчением, но мужчина лишь крепче сжал ей плечо – от него,

конечно, не укрылось, что если есть хорошая новость, есть и плохая.

– Вы должны понимать, насколько мало было шансов, – продолжал врач. – Сквозное ранение головного мозга... медицине известны случаи, когда пациенты выживали после таких ранений, но их не так много. Самый удивительный, пожалуй, произошел в 1848 году, когда железнодорожному строителю Финеасу Гэйджу в результате взрыва пробило голову насквозь железным ломом диаметром в дюйм с четвертью – намного больше калибра любой пули. Тем не менее, спустя всего несколько минут он пришел в себя и смог двигаться и говорить...

– Доктор, нас интересует не Финеас Гэйдж, – перебил его мужчина.

– Да, конечно. К сожалению, в случае вашего сына не все так хорошо. Левое полушарие получило значительные повреждения, и глаз, конечно, утрачен безвозвратно, хотя в то же время правое полушарие не пострадало. А это значит, что, теоретически, личность могла сохраниться без... существенных изменений. Луи Пастер, к примеру, сделал свои знаменитые открытия, имея лишь одно функционирующее полушарие...

– Теоретически? – вновь перебил мужчина. Он, похоже, сразу выхватывал суть.

– К сожалению, ваш сын остается в глубокой коме, и все наши попытки вывести его из таковой остаются безуспешны. Я не могу с уверенностью указать, что именно препятствует его... возвращению – мы, к сожалению, все еще знаем о мозге слишком мало – но, опираясь на мой опыт и доступные публикации...

– Он придет в себя? – на сей раз доктора перебила женщина. – Хоть когда-нибудь?

– Я бы оценил вероятность этого как очень низкую, – мягко ответил врач. – Хотя, конечно, всегда остается место для надежды.

Он думал, что она снова заплачет, но она не заплакала. Только прижалась головой к плечу мужа.

– Может быть... извините, если это прозвучит цинично, но, может быть, так лучше для него же, – негромко добавил доктор. – Насколько я знаю, против него выдвинуты очень серьезные обвинения...

– Он не делал этого! – сердито воскликнула женщина. – Только не Малколм!

Мужчина успокаивающе погладил ее по плечу.

– Я, сами понимаете, не следователь и не могу об этом судить, – развел руками доктор. – В своей области, во всяком случае, я сделал все, что мог. Будем надеяться на лучшее; это все, что остается...

– Да, – ответил мужчина, – мы понимаем. Спасибо вам, доктор, – он развернулся, увлекая за собой жену, и они вышли в коридор.

Позже, осматривая, как заживает рана пациента (она заживала хорошо, учитывая тяжесть ранения и сложность операции), доктор думал, что был не вполне искренен с его родителями, употребляя слова "хороший" и "лучше". Сам он не считал, что они применимы к такому исходу. Как врач, он был обязан бороться за жизнь пациента, несмотря ни на что, но для себя лично в такой ситуации он предпочел бы смерть. Хотя по сути это и была смерть... энцефалограмма не показывала никакой активности мозга. Доктор раздвинул пальцами веки единственного оставшегося у пациента глаза, чтобы увидеть то, о чем он и так хорошо знал: неподвижный, неестественно расширенный зрачок, не реагирующий на свет. На какой-то миг черный круг этого зрачка вдруг показался ему зевом колодца, уводящего в темную пустоту, где нет ничего, кроме клубящегося тумана... представилось *вечное* блуждание в этой пустоте – причем так ясно, словно он и в самом деле оказался *там*. Он невольно отдернул руку; глаз закрылся, и иллюзия исчезла. Разыгралось воображение, подумал доктор. Разумеется, в таком состоянии не может сохраняться никаких остатков сознания. В интернете достаточно баек, утверждающих обратное, но это не более чем околomedicalный фольклор... Доктор кивнул медсестре, ожидавшей команды, чтобы сделать новую перевязку, и вышел из палаты.

– Благодарю вас, мэм, – служащий вложил в папку подписанный ею чек. – Позвольте заверить вас, что скамейка и табличка будут восстановлены в самое ближайшее время. От имени города и администрации парков хочу еще раз принести извинения за эту прискорбную...

– Ничего, – перебила она и вежливо улыбнулась, – вы тут не виноваты.

– Нет, – возразил служащий, – безопасности парка и в самом деле уделялось недостаточное внимание. Как вы, возможно, знаете, это стоило должности начальнику полиции. Позвольте вас заверить, что теперь парк тщательно патрулируется каждую ночь, и ничто подобное не повторится.

– Надеюсь, – кивнула она, защелкнув сумочку. – Хорошего дня.

– И вам, мэм.

Она вышла на улицу из громоздкого административного здания и невольно прищурилась. Солнце светило ярко, совсем по-весеннему, несмотря на ноябрь. Но было холодно, совсем не так, как у нее дома. Хотя в горах тоже бывает холодно, и даже выпадает снег.

"Ну вот, я сделала это, Джессика, – подумала она. – Надеюсь, ты довольна."

По правде говоря, это было самым легким из того, что ей пришлось сделать за последнее время. Та гадалка доставила куда больше хлопот. Оказалась чересчур умной, да (Памела всегда говорила, что быть слишком умной тоже плохо, хотя Джессика и смеялась над ней за это.) Она, то есть гадалка, а не Джессика, не только сумела разыскать Памелу, но и имела наглость обвинить ее во лжи. "Вы не были на похоронах вашей сестры вовсе не из-за родов. Ваш первый ребенок родился за два месяца до этого." Ну да, Билли родился в июле, хотя должен был в сентябре. Беременность спровоцировала резкое обострение пиелонефрита, который у нее, как оказалось, был уже давно, но протекал бессимптомно. Она всегда ужасно боялась врачей и избегала обращаться к ним до последнего... (Когда Джессика поступила на медицинский, то шутила, что теперь на свете будет хоть один врач, которого ее сестра не боится.) Билли пришлось появиться на свет раньше срока, но его все-таки выносили. А вот его мать из больницы уже практически не вылезала. Повреждения почек оказались необратимыми, жить она могла только благодаря гемодиализу. И ждать донора. Только новая почка могла вернуть ей полноценную жизнь. Доноров обычно ждут долго. Некоторые годами. Не все дожидаются. И поэтому, когда она узнала... Нет на свете донора более идеального, чем родная сестра. Нет, потом она, конечно, ужаснулась. Но ее первым чувством была радость, и от этого никуда не денешься. Потом ей было стыдно за это чувство. Стыдно и... страшно. Ведь это было еще хуже, чем та зависть, которую она испытывала к Джессике, пока та была жива. Наверное, именно поэтому она никому не рассказывала – не считая тех, кто и так это знал – что в день, когда пепел Джессики развеяли над водой, она лежала в послеоперационной палате с ее почкой внутри. Хотя Джессика, конечно, все равно все знала. Она всегда все знала.

Какое-то время Памела очень боялась, что Джессика накажет ее. Особенно когда остальные Сильверы начали умирать один за другим. Но ее Джессика не тронула. Вряд ли из жалости. Наверное, у Джессики был для нее план. Памела была нужна ей в мире живых. Из-за почки или нет – Памела не бралась судить о таких вещах. Какое-то время она думала, что, быть может, Джессика хочет с ее помощью воплотиться в новом теле. Она рожала еще трижды – на сей раз консультируясь с врачами со всей возможной тщательностью. И все прошло успешно, три раза подряд, несмотря на ее... анамнез, так, кажется, называют это медики? Но всякий раз рождались мальчики.

Но этой девке, Лайзе, нужна была не почка. Ей нужна была ее кровь. Она так и сказала. То есть сначала она, конечно, показала, что Джессика сделала с ней (бrrrr, хорошо, что это не видели дети!), и рассказала, что она сделала с другими. Кое-что из этого Памела уже знала, но далеко не все. Она предпочитала не знать того, что ее не касается. Многие люди почему-то предпочитают поступать наоборот, и от этого на свете столько проблем. Та же Лайза – наглядный пример. После всех этих своих историй она сказала, что нашла способ... запечатать

Джессике выход в мир живых. Но для этого нужна кровь. Лучше всего – самой Джессики, но, коль скоро таковая не сохранилась, должна подойти и кровь ее родной сестры. Ритуал нужно провести в ночь Сауина, который теперь называют "Хэллоуин".

Фактически, это было покушение. А действия Памелы, соответственно – законной обороной. Хотя гадалка не угрожала ей оружием и говорила, что возьмет лишь неопасное для здоровья количество крови. Столько, сколько берут у доноров. Этого должно было хватить. Но неважно. Достаточно уже того, что она покушалась на Джессику.

Столкнуть слепую с лестницы – дело совсем не трудное. Правда, она умерла не сразу, пришлось добивать ее головой об пол уже внизу.. (Этой мерзкой лысой головой, да. Не очень удобно, когда нет волос и даже двух ушей, за которые можно ухватиться.) А вот ее младшая сестра доставила больше хлопот. Если бы не своевременная помощь Алекса, она могла бы вырваться и поднять тревогу.

Видит бог, Памела не хотела причинять боль этой девушке. Она вообще не любит делать людям больно. Даже никогда (ну ладно – почти никогда) не шлепала собственных детей, если те расшались. А эта девчонка, в отличие от мерзкой гадалки, даже не была ни в чем особо виновата – Лайза просто таскала ее с собой в качестве... собаки-поводыря. Водителя машины и все такое. Но... они с Алексом должны были выяснить, знает ли кто-то еще об этой поездке двух сестер (и главное – о ее пункте назначения), и если знает, то как его имя и адрес. Поэтому они не могли подарить ей быструю и легкую смерть. Очень жаль, но они не могли поступить иначе.

Как оказалось, не знает больше никто, и это очень упростило дело. В горах Калифорнии достаточно мест, где никто не станет искать трупы. А машину, на которой они приехали, Памела отогнала обратно в аэропорт и оставила там на стоянке. Там не обязательно возвращать машину лично – достаточно оставить с ключами внутри на стоянке прокатной конторы; это сделано для удобства улетающих ночными рейсами, когда прокат не работает. Потом Алекс приехал за ней и отвез домой.

Алекс, на самом деле, не верит в Джессику, но это неважно. Важно, что в итоге он все равно делает так, как хочет Памела, даже если поначалу и ерепенится. Вряд ли он хотел кого-то убивать (Памела тоже не хотела), но после смерти Лайзы обратной дороги уже не было. Ему оставалось либо покрывать жену, либо сдать ее – а последнее разрушило бы его жизнь, как личную, так и профессиональную. Если вы – помощник шерифа, и ваша супруга – убийца, это не очень способствует карьере. Зато, если расследование исчезновения этих двоих все же докатится до их округа и их города, именно Алекс и будет тем, кому поручат проверку. К счастью, он оценил ситуацию быстро и правильно. В полицейской академии этому учат.

Хорошо, что больше никого не пришлось убивать. Памела предпочла бы никогда этого не делать. Но, конечно, если потребуется...

"Я сделаю все, Джесс, – мысленно повторила она. – Все, что ты только захочешь. Только, пожалуйста, *не трогай больше моих детей!*"

Над озером сияла луна, уже пошедшая на убыль, но еще достаточно яркая, чтобы расстелить по чуть подернутой рябью воде широкую дорожку и наполнить призрачным светом полупрозрачные облака. Словно бросая ей вызов, между деревьями ночного парка замелькал другой круглый источник света – не столь величественный, но на ограниченном расстоянии даже более яркий. Захрустели ветки под форменными ботинками, и на берег, светя фонарем, вышел молодой парень в полицейской куртке. Его звали Дэвид Винтон, он был совсем недавно произведен из кадетов в труперы²⁹ и получил, таким образом, право (и обязанность) самостоятельного патрулирования. Сегодня был его черед обходить ночью парк. На самом деле, на Дэвида как на новичка это задание спихивали с особой охотой, поскольку мало кто хотел

29 Тгоорег – низшее звание в ряде разновидностей американской полиции

этим заниматься. После неприятностей, случившихся прошлой осенью, новое начальство решило, как водится, что лучше перебдеть, чем недобдеть, как прежде, и требовало, чтобы ночные патрульные именно обходили парк, а не объезжали его на машине. Из автомобиля-де, способного проехать только по аллее, в темноте невозможно увидеть, что делается за пределами дорожки и особенно на расположенных у воды скамейках. И хотя, разумеется, полицейским положено поддерживать физическую форму, эти пешие прогулки длиной в три с половиной мили радовали отнюдь не всех – но младшим чинам оставалось лишь ворчать про себя и ждать, пока начальственный зуд вернется в разумные берега.

Однако Дэвид не возражал против таких нарядов, и вовсе не потому, что был младшим как по званию, так и по возрасту. Просто ему нравились ночь и одиночество, и свежий воздух парка, и тихий плеск озера, и луна и звезды над головой, если небо было ясным. Полицейские не обязаны быть грубыми мужланами, которым нравятся только пушки и тачки, разве не так? О нет, разумеется – если он встретит здесь нарушителя порядка, или даже маньяка-убийцу вроде того, которого подстрелил в прошлом году Пол Коул, ставший героем их отделения, он, конечно же, не станет читать преступнику стихи. Он будет действовать, как надлежит крутому копу, так что сам Пол Коул одобрительно хлопнет его по плечу. Но пока ничто не нарушает безмятежного спокойствия лунной ночи, почему бы не получать удовольствие от прогулки, за которую ему в придачу еще и платят? Это гораздо приятнее, чем скучать в припаркованной где-то на углу машине...

Обведя фонарем пространство вокруг – никого и ничего подозрительного, как всегда – Дэвид сделал несколько шагов назад и опустился на скамейку под деревом. Вообще-то рассиживаться во время патрульного обхода ему не полагалось, но никто все равно не узнает – и не пострадает – если он посидит тут минут десять, любуясь озером под луной.

Кажется, это та самая скамейка, у которой Коул застрелил маньяка, ранее уже выпотрошившего одну жертву и теперь собиравшегося проделать то же со второй. То есть нет, не та самая – ту этот тип зачем-то взорвал, это новая, установленная на том же месте... Откуда только берутся такие люди? Ведь не какой-нибудь отморозок из гетто – университетский студент из приличной семьи, никогда никаких проблем с законом... А уж скамейка-то ему чем помешала?!

На спинке скамейки была необычайно большая мемориальная табличка, и Винтон посветил на нее фонарем. Нет, она была посвящена вовсе не жертвам Мартинсона (как звали того психа). Судя по датам, она была установлена тут гораздо раньше – то есть опять, очевидно, не она, а ее предыдущая копия.

Всю левую часть таблички занимала фотография совсем юной девушки, такой прекрасной, что у Дэвида защемило внутри. Как трагически неуместны подобные фото на мемориальных знаках! Конечно, какая-нибудь невзрачная толстуха имеет ничуть не меньшее право на жизнь и на сочувствие. И все же, когда мир безвременно покидает такая светлая, чистая красота... Или, может быть – мелькнула робкая надежда у Винтона – это просто молодое фото женщины, на самом деле прожившей долгую и счастливую жизнь?

Увы, текст справа опровергал эту гипотезу.

"Светлой памяти Джессики Сильвер

10/1/1986 – 9/16/2006

Каким бы прекрасным ни был этот закат, ему не сравниться с таким чудесным, заботливым, любящим и отзывчивым человеком, какой была наша Джесс.

Навеки в наших сердцах

Мама Папа Мел Тед"

Ниже столбиками мелким шрифтом шли еще три дюжины имен, образуя квадрат шесть на шесть, из которых Дэвид прочитал лишь первую строчку – "Воррен Сью Кэрл Чет Кэти Малколм..."

Малколм? Разве не так звали Мартинсона? Впрочем, мало ли на свете Малколмов, разумеется. И родственники Джессики уж наверное знают, чьи имена тут помещать! Тем более что Мартинсон никак не мог знать эту девушку, он был тогда еще ребенком... Почему он все-таки пытался разрушить *ее* скамейку? Неужели этот чертов псих был еще и женоненавистником? Хотя обе его жертвы – мужчины...

А ведь он все еще жив, вспомнил Дэвид с отвращением. В коме, но жив. Как и множество маньяков и прочих выродков в тюрьмах, которых теперь уже почти не казнят. Почему, ну почему всякая погань живет, а вот эта милая, чистая, чудесная девушка, так открыто улыбающаяся миру, не дожила даже до двадцати?

Дэвид робко коснулся ее лица, провел пальцами по ее волосам, ощущая вместо их нежной мягкости лишь холодную твердость металла.

– Мне так жаль, Джессика, – сказал он.

2017

PS. *Несколько реальных историй из интернета, присланных автору после публикации "Джессики":*

I am in love with a dead person. How do you deal with it

Wolf Andrew · Follow

1y

You can't really deal with the pain. But you can do some things, depending on your specific case. Let me tell you about mine.

I am in love with a girl that i never met, she died 22 years ago at the age of 24.5 years. I accidentally saw her grave almost 5 years ago and since then I bring flowers and presents to her grave each week. I want to meet her parents, they also visit her grave. I left 2 letters for them at the grave, but recieved no answer yet. I think they are maybe afraid to meet me.

I dream about her and her parents regularly, although i never met anyone of them. If youan Lucid dream, you can create her/him in your dream, like i do sometimes. Those dreams are some kind of meeting the deceased person, but can also cost you to be very very sad in awake state, when you think about the dream you had.

Second thing is, as i already mentioned, trying to contact the family of the deceased, become friends with them and eventually they could tell you about her/him and their live. They could also show you photos of the deceased that you fell in love with.

I had no luck yet to understand anything about her and I'm really sorry that her parents decided not to meet me for whatever the reason is.

Feel free to ask me or contact me if you want about that topic. i hope i helped :)

JC Lawrence · [Follow](#)

4y

Yes, no doubt. I fell in love, not lust, but an indescribable unconditional love with someone who passed on when I was only 13. I am now in my mid 50's and still dream of him, he visits me in my dreams (never often enough) I cry for days sometimes, and the ache in my heart for our souls to reunite is almost more than I can bear. I've tried many times to have relationships but none worked out so I live alone just waiting for the time my soul can be set free. He told me many years ago, in a dream while touching my face and looking into my eyes, "you have to let me go or it will hurt you in the end", needless to say I've never been able to let go. My heart goes out to anyone experiencing this but then again we are so fortunate to have such a deep connection to another soul and to feel unconditional soul deep love.

I fell in love with a dead person

I'm 15m, I fell in a love with a girl who is dead. I've been struggling with depression for a few months. It's slowly starting to get better, so that's good I guess. I don't talk to anyone anymore besides my family. I don't have any friends anymore. I could get friends if I wanted to. I read about this story about a girl who was killed in a brutal accident. The story made me sad and it also creeped me out for some reason. I searched up what the girl looked like and I instantly fell in love with the girl in the picture. She was so beautiful. I drew a picture of her and I can't stop thinking about her. I know I sound like such a degenerate. I'm deep in the trenches.

r/offmychest • 7 mo. ago
PsychoKiller1000

Join

I'm in love with a dead girl

Ok so I'm a bit weird, I went to the cemetery near my house, and saw this headstone from behind, and it was like a shining light pulling me towards it, when I went to it and read it I felt really interested in this person, I sat there for a while. I left and came back with a gift that same day (it was valentine's and I felt a desire to give her a gift) ever since I keep going back to this grave, I've researched who she was and stuff, I'm honestly just so obsessed, I get weird looks cos I'm the emo kid in the cemetery but I love being with her, it makes me feel less lonely. When nobody was around to see I decided to lie down directly on the grave and it was an amazing feeling, I've never felt so close to someone, whenever I go to her grave there's rainbows most of the time and I believe this to be a good sign, I feel like I get signs from her in music, whenever I think about her songs I associate with her play on their own, I'm in love with her I know it, her name is Georgina and she died in 1902